И 131/629
т. II

И 131/629

М. ГРУЛЕВЪ

Въ Штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА И КОМАНДИРА ПОЛКА О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ

Часть II-я

ОТЪ ЛЯОЯНА ДО КОНЦА ВОЙНЫ

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная 14
1909

2548.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

21050-44

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

2007096542

Содержаніе.

Отъ автора.

ГЛАВА I.

Отъ обороны къ наступленію (стр. 1—44).

Настроеніе послѣ Ляояна. Куда отступать? Остановка подъ Мукденомъ. Нравственная упругость арміи и ея полководца. Переходъ въ наступленіе. Общій взглядъ на минувшія событія. Расположеніе нашей арміи подъ Мукденомъ. Приготовленія къ наступленію. Полковая база. Поѣздка въ Мукденъ. Свѣдѣнія о противникѣ. Планъ наступательной операціи. Безконечныя приготовленія.

ГЛАВА II.

Страдные дни (стр. 45—114).

Начало наступленія. Быстрота и натискъ на новый ладъ. Наша демонстрація топтаніемъ на мѣстѣ. Наши первые бои. Атака Кедегоу и Улитайцзы 26 сентября. Наши трофеи. Бой 27 сентября. Бой 28—29-го сентября. Наше отступленіе 30 сентября. Бой подъ Даліантунемъ. Бой на Шахе. Финалъ операціи. Общая характеристика операціи. Планы генералъ-адъютанта Куропаткина и маршала Ойямы. Причины нашихъ неудачъ.

ГЛАВА III.

Первая Линшинпу (стр. 115—169).

Послѣ Шахейскаго сраженія. Боевая и житейская обстановка. Наша штабъ-квартира въ Уенченпу. Назначеніе генералъ-адъютанта Куропаткина главнокомандующимъ вмѣсто адмирала Але-

ксѣева. Положеніе подъ Линшинпу. Памятная ночь 17—18 октября. Жизнь и служба въ окопныхъ катакомбахъ подъ Линшинпу. Ночныя атаки японцевъ. Совѣщаніе у командующаго корпусомъ. Посѣщеніе нашей позиціи и „моего домика“ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ. Мои именины подъ Линшинпу. Ночной поискъ нашихъ охотниковъ 9—10 ноября по всему фронту. Выходцы съ того свѣта, Ищенко и Харзаматовъ. Смѣна и кратковременная передышка.

ГЛАВА IV.

Мелочи боевой жизни (стр. 170—218).

Смѣна. Возвращеніе въ „мою фанзу“. Наша жизнь въ Уенченпу. Бивакъ подъ землей. Загадочный постъ. Итоги — убыли людей, израсходованныхъ патроновъ. Китайскіе сигнальщики. Изуродованный китаецъ и „бѣлые“ санитарные поѣзда. Георгіевскій праздникъ. Обстановка нашей жизни: пища, жилье, пріѣздъ гостей. Мои сожители — пѣтухъ и кроликъ; Алешка и Микишка. Хоръ пѣвчихъ. Воспоминаніе о Василіи Рябовѣ.

ГЛАВА V.

Вторая Линшинпу (стр. 219—273).

Мы укрѣпляемся. Отголоски изъ Главной Квартиры. Планы и намѣренія генералъ-адъютанта Куропаткина. Операціонный планъ новаго наступленія. Симмулированіе войны. Дѣятельность нашихъ охотничьихъ командъ. Наши ночные поиски въ Линшинпу. Характеристика сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Музыкальный вечеръ подъ Линшинпу. Ночные поиски японцевъ. Прибытіе запасныхъ на укомплектованіе. Сочельникъ. Японскія прокламаціи. Смѣна и возвращеніе въ Уенченпу.

ГЛАВА VI.

Третья Линшинпу, Инкоу, Сандепу (стр. 274—311).

Набѣгъ на Инкоу. Подготовка новаго наступленія. Что значитъ защитный цвѣтъ. Свѣдѣнія о противникѣ. Приказъ по III арміи какъ характеристика умственной слѣпоты нашего солдата. Характеристика и видъ японскихъ позицій съ воздушнаго шара. Тактическіе пріемы японцевъ. *Сраженіе у Сандепу:* идея новаго наступленія; положеніе II арміи передъ наступленіемъ; числи-

тельность сторонъ; планъ атаки; поддержка этой атаки нашимъ артиллерійскимъ огнемъ; неумѣстная организація подчиненности артиллеріи; моя вольная развѣдка Сандепу; ходъ сраженія; печальный результатъ; оффиціальное объясненіе причинъ новой неудачи. Смѣна и возвращеніе въ Уенченпу.

ГЛАВА VII.

Сраженіе подъ Мукденомъ (стр. 312—379).

Подготовка наступленія японцевъ. Обстрѣливаніе нашего фронта. Военный совѣтъ 8 февраля о переходѣ въ наступленіе. Нашъ планъ дѣйствій. Положеніе воюющихъ сторонъ въ срединѣ февраля. Силы нашихъ и японскихъ армій. Наша кордонная система. Атаки японцевъ на Цинхенченъ. Непосредственныя впечатлѣнія. Обходъ японцевъ. Приключеніе нашихъ охотниковъ. *Бой у Ланшаньпу 19 февраля.* Начало отступленія. *Схематическій очеркъ сраженія подъ Мукденомъ.* Программа нашихъ отвѣтныхъ демонстрацій; попытки перехода въ наступленіе. *Памятное отступленіе.* Прибытіе въ Илу. Арьергардныя стычки совмѣстно съ войсками I арміи. Критическое положеніе относительно продовольствія. Дальнѣйшее отступленіе на сѣверъ. Соединеніе съ войсками дивизіи и продолженіе отступленія. Остановка на Сыпингайской позиціи.

ГЛАВА VIII.

Конецъ войны (стр. 380—422).

Послѣ Мукдена. Во второй линіи. На мирномъ положеніи. Расположеніе въ Импань-Чидязѣ. Господство канцелярской переписки. Вѣсти изъ Россіи—нападки на офицеровъ генеральнаго штаба. Празднованіе Пасхи. Вѣсти объ эскадрѣ адм. Рождественскаго. Хозяйственныя заботы. Переходъ на новую стоянку. Начало мирныхъ переговоровъ. Миръ. Переходъ на зимнія квартиры. Возвращеніе въ Россію.

ГЛАВА IX.

Ближайшіе выводы (стр. 423—443).

Картографическія приложенія:

1. Общее положеніе сторонъ 15—20 сентября передъ началомъ Шахейской наступательной операціи.
2. Схема боевъ Псковскаго полка и войскъ 17 арм. корпуса 26—29 сентября на р. Шилихе.
3. Схема положенія и числительности японскимъ армій въ зимній періодъ.
4. Схема нашихъ и японскихъ укрѣпленныхъ позицій на р. Шахе въ концѣ 1904 и началѣ 1905 годовъ, на фронтѣ 17 корп. и сосѣднихъ войскъ.
5. Положеніе сторонъ передъ Мукденской операціей и во время этого сраженія.

Отъ автора.

Окончивъ первую часть моихъ воспоминаній сраженіемъ у Ляояна, я не предполагалъ скоро приступить къ изданію настоящей, второй части, этихъ воспоминаній, заключающихъ въ себѣ впечатлѣнія, пережитыя отъ Ляоянскаго отступленія до конца войны. Какъ извѣстно, Ляоянское сраженіе послужило вѣрнымъ показателемъ существованія такихъ смертельныхъ недуговъ во всей организаціи веденія нами этой войны, что дальнѣйшее продолженіе ея сулило только однѣ пораженія. Уже въ половинѣ сентября 1904 года—т. е. еще до нашего печальнаго наступленія для освобожденія Портъ-Артура—покойный Р. И. Кондратенко писалъ уже Стеселю (см. ниже стр. 415), что своевременно подумать о мирныхъ переговорахъ въ виду того, что—*„очень вѣроятно, что Государю доносятъ о событіяхъ, освѣщая ихъ нѣсколько вразрѣзъ съ дѣйствительностью. Истинное, правдивое, вѣрноподанническое донесеніе могло бы, можетъ быть, устранить большую бѣду отъ нашей Родины“*... Такъ думалъ не только покойный Кон-

дратенко—этотъ просвѣщенный слуга своего Государя и вѣрнѣйшій сынъ своей Родины; но это видѣли и предчувствовали многіе, относившіеся вдумчиво къ событіямъ на театрѣ войны.

И дѣйствительно,—послѣ Ляояна уже было очевидно, что эта злосчастная война проиграна была безвозвратно. Вотъ почему и въ настоящее время сердце не лежало къ тому, чтобы дѣлиться воспоминаніями и впечатлѣніями, пережитыми въ такое время, когда мы явно и неудержимо двигались по наклонной къ бѣдствію.

Въ концѣ-концовъ, однако, не хотѣлось отступить отъ начатой уже работы, и я рѣшился на изданіе также и второй части, поощряемый напоминаніями товарищей и снисходительнымъ отношеніемъ критики къ первой части моей работы.

Что касается сокровенной цѣли моихъ воспоминаній—и первой, и второй части—то очень прошу читателя просмотрѣть мое предисловіе къ *первой* части. Больше ничего прибавить не имѣю.

М. Грулевъ.

ГЛАВА I.

Отъ обороны къ наступленію.

Настроеніе послѣ Ляояна. Куда отступать? Остановка подъ Мукденомъ. Нравственная упругость арміи и ея полководца. Переходъ въ наступленіе. Общій взглядъ на минувшія событія. Расположеніе нашей арміи подъ Мукденомъ. Приготовленія къ наступленію. Полковая база. Поѣздка въ Мукденъ. Свѣдѣнія о противникѣ. Планъ наступательной операціи. Безконечныя приготовленія.

Послѣ сраженія подъ Ляояномъ армія наша отступила къ Мукдену и расположилась здѣсь на укрѣпленной позиціи. Въ первые дни, во время отступленія, неизвѣстно было — остановимся ли около Мукдена, или махнемъ дальше—„за одно ужъ отступатъ“—прямо къ Тѣлину... Всѣ увѣряли, что у генералъ-адъютанта Куропаткина именно было такое намѣреніе: не останавливаясь у Мукдена, отступать прямо къ Тѣлину. Такое рѣшеніе обусловливалось, вѣроятно, мрачнымъ настроеніемъ, нахлынувшимъ 20—23 августа послѣ ряда неудачъ, понесенныхъ нашими корпусами въ эти дни и послѣ большихъ опустошеній въ рядахъ нашей арміи, произведенныхъ одиннадцати-дневнымъ сраженіемъ; поэтому, когда генералъ-адъютантъ Алексѣевъ обратился къ генералъ-адъютанту Куропаткину съ вопросомъ—что онъ

думаетъ относительно Мукдена, онъ уклонился отъ прямого отвѣта, ссылаясь на то, что еще въ началѣ войны предусматривалась возможность оставленія Мукдена и отступленіе далѣе на сѣверъ.

Но какъ только прошли кровавые дни и армія отступила въ порядкѣ, — сейчасъ же испарилось мрачное настроеніе и оно быстро замѣнилось розовыми надеждами на ближайшее будущее: генералъ-адъютантъ Куропаткинъ не только не думаетъ объ оставленіи Мукдена, но сейчасъ же думаетъ уже о скоромъ переходѣ въ наступленіе, предполагая на укрѣпленной позиціи подъ Мукденомъ... все-таки принять сначала *оборонительный* бой, и „затѣмъ сейчасъ же перейти въ наступленіе". Впрочемъ, таковъ бывалъ обычный ходъ нашихъ наступательныхъ замысловъ въ минувшую войну: мы постоянно все раскачивались для наступленія,—собирались съ силами, готовились, даже начинали наступленіе, но съ первыхъ же шаговъ, какъ только натыкались не на обозначеннаго, а на живого противника, переходили немедленно къ оборонѣ. Какой-то злой геній точно вытравилъ у насъ понятіе и значеніе наступательныхъ дѣйствій и ихъ преимущества передъ обороной, которыя мы такъ усердно зазубривали на школьной скамьѣ, точно это мертвыя прописныя истины.

По всеобщему отзыву, безусловно правдивому, рѣшеніе задержаться на позиціи подъ Мукденомъ было подсказано командиромъ 10-го корпуса, генералъ-лейтенантомъ Случевскимъ; какъ инженеръ, онъ командированъ былъ командующимъ арміей изъ Ляояна, чтобы осмотрѣть и оцѣнить укрѣпленную позицію подъ Мукденомъ и рѣшить—можетъ ли тамъ армія остановиться и принять бой вслучаѣ безоста-

новочнаго преслѣдованія со стороны японцевъ. Генералъ-лейтенантъ Случевскій уговорилъ командующаго арміей не бросать эту позицію безъ боя, на что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ согласился, предложивъ генералу Случевскому самому и занять укрѣпленія со своимъ корпусомъ, что и было исполнено.

Такимъ образомъ, на укрѣпленной позиціи на лѣвомъ берегу р. Хуньхе остался лишь 10-й корпусъ, прикрытый выдвинутыми далеко впередъ на р. Шахе авангардами,—въ томъ числѣ былъ и мой авангардъ у дер. Линшинпу; всѣ же остальные корпуса, за небольшими исключеніями, расположились на правомъ берегу Хуньхе. Не прошло и нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ расположенія, какъ армія наша послѣ отступленія отъ Ляояна быстро оправилась; оправилась не столько физически—что было само собою: подкрѣпилась новыми двумя корпусами, 1-мъ и 6-мъ, прибывшими изъ Россіи, пополнила боевые припасы и проч.,—но оправилась, главнымъ образомъ, морально: она быстро забыла только-что пережитое отступленіе отъ Ляояна и сама себѣ не повѣрила бы, что пережила катастрофу,—что вѣдь, въ концѣ-концовъ, японцы спихнули-таки насъ съ Ляоянской позиціи и сами стоятъ теперь на нашемъ мѣстѣ.

Таково сокровенное свойство русскаго солдата. Еще Фридрихъ Великій когда-то воскликнулъ послѣ сраженія подъ Цорндорфомъ, что „русскаго солдата недостаточно убить,—его надо еще повалить“, характеризуя этимъ нравственную стойкость русскаго солдата. Въ равной мѣрѣ это относится и къ генералъ-адъютанту Куропаткину, который, какъ дитя своего народа, проявилъ послѣ Ляояна—какъ и во

многихъ другихъ случаяхъ, до и послѣ Ляояна—большую моральную стойкость, т. е. онъ быстро и искренно позабылъ о понесенной неудачѣ подъ Ляояномъ, въ нѣсколько дней успѣлъ уже морально опять выпрямиться во весь ростъ, вызывая врага на новый бой:—„еще не все,—хотя и убилъ, а неугодно ли еще повалить"... Всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ командующій арміей, повидимому, былъ до нѣкоторой степени близокъ къ отчаянію—не иначе, если готовъ былъ бросить японцамъ безъ боя столицу Маньчжуріи, гор. Мукденъ, и плодороднѣйшую Мукденскую провинцію со всѣми нашими запасами и складами;—а едва лишь армія постояла и передохнула нѣсколько дней, японцы въ атаку не лѣзутъ, никто поддержки не проситъ, ни откуда нѣтъ тревожныхъ донесеній — какъ Куропаткинъ искренно забываетъ пережитый ударъ и снова стоитъ во весь ростъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Устойчивости характера въ критическую минуту мало: при первой неудачѣ мы близки къ отчаянію и готовы уйти возможно дальше отъ противника, бросая ему Мукденъ; и съ такой же легкостью переходимъ отъ отчаянія къ самоувѣренности. Только дѣтямъ свойственны такіе контрасты душевныхъ порывовъ—переходить отъ слезъ къ веселью, и наоборотъ.

Военный корреспондентъ „Berliner Tageblatt", полковникъ Гедке, характеризуетъ по-своему эту слабость характера въ минуту кризиса, рядомъ съ постоянной прирожденной упругостью душевной, очевидно не понимая этихъ особенностей нашего національнаго характера, мѣтко охарактеризованныхъ Фридрихомъ Великимъ,—что русскаго солдата недостаточно убить, а его надо еще повалить. Такой

„Ванька—Встанька“, какъ фениксъ изъ пепла будетъ вставать всегда послѣ какихъ угодно ударовъ судьбы; и въ этой слабости характера кроется въ концѣ-концовъ несокрушимая моральная сила и стойкость.

Разъ коснувшись этого вопроса, мы приведемъ здѣсь и отзывъ полковника Гедке о личности генералъ-адъютанта Куропаткина, хотя для этого приходится забѣжать далеко впередъ,—ко времени окончанія этой войны и заключенію мира, который, по мнѣнію бывшаго главнокомандующаго „былъ заключенъ въ тотъ моментъ, когда русскія войска были готовы къ бою и увѣрены въ побѣдѣ“. По мнѣнію полковника Гедке: „генералъ Куропаткинъ этимъ утвержденіемъ остается вполнѣ вѣренъ своему образу дѣйствій во время войны. Пока длилось перемиріе, пока не ожидалось рѣшающихъ событій, русскія войска всегда казались ему превосходящими японцевъ. Когда же передъ нимъ вставала грозная дѣйствительность, когда требовалось принять извѣстное рѣшеніе, онъ становился малодушнымъ и однимъ глазомъ всегда поглядывалъ назадъ. Между битвами подъ Вафангоу и Ляояномъ онъ дважды обѣщалъ своимъ войскамъ больше не отступать, и на слѣдующій же день отдавались приказы объ отступленіи! Въ битвѣ подъ Ляояномъ, гдѣ у него было преимущество въ количествѣ орудій и штыковъ, гдѣ его войска отбили всѣ кровавые приступы японцевъ—Оку уже началъ готовиться къ отступленію—онъ не умѣлъ использовать благопріятный моментъ. Маленькія неудачи, въ которыхъ самъ онъ былъ отчасти виноватъ, побудили его выпустить изъ рукъ вѣрную побѣду и снова начать отступленіе“.

„Ни одного разу за свое командованіе арміей не

опредѣлилъ онъ правильно взаимоотношенія воюющихъ сторонъ. Развѣдочная служба вовсе не была такъ плоха, какъ онъ находилъ, хотя кавалерія и не оказалась на высотѣ своего призванія. Только извѣстія, которыя побуждали идти впередъ, не принимались имъ во вниманіе; онъ вѣрилъ свѣдѣніямъ, оправдывавшимъ выжиданіе и стояніе на мѣстѣ. Ни разу не добивался онъ настойчиво побѣды, ибо не побѣда, а сохраненіе своихъ войскъ было основнымъ принципомъ его командованія. Неправда, что эти войска были неспособны выполнить наступленіе".

„Не взирая на многіе пробѣлы въ образованіи, въ началѣ кампаніи эти войска представляли высокую цѣнность въ духовномъ смыслѣ, а нижніе чины превосходный военный матеріалъ. Я и сейчасъ убѣжденъ, что не превосходство японцевъ главнымъ образомъ доставило имъ побѣду,— это была побѣда японскаго командованія надъ командованіемъ русскимъ".

„Нѣсколько разъ—вначалѣ мая, началѣ іюня, срединѣ іюля, концѣ августа 1904 года, въ концѣ января 1905 г.— положеніе русской арміи было настолько благопріятнымъ, что побѣда сама давалась въ руки,— не была лишь обманчивымъ миражемъ. Но вѣчно колеблющійся полководецъ не сумѣлъ овладѣть ею! Онъ никогда не зналъ цѣны времени, всегда такъ дѣйствовалъ, что противникъ имѣлъ возможность приготовиться. Карно былъ названъ организаторомъ побѣды, Куропаткинъ—организаторъ пораженія; даже не организаторъ отступленія, каковымъ выхваляютъ его. Избави Богъ каждый народъ отъ такихъ полководцевъ! Подъ ихъ предводительствомъ всякая война будетъ проигранной"...

Тутъ ровно половина свѣта и половина тѣни: у Куропаткина не хватало силы воли, когда это требовалось обстоятельствами; но зато онъ быстро забывалъ все, что случалось и снова съ бодрой душой шелъ на встрѣчу новымъ обстоятельствамъ, пытаясь извлечь „указанія“ и поученія всѣмъ начальникамъ до ротнаго командира включительно, но не умѣя для самаго себя, какъ главнокомандующаго, примѣнять уроки изъ пережитого прошлаго. Если про Бурбоновъ говорили, что они „ничего не забыли и ничему не научились“, то про Куропаткина можно было сказать послѣ каждой неудачной операціи, что онъ „все забывалъ и снова начиналъ“. Впрочемъ, тутъ рѣчь идетъ о свойствахъ характера, который дается каждому разъ навсегда...

* *
*

Напомню въ общихъ чертахъ событія пережитыя мною и Псковскимъ полкомъ за истекшее время и описанныя въ первой части моихъ воспоминаній. („Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока“).

Немедленно послѣ высадки изъ вагоновъ 8-го іюля я отправился въ Бенсиху вмѣстѣ со своимъ полкомъ. Въ Бенсиху подъ моимъ начальствомъ образовался самостоятельный отрядъ въ составѣ 5 баталіоновъ, $6^1/_2$ сотенъ и 6 орудій. Смѣненные Оровайскимъ полкомъ 15 августа, мы двинулись на соединеніе съ полками нашей дивизіи подъ Ляояномъ; по дорогѣ участвовали въ кровопролитномъ бою подъ Янтайскими копями, затѣмъ въ Тумынцзы—для связи между I и V сибирскими корпусами. При отступленіи отъ Ляояна—слѣдовали въ арьергардѣ, до остановки въ Хоашихе. Здѣсь арьергарды пере-

именованы въ авангарды. Армія вся сосредоточилась къ Мукдену большей частью на берегу р. Хуньхе, выдвинувъ авангарды поближе къ противнику. Такимъ авангардомъ былъ выдвинутъ и Псковскій полкъ, съ которымъ я теперь стоялъ на передовой позиціи между дер. Ингуа и Линшинпу.

Останавливаясь, главнымъ образомъ, на тѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, гдѣ мнѣ приходилось участвовать самому, я долженъ сейчасъ коснуться и общаго положенія воюющихъ сторонъ на театрѣ войны, такъ какъ вскорѣ послѣ отступленія нашей арміи къ Мукдену началась подготовка наступательной операціи для освобожденія Портъ-Артура; и эта операція при дальнѣйшемъ изложеніи была бы не во всемъ понятна, если не дать хотя бы краткій очеркъ положенія нашей арміи и японской, предшествовавшаго девяти дневному кровопролитному сраженію (27 сентября—5 октября) на р. р. Шилихе и Шахе.

Какъ сказано, во время отступленія отъ Ляояна приказано было 10-му армейскому корпусу занять укрѣпленную позицію подъ Мукденомъ. Тутъ настроено было не мало полевыхъ укрѣпленій, усиленныхъ разными искусственными препятствіями, представлявшими собою обширный лабиринтъ, въ которомъ могли запутаться наши собственныя войска, въ случаѣ ихъ отступленія отъ передовыхъ позицій. Чтобы предупредить возможность такого казуса и вызваны были отъ передовыхъ частей, въ томъ числѣ и отъ нашего полка, по 2—3 офицера, которые должны были ознакомиться съ расположеніемъ укрѣпленій и путями ведущими къ нимъ, а черезъ нихъ къ мостамъ на Хуньхе и далѣе черезъ гор. Мукденъ.

Расположеніе подъ Мукденомъ.—Въ общемъ, армія наша заняла слѣдующее положеніе по обѣ стороны р. Хуньхе. (См. прилагаемую карту).

На крайнемъ правомъ флангѣ, около деревни Каолитуна, расположенъ былъ отрядъ генералъ-маіора Коссаговскаго, состоявшій, какъ это было всегда въ минувшую войну, изъ окрошки разныхъ частей: тутъ были и пѣхота армейская (Дрисскій полкъ) и пограничной стражи (25-я и 43-я роты), и конница казачья, и пограничники, артиллерія пѣшая и конно-*горная* (при вполнѣ равнинной мѣстности) и т. д., всего—$6^1/_2$ баталіоновъ, 9 сотенъ и 16 орудій. Назначеніе этого отряда было чисто наблюдательное, поэтому значительныя его силы, при разыгравшихся впослѣдствіи военныхъ дѣйствіяхъ, пропали для арміи совершенно безъ пользы. Казалось бы, что тутъ вполнѣ достаточно было ограничиться одной кавалеріей; но при нашей писсивно-оборонительной системѣ не мало войскъ было у насъ распылено и разбросано такимъ образомъ крайне непроизводительно: мы во всевозможныхъ угрожаемыхъ пунктахъ выставляли цѣлые полки; японцы держали противъ нихъ легонькія завѣсы, а въ нужную минуту они прорывались превосходными силами. А иногда бывало еще того хуже: выставляютъ у насъ въ угрожаемомъ пунктѣ „отдѣльный отрядъ", который стоитъ мѣсяцъ—два, а затѣмъ, когда опасность назрѣетъ начинаютъ опасаться за участь отряда и его убираютъ именно тогда, когда ему представляется, наконецъ, возможность дѣйствовать, когда онъ, можетъ быть, могъ бы принести пользу. Такъ было съ моимъ отрядомъ въ Бенсиху: съ $5^1/_2$ баталіонами, $6^1/_2$ сотнями и 6 орудіями я тамъ простоялъ цѣлый мѣсяцъ, имѣя

противъ себя ничтожныя силы японцевъ; а когда началась переправа японцевъ черезъ Тайцзыхе, стали опасаться за участь отряда въ Бенсиху *), и ему приказано было отступить именно въ ту минуту, которой только и можно было оправдать выставленіе отряда въ этомъ пунктѣ.

По сосѣдству съ генералъ-маіоромъ Коссаговскимъ расположенъ былъ отрядъ генералъ-лейтенанта Дембовскаго, командира 5 Сибирскаго корпуса. Составъ этого отряда былъ въ 10 баталіоновъ, 10 сотенъ, 24 орудія и два баталіона инженерныхъ войскъ; но изъ войскъ своего корпуса генералъ-лейтенантъ Дембовскій имѣлъ только полки Бузулукскій, Чембарскій и половину Инсарскаго; остальныя части корпуса были разсунуты въ разные отряды. Это перемѣшиваніе частей и начальниковъ представляетъ собою печальное правило въ эту войну. Не буду останавливаться здѣсь на этомъ явленіи, достаточно извѣстномъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ при дальнѣйшемъ изложеніи придется, вѣроятно, еще не разъ коснуться этого раздергиванія войсковыхъ единицъ и организацій; поэтому ограничусь теперь указаніемъ, что при описываемомъ расположеніи войскъ послѣ отступленія отъ Ляояна мой полкъ также не избѣгъ общей участи и былъ разорванъ на три части: самъ я съ авангардомъ изъ двухъ баталіоновъ (2 и 3-й), одной батареи 3-й артиллерійской бригады и полуэскадрона Черниговскихъ драгунъ стоялъ у Линшинпу и Ингуа; 1-й баталіонъ съ полуэскадрономъ стоялъ въ дер. Куанлинпу въ качествѣ бокового отряда, а 4-й баталіонъ былъ присоединенъ къ 12

*) Тамъ въ это время былъ уже Оровайскій полкъ.

Великолуцкому полку, образуя другой авангардъ у дер. Сахепу въ непосредственномъ подчиненіи генералъ-маіору Янжулу.

Въ центрѣ арміи расположены были: 10-й корпусъ на укрѣпленной позиціи подъ мукденомъ, на лѣвомъ берегу р. Хуньхе, около дер. Мадяпу и Хуньхепу; а въ тылу 10-го корпуса, на правомъ берегу Хуньхе, расположенъ былъ V корпусъ къ югу отъ гор. Мукдена. Оба эти корпуса, образуя Западный отрядъ, были объединены подъ начальствомъ генерала Бильдерлинга.

Далѣе къ востоку, вверхъ по р. Хуньхе, на фронтѣ отъ Фулина до Синцзинтина расположены были 1, 2, и 3-й сибирскіе корпуса, образуя Восточный отрядъ подъ начальствомъ генерала Штакельберга. На лѣвомъ флангѣ расположена была серія отрядовъ: генералъ-маіора Петерова около дер. Санлунью, полковника Побыванецъ въ Синцзинтинѣ, генералъ-маіора Экка у дер. Импань, полковника Мадритова и др.

Общій резервъ арміи былъ составленъ изъ 1-го армейскаго, 4 и 6 сибирскихъ корпусовъ, расположенныхъ около д. д. Тава, Пухе и императорскихъ могилъ,—а 6-й корпусъ сосредоточился окончательно только къ 28—30 сентября, т. е. почти къ окончанію Шахейской операціи.

Весь фронтъ указаннаго расположенія арміи прикрывался:

1) Авангардомъ генералъ-лейтенанта Мау у Хуантуня;

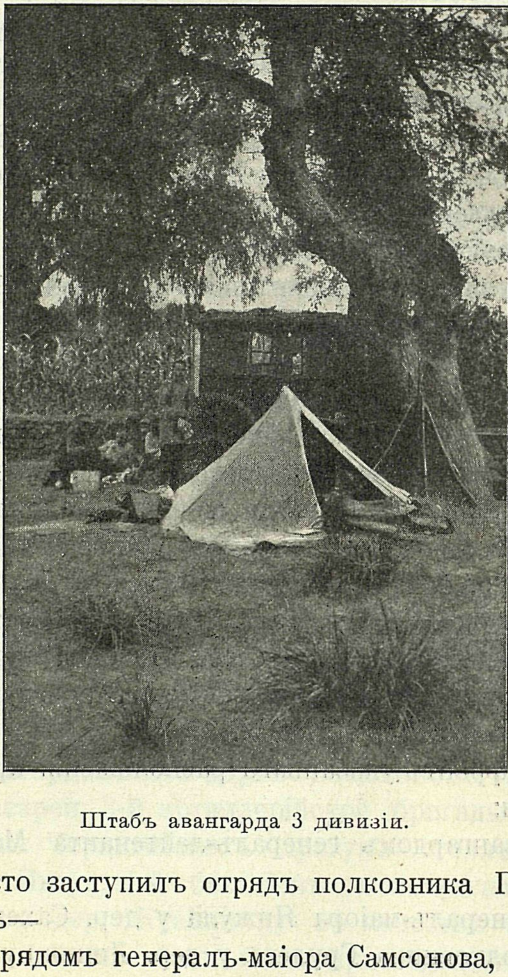
2) Генералъ-маіора Янжула у дер. Сахепу.

3) Полковника Грулева у дер. Лишинцу.

4) Коннымъ отрядомъ генерала Мищенко у дер. Кіанхутуня.

5) Отрядомъ полковника Гурко у Босинзая.

6) Конницей генерала Ренненкампфа въ окрестностяхъ Фаншина и Ханлинзая (откуда съ 15 сентября перешла по направленію на Мацзяндань-Далинъ,

Штабъ авангарда 3 дивизіи.

а ея мѣсто заступилъ отрядъ полковника Гурко) и, наконецъ—

7) Отрядомъ генералъ-маіора Самсонова, который съ 15 сентября расположенъ былъ въ Фындяпу, а 16 сентября перешелъ въ Ямпанчау.

Такимъ образомъ, общее протяженіе фронта, отъ мѣста расположенія отряда генерала Коссаговскаго до отряда полковника Мадритова, расположеннаго въ дер. Хуайженсянѣ, надо принять около 80 верстъ. Это первоначальное расположеніе арміи преслѣдовало, главнымъ образомъ, оборонительныя цѣли,— прикрыть Мукденъ отъ удара противника со стороны Ляояна, по прямому направленію—по Мандаринской дорогѣ, или въ обходъ лѣваго фланга—по направленію на Фушунъ. Первое направленіе прикрыто было Западнымъ отрядомъ, второе—Восточнымъ; связующимъ звеномъ между этими корпусами служилъ 1-й Сибирскій корпусъ на позиціи Кіузань-Фулинъ.

На всемъ фронтѣ расположенія нашей арміи замѣтно затишье, изрѣдка прерываемое доносящимися издалека орудійными выстрѣлами, очевидно, развѣдывательнаго характера. Съ обѣихъ сторонъ пополняютъ силы и видимо готовятся къ новымъ операціямъ. Отъ моего авангарда, расположеннаго у дер. Ингуа и Линшинпу, приказано было выдѣлить одинъ баталіонъ къ дер. Куанлиньпу; съ этой цѣлью я направилъ туда капитана Г—за съ 1-мъ баталіономъ, который вошелъ затѣмъ въ составъ отряда полковника С—ча.

На морскомъ театрѣ войны положеніе наше можно было считать до извѣстной степени выяснившимся—въ томъ смыслѣ, что безъ большой натяжки кампанію надо было тогда же считать проигранной безвозвратно, если не обольщать себя преступнымъ легкомысліемъ, подвинувшимъ насъ впослѣдствіи на посылку остатковъ нашего флота на завѣдомую гибель; такъ что ко времени перехода нашей арміи въ

наступленіе для освобожденія Портъ-Артура Тихоокеанскую эскадру нашу можно было считать уже закончившей свое земное или морское существованіе; послѣ ряда попытокъ прорваться изъ Портъ-Артура, кончавшихся неизмѣнными пораженіями, эскадра наша должна была обречь себя на положеніе заживо-погребеннаго: орудія были свезены на берегъ, а моряки стали въ ряды сухопутныхъ защитниковъ крѣпости. Всей эскадрѣ грозило, такимъ образомъ, раздѣлить общую участь съ Портъ-Артуромъ и погибнуть отъ огня сухопутной арміи генерала Ноги. Поэтому движеніе на выручку осажденной крѣпости обѣщало не только спасти „оплотъ нашего могущества на Дальнемъ Востокѣ“, но и воскресить нашу погибшую Тихоокеанскую эскадру.

* *
*

Готовясь къ наступленію, я приказалъ доставить изъ Мукдена и Харбина всѣ запасныя собственныя вещи нижнихъ чиновъ, сданныя на храненіе передъ выступленіемъ въ Бенсиху. Невозможно было видѣть, какъ нашъ солдатъ, —и безъ того нагруженный тяжелой скатанной шинелью, туго набитымъ вещевымъ мѣшкомъ, по рукамъ и ногамъ скованный неудобнымъ снаряженіемъ, — навьючивалъ на себя еще какія-нибудь собственныя излишнія вещи—гармоннику, чайникъ, лишнюю пару сапогъ, лишнее бѣлье и т. п. Много труда стоило уговорить нижнихъ чиновъ облегчить себѣ походъ, оставляя излишнія вещи въ тылу, въ нашемъ собственномъ полковомъ складѣ, образованномъ въ Харбинѣ. Впо-

слѣдствіи, во время Ляоянскихъ боевъ, я неоднократно съ чувствомъ удовлетворенія вспоминалъ эту счастливую мысль объ образованіи собственной полковой „базы“ въ ближайшемъ тылу, принявшей отъ насъ всякія излишнія вещи полковыя, ротныя, офицерскія и нижнихъ чиновъ. Да и сами солдаты впослѣдствіи съ полной готовностью рады были сбросить съ себя на храненіе все, какъ только предвидѣлось наступленіе. За время Ляоянскихъ боевъ мнѣ пришлось убѣдиться, что солдатъ иногда съ преступной легкостью сбрасываетъ съ себя во время боя все, что ему кажется излишнимъ, лишь бы облегчить себя. Раньше всего стали жертвами наши барабаны *), бросали и музыканты свои генералъ-басы (послѣ того какъ я приказалъ такимъ музыкантамъ выдавать винтовки и ставить ихъ въ строй—потери инструментовъ прекратились).

Весьма много потеряно было и шанцеваго инструмента, который отчасти былъ пополненъ найденнымъ нами 21-го августа около Янтайской желѣзнодорожной вѣтки. За время этихъ боевъ истрепалась обувь, истлѣло бѣлье, котораго у нижнихъ чиновъ въ большинствѣ случаевъ имѣлась только одна единственная смѣна на тѣлѣ. Нечего было и думать расчитывать на интендантство, или купить на полковыя средства; первое было занято всякими иными заботами по предстоящей дѣятельности интендантства

*) Кстати: заведенные недавно (—тоже „по опыту минувшей войны“?) „уменьшенные“ барабаны новаго образца оказываются въ полтора раза тяжелѣе старыхъ барабановъ. И этой великой реформѣ, въ случаѣ новой войны, грозитъ неминуемо великій провалъ: можно поручиться чѣмъ угодно, что эти барабаны будутъ брошены барабанщиками при первой возможности.

во время ожидавшагося наступленія, а пріобрѣтеніе вольной покупкой бѣлья и обуви у китайскихъ купцовъ оказалось невозможнымъ вслѣдствіе совершеннаго отсутствія такихъ вещей въ продажѣ.

Великую услугу оказали намъ поэтому наши собственные скромные запасы бѣлья и обуви, сложенные въ Харбинѣ на храненіе въ „полковой базѣ", какъ излишніе. Какъ все это показалось дорогимъ и необходимымъ теперь, когда было доставлено изъ Харбина на бивакъ! Помимо всего, принесенныя изъ дому вещи—ситцевая рубаха, полотенце, тряпочка—орошенныя иногда прощальными слезами близкихъ, дорогихъ людей—встрѣчаются какъ добрые старые знакомые, съ которыми были насильственно разлучены и давно не видались...

Къ сожалѣнію, не мало расхищено было изъ нашихъ вещей. Складъ нашъ мы устроили въ Харбинѣ частнымъ образомъ, не испрашивая ни отъ кого никакихъ разрѣшеній; помѣщеніе для склада намъ было отведено, въ видѣ одолженія, также частнымъ образомъ въ одномъ изъ желѣзнодорожныхъ пакгаузовъ. Здѣсь мы сложили передъ выступленіемъ въ Бенсиху все, безъ чего можно было обойтись въ первое время: излишнее церковное имущество, шинели, башлыки (стояло жаркое лѣто,—іюль), мундиры, вторыя пары сапогъ, излишнее бѣлье и проч. Оставили мы этотъ складъ нашъ подъ охраной нашего собственнаго караула изъ нестроевого унтеръ-офицера и 5 рядовыхъ; этотъ же „начальникъ" нашего тыла служилъ комиссіонеромъ, выполняя порученія всякаго рода по покупкѣ и высылкѣ всего необходимаго изъ Харбина; туда же отсылали мы и все излишествующее что накоплялось у насъ впослѣдствіи, напримѣръ:

винтовки и вещи отъ нашихъ убитыхъ, раненыхъ и заболѣвшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, японскія винтовки, доставшіяся намъ во время боя 7 августа и т. п.

Впослѣдствіи оказалось, что многія другія части войскъ, слѣдовавшія черезъ Харбинъ на театръ войны, были не менѣе догадливы и тоже устраивали такіе складочные пункты, оставляя для окарауливанія ихъ небольшія группы нижнихъ чиновъ. Съ теченіемъ времени такихъ складовъ накопилось не мало, а вмѣстѣ съ ними—множество разныхъ нижнихъ чиновъ никому невѣдомыхъ, проживавшихъ въ Харбинѣ вполнѣ самостоятельно. Вполнѣ естественно, что мѣстное начальство пожелало урегулировать это дѣло и назначило одного общаго завѣдывающаго офицера надъ всѣми складами и командами, одинъ общій караульный нарядъ и т. п. Съ этимъ, конечно, можно и должно было мириться,—хотя именно послѣ этого упорядоченія, когда наши склады стали окарауливаться чужими людьми, начали пропадать вещи даже изъ запертыхъ сундуковъ и чемодановъ; но съ этимъ, повторяю, можно бы мириться. Хуже всего то, что провѣдало интендантство про эти склады, и безъ всякихъ церемоній накладывало руки на то, въ чемъ встрѣчало надобность: такимъ образомъ, не спрося меня, командира полка, интендантство прямо забрало впослѣдствіи всю нашу мундирную одежду, которая имѣлась на нашемъ складѣ—только потому, что само оно собственнымъ попеченіемъ добыть мундирную одежду не могло, а всего проще было отобрать отъ полковъ то, что кажется излишнимъ. Впрочемъ, интендантство обѣщало уплатить полку по 6 руб. за пару обмундированія; но это обѣщаніе обошлось

интендантству еще дешевле, потому что полкъ ничего не получилъ за свою мундирную одежду.

Въ предстоящемъ наступленіи меня особенно озабочивалъ вопросъ снабженія людей обувью и бѣльемъ. Пришлось завладѣть, конечно, и сапогами, и котомками выбывшихъ изъ полка нижнихъ чиновъ, убитыхъ, раненыхъ и эвакуированныхъ,—т. е. пришлось завладѣть завѣдомо чужимъ добромъ, въ которомъ другіе ощущали крайнюю потребность, повторивъ до нѣкоторой степени то же самое, что интендантство сдѣлало съ нами въ отношеніи мундирной одежды. Я распорядился подѣлить по христіански сапоги и бѣлье, принадлежавшіе не только выбывшимъ нижнимъ чинамъ, но и состоящимъ налицо,—если у нихъ имѣлся избытокъ; за излишнюю пару сапогъ уплачивалось изъ ротныхъ суммъ по оцѣнкѣ ротнаго командира, а излишняя смѣна бѣлья „экспропріировалась“ (слово—еще тогда неизвѣстное) прямо для выдачи тому, у кого на тѣлѣ оставался только „намекъ“ о рубашкѣ. Все же съ трудомъ удовлетворена лишь крайне острая потребность, и еще много нижнихъ чиновъ осталось, имѣя лишь одну смѣну бѣлья и весьма ненадежные сапоги.

Благодаря настойчивому совѣту нижнимъ чинамъ отнюдь не набивать свои вещевые мѣшки ненужнымъ хламомъ изъ того, что доставлено теперь изъ Харбина—на мѣстѣ раздачи вещей получилась, въ видѣ отбросовъ, цѣлая куча разныхъ тряпокъ, старыхъ истлѣвшихъ портянокъ, веревочекъ и т. п. И, несмотря на то, что тутъ, очевидно для всѣхъ, нѣтъ абсолютно ничего, что могло бы пригодиться въ походѣ—я вижу все-таки, что съ утра до вечера ктонибудь изъ проходящихъ нижнихъ чиновъ остано-

вится непремѣнно около этихъ отбросовъ и усердно копается, роется, что-то извлекаетъ, встряхиваетъ, осматриваетъ и—смотришь, въ концѣ концовъ каждый находитъ все-таки въ этомъ навозѣ что-нибудь такое, что прячетъ въ карманъ и уноситъ съ собою... Нѣкоторыхъ я останавливалъ и съ любопытствомъ разспрашивалъ.

— „Ну скажи на милость, на кой прахъ тебѣ эта тряпочка? Вѣдь бросишь ее“.

— „Такъ точно“,—конфузливо отвѣчаетъ солдатъ—„пригодится може быть винтовку протереть“...

Нѣсколько дней нижніе чины продолжали копаться и уносить изъ этой кучи отбросовъ, пока я не приказалъ сжечь это все.

Еще хуже, если жадность оказывается иногда въ болѣе непривлекательной формѣ. На бивакѣ дежурной роты среди гаоляна я наткнулся, однажды, на цѣлую китайскую библіотеку, которую немилосердно мочилъ проливной дождь: жалко было видѣть, что дорогія, повидимому, книги въ дорогихъ, оригинальныхъ переплетахъ, откуда-то перетащены были сюда подъ открытое небо, подъ дождь и слякость на завѣдомую порчу и уничтоженіе. Тутъ же лежало нѣсколько большихъ китайскихъ вазъ, которыя никоимъ образомъ не могли бы помѣститься въ солдатскомъ вещевомъ мѣшкѣ и нужны были солдату не больше, чѣмъ эти китайскія книги. Я крайне огорченъ былъ этимъ вандализмомъ; но опредѣлить виновныхъ не было возможности, потому что за нѣсколько часовъ до насъ на этомъ самомъ мѣстѣ бивакировала другая часть, и наши люди увѣряли, что они все это нашли уже здѣсь. Какъ бы то ни было, а видно нашлись такіе жадные мерзавцы, ко-

торые, не найдя ничего другого, болѣе пригоднаго, позарились даже на толстыя книги китайскія.

Съ 10-го сентября наступили довольно ощутительные холода по ночамъ. Какое счастье, что у меня въ полку сохранились шинели! Другіе полки въ нашей дивизіи не столь счастливы, такъ какъ шинели пришлось сжечь съ частью дивизіоннаго обоза во время отступленія отъ Ляояна, и теперь имъ приходится прибѣгать къ китайскимъ ватнымъ халатамъ и тому подобному „обмундированію“.

Наша бытовая жизнь на передовой позиціи наладилась совсѣмъ по домашнему. На аванпостахъ и у охотниковъ - развѣдчиковъ происходятъ частыя стычки съ японцами; долетаетъ и до насъ ружейная перестрѣлка, но все это мало нарушаетъ общій колоритъ нашей мирно-боевой жизни. Съ одной стороны приходится спать не раздѣваясь, а съ другой стороны нижніе чины и офицеры раздѣваются иногда до нага и моются въ устроенной въ дер. Ингуа „банѣ“,—если можно называть такъ вырытый подъ землей погребъ, обращенный въ баню. Пробовалъ и я помыться въ этой банькѣ; но эта проба меня еще пуще разохотила къ этой потребности, которую я положительно ощущалъ уже давно. Узнавъ, что въ Мукденѣ есть настоящая баня, выстроенная для потребностей войскъ, я испросилъ разрѣшеніе начальства отлучиться со своего поста на одинъ день, чтобы съѣздить помыться.

Утромъ 12-го сентября я со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ, старшимъ ординарцемъ унтеръ-офицеромъ Чесноковымъ, пустился въ Мукденъ. Впервые я направлялся въ тылъ, гдѣ все время сравнительнаго затишья на передовыхъ позиціяхъ война не-

умолчно клокочетъ и бурлитъ—какъ приходилось неоднократно слышать—несравненно болѣе замѣтнымъ образомъ, чѣмъ тамъ, гдѣ война настоящая—гдѣ стоишь лицомъ къ лицу съ противникомъ, гдѣ царитъ торжественная тишина смерти.

По мѣрѣ того, какъ я удалялся отъ нашей позиціи, отъ района тишины и смерти, подвигаясь впередъ на встрѣчу жизни—меня охватывало какое то неизъяснимое чувство, которое я не въ состояніи анализировать и передать перомъ. Прошло не Богъ вѣсть сколько времени послѣ прибытія на театръ войны—какихъ-нибудь два мѣсяца; а между тѣмъ пережито за это время столько жгучихъ впечатлѣній, что ими, такъ сказать, выжжена широкая полоса, отдѣляющая столь недалекое, казалось бы, прошлое отъ охватившаго насъ настоящаго,—такъ мало похожаго на все, что встрѣчалось до сихъ поръ въ жизни. Если-бы хоть судьба послала намъ какія нибудь удачи въ этой злосчастной войнѣ, если-бы мы рядомъ съ удручающими пораженіями испытывали также и сладость побѣдъ, если-бы отступленія чередовались съ ободряющими наступленіями, то, можетъ быть, мы бы не сгорали такъ быстро на этой войнѣ отъ жгучихъ по своей природѣ, событій на театрѣ войны. Но насъ одолѣвали неудачи на каждомъ шагу: тутъ бездарность, тамъ малодушіе,—все это въ союзѣ со злымъ рокомъ подстерегаетъ всюду. И это такъ разрушающимъ образомъ дѣйствовало на психику и физику участниковъ этой войны, что люди черезъ недѣлю—двѣ дѣлались неузнаваемыми и непохожими на самихъ себя.

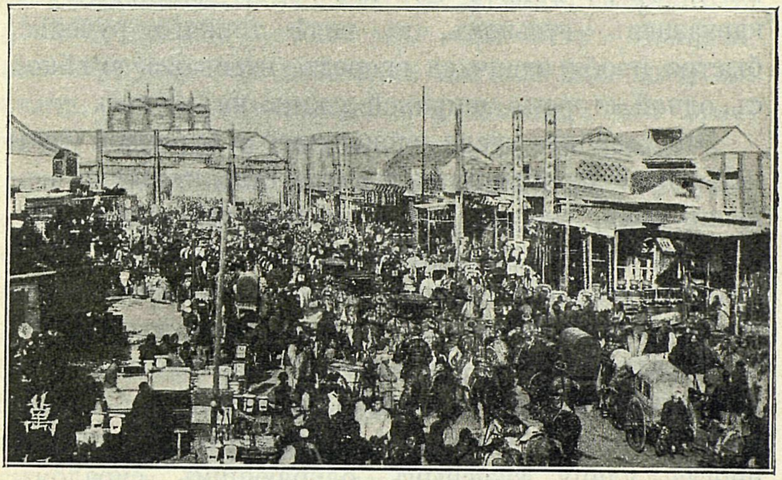
Такія думы тѣснились въ головѣ, по мѣрѣ того, какъ я приближался къ Мукдену, встрѣчаясь снова

на каждомъ шагу съ отлетѣвшими въ далекое прошлое полузабытыми признаками жизни. Въ противоположность могильной тишинѣ и пустынному безлюдью, къ которымъ мы привыкли въ мѣстѣ нашего расположенія на передовой позиціи—по мѣрѣ удаленія въ тылъ начинаетъ снова долетать до слуха шумливый гомонъ людской и бодрящій шопотъ жизни; вмѣсто изрѣдка встрѣчающихся у насъ рыскающихъ по полю одичавшихъ собакъ начинаютъ попадаться одиночные люди, китайцы, повозки, транспорты, торговцы... Все это такъ ново, такъ непривычно...

Въѣхалъ, наконецъ, въ Мукденъ... Мнѣ казалось, что я точно въѣхалъ въ какой-то омутъ и всплылъ. Этотъ водоворотъ клокочущей жизни прямо захватывалъ и, казалось, уносилъ куда-то противъ воли. Легко себѣ представить, что изображала собою главная, и въ то же время единственная, торговая улица Мукдена, если вспомнить, что почти всѣ разнородныя потребности двухсотъ-тысячной арміи сходились здѣсь какъ въ общемъ фокусѣ: нужно ли кому помыться въ банѣ, какъ мнѣ въ эту минуту, нужно ли узнать объ оперативныхъ планахъ въ штабахъ командующаго арміей или большей части корпусовъ, или купить веревку, вино, или чумизу—для всего этого нужно было проѣхать по этой улицѣ Мукдена... Зато какіе эффектнѣйшіе переливы цвѣтовъ костюмовъ, національностей и всевозможнѣйшихъ уличныхъ сценокъ чередовались въ этомъ уличномъ калейдоскопѣ,—стоило лишь на минуту отойти въ сторону и стать въ роли зрителя.

Вотъ среди кипящей, какъ муравейникъ, улицы черепашьимъ шагомъ пробивается съ большимъ тру-

домъ небольшой китайскій арбяной транспортъ, набитый мѣшками съ зерномъ и разной домашней рухлядью, увѣнчанный сверху цѣлымъ цвѣтникомъ напудренныхъ и размалеванныхъ „мадама“,— очевидно, переселеніе китайцевъ изъ района угрожаемаго военными дѣйствіями въ мѣста болѣе безопасныя; возницы нараспѣвъ звонко улюлюкаютъ, „цокаютъ“ и

Торговая улица гор. Мукдена.

щелкаютъ длинными бичами, подбадривая шестерки и семерки лошадей, запряженныхъ цугомъ въ эти арбы. Рядомъ, по одной сторонѣ улицы, лавируя среди встрѣчнаго теченія обозовъ, верховыхъ и пѣшеходовъ, подвигается шагомъ группа всадниковъ и всадницъ изъ двухъ военныхъ врачей, нѣсколько сестеръ милосердія примостившихся верхомъ—и по мужски и по дамски,—сопровождаемыхъ форменной двуколкой биткомъ набитой сестрами милосердія: хочется, очевидно, и городъ посмотрѣть и купить что

нужно, и—собрались большой компаніей. За двуколкой, на мизерномъ осликѣ, плетется шагомъ типичнѣйшій англичанинъ—вѣроятно газетный корреспондентъ—въ длинномъ клѣтчатомъ дождевикѣ со шлемомъ „здравствуй—прощай“ на головѣ. Среди этого медленнаго потока людей и обозовъ стремительно несутся верхами какой-то адъютантъ въ сопровожденіи пестраго конвоя изъ казаковъ, ординарцевъ и кавказцевъ гуськомъ, въ видѣ тонкаго ручейка, быстро пробирающихся впередъ, извиваясь змѣйкой съ одной стороны широкой улицы на другую.

Это широкое русло клокочущей и бурливой уличной жизни окаймлено съ обѣихъ сторонъ двумя черными какъ чернила лентами вонючей грязи, наполняющей идущія рядомъ канавы, которыя отдѣляютъ отъ улицы сплошные ряды китайскихъ лавокъ и магазиновъ. Въ эти канавы идутъ отбросы съ обѣихъ сторонъ—съ улицы и изъ лавокъ; въ эти же канавы во многихъ мѣстахъ вливаются каналы нечистотъ изъ сосѣднихъ кварталовъ, наполняя иногда улицу ужаснымъ одуряющимъ смрадомъ. Масса отвратительныхъ китайскихъ свиней сладостно кейфируетъ въ этихъ благоухающихъ грязевыхъ ваннахъ, съ философскимъ равнодушіемъ созерцая зажмуренными глазами несущіеся мимо нихъ стремительные потоки разнообразной уличной жизни и всю эту суету людскую.

Сплошные ряды китайскихъ лавокъ и магазиновъ, примыкающихъ съ обѣихъ сторонъ къ этой улицѣ, также осаждены толпами чрезвычайно разнородныхъ покупателей. Какъ извѣстно, въ Китаѣ чрезвычайно развито кооперативное начало: самое мизерное торговое дѣло имѣетъ иногда во главѣ цѣлое то-

варищество; поэтому въ каждой лавчонкѣ толпится всегда цѣлая толпа хозяевъ и приказчиковъ. Вся эта орава окружаетъ каждаго приближающагося русскаго покупателя, будь то офицеръ или солдатъ, и на перерывъ другъ передъ другомъ начинаютъ выкликать весь свой незамысловатый русско-китайскій лексиконъ.

— „Кабитанъ, моя ходи"... „Шанго, кабитанъ"... „Шибко шанго",—показывая при этомъ большой палецъ руки,—что означаетъ лестный символическій знакъ, въ противоположность мизинцу, что означаетъ знакъ не лестный,—„пухао", т. е. плохо.

— „Моя купеза шибко шанго еси", рекомендуетъ себя китайскій купецъ подходящему офицеру и суетъ ему руку съ концомъ засаленнаго рукава, который всегда выходитъ за концы пальцевъ. А вся прочая китайская челядь, наполняющая лавку, съ умиленіемъ и гордостью смотритъ на своего товарища зазывателя, удивляясь — какъ онъ такъ научился говорить по русски, и каждый молча суетъ тоже свою руку, ограничиваясь улыбкой и похлопываніемъ по плечу.

Пока еще китайскіе купцы, повидимому, не вполнѣ оріентировались въ потребностяхъ рынка, могущаго удовлетворить вновь нахлынувшему спросу со стороны совершенно незнакомыхъ потребителей. Одно китайскіе торговцы отгадали легко и безошибочно, это—удовлетвореніе спроса на разные напитки: иначе нельзя объяснить появленіе такого изобилія магазиновъ и лавокъ, пестрѣющихъ выставками разноцвѣтныхъ напитковъ съ заманчивыми этикетками. Необходимо помнить, что идетъ лишь вторая недѣля, какъ сюда къ Мукдену сосредоточи-

лась вся Маньчжурская армія; притомъ въ началѣ отступленія нашей арміи отъ Ляояна китайскіе купцы въ Мукденѣ, связанные своими торговыми интересами съ разными поставками для нашей арміи, были въ большомъ волненіи,—не зная, остановится ли наша армія на позиціи около Мукдена, или будетъ отступать далѣе на сѣверъ, къ Тѣлину, предоставивъ Мукденъ японцамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ китайскимъ купцамъ предстояло быстро ликвидировать свои дѣла и уходить вмѣстѣ съ русской арміей. Дѣло въ томъ, что (и это китайскіе торговцы по опыту знали) японская армія до крайности ограниченна въ своихъ потребностяхъ, и къ услугамъ мѣстной торговли обращается въ ничтожныхъ размѣрахъ; такъ что около японской арміи поживиться нечѣмъ и считали для себя болѣе выгоднымъ держаться русской арміи, отъ которой загребали огромные барыши. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока вырабатывался вопросъ объ остановкѣ нашей арміи у Мукдена, мѣстные купцы были въ полной неизвѣстности и не выписывали новыхъ товаровъ. Такимъ образомъ, народившійся сразу экстраординарный всепожирающій спросъ, предъявленный мѣстному рынку, появился лишь нѣсколько дней тому назадъ. Выписать и получить что-нибудь для удовлетворенія этого спроса изъ Россіи или изъ Шанхая за такой короткій промежутокъ времени не было физической возможности. Раньше здѣсь такихъ лавокъ не существовало. Значитъ, мѣстные китайскіе „купезы" по собственной химіи стряпали эти напитки, въ чемъ, впрочемъ, намъ и самимъ пришлось убѣдиться, когда мы праздновали нашъ полковой праздникъ 8 сентября.

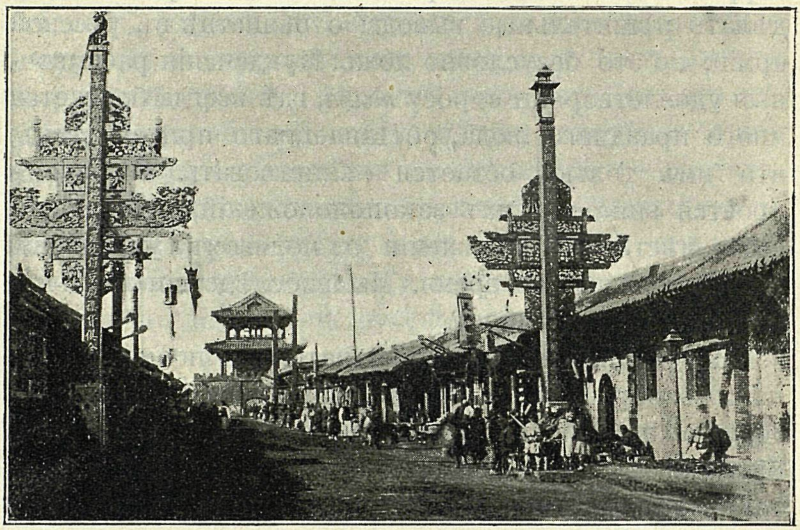
Но почему китайцы, и всякіе иные инородцы, такъ легко отгадываютъ прежде всего именно эту нашу потребность?..

Появленіе въ Мукденѣ родственныхъ нашей бытовой жизни многочисленныхъ „распивочныхъ“ и „на-выносъ“, одновременно съ сосредоточеніемъ сюда нашей арміи, дало впослѣдствіи поводъ разнымъ корреспондентамъ, доморощеннымъ и заграничнымъ, дѣлать рѣшительные выводы о пьянствѣ въ русской арміи; но это безусловно ложь: Мукденскія распивочныя удовлетворяли спросу *тыла*, гдѣ всегда болтается много празднаго люда, обставленнаго притомъ такъ, что имъ только остается пьянствовать. Въ этомъ кроется вина многихъ законоположеній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ положеніи о полевомъ управленіи арміей въ военное время. Мы впослѣдствіи вернемся еще къ этому вопросу.

Необходимо, однако, признать, что почему-то роковымъ образомъ въ авангардѣ нашего культуртрегерства на далекихъ окраинахъ всегда шествуютъ бутылки въ разныхъ этикеткахъ: въ самой глухой тайгѣ „сѣвера дикаго“—среди орочонъ, манегрей и гольдовъ—едва лишь начавшихъ лепетать языкомъ нашей цивилизаціи, я находилъ уже бутылки „водочнаго завода купца Ивана Прохоровича Пьянкова“ *),—очевидно раньше всего знакомившія культурныхъ младенцевъ съ этимъ древомъ познанія нашей культуры. Точно также, выѣхавъ, однажды, на афганскую границу, я на пустынномъ берегу Пянджа вблизи нашего небольшого пропускного таможеннаго пункта, раньше всего увидѣлъ—точно египетскую пирамиду

*) Хабаровская фирма.

въ пустыни—порядочную горку битаго стекла изъ разнородныхъ бутылокъ съ этикетками нашего отечественнаго производства. „Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ египетскихъ пирамидъ“,— вспомнились мнѣ слова Бонапарта передъ сраженіемъ въ іюлѣ 1798 въ Египтѣ; а на насъ вотъ... низменный взглядъ съ пирамиды битыхъ бутылокъ.

Обыкновенный видъ торговой улицы г. Мукдена.

Проѣхавъ черезъ безконечную длинную торговую улицу, я выѣхалъ по направленію къ вокзалу, гдѣ раскинулся „русскій поселокъ“, отчасти выросшій еще при постройкѣ желѣзной дороги, отчасти народившійся теперь, для надобностей войны. Здѣсь по всѣмъ направленіямъ и на каждомъ шагу встрѣчается множество магазиновъ, складовъ и всевозможныхъ тыловыхъ учрежденій. На вокзалѣ и на

примыкающемъ къ нему перронѣ пришлось испытать отчасти то же самое, что при въѣздѣ черезъ городскія ворота на торговую улицу Мукдена... Разспросивъ, гдѣ тутъ баня, я направился туда, и впослѣдствіи очень жалѣлъ за это дерзостное съ моей стороны желаніе покушаться на театрѣ войны на такой комфортъ какъ баня...

Поздно ночью я вернулся „домой", на нашъ бивакъ... Эта тишина и спокойствіе на передовой позиціи мнѣ показались даже не въ примѣръ уютнѣе, чѣмъ эта противная сутолока въ тылу...

Свѣдѣнія о противникѣ. Основой дальнѣйшихъ дѣйствій нашей арміи послѣ сосредоточенія ея къ Мукдену должны были служить свѣдѣнія о противникѣ. Любопытно установить какими свѣдѣніями въ этой области располагалъ тогда штабъ арміи и насколько эти свѣдѣнія соотвѣтствовали дѣйствительности, если судить по тѣмъ даннымъ, которыя въ настоящее время, т. е. почти четыре года спустя, появились уже въ печати какъ со стороны японцевъ, такъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ, состоявшихъ при японской арміи.

Наша минувшая война охарактеризована была какъ война *„слѣпая"*; и эта характеристика вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ ея зарожденію, такъ и оперативнымъ планамъ, такъ и ея финалу—Портсмутскому договору. Причины возникновенія войны для Россіи представляются весьма расплывчатыми и неясными, и получили для насъ конкретное начало лишь послѣ нападенія на нашъ флотъ подъ Артуромъ, въ ночь съ 26 на 27 января. Руководители нашей иностран-

ной политики не знали, что̀ они, собственно, отстаиваютъ, и въ чемъ заключается предѣлъ для уступокъ съ нашей стороны; этотъ предѣлъ представлялся весьма смутнымъ даже главному руководителю переговоровъ съ Японіей, адмиралу Алексѣеву; эти переговоры въ-слѣпую и являются ближайшей причиной позорнаго факта—посылки телеграммы въ Петербургъ 26-го января о полномъ благополучіи почти въ то самое время, когда японцы начали уже войну. Зародившись во тьмѣ и туманѣ, война протекала для насъ и впослѣдствіи большей частью въ слѣпую: все время войны штабъ нашей арміи никогда не располагалъ болѣе или менѣе твердо обоснованными свѣдѣніями о противникѣ.

Само собою разумѣется, что по самой природѣ своей свѣдѣнія о противникѣ, которыми воюющія стороны располагаютъ на театрѣ войны, во время самихъ операцій, никогда не могутъ быть точными,—потому что принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы скрыть и замаскировать свои силы и намѣренія отъ нескромнаго глаза противника, стараясь его всячески вводить въ заблужденіе. Но главный недостатокъ нашихъ свѣдѣній о противникѣ, которыми располагалъ штабъ нашей арміи заключается въ томъ, что онѣ страдали всегда *превратной односторонностью:* онѣ тенденціозно умалялись, или преувеличивались. Какъ извѣстно, самый планъ войны базировался на основномъ тезисѣ, что „возможность господства японцевъ на морѣ исключается", и эта хмѣльная самоувѣренность, основанная не на учетѣ, хотя-бы приблизительно, реальныхъ силъ противника, такъ крѣпко засѣла въ штабѣ намѣстника, что тамъ не вѣрили даже собственнымъ

глазамъ: видя большое число вымпеловъ въ японской эскадрѣ, продолжали твердить, что это японцы „гнилыми купцами“ маскируютъ ничтожество дѣйствительныхъ своихъ боевыхъ силъ. Весьма естественно, что горькая дѣйствительность впослѣдствіи привела къ тому, что наши боевыя эскадры въ Артурѣ и Владивостокѣ, изъ броненосцевъ и крейсеровъ, были уже деморализованы до такой степени, что ихъ часто держали въ страхѣ ничтожныя флотиліи японскихъ миноносокъ.

То же самое повторялось на сухопутномъ театрѣ: до войны господствовала тенденція о ничтожествѣ вооруженныхъ силъ Японіи. Въ основу выработаннаго плана дѣйствій допускалась нѣкоторая возможность превосходства даже численности японцевъ, что насъ отнюдь не смущало. Затѣмъ, по мѣрѣ нашихъ неудачъ, постепенно мѣнялось это отношеніе: сначала считали необходимымъ имѣть силы равныя; потомъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ требовалъ силы превосходныя, двойныя и, готовясь, въ наступленіе зимою 1905 года противъ укрѣпленной позиціи японцевъ, главнокомандующій считалъ необходимымъ имѣть во многихъ пунктахъ *четверное* превосходство въ силахъ,—хотя съ такой же укрѣпленной позиціи японцы сбили насъ подъ Мукденомъ, къ нашему стыду, съ меньшими даже силами, чѣмъ тѣ, которыми располагали мы. А послѣ того, какъ заключенъ былъ Портсмутскій миръ, стали увѣрять, что японцы были на краю гибели...

Конечно, постоянное счастье на войнѣ и удача окрыляютъ порывы и содѣйствуютъ подъему моральныхъ силъ въ такой же мѣрѣ, въ какой пораженіе понижаетъ настроеніе и значеніе числительности

силъ. Но этотъ коэффиціентъ, обусловливаемый на войнѣ въ каждую данную минуту нравственнымъ уровнемъ борющихся сторонъ, учитывался въ штабѣ нашей арміи довольно своеобразно: *передъ* каждой назрѣвающей операціей силы японцевъ представлялись неугрожающими по своей числительности, а *послѣ* неудачнаго исхода увѣренно и завѣдомо преувеличивались; такъ что, вмѣсто стремленія доискаться, въ предѣлахъ возможности, конкретныхъ данныхъ, наши развѣдывательные органы всегда витали въ области гадательныхъ свѣдѣній подъ сѣнью предвзятой тенденціи.

Такъ было и въ настоящее время, въ серединѣ сентября, когда штабъ нашей арміи задумалъ переходъ въ наступленіе: представленіе о силахъ японцевъ въ умѣ созидателей нашихъ операціонныхъ плановъ шло прибывающей и убывающей волной, по мѣрѣ того какъ остывало жгучее воспоминаніе о только-что пережитомъ печальномъ исходѣ одной операціи и назрѣвалъ планъ о новой операціи, а съ нею—и надежда на лучшее будущее. Силы японцевъ представлялись грозными подъ Ляояномъ, а въ началѣ отступленія къ Мукдену собирались даже бросить Мукденъ; но затѣмъ силы противника показались столь же неважными, когда разрабатывался планъ перехода въ наступленіе. Въ обоихъ случаяхъ какъ сейчасъ увидимъ, свѣдѣнія наши о противникѣ были весьма расплывчатыя.

Для сужденія о числительности войскъ японцевъ наши развѣдывательные органы питались источниками, обыкновенно принятыми въ такихъ случаяхъ. Эти источники признавались на половину достовѣрными, частію проблематичными. Къ первой категоріи

относились всѣ свѣдѣнія добытыя въ бою: убитые нижніе чины, по которымъ устанавливалось участіе въ бою разныхъ частей войскъ, предметы обмундированія войскъ, захваченные документы, планы и карты и т. п. Всѣ эти данныя считались имѣющими документальный характеръ; но онѣ давались намъ чрезвычайно трудно и были далеко недостаточны, чтобы уяснить себѣ составъ и численность дѣйствовавшей противъ насъ японской арміи.

Насколько трудно и рѣдко давались намъ эти данныя можно судить по слѣдующему факту, который привожу здѣсь, хотя приходится для этого нѣсколько забѣжать впередъ: отразивъ ночную атаку японцевъ 23 октября подъ Линшинпу (см. ниже), мы увидѣли въ разстояніи 70—100 шаговъ противъ окопа 16 роты цѣлую кучу труповъ японскихъ, собранныхъ тутъ, повидимому, ночью самими японцами, чтобы похоронить или унести ихъ; но, вѣроятно, это нельзя было выполнить, вслѣдствіе губительнаго огня изъ нашего окопа; а когда разсвѣло, то приблизиться къ этимъ трупамъ японцамъ нечего было и думать. Желая выяснить, какія японскія войска участвовали противъ насъ въ этой ночной атакѣ, намъ приказано было добыть съ этихъ труповъ нѣсколько мундировъ. Японцы, однако, въ свою очередь, стерегли эти трупы изъ своихъ окоповъ, въ разстояніи 100—150 шаговъ и открывали убійственный огонь днемъ изъ окопа, а ночью изъ секрета,—какъ только смѣльчаки съ нашей стороны приближались къ этимъ трупамъ. Нѣсколько дней и ночей наши охотники охотились за этими мундирами, и въ концѣ концовъ добыли съ окоченѣвшихъ и полузамерзшихъ труповъ нѣсколько клочьевъ мундирной одежды, въ

которыхъ былъ и кусокъ воротника съ нумераціей 34 пѣх. полка... *Эта окровавленная тряпка стоила намъ одного убитаго и двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.*

Добытыя такимъ путемъ данныя иногда служили для нашего развѣдывательнаго отдѣленія основаніемъ для превратныхъ свѣдѣній: на основаніи воротника съ нумераціей устанавливали присутствіе не полка, а бригады (какъ это было въ бояхъ подъ Мукденомъ). А что касается захваченныхъ японскихъ документовъ, то при нашихъ постоянныхъ ретирадахъ намъ крайне рѣдко выпадало счастье захватить такіе документы. Сколько помню, за все время моего пребыванія на войнѣ, начиная отъ Сихеяна и Лагоулина и до конца войны, я слышалъ лишь объ одномъ случаѣ находки важныхъ свѣдѣній такого рода при убитомъ въ февральскихъ бояхъ подъ Мукденомъ японскомъ офицерѣ генеральнаго штаба. Какъ бы то ни было, а все же эти данныя давали наиболѣе достовѣрныя, хотя и весьма скудныя, свѣдѣнія о противникѣ.

Другимъ, менѣе достовѣрнымъ, источникомъ свѣдѣній о противникѣ считались данныя, добытыя черезъ лазутчиковъ, шпіоновъ, военныхъ агентовъ, опросомъ плѣнныхъ и т. п.

На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній въ серединѣ сентября въ штабѣ нашей арміи имѣлись слѣдующія свѣдѣнія о японцахъ:

Противъ нашей маньчжурской арміи дѣйствуютъ три арміи Куроки, Оку и Нодзу. Первая предполагалась состоящей изъ трехъ дивизій (гвардейской, 2-й и 12-й) и пяти резервныхъ бригадъ съ артиллеріей и кавалеріей. Всего считалось въ арміи Куроки 76 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 276 орудій,

или—54,000 штыковъ и 2160 сабель. Вторая армія Оку по нашимъ свѣдѣніямъ состояла изъ трехъ дивизій (3, 4 и 6) и трехъ резервныхъ бригадъ: присутствіе резервныхъ бригадъ предполагалось лишь потому, что организація японскихъ войскъ считалась сходной съ германской, въ которой резервныя бригады придаются къ одинаковымъ по нумераціи полевымъ бригадамъ. Всего въ арміи Оку предполагалось 60 баталіоновъ, 25 эскадроновъ и 252 орудія, или—48,000 штыковъ и 3120 сабель.

Въ арміи Нодзу три полевыхъ дивизіи (5, 8 и 10) и одна резервная бригада. Всего 44 баталіона, 9 эскадроновъ и 120 орудій, или — 35,000 штыковъ и 1080 сабель.

Такимъ образомъ, общее число войскъ въ трехъ японскихъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ непосредственно противъ Маньчжурской арміи, насчитывалось въ 144.000 штыковъ, 6360 сабель и 648 орудій. Кромѣ того отдѣльно дѣйствовала армія Ноги, осаждавшая Портъ-Артуръ, имѣвшая общую числительность около 60,000 ч.

О положеніи японскихъ армій извѣстно было, что передовыя ихъ части обнаружены на линіи д. д. Чжантань-Тадусампу-Санопу-Сяоліухецзы-Чанхизай. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ замѣтно было присутствіе бригады пѣхоты противъ Далинскаго перевала, а на крайнемъ правомъ флангѣ встрѣчались небольшія силы японцевъ на лѣвомъ берегу р. Ляохе, на линіи д. д. Каляма-Даванъ. Главныя силы японцевъ были сгруппированы около Сандепу къ сѣверу отъ Ляояна, у Янтайскихъ копей и на линіи Бяньяпуза-Бенсиху.

Относительно вѣроятнаго плана дѣйствій япон-

цевъ у насъ бродили разныя свѣдѣнія: непосредственно послѣ отступленія отъ Ляояна у насъ предполагалось, что японцы устремятъ сначала всѣ свои силы для взятія Портъ-Артура, а потомъ только предпримутъ наступательныя операціи противъ Тѣлина и Харбина; получены были свѣдѣнія, что японцы въ началѣ сентября предполагаютъ перейти въ наступленіе противъ Тѣлина, причемъ для дѣйствій съ востока, предназначена армія Куроки, а съ запада армія Оку. Затѣмъ, въ штабъ арміи стали стекаться свѣдѣнія, что японцы собираются зимовать въ Ляоянѣ; а потомъ опять стали крѣпнуть свѣдѣнія о предстоящемъ скоромъ переходѣ японцевъ въ наступленіе не позже средины сентября,—въ доказательство указывалось на тотъ фактъ, что Мукденскій цзянь-цзюнь (генералъ-губернаторъ) накупилъ на 4000 долларовъ разныхъ винъ и яствъ японскихъ для встрѣчи и угощенія японцевъ.

Нашъ планъ дѣйствій. Какъ сказано было выше, мысль о переходѣ въ наступленіе зародилась у командующаго арміей почти сразу послѣ остановки нашей арміи подъ Мукденомъ. Трудно указать, что послужило толчкомъ для такого рѣзкаго перехода отъ пассивной обороны подъ Ляояномъ, послѣ понесеннаго пораженія и пережитаго отступленія, которое генералъ-адъютантъ Куропаткинъ предполагалъ даже продолжать къ Тѣлину—къ внезапному переходу въ наступленіе;—тѣмъ болѣе, что съ внѣшней стороны не произошло въ обстановкѣ никакихъ замѣтныхъ измѣненій, если не считать окончанія сосредоточенія на театрѣ войны 1-го армейскаго корпуса. Впрочемъ внезапность этого переворота проявляется лишь въ области мысли, но въ порядкѣ фактическа-

го осуществленія прошло все-таки почти около мѣсяца до начала наступленія: еще 25 августа, при свиданіи съ намѣстникомъ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ уклонился отъ прямого отвѣта относительно своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, допуская возможность оставленія Мукдена японцамъ и отступленія нашей арміи къ Тѣлину; а 27 августа уже телеграфировалъ, что армія „готова къ новому бою;“ но въ дѣйствительности, однако, армія перешла въ наступленіе лишь 22 сентября.

Давно извѣстно, что планъ дѣйствій долженъ вылиться изъ одной головы; причемъ самъ авторъ долженъ, по возможности, быть и исполнителемъ. Въ данномъ случаѣ этого сказать нельзя. Планъ предстоящаго наступленія вырабатывали: и начальникъ Западнаго отряда генералъ Бильдерлингъ, и начальникъ Восточнаго отряда генералъ Штакельбергъ, и генералъ-квартирмейстеръ генералъ-маіоръ Харкевичъ, и начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ Сахаровъ. Всѣ эти поименованныя четыре лица разрабатывали планъ предстоящей наступательной операціи даже не сообща съ командующимъ арміею, или между собою, а—каждый самъ по себѣ, по своей собственной идеѣ. Но—кромѣ этихъ четырехъ офиціальныхъ авторовъ наступательныхъ плановъ, подъ которыми поставлены соотвѣтствующія подписи, не подлежитъ сомнѣнію, что въ разработкѣ этихъ плановъ участвовало еще нѣкоторое число неофиціальныхъ авторовъ,—ибо давно извѣстно, что по нашей бюрократической машинѣ думаютъ и работаютъ надъ тѣмъ, что изложено въ бумагѣ, отнюдь не тѣ именно,—или, по меньшей мѣрѣ, не только тѣ, которые ее подписываютъ.

Итакъ, наступательный планъ, повидимому, разрабатывался многими; но странно довольно, что не видно слѣдовъ самостоятельнаго созиданія и выработки плана наступательной операціи самимъ командующимъ арміей генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, который долженъ былъ разыграть этотъ планъ на дѣлѣ. Впрочемъ, есть и руководящая идея въ этой наступательной операціи, указанная именно генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, какъ основаніе для выработки плана предстоящаго наступленія,— эта идея заключалась въ томъ, что въ первые дни мы будемъ подвигаться впередъ *не болѣе чѣмъ по пяти верстъ...*

Какъ ни страннымъ можетъ показаться, что самый планъ операціи, одухотворяющая его идея, являются на свѣтъ Божій незаконнорожденными,—это тлетворное начало пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если прослѣдить проявленіе его во всей системѣ веденія нами минувшей войны: во всѣхъ приказахъ, инструкціяхъ, приказаніяхъ и директивахъ, исходящихъ отъ командующаго арміей, мы въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемся всегда съ расплывчатыми формулами: „полагалъ бы необходимымъ",— „желательнымъ", „не признаете ли своевременнымъ" и т. д. И этимъ грѣшитъ не генералъ Куропаткинъ только, но и всѣ прочіе начальники на всѣхъ ступеняхъ. Такова, очевидно, зловредная, избалованная привычка нашей бюрократической системы, выработавшаяся при возможности заставлять другихъ работать и думать за себя.

По плану генерала Бильдерлинга цѣль наступательной операціи должна была заключаться въ томъ, чтобы разбить арміи Оку и Нодзу, а ближайшими

этапами къ этой цѣли должны были послужить: 1) прорывъ центра японскаго фронта и овладѣніе станціей Янтай; 2) отбросить арміи японскія за р. Тайцзыхе, и 3) форсировать Тайцзыхе ниже желѣзнодорожнаго моста.

По плану генерала Харкевича цѣлью предстоящей наступательной операціи должно было служить нанесеніе удара японцамъ въ полосѣ между Хуньхе и Тайцзыхе и овладѣніе правымъ берегомъ Тайцзыхе. Для этого армія наша должна была, по мысли генерала Харкевича, быть распредѣлена на двѣ группы корпусовъ: большая, наступающая по равнинной мѣстности, по линіи Мукденъ-Ляоянъ и меньшая—по линіи Фушунъ-Бенсиху. Впослѣдствіи увидимъ, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ воспринялъ эту идею генерала Харкевича, но осуществилъ ее, такъ сказать, на изнанку, направивъ большую часть арміи на Бенсиху, а меньшую на Ляоянъ.

По плану генералъ-лейтенанта Сахарова цѣль операціи та же, что и въ планѣ генерала Харкевича, но наступать большей группой корпусовъ на Бенсиху, а меньшей на Ляоянъ. Кромѣ того, наступать еще по третьему направленію, на Мицзы, а всю конницу двинуть въ тылъ.

Надо удивляться, что мы не находимъ какія нибудь письменные проекты самаго командующаго арміей съ планами предстоящаго наступленія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ большой любитель и мастеръ въ области письменности всякаго рода; автографическими памятниками генералъ-адъютанта Куропаткина отъ минувшей войны остались многочисленныя, весьма объемистыя, письма и записки собственноручно написан-

ныя по важнымъ, и вполнѣ неважнымъ, вопросамъ. А въ отношеніи плана задуманной операціи нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что былъ планъ также и командующаго арміей...

Въ приказахъ по арміи о предстоящемъ переходѣ въ наступленіе цѣль указана различная: въ секретномъ операціонномъ приказѣ, который извѣстенъ былъ только корпуснымъ командирамъ, арміи нашей указано было атаковать противника на его позиціи и овладѣтъ правымъ берегомъ Тайцзыхе. Въ другомъ приказѣ, который предписывалось прочитать всѣмъ солдатамъ, указано было, что переходимъ въ наступленіе, чтобы „скорѣе выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, уже семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную ихъ оборонѣ крѣпость“.

Положеніе Портъ-Артура было дѣйствительно таково, что нужно было что нибудь предпринять для его освобожденія. Удивительна судьба этой злосчастной крѣпости—и для нашей родины, и для Маньчжурской арміи, являясь для нея все время войны источникомъ не силы, а слабости, наперекоръ основному правилу, что крѣпость должна приковать силы противника, предоставляя своей арміи свободу маневрированія. Какъ зародилась эта крѣпость въ грѣхѣ, такъ она затѣмъ жестоко отомстила Россіи, ея арміи: благодаря занятію Портъ-Артура военно-политическое положеніе Россіи на Тихоокеанскомъ побережьѣ изъ идеально выгоднаго обратилось въ крайне невыгодное; *) а затѣмъ, во время

*) Какъ это случилось подробно изложено въ первой части моихъ воспоминаній.

войны, эта же крѣпость совершенно сковывала свободу дѣйствій нашей арміи.

Уже въ маѣ начали производить сильное давленіе на генералъ-адъютанта Куропаткина, чтобы заставить его двинуться на освобожденіе Артура. Командующій арміей сопротивлялся и упирался, справедливо доказывая, что необходимо сначала усилиться, что нельзя рисковать живой силой, арміей, и подставить ее подъ удары болѣе сильнаго и сосредоточеннаго противника. Но въ концѣ-концовъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ вынужденъ былъ, конечно, прислушиваться къ сильнымъ понужденіямъ Петербурга и намѣстника, и невольно проявлялъ тяготѣніе къ Артуру. Эта двойственность стремленій и намѣреній приводила къ разброскѣ силъ и закончилась уже однажды пораженіемъ нашихъ войскъ у Вафангоу. Въ настоящее время, при задуманной наступательной операціи, вліяніе Портъ-Артура опять несомнѣнно сыграло свою роль. „Выручка нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ“ послужила не только указаніемъ для войскъ въ прокламаціонномъ приказѣ—какъ цѣль внѣшняго, такъ сказать, свойства, но это движеніе на выручку крѣпости служило дѣйствительно для генералъ-адъютанта Куропаткина главнымъ импульсомъ въ задуманномъ наступленіи. Зная, какъ сильно его подгоняли изъ Мукдена и Петербурга въ апрѣлѣ и маѣ, чтобы идти на выручку крѣпости, и какъ пришлось затѣмъ наступать противъ собственнаго желанія, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ хотѣлъ на этотъ разъ идти навстрѣчу желаніямъ Петербурга и, не дожидаясь понужденій, перейти въ наступленіе по собственной инициативѣ, которая, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ прояви-

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

лась лишь благодаря существованію внѣшней воли... Въ этомъ сказывается опредѣленная черта характера или безхарактерности, которая проходитъ замѣтной красной нитью во всѣхъ нашихъ операціяхъ, отъ начала до конца войны. Наступательный импульсъ и собственная инициатива у насъ проявлялись всегда подъ вліяніемъ какого нибудь посторонняго внушенія: съ фронта—со стороны операцій противника, или съ тыла—подъ давленіемъ Петербурга.

День за днемъ у насъ слѣдуютъ одно распоряженіе за другимъ о подготовкѣ наступленія: приказано заготовить порціонный скотъ на мѣсяцъ, пересмотрѣть вооруженіе, снаряженіе, шанцевый инструментъ и проч.

Всѣ эти безконечныя приготовленія никоимъ образомъ не могли укрыться отъ вниманія окружающихъ насъ китайцевъ, а слѣдовательно стали извѣстны и японцамъ. Секретный печатанный приказъ о переходѣ въ наступленіе былъ готовъ и разосланъ корпуснымъ командирамъ 15-го сентября, а самое начало наступленія было назначено лишь черезъ недѣлю, 22-го сентября. Очевидно, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ хотѣлъ дать всѣмъ начальникамъ большой просторъ во времени, чтобы обдумывать задуманную имъ операцію... Совершенно непостижимые пріемы! Сначала предписывали всѣмъ *готовиться* къ наступленію, а затѣмъ опять дается еще недѣля—обдумывать это наступленіе. Позволю себѣ утверждать, какъ командиръ полка — стоявшій, значитъ, непосредственно у самихъ войскъ,—что никакой надобности не было въ особыхъ приготовленіяхъ къ наступленію ни по части хозяйственной, строевой или боевой; что, если бы приказаніе начать

наступленіе было получено совершенно неожиданно, безъ предваряемыхъ и нескончаемыхъ приготовленій, то совершили бы наступленіе съ одинаковымъ успѣхомъ или неуспѣхомъ, и ни въ чемъ не встрѣтилось бы задержки, т. е.—вообще, эти задержки были бы такого мелочного домашняго характера, что главнокомандующему до нихъ не должно быть никакого дѣла.

Да и фактически всѣ эти напоминанія командующаго арміей—готовиться, готовиться къ наступленію и проч.—оставались вполнѣ чисто канцелярскими распоряженіями: на мѣсяцъ скота порціоннаго я, какъ и многіе другіе полки, и не думалъ заготовлять, зная хорошо и убѣдившись уже на опытѣ, что при населенности южной Маньчжуріи всегда возможно будетъ найти мяса: да и дѣйствительно, въ самый разгаръ боевъ 1—3 октября, когда я приказалъ увеличить дачу мяса *вдвое* и давать солдату два фунта мяса вмѣсто одного, то и тогда въ этомъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія. Да и хороша была бы наша армія, если бы каждый полкъ при наступленіи погналъ за собою мѣсячную порцію скота: вѣдь это за каждымъ полкомъ стадо въ 300—400 головъ!.. *)

А затѣмъ, это предоставленіе недѣли на обдумываніе операціи... Вѣдь при первой встрѣчѣ съ

*) Характерно довольно, что послѣ окончанія этой неудачной наступательной операціи, когда въ ноябрѣ у насъ опять носились съ мыслью о новомъ наступленіи, опять было распоряженіе—заготовить въ полкахъ для этого наступленія стада порціоннаго скота на мѣсяцъ, —хотя, казалось-бы, тогда уже извѣстно было, что такое же распоряженіе разъ уже осталось мертвой буквой.—

японцами надо было уже думать на-ново; а они вѣдь не дадутъ недѣлю срока на обдумываніе...

Вотъ плоды нашего бюрократическаго воспитанія!...

22 сентября, въ присутствіи начальника дивизіи состоялась раздача нижнимъ чинамъ георгіевскихъ крестовъ за Ляоянскіе бои и за нѣкоторые одиночные подвиги во время нашего мѣсячнаго отдыха при авангардной службѣ, а вслѣдъ затѣмъ мы двинулись впередъ.

Раздача георгіевскихъ крестовъ 22 сентября.

ГЛАВА II.

Страдные дни.

Начало наступленія. Быстрота и натискъ на новый ладъ. Наша демонстрація топтаніемъ на мѣстѣ. Наши первые бои. Атака Кедегоу и Улитайцзы 26 сентября. Наши трофеи. Бой 27 сентября. Бой 28—29-го сентября. Наше отступленіе 30 сентября. Бой подъ Даліантунемъ. Бой на Шахе. Финалъ операціи. Общая характеристика операціи. Планы генералъ-адъютанта Куропаткина и маршала Ойямы. Причины нашихъ неудачъ.

22 сентября армія наша перешла въ наступленіе. Западный отрядъ изъ 10 и 17 корпусовъ подъ начальствомъ генерала Бильдерлинга, направляется на Ляоянъ, дѣйствуя демонстративно, а Восточный отрядъ, изъ трехъ Сибирскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ генерала Штакельберга, наноситъ главный ударъ черезъ горы на Бенсиху.

Мнѣ приказано съ Псковскимъ полкомъ (3 баталіона) полуэскадрономъ драгунъ и батареей начать наступленіе 23-го сентября въ 12 часовъ дня, образуя головной отрядъ 17 корпуса. При встрѣчѣ съ начальникомъ штаба Западнаго отряда я спросилъ, если можно, сказать мнѣ—какова ближайшая цѣль нашего наступленія.

— „Да какъ бы вамъ сказать,—продвинемся мы немного впередъ, постоимъ; опять продвинемся не-

много впередъ... Словомъ,—выходитъ шагъ впередъ и потоптаться на мѣстѣ“...

Такое наступленіе всѣмъ показалось съ самаго начала положительно жалкимъ. Зная теперь всѣ планы и директивы командующаго арміей, нужно признать, что дѣйствительно таковъ былъ преподанный характеръ начатаго наступленія. Какой же тутъ могъ быть успѣхъ?

А между тѣмъ, еслибъ знать настроеніе войскъ,— что́ мы чувствовали при первыхъ шагахъ впередъ, навстрѣчу врагу, какъ порывались всѣ впередъ! Казалось ничто насъ не остановитъ. Только бы тамъ сзади не удерживали именемъ ложной стратегіи, или вслѣдствіе нерѣшительности характера. Судьба мало послала намъ въ эту войну возможности испытать сладость наступательныхъ порывовъ; а теперь, когда привелось перейти въ наступленіе, оно по предписанію свыше проявляется въ удивительно жалкой формѣ.

Въ началѣ Шахейской операціи этотъ наступательный порывъ войскъ былъ весьма великъ, и глубоко печально, что настроеніе войскъ не только не было использовано, но было даже загублено въ первые же дни крайне нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій верховъ арміи.

Около 5 часовъ вечера я прибылъ съ отрядомъ на ст. Шахе, выставилъ сторожевое охраненіе и вошелъ въ тѣсную связь съ расположенными впереди казаками отряда генерала Мищенко.

24 сентября. Рано утромъ выступилъ дальше. Погода чрезвычайно благопріятная. Небо чистое и яркое—ни малѣйшаго облачка не видать; абсолютное безвѣтріе; дороги сухи и прелестно укатаны. Темпе-

ратура днемъ доходитъ до + 12+15 R, а ночью до + 2 + 5 R. Солнце улыбается точно весной; у всѣхъ приподнятое свѣтлое настроеніе, хотя солдаты всѣ переодѣли чистое бѣлье при выступленіи, зная, что идемъ „въ первую голову“,—какъ гласила записка

„Ура! новымъ кавалерамъ“.

начальника Западнаго отряда про мой головной отрядъ.

Люди идутъ ходко широкимъ размашистымъ шагомъ, обмѣниваясь прибаутками. Мы, конечно, не успѣли оглянуться какъ совершили уже назначенный намъ на сегодняшній день переходъ, и къ *8 часамъ утра* были уже на мѣстѣ своего ночлега въ дер. Ліутхангоу, пройдя всего лишь четыре версты... То-то орлы мы! „Быстрота и натискъ“, по завѣту Суворова!..

Въ дер. Ліутхангоу долженъ былъ я смѣнить ка-

заковъ изъ отряда генерала Мищенко, которые несли здѣсь сторожевую службу. Надо было, однако, убѣдиться—дѣйствительно ли это та именно деревня Ліутхангоу, гдѣ я долженъ стать на ночлегъ: вѣдь столба съ дощечкой, какъ въ нашихъ деревняхъ—что „деревня такая то, дворовъ столько-то, душъ столько-то"—здѣсь нѣтъ; изъ мѣстныхъ жителей также нѣтъ никого, всѣ разбѣжались давно; а казаки, которые здѣсь стоятъ уже около мѣсяца, тоже не знаютъ названія деревни... Расположена цѣлая полусотня и самъ вахмистръ тутъ, исправляющій обязанность офицера, и при всемъ томъ—ни отъ кого я не могъ добиться названія деревни. Только по разнымъ признакамъ, догадкамъ и указаніямъ картъ пришлось признать, что это деревня Ліутхангоу, отпустилъ казаковъ, выслалъ собственные разъѣзды изъ драгунъ и послалъ донесеніе, что ночую въ Ліутхангоу...

Вечеромъ я узналъ, что мой 1-й баталіонъ подполковника Г—за, въ отрядѣ полковника Стаховича, наступающаго къ западу отъ меня, выдержалъ уже жестокій бой подъ дер. Тадусампу; ранено 8 нижнихъ чиновъ и командиръ 4-й роты капитанъ Синицынъ. Ружейную пальбу мы слышали къ западу отъ насъ почти весь день 24 сентября, и я никакъ не предполагалъ, что это мои же Псковцы подвизаются въ отрядѣ полковника Стаховича.

Ночь провелъ въ желѣзнодорожной сторожкѣ, въ которой ни оконъ, ни дверей не было. Всю ночь холодъ пробиралъ изрядный, и я очень сожалѣлъ, что сдался совѣтамъ другихъ ночевать подъ крышей, вмѣсто того, чтобы ночевать въ палаткѣ.

25 сентября. Мнѣ приказано передвинуться съ

отрядомъ къ юго-западу, въ Ченліутхагоу. Здѣсь совмѣстно съ начальникомъ дивизіи выбрали позицію на всю дивизію, которую Псковскому полку приказано укрѣпить. До вечера успѣли мы на нѣкоторыхъ участкахъ устроить порядочные окопы; а вечеромъ мнѣ сообщили, что я на слѣдующій день долженъ выступить съ отрядомъ дальше на югъ.

Меня смѣнили другія части, которыя также энергично начали рыть землю и укрѣпляться... Впослѣдствіи я узналъ, что и части 35 дивизіи укрѣплялись и копались въ землѣ до десятаго пота даже еще далеко сѣвернѣе Ліутхангоу. Что за диковина такая! Собрались мы наступать—надо полагать противъ японцевъ, значитъ необходимо сцѣпиться съ врагомъ,—поскорѣй дорваться до него; а вмѣсто этого мы роемся и копаемся въ землѣ безъ конца. Положимъ, насъ всегда такъ учили, что при всякомъ наступательномъ планѣ необходимо подумать и объ оборонѣ. Но разъ мы начали наступать, то вѣдь мы никогда не дойдемъ до противника, если будемъ топтаться на мѣстѣ и окапываться. Вѣдь это значитъ не порывъ впередъ, а поглядываніе назадъ.

26 сентября. Къ 10 часамъ утра мы совершили уже весь переходъ, и я съ отрядомъ прибылъ на указанный мнѣ ночлегъ въ дер. южное Улиге на рѣчкѣ Шилихе, въ трехъ верстахъ къ югу отъ мѣста прежняго ночлега. И такъ, въ четыре перехода мы отмахали... *десять* верстъ! Стыдно признаться, но надо сказать правду: эти самыя десять верстъ мы при отступленіи 30 сентября отмахали въ *остатокъ* дня послѣ упорнаго боя... И отступали, кажется, въ порядкѣ,—по крайней мѣрѣ въ Псковскомъ и Великолуцкомъ полкахъ я даже частаго шага не видѣлъ.

Вотъ что значатъ злосчастныя директивы при наступленіи топтаться на мѣстѣ. Развѣ такимъ наступленіемъ можно надѣяться „привлечь на себя силы противника“, какъ на это надѣялся генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Иное дѣло, если бы командующій арміей предоставилъ возможность генералу Бильдерлингу энергично наступать впередъ:—тогда бы онъ дѣйствительно притянулъ на себя главныя силы японцевъ, въ то же время не давъ имъ возможность сосредоточиться и атаковать насъ тамъ, гдѣ имъ захочется,—какъ это для нихъ вполнѣ облегчилось благодаря нашему пренаивному топтанію на мѣстѣ. Но командующій арміей дважды напоминалъ начальнику Западнаго отряда 24 и 25 сентября не увлекаться впередъ, что это не входитъ въ планы командующаго арміей.

А впрочемъ, самая идея этой наступательной операціи — ложная въ своей основѣ: въ гористыя дебри, по козьимъ тропкамъ, брошена большая часть корпусовъ, а по открытой равнинѣ, наступаютъ меньшими силами. Казалось бы, изъ элементарнаго курса тактики извѣстно, что при дѣйствіяхъ въ горахъ во всѣхъ случаяхъ не требуется значительныхъ силъ: при пассивной задачѣ можно съ одной ротой на неприступной позиціи задержать цѣлый полкъ, и наоборотъ—при активной задачѣ можно съ одной ротой обойти въ горахъ позицію цѣлой дивизіи. Значитъ, и при активной задачѣ, данной генералу Штакельбергу, если даже эта задача правильна—все же не было надобности направить большую часть корпусовъ черезъ дикія горы.

На 26 сентября войскамъ Западнаго отряда указано было оказать поддержку войскамъ Восточнаго

отряда; но эта поддержка должна была ограничиться только выдвиженіемъ впередъ авангардовъ, вѣрнѣе— головныхъ отрядовъ. Съ этой цѣлью отъ 17 корпуса должны были направиться отряды полковника Стаховича, Де-Витта и мой.

Послѣ полудня, около 4-хъ часовъ дня, я получилъ неожиданное приказаніе немедленно перейти въ наступленіе съ батареей и полуэскадрономъ драгунъ съ цѣлью атаковать и занять дер. Кедегоу. По имѣющимся свѣдѣніямъ, дер. Кедегоу была укрѣплена и занята нѣсколькими ротами японскими. Одновременно съ моимъ отрядомъ приказано было также и моему сосѣду, полковнику Де-Витту, перейти въ наступленіе съ его головнымъ отрядомъ по направленію на дер. Эльтхайза, а полковнику Стаховичу снова занять Тадусампу.

Съ этихъ первыхъ шаговъ, начиная съ дѣйствій 26-го сентября, для насъ начались кровопролитные жестокіе бои, которые почти безпрерывно продолжались девять дней и девять ночей. Эти великіе страдные дни, конечно, на всю жизнь не изгладятся изъ памяти участниковъ обѣихъ сторонъ.

Бой 26-го сентября. Атака и занятіе Кедегоу и Улитайцзы.

Получивъ приказаніе о наступленіи, я сейчасъ же собрался съ двумя баталіонами (3 и 4-й) *) и двинулся на югъ. Надо было развѣдать о противникѣ; но дождаться драгунъ не было возможности,

*) 1-й баталіонъ былъ въ отрядѣ полковника Стаховича, а 2-й баталіонъ въ распоряженіи начальника дивизіи.

пришлось замѣнить драгунъ пѣшими развѣдчиками, такъ какъ охотничьей командой я также не могъ воспользоваться, направивъ ее на деревни Эртайцзы и Шуантайцзы для связи съ отрядомъ полковника Де-Витта. Вся мѣстность, отъ сел. Улиге на югъ, до Кедегоу и далѣе,—открытая ровная и гладкая; посрединѣ этой равнины возвышается невысокимъ брустверомъ желѣзнодорожная насыпь, прорѣзывающая это обширное поле въ меридіональномъ направленіи. Въ юго-восточномъ направленіи эти равнины, на высотѣ южной окраины селенія Кедегоу, начинается цѣпь скалистыхъ сопокъ, которая рѣзко обрисовывается на равнинной поверхности и тянется въ направленіи съ сѣвера на югъ параллельно Мандаринской и желѣзной дорогамъ, примыкая почти вплотную къ южной окраинѣ сел. улитайцзы, расположеннаго въ разстояніи около $^3/_4$ версты къ югу отъ Кедегоу.

Не только самое наше наступленіе, но и начало движенія съ бивака было, несомнѣнно, по условіямъ мѣстности, замѣчено японцами.

Обѣ деревни, Кедегоу и Улитайцзы, сливаются почти вмѣстѣ и тянутся длинной полоской фанзъ съ сѣвера на югъ паралельно Мандаринской и желѣзной дорогамъ. Издали обѣ деревни представляли одинъ сплошной населенный пунктъ, который я и принялъ за дер. Кедегоу. Японцы укрѣпили, разумѣется, только голову этой полосы, обращенную къ противнику, т. е. сѣверную окраину и нѣсколько фанзъ, примыкающихъ съ обоихъ фланговъ. Поэтому атаковать ближайшую сѣверную окраину деревни было невыгодно. Въ виду этого я выдвинулъ батарею на позицію въ верстѣ къ югу отъ Улиге, рѣшивъ подъ

прикрытіемъ ея огня атаковать не голову деревни, а ея хвостъ, т. е. горжу этого укрѣпленія. Чтобы отвлечь вниманіе японцевъ у насъ направлена была одна 13-я рота на сел. Кедегоу, а семь ротъ двинулись въ обходъ сел. Улитайцзы, прикрываясь, насколько возможно было, полотномъ желѣзной дороги.

По моему расчету 13-я рота должна была притянуть на себя вниманіе и огонь японцевъ, поэтому рота эта сначала должна была наступать энергично противъ укрѣпленной сѣверной окраины и замедлить движеніе лишь тогда, когда остальныя роты 4-го баталіона покажутся на полотнѣ желѣзной дороги.

Тутъ умѣстно сказать, какія бываютъ случайности въ бою, когда начальникъ недостаточно хорошо знаетъ своихъ подчиненныхъ. Едва лишь мы раздѣлились, я вижу, къ моему отчаянію, что 13-я рота наступаетъ не только не энергично, но очень вяло и направляется совсѣмъ не по указанному направленію; держась въ разстояніи 100—200 шаговъ въ интервалѣ между этой ротой и остальными семью ротами, я голосомъ сталъ кричать и требовать отъ ротнаго командира, который шелъ позади своей цѣпи, чтобы онъ наступалъ энергичнѣе; но къ моему удивленію, я вижу, что ротный командиръ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на мое приказаніе, хотя вскидываетъ на меня вопросительные глаза поминутно. Я не вытерпѣлъ, бросился въ карьеръ на желѣзнодорожную насыпь, опять надрываюсь и кричу „живѣе, впередъ“, даже забывшись сгоряча пригрозилъ лишеніемъ роты;—это въ разстояніи какихъ-нибудь 30—50 шаговъ отъ ротнаго командира,—онъ не можетъ не слышать,... но онъ все же съ видомъ явнаго недоумѣнія смотритъ на меня, и... совсѣмъ остановился. Я вмѣстѣ

съ конемъ быстро скатился съ насыпи и готовъ былъ выйти изъ себя за неисполненіе приказанія въ такую критическую минуту. Но оказалось, что ротный командиръ... совершенно глухой и не слышитъ, ори хоть надъ самымъ ухомъ. Хотя полкомъ командую лишь съ выступленія въ походъ изъ Тулы, но зналъ, конечно, хорошо всѣхъ офицеровъ и въ особенности ротныхъ командировъ; этотъ же штабсъ-капитанъ Н. прибылъ въ полкъ изъ нашего запаснаго баталіона *наканунѣ* перехода въ наступленіе. и, какъ свой офицеръ, и при томъ старшій, принялъ роту отъ младшаго офицера. И вотъ...

Японцы, конечно, замѣтили всѣ наши маневры и со свойственной имъ выдержкой подпустили насъ безъ выстрѣла на дистанцію около 1000 шаговъ и затѣмъ начали обдавать убійственными залпами. Рядомъ со мной шелъ славный унтеръ-офицеръ Ефимовъ, любимецъ товарищей, указывая на что-то рукой по направленію японскихъ окоповъ. Вдругъ, точно рой мухъ, пронеслись свистъ и жужжаніе японскихъ пуль, и одна изъ первыхъ попала Ефимову въ ротъ; онъ успѣлъ, бѣдняга, только поднести руку по направленію ко рту, быстро завертѣлся и упалъ: кровь и пѣна фонтаномъ хлынули изо рта; несчастный замоталъ головой и черезъ нѣсколько секундъ былъ уже мертвъ... Мы залегли на нѣсколько минутъ, чтобы выждать подготовки нашей атаки артиллерійскимъ огнемъ, и затѣмъ быстро двинулись скорымъ шагомъ для атаки селенія.

Японцы возобновили свои залпы, которые вырвали у насъ сразу девять человѣкъ раненыхъ; но, видя затѣмъ наше угрожающее движеніе, которое могло отрѣзать имъ отступленіе, прекратили стрѣльбу и

начали быстро ретироваться. Мы на плечахъ японцевъ ворвались въ селеніе и успѣли преслѣдовать ихъ нѣсколькими залпами; тутъ я вспомнилъ про мою кавалерію, которая входитъ въ составъ отряда; какъ бы хорошо было, если бы она была здѣсь и пустилась преслѣдовать отступающихъ японцевъ. Но кавалерія до сихъ поръ еще не показывалась. Начало уже темнѣть; пускаться въ дальнѣйшее преслѣдованіе пѣхотой было рискованно, притомъ же мы не только выполнили поставленную намъ задачу—овладѣть селеніемъ Кедегоу, но успѣли даже захватить и селеніе Улитайцзы.

Характерно отмѣтить, какъ трудна оріентировка въ бою: овладѣвъ съ бою селеніями Кедегоу и Улитайцзы, я предполагалъ, что занялъ только дер. Кедегоу, а потому на запросъ начальника дивизіи отвѣтилъ въ первую минуту, что занялъ Кедегоу и готовъ двинуться далѣе для атаки дер. Улитайцзы; только послѣ того, какъ я осмотрѣлся въ занятой деревнѣ и разспросилъ китайцевъ *) выяснилось, что находимся не въ Кедегоу, которая осталась позади насъ, а въ дер. Улитайцзы.

Занявъ селеніе, мы бросились осматривать дворы,—не притаились-ли гдѣ-нибудь японцы. Въ первомъ же дворѣ я наткнулся на пять труповъ японскихъ пѣхотинцевъ, которыхъ товарищи успѣли вынести изъ цѣпи; шестой трупъ показался мнѣ подозрительнымъ: лицо чистое, нигдѣ кругомъ—ни на платьѣ, ни на тѣлѣ—никакихъ слѣдовъ крови. Подвернувшійся тутъ солдатъ увѣряетъ, что японецъ притворяется, ми-

*) Тоже характерно: на сторонѣ японцевъ встрѣчаются китайцы даже въ передовыхъ китайскихъ деревняхъ, а на нашей сторонѣ ихъ давно уже и слѣдъ простылъ.

гаетъ закрытымъ глазомъ, и на всякій случай скручиваетъ ему назадъ руки; но японецъ и при этомъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ жизни. Въ то же время изъ сосѣдней фанзы выскакиваетъ другой солдатъ съ докладомъ: „Тутъ, вашескородіе, полно японцевъ!“, но забылъ прибавить, что японцы—израненные и стонущіе... Ихъ тутъ оказалось шесть человѣкъ, лежавшихъ на нарѣ (канѣ), прикрытыхъ своими драповыми пальтишками, страдавшихъ отъ полученныхъ ранъ и отъ сильнаго холода... Они, должно быть, сильно страдали, потому что громко стонали и охали, что я замѣтилъ впервые со стороны японскихъ раненыхъ. Я подалъ одному закуренную папироску, протянулъ руку и второй, и третій... И они съ видимымъ наслажденіемъ предавались куренію. Вбѣгаетъ въ фанзу солдатъ съ донесеніемъ, что „мертвый“ японецъ со скрученными назадъ руками „проситъ перевязки“... Освободили ему руки, сняли пальто, мундиръ, рубашку, фуфайку; оказалось, что бѣдняга, вѣроятно, лежалъ въ безпамятствѣ, потому что нашлись раны въ шеѣ, груди, локоть раздробленъ; но почему-то крови было не много, да и та скрыта въ платьѣ, а долго разсматривать намъ, конечно, некогда было, когда ему руки скручивали за спину. Несчастный ужасно мучился и страдалъ отъ боли, и прямо заревѣлъ, когда ему дѣлали перевязку, прося и указывая рукой, чтобы его прикончили; я его погладилъ и подалъ ему закуренную папиросу; въ отвѣтъ у него выступили слезы,—не знаю отъ умиленія, или отъ боли; черезъ три часа онъ умеръ.

Нашлись тяжело раненые и въ другихъ мѣстахъ, на дворахъ, спрятанные въ погребахъ... Удивительно

съ какой быстротой и ловкостью японцы успѣли вынести изъ линіи огня не только тяжело раненыхъ, но и убитыхъ, несмотря на нашъ убійственный огонь и скоротечность боя. Всѣхъ своихъ легко раненыхъ они все же успѣли увести и унести, и лишь наступившая темнота лишила насъ возможности помѣшать этому.

Когда бой совершенно затихъ, пріѣхали мои знакомые военные агенты, американскій—майоръ Мэконъ и шведскій—капитанъ Эдлундъ, состоявшіе при штабѣ 3-й дивизіи; оба съ интересомъ разсматривали доставшіяся намъ японскія ружья, предметы обмундированія и снаряженія, поздравляли съ побѣдой; майоръ Мэконъ снялъ съ убитаго японца и взялъ себѣ „на память" японскую манерку, въ которую попало не менѣе пяти-шести нашихъ шрапнельныхъ пуль. Еще разъ *) пришлось мнѣ удивляться прекраснымъ качествамъ предметовъ обмундированія, вооруженія и снаряженія японцевъ; даже у рядовыхъ найдены маленькіе компасики въ видѣ брелоковъ, очевидно казеннаго изготовленія, положенныя по одному на шесть рядовыхъ. Невольно призадумываешься и надъ тѣмъ фактомъ, что для пользованія компасомъ требуется отъ рядового больше, пожалуй, чѣмъ голая грамотность, а кое-какая и образовательная подготовка...

Первые наступательные шаги нашего головнаго отряда увѣнчались, такимъ образомъ, успѣхомъ. Всѣ пріободрились. Мы встрѣчаемъ у себя японскіе тро-

*) Въ первый разъ японскія трофеи достались намъ въ Бенсиху, въ бою 7 августа (См. I-ю часть „Въ штабахъ и на поляхъ").

феи—ружья, манерки, снаряженія, съѣстные припасы...

Бой 27.

Наступательный бой нашего головнаго отряда 26 сентября подъ Кедегоу и Улитайцзы послужилъ точно прелюдіей къ цѣлому ряду жестокихъ боевъ 27 сентября на всемъ фронтѣ 17-го и 10-го корпусовъ. Говорю про бои этихъ двухъ корпусовъ только потому, что дѣйствія ихъ мнѣ не только ближе извѣстны, но даже постоянно нами, такъ сказать, осязались, вліяя прямо или косвенно, на томъ или другомъ флангѣ, на наши собственныя дѣйствія. Эти бои 27 сентября послужили, въ свою очередь, кровавою прелюдіей къ кровопролитнѣйшему бою, разразившемуся съ утра 28-го и продолжавшемуся до вечера 29-го, а затѣмъ—съ короткими перерывами—до 6-го октября.

Перейду, однако, къ ближайшему очерку событій въ моемъ головномъ отрядѣ.

Послѣ удачнаго боя и овладѣнія селеніями Кедегоу и Улитайцзы я, по приказанію начальника дивизіи, оставилъ двѣ роты для сторожевого охраненія, а съ остальными возвратился обратно на бивуакъ. Одновременно съ движеніемъ нашего отряда на Кедегоу подвинулись впередъ передовыя отряды полковниковъ С—ча на Тадусампу и де-В—та на Эльтхайза. Поддерживая съ этимъ послѣднимъ тѣсную связь чрезъ посредство охотничьей команды, мнѣ удалось 26-го же сентября вытѣснить японцевъ изъ дер. Суантайцзы и водвориться въ деревнѣ Мыньху

лунтунь, которую мы заняли нашею охотничьею командою, подкрѣпленною еще 11-й ротой.

Такимъ образомъ, на всемъ фронтѣ 17-го корпуса наиболѣе выдвинутое положеніе къ сторонѣ противника занялъ Псковскій полкъ, имѣя сторожевое охраненіе въ одной верстѣ къ югу отъ Улитайцы, подъ самымъ носомъ японцевъ, сосредоточившихся въ дер. Санопу, и сильную передовую заставу изъ охотничьей команды и одной роты въ Мыньхулунтунѣ, также въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ превосходными силами противника, укрѣпившимися въ разстояніи $^{3}/_{4}$ версты въ сел. Кудяза (южное). Такое близкое сосѣдство враждующихъ сторонъ не могло, конечно, обойтись безъ кровавыхъ столкновеній, которыя, однако, въ это именно время, 27-го сентября, не входили, повидимому, въ расчеты командующаго арміей, вслѣдствіе чего приказано было оттянуть назадъ выдвинувшіяся далеко впередъ головныя части.

Съ 10—11 часовъ утра начала доноситься на нашъ бивуакъ, въ дер. южное Улиге, усиленная канонада слѣва, т. е. съ востока, со стороны 10-го корпуса, гдѣ ввязался въ бой головной отрядъ полковника Соломко у дер. Кушуцзы. Вправо отъ меня отряды С—ча и де-В—та тоже связаны были стычками съ противникомъ. Мнѣ приказано было оказать поддержку 10-му корпусу и обстрѣлять артиллеріей находившіяся противъ насъ передовыя части японцевъ. Съ этою цѣлью я въ одинъ часъ дня 27-го выступилъ двумя батальонами, батареей и полуэскадрономъ драгунъ къ южной окраинѣ сел. Улитайцзы, чтобы притянуть на себя вниманіе и силы противника.

Выѣхавъ на позицію въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла, батарея наша открыла усердный

огонь по дер. Санопу, гдѣ передвигались колонны японской пѣхоты. Японскія батареи расположены были въ нѣкоторомъ разстояніи юго-восточнѣе деревни Санопу и методически обстрѣливали восточные и западные склоны гряды сопокъ, тянущейся почти параллельно Мандаринской дороги, о которой я уже имѣлъ случай упомянуть. Наши баталіоны заняли позицію въ подготовленныхъ нами ранѣе окопахъ на южной окраинѣ селенія Улитайцзы и завязали ружейную перестрѣлку съ японскою пѣхотой, окопавшейся на сѣверной окраинѣ деревни Санопу. Такимъ образомъ, нами уже достигнута была нѣкоторая часть нашей задачи: мы притянули къ себѣ вниманіе японской пѣхоты, которая была прикована нами къ Санопу и лишена возможности двинуться по направленію на сопки и дер. Шилихе въ сторону 10-го корпуса.

Но артиллерія японская игнорировала нашу батарею и продолжала посылать многочисленныя шрапнели и бризантныя гранаты черезъ наши головы не въ батарею нашу, а въ пустыя склоны сопокъ. Дѣло въ томъ, что эти сопки отличаются скалистымъ грунтомъ, не допускающимъ возможности вырыть хотя какіе-нибудь окопы; держаться тамъ при такихъ условіяхъ противъ губительнаго огня нынѣшней артиллеріи крайне трудно и, во всякомъ случаѣ, сопряжено съ огромными потерями. Въ виду этого небольшія передовыя части 10-го корпуса, которыя 26-го сентября выдвинуты были на эти сопки притянуты были 27-го назадъ, отчасти подъ давленіемъ артиллерійскаго огня японцевъ, отчасти согласно рѣшенію общаго характера — не принимать боя на пунктахъ случайнаго расположенія, далеко

выдвинутыхъ впередъ и до нѣкоторой степени изолированныхъ. Японцы-же, очевидно, расчищали себѣ дорогу для наступленія и, желая раньше всего захватить гряду сопокъ, командующихъ надъ всею окружающею мѣстностью, сосредоточили весь свой артиллерійскій огонь на склоны этихъ сопокъ. Намъ забавно было видѣть, какъ рядомъ съ нами пустые склоны скалистыхъ горъ обстрѣливались японцами съ такимъ усердіемъ.

Начало уже темнѣть. Получаемъ донесеніе съ праваго фланга, что наши отряды покинули селенія Эльтхайзу, Тадусампу. Моя охотничья команда и 11-я рота все-же продолжали удерживать дер. Мынхулунтунь, далеко выдвинутую впередъ. Около 6 часовъ дня я получилъ приказаніе отойти въ Шилихе и отозвать охотничью команду. Японская артиллерія замолкла: ей, повидимому, надоѣло долбить шрапнелью пустыя скалы, да и стемнѣло уже порядочно. Но въ тоже время мы замѣтили, что японская пѣхота, пользуясь наступающей темнотой, перешла въ энергичное наступленіе, направляясь на сопки. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительныя силы японцевъ двинулись въ обходъ праваго фланга моей сторожевой цѣпи, отчасти прорвали даже нашу цѣпь передовыхъ постовъ между полотномъ желѣзной дороги и сел. Суантайцзы.

Здѣсь кстати замѣтить, съ какой регулярностью, въ отношеніи времени дня, японцы ведутъ боевыя дѣйствія: по ночамъ, въ особенности при лунномъ свѣтѣ,—но не упуская случая и въ ночи темныя,—дѣлается обязательная попытка къ ночной атакѣ противника, намѣтивъ себѣ съ вечера предметъ атаки; если цѣль достигнута ночной атакой, утромъ замѣ-

чается со стороны японцевъ нѣкоторое затишье, и возобновленіе дѣйствій для развитія успѣха начинается послѣ обѣда, т. е. послѣ 4-хъ часовъ пополудни. Если ночная (обыкновенно около 9-ти—12-ти часовъ ночи) атака отбита, то нормальный день боя проходитъ такъ: съ разсвѣтомъ начинается артиллерійская развѣдка, подготовка, которая ведется съ большей или меньшей интенсивностью нѣсколько часовъ; затѣмъ—дѣйствія пѣхоты до 2-хъ часовъ дня. Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня наблюдается нѣкоторое затишье, ибо увѣряли, что японцы обѣдаютъ. Послѣ 4-хъ часовъ дня—усиленное стремленіе занять намѣченные пункты, и бой ведется съ наибольшею интенсивностью до наступленія темноты. Замѣчательно, что такое распредѣленіе боевого дня наблюдается всегда,—въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ, — съ замѣтною регулярностью, такъ что солдаты даже иногда подшучивали на счетъ японскаго обѣда, когда мы угощали противника ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ въ промежутокъ между 2-хъ и 4-хъ час. дня: „Успѣешь, братъ, пообѣдать,—натко, вотъ, выкуси наше угощеніе“.

Вернемся, однако, къ нашимъ дѣйствіямъ подъ Улитайцзы.

При наступившихъ сумеркахъ японцы нашъ правый флангъ успѣли охватить и даже прорвать вполнѣ, что удалось имъ безъ труда послѣ того, какъ отошли отряды С. и Де-В.; на лѣвомъ флангѣ, какъ сказано было выше, японцы перешли въ энергичное наступленіе на сопки, стремясь охватить и мой лѣвый флангъ. Какъ уже упомянуто, нашему отряду, по примѣру другихъ, приказано уже было около 6-ти час. дня отойти на заранѣе подготовленную позицію

къ Шилихе. Мы знали также, что удержаться на сопкахъ нѣтъ возможности—ни намъ, ни японцамъ. Все-же жалко было видѣть, что японцамъ достанутся сопки далеко командующія надъ всею окружающею мѣстностью. Въ виду этого я приказалъ двумъ ротамъ направиться бѣгомъ къ ближайшимъ сопкамъ навстрѣчу японцамъ, спѣшившимъ въ ночной темнотѣ къ тѣмъ-же сопкамъ. Выгоды разстоянія были на нашей сторонѣ, и мы успѣли захватить сопки.

Къ счастью, японская артиллерія благодаря наступившей темнотѣ вынуждена была молчать, тѣмъ болѣе, что передъ сумерками японскіе артиллеристы видѣли передъ собою пустые склоны этихъ сопокъ, и въ возобновленіи артиллерійскаго огня японцамъ, повидимому, не было надобности. Японская пѣхота также наступала безъ выстрѣла; это обычный, вполнѣ правильный и съ точки зрѣнія нашей тактики, пріемъ ночныхъ атакъ у японцевъ; въ данномъ случаѣ японцы, вѣроятно, были увѣрены, что сопки никѣмъ не заняты. Зато наши двѣ роты успѣли вовремя взбѣжать на сопки и встрѣтили японцевъ губительнымъ ружейнымъ огнемъ. Противникъ продолжалъ нѣкоторое время наступать безъ выстрѣла, осыпаемый градомъ пуль. Въ короткое время наши роты разстрѣляли почти весь свой боевой запасъ, имѣвшійся на рукахъ, т. е. выпустили свыше 50.000 патроновъ. Зная, что еще днемъ сопки были очищены нашими войсками (10-го корпуса), японцы не ожидали встрѣтить такое сопротивленіе и отступили назадъ, скрывшись въ темнотѣ, провожаемые безчисленными нашими залпами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что японцы при этой

ночной атакѣ понесли весьма чувствительныя потери. Мы же потеряли всего лишь пять нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными при прорывѣ непріятелемъ нашихъ передовыхъ постовъ. Удержаться, однако, на занятой позиціи до слѣдующаго утра было рискованно, въ виду того, что правый флангъ былъ уже охваченъ японцами, и только ночная темнота дѣлала это положеніе для насъ не столь опаснымъ; притомъ же ясно было, что отступленіе днемъ будетъ сопряжено съ потерями. Нельзя было оставаться въ Улитайцзы и въ виду полученнаго категорическаго приказанія отойти къ Шилихе, гдѣ я по диспозиціи назначенъ былъ начальникомъ лѣвофлангового боевого участка нашей главной позиціи; но опять-таки жалко было бросить захваченныя сопки, овладѣніе которыми должно было неминуемо стоить японцамъ новыхъ потерь; для насъ же очищеніе ихъ не сопряжено было съ особыми трудностями.

Дилемму эту я рѣшилъ такъ: весь отрядъ началъ ночью обратное движеніе въ Улиге, оставивъ на занятыхъ сопкахъ обѣ роты. Около полуночи отрядъ нашъ возвратился на свой бивакъ въ Улиге. Предвидѣлся на другой день бой жестокій и общій. Безъ всякихъ видимыхъ признаковъ, безъ оповѣщеній и опредѣленныхъ свѣдѣній—это прямо чувствовалось всѣми... Такова ужъ, должно быть, природа человѣка, не чуждая извѣстныхъ инстинктовъ. Всѣ мы были порядочно-таки измучены и усталы. Все-же нельзя было откладывать до разсвѣта движеніе къ предназначенной намъ позиціи у сел. Шилихе; чувствовалось, что съ разсвѣтомъ японцы обязательно полѣзутъ, и необходимо было поэтому къ тому времени стоять уже на позиціи въ полной готовности.

Мы безотлогательно двинулись изъ Улиге въ Шилихе, куда прибыли далеко послѣ полуночи, усталые и измученные боями и безпрерывными движеніями... Это наканунѣ безконечнаго ряда новыхъ упорныхъ боевъ.

Такимъ образомъ всѣ три авангарда, С-ча, Де-В-та и мой, высланные впередъ 26 сентября, чтобы притянуть на себя силы японцевъ и облегчить положеніе Восточнаго отряда генерала Штакельберга, теперь отзываются назадъ и мы уже отступаемъ. Какъ-никакъ, а все-же мы заняли съ боя цѣлый рядъ передовыхъ пунктовъ—Тадусампу, Эльтхайза, Цунлунянтунь, Улитайцзы, которые мы теперь почему-то очищаемъ. Вѣдь намъ непремѣнно придется опять завоевывать эти пункты цѣною новыхъ жертвъ.

Прійдя въ Шилихе, нечего было и думать стать сейчасъ-же на позицію въ виду непроглядной тьмы: чего добраго станешь какъ-разъ спиной къ противнику; въ виду этого я выдвинулъ роту къ сторонѣ противника, окружили себя цѣпью постовъ, составили ружья и завалились тутъ-же соснуть, пока разсвѣтаетъ и можно будетъ оріентироваться, чтобы расположиться на позиціи. Японцы, конечно, не дали намъ проспать: едва лишь забрезжилъ свѣтъ, какъ на нашемъ фронтѣ разразилась адская ружейная трескотня,—точно послѣдняя минута штурма... Мы бросились скорѣй къ окопамъ впереди дер. Шилихе.

Начался кровавый день 28 сентября...

Тѣмъ временемъ надо было подумать о двухъ ротахъ, оставленныхъ нами на сопкахъ... безъ патроновъ. Доставить патроны этимъ ротамъ вызвался

бравый, распорядительный молодой офицеръ А. П. К-о, который съ 15-ю нижними чинами, нагруженными мѣшками съ патронами, пустился въ часъ ночи по невѣдомымъ путямъ къ сторонѣ японцевъ. Эта команда съ офицеромъ пережила ночью въ своемъ предпріятіи настоящую одиссею, — путались среди японскихъ передовыхъ постовъ, которые останавливали ихъ то выстрѣлами, то окликомъ „кумаре" („стой, кто идетъ?")...

Доставить патроны по назначенію не удалось, и лишь къ 8-ми—9-ти час. утра люди вернулись совершенно измученные, потерявъ одного нижняго чина. Черезъ часъ-другой вернулся и этотъ потерянный солдатъ, на которомъ и безъ того лица человѣческаго не было отъ пережитыхъ треволненій и усталости; а встрѣтивъ меня, бѣдняга залился горючими слезами... Спрашиваю его: „Что, братъ, плачешь? Что случилось?" Отвѣчаетъ съ трудомъ, сквозь рыданія и слезы: „Какъ-же, вашескородіе, отъ японцевъ вырвался и винтовку потеря-а-а-лъ". И слезы, слезы опять... „Воротился искать, да ночью гдѣ найти", и опять слезы. Пришлось утѣшить бѣднягу словами Франциска I (кажется): „Пусть, братъ, потеряно все кромѣ чести,—нюнишь какъ баба, ступай отдохни"...

Пришлось отозвать и роты.

Бой 28—29 сентября.

Да, предчувствіе насъ не обмануло. Съ утра 28 сентября начался жестокій, кровопролитный бой на всемъ нашемъ фронтѣ 17 корпуса, отъ сел. Сяодунтай до сел. Шилихе на Мандаринской дорогѣ.

Согласно диспозиціи, на правомъ флангѣ началь-

никомъ боевого участка назначенъ былъ генералъ-маіоръ Защукъ, который со своей бригадой занималъ позицію по линіи деревень Эршидіаза, Сяодунтай, Ендоніулу; начальникомъ лѣво-фланговаго участка, по обѣ стороны желѣзной дороги, до дер. Шилихе включительно, почему-то назначили меня,—не смотря на то, что оставался не у дѣлъ командиръ 2-й бригады генералъ-маіоръ Якубинскій. Такая была отдана диспозиція, которая такъ и осталась понынѣ; но фактически эта диспозиція была измѣнена особой запиской такъ, что весь участокъ, который предназначался подъ моей командой, раздѣленъ былъ на двѣ части: въ среднемъ участкѣ, по обѣ стороны полотна желѣзной дороги, начальникомъ назначенъ былъ Де-Витъ съ частями его полка, а мнѣ, съ Псковскимъ полкомъ, предоставлено было оборонять лѣво-фланговый участокъ—дер. Шилихе и примыкающій участокъ до 10-го корпуса.

Расположеніе войскъ на этой позиціи видно на прилегаемой схемѣ.

Что представляла собою эта позиція,—была она авангардная, или предназначалась для главныхъ силъ? Какая цѣль была этого боя, къ которому мы готовились? Какъ это случилось, что мы пустились въ наступленіе, а готовимся къ оборонительному бою? Говорятъ,—назначеніе Западнаго отряда дѣйствовать демонстративно, чтобы притянуть на себя побольше силъ противника. Но какъ же это мы притянемъ на себя японцевъ, если мы ихъ не атакуемъ, а сами остановились для обороны? А если японцы не захотятъ насъ атаковать, — остается тянуть ихъ за жабры на наши окопы, чтобы они насъ атаковали? Всѣ эти вопросы неотступно рои-

лись въ головѣ;—никакъ нельзя было уяснить себѣ тогда смыслъ и цѣль нашего черепашьяго наступленія и расположенія теперь для обороны подъ видомъ наступленія...

Пока мы наступали, обозначая „шагъ на мѣстѣ“, японцы сами, конечно, перешли въ наступленіе, которое повели несравненно энергичнѣе чѣмъ мы это дѣлали. Уже 27-го сентября стало извѣстно, что вторая японская армія Оку предпринимаетъ обходъ праваго фланга нашего Западнаго отряда. И этотъ обходъ, по мнѣнію (и даже настоянію) командующаго арміей долженъ былъ служить для насъ... сигналомъ къ отступленію на „главную позицію“ (Боже,—сколько этихъ позицій! И это все при наступленіи!!!), гдѣ мы должны были принять бой. Какъ неоднократно до того времени, такъ и теперь на Шахе, такъ и впослѣдствіи, какъ увидимъ, подъ Мукденомъ—всѣ наши предположенія разлетались въ прахъ, какъ только противникъ обнаруживалъ со своей стороны какія - нибудь самостоятельныя намѣренія: сейчасъ же мы отказывались отъ собственныхъ плановъ и переходили къ пассивному высматриванію—гдѣ, откуда хотятъ насъ ударить, чтобы въ эту сторону парировать ударъ. Достойно вниманія, что въ нашихъ наставленіяхъ и указаніяхъ японцы характеризовались „способными только къ дѣятельности подражательной, теряющимися совершенно въ осуществленіи выработаннаго плана, разъ только имъ помѣшаютъ въ этомъ“...

Отступить, однако, на „главную позицію“ къ Ченліутхангоу оказалось невозможнымъ, потому что еще до разсвѣта 28-го японцы полѣзли въ атаку и войска уже ввязались въ бой по всей линіи.

Позиція наша тянулась по небольшому ручью Улиге, впадающему въ рѣчку Шахе. Никакихъ естественныхъ опорныхъ пунктовъ на этой позиціи у насъ не было; пришлось прибѣгнуть къ возведенію небольшихъ окоповъ самой простой профили; насколько могли, мы укрѣпили южную окраину деревни Шилихе, т. е. это укрѣпленіе заключалось въ томъ, что въ шаткихъ глиняныхъ деревенскихъ заборахъ мы пробили бойницы, устроили помосты,— все-же стрѣлки наши были защищены отъ прицѣльнаго ружейнаго огня. Вся мѣстность впереди, на разстояніи 3—4-хъ верстъ, ровная и гладкая, и только на югъ отъ Шилихе, почти параллельно Мандаринской дорогѣ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, тянется двойная гряда невысокихъ скалистыхъ сопокъ, командующихъ далеко надъ всею окружающею мѣстностью. Въ этомъ равнинномъ характерѣ мѣстности заключалась главная сила нашей позиціи: японцамъ предстояло наступать по открытой ровной мѣстности, что при губительной силѣ современнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня сопряжено неминуемо съ огромными потерями.

Мы пережили 27-го сентября день тяжелый и мучительный; до полуночи нервы были напряжены перипетіями боя до крайности, а затѣмъ надо было при полной темнотѣ устраиваться на новой позиціи, въ ожиданіи боя съ минуты на минуту. Наконецъ, къ 3—4-мъ часамъ ночи часть войскъ нашего участка заняла свои мѣста, пѣхота заняла окопы, а приданная мнѣ 6 батарея 3 артиллерійской бригады врылась въ глубокіе ложементы въ углу обширнаго двора.

Я вошелъ въ ближайшую фанзу, лелѣя въ душѣ

сладкую мечту хотя на часъ предаться забвенію въ спасительномъ снѣ. Не пришлось не только спать, но и прилечь. Со стороны нашего лѣваго фланга, гдѣ примыкаютъ войска 10-го корпуса, завязалась ружейная перестрѣлка, которая была подхвачена и нашими окопами. Спать при такихъ условіяхъ, конечно, трудно. Вышелъ я впередъ разсмотрѣть, что дѣлается и, разумѣется, ничего не увидѣлъ въ непроглядной тьмѣ. Съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка поддерживалась до разсвѣта. Спать такъ и не пришлось вовсе.

Съ 6-ти часовъ утра 28-го японцы начали дѣлать постоянныя попытки къ атакѣ нашей позиціи. Опять разгорѣлась адская перестрѣлка. Встревоженный, повидимому, оглушительной стрѣльбой, происходившей на фронтѣ моего участка, начальникъ дивизіи сталъ опасаться за стойкость нашей обороны и, несмотря на то, что я и не думалъ просить поддержки, прислалъ мнѣ баталіонъ Болховскаго и баталіонъ Великолуцкаго полковъ и 7-ю батарею 35 артиллерійской бригады. Батарею, конечно, я распорядился сейчасъ-же поставить на позицію, которую симпатичнѣйшій командиръ батареи, подполковникъ Т—вовъ выбралъ... на днѣ рѣчки Шилихе, подъ крутымъ берегомъ. Батарея была такъ превосходно укрыта на этой позиціи, что японцы такъ и не могли ее нащупать до самаго конца боя. Артиллеріи у японцевъ въ этотъ день противъ всей нашей позиціи не было вовсе, или была лишь одна батарея, которую наши батареи заставляли постоянно молчать при каждой попыткѣ съ ея стороны поддержать своимъ огнемъ атаку пѣхоты. Зато наша артиллерія, въ особенности

лихая 6 батарея 3 арт. бригады, не встрѣчая помѣхи со стороны японскихъ батарей, работала безъ устали. Весь день, съ ранняго утра до поздней ночи, и даже ночью, какъ сейчасъ увидимъ, наши батареи поражали жестокимъ огнемъ колонны японской пѣхоты, которая въ теченіе дня неоднократно переходила въ наступленіе и атаку.

Надо полагать, что японцы возлагали большія надежды на гряду сопокъ, командующихъ всею окружающею мѣстностью, которыми они успѣли завладѣть къ утру 28 сентября. Но оказалось, что какъ нельзя было удержаться на этихъ сопкахъ частямъ 10-го корпуса, такъ не могли удержаться на нихъ и японцы,—такова сила и мѣткость огня современной артиллеріи. Единственное спасеніе отъ губительнаго дѣйствія такого огня, это—узкіе и глубокіе окопы; а такъ какъ при скалистомъ грунтѣ не было возможности выдолбить окопы подъ огнемъ противника, то ни мы, ни японцы не могли удержаться на сопкахъ. Не только для боя, но даже одиночные наблюдатели не смѣли показываться на сопкахъ, въ чемъ я неоднократно убѣждался въ теченіе 28-го и 29-го. Когда утромъ 29-го я замѣтилъ, что на вершинѣ „большой“ сопки показался одиночный наблюдатель съ очевидною цѣлью корректировать стрѣльбу расположенной подъ сопкой японской батареи, то приказалъ 6-й батареѣ „прогнать нахала“. Лихой командиръ этой батареи подполк. П-кій, пристрѣлявшійся еще наканунѣ ко всѣмъ цѣлямъ, живо скомандовалъ: „по большой сопкѣ, одинъ патронъ, бѣглый огонь“; и къ моему изумленію, одиночный наблюдатель съ *перваго* выстрѣла былъ „снятъ“ съ сопки.

Такимъ образомъ, въ теченіе 28-го сентября японцы несли жестокія потери отъ нашихъ батарей и, несмотря на свою безпомощность, лишенные артиллеріи, все же неистово порывались нѣсколько разъ въ атаку. Наши потери въ этотъ день были ничтожны, потому что и пѣхота, и артиллерія наша поражала противника изъ закрытыхъ окоповъ, тогда какъ японцы вынуждены были наступать по совершенно ровной открытой мѣстности и несли, конечно, значительныя потери.

Отбитые на всѣхъ пунктахъ при свѣтѣ дня, японцы возобновили атаки въ 8—9 час. вечера, когда наступила темнота въ надеждѣ, вѣроятно, что ночью наша артиллерія вынуждена будетъ молчать. Жаркая ружейная перестрѣлка вспыхнула неожиданно раньше всего въ наиболѣе выдающейся части нашей позиціи, на южной окраинѣ селенія Шилихе. Эта окраина была наиболѣе чувствительнымъ пунктомъ нашего участка позиціи,—составляла его ахиллесову пяту, и перестрѣлка съ этой стороны не могла не внушать намъ тревожныхъ опасеній. Но какъ тутъ при ночной темнотѣ разобраться: ведется ли серьезная атака со стороны противника, или же тутъ расчитанная ложная тревога, вызванная десятками непріятельскихъ смѣльчаковъ, подкравшихся къ нашей позиціи, пользуясь темнотой ночи... Пристально всматриваешься въ эту густую мглу, прислушиваешься къ переливамъ ружейной трескотни и, точно докторъ, нащупывающій пульсъ больного, стараешься по этому пульсу угадать интенсивность боя.

Мало-по малу перестрѣлка расширяется и оживляется, оживляя непроглядную тьму ночи. Не про-

шло часа, какъ ожила вся линія окоповъ на нашемъ участкѣ, да и на всей позиціи, на протяженіи около двухъ верстъ. Ясно стало, что японцы желаютъ вознаградить себя ночью за потери, понесенныя днемъ. Когда выяснилась серьезность положенія, приказано было и нашей артиллеріи открыть огонь.

Для описанія картины этого ночнаго боя требуется перо талантливаго писателя, а не простого повѣствователя событій и фактовъ. Я не знаю даже, поддается ли описанію эта картина разгула смерти, для которой основнымъ фономъ служила густая непроглядная тьма, наполненная оглушительнымъ гуломъ пушечной канонады, сливающейся съ рѣзкой трескотней ружейной пальбы, завываніемъ шрапнелей, жужжаніемъ пуль,—разрываемая поминутно клубами огня внизу, вылетающими изъ дулъ орудій, и смертоноснымъ огненнымъ фейерверкомъ далеко вверху отъ разрывающихся шрапнелей, — глухой рокотъ осязаемой смерти, смерти и страданій кругомъ...

Въ окопѣ около меня очутился юный подпоручикъ Ульяновскій, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ полкъ прямо со школьной скамьи вмѣстѣ съ другимъ молодымъ офицеромъ, товарищемъ его по выпуску, Красновидовымъ. Въ первый же день прибытія въ полкъ, видя, что я отправляю охотничью команду на рискованный поискъ, подпоручикъ Ульяновскій просился уже, чтобы я его послалъ вмѣстѣ съ командой. Теперь этотъ славный пылкій юноша съ чисто дѣтскимъ восторгомъ восхищался дѣйствительно ошеломляющимъ эфектомъ картины ночнаго боя.

— „Посмотрите, г. полковникъ, какъ красивы эти шрапнельки... Онѣ рвутся въ темнотѣ совсѣмъ какъ „звѣздки“ фейерверка!“...

Бѣдняга!.. На другой же день такая „звѣздка“ угодила прямо въ голову восторженному юношѣ и изуродовала сразу его славное лицо.

До 11—12 часовъ ночи бой все усиливался. Пришлось вызвать подкрѣпленіе изъ резерва, чтобы предотвратить какія-нибудь случайности, такъ возможныя въ ночную пору, на южной окраинѣ деревни Шилихе. Къ полуночи стало затихать, и скоро все смолкло... Опять та же смертная непроницаемая мгла. Точно ничего и не было, точно стихійный ураганъ смертоноснымъ вихремъ промчался въ этой молчаливой темнотѣ и исчезъ.

Японцы опять были отбиты на всѣхъ пунктахъ,— отбиты съ несомнѣнными большими потерями. Были, конечно, и у насъ потери убитыми и ранеными, но незначительныя. Собственно намъ, нашему Псковскому полку, дала эта ночь и порядочныя трофеи: отбили мы у японцевъ вьючный транспортъ съ патронами и шанцевымъ инструментомъ; впослѣдствіи почти во всѣхъ бояхъ ротамъ подвозили у насъ патроны на вьючныхъ японскихъ лошадяхъ, снабженныхъ прекрасными, между прочимъ, вьючными сѣдлами, и въ японскихъ патронныхъ ящикахъ. Японскіе же патроны мы потопили въ рѣкѣ. Достались намъ и плѣнный кавалеристъ, лошадь подъ офицерскимъ сѣдломъ и проч.

Затишье впереди продолжалось недолго. Около 2—3-хъ часовъ ночи въ окопы наши стали доноситься шумъ и возня, происходившіе у японцевъ подъ покровомъ ночной темноты. Ясно было,

что подвозится и устанавливается артиллерія. Насколько можно разсмотрѣть ночью, съ передовыхъ окоповъ выслѣдили мѣсто установки одной изъ батарей и передали эти свѣдѣнія на наши батареи для того, чтобы дать имъ возможность встрѣтить предстоявшую артиллерійскую дуэль подготовленными.

29 сентября. Съ ранняго утра 29-го мы сейчасъ же почувствовали, что къ японцамъ ночью подошла артиллерія: по всѣмъ направленіямъ, въ разные пункты нашего участка позиціи стали прилетать со свистомъ и визгомъ металлическія „memento“, которые рвались впереди, позади и надъ нашими головами. Артиллерійскіе выстрѣлы японцевъ были сначала рѣдки: очевидно—шарили, искали мѣсто нахожденія нашихъ батарей, пристрѣливались къ нашей деревнѣ Шилихе. Огонь противника становился все болѣе интенсивнымъ. Двѣ батареи моего участка самоотверженно работали безъ устали, отвѣчая энергично на огонь японцевъ и неся, въ свою очередь, чувствительныя потери,—убиты и ранены уже многіе наводчики, изъ прислуги при орудіяхъ, подбиты лафеты. Конечно, и японцамъ не лучше: мы уже два раза заставили ихъ мѣнять мѣста ихъ батарей, одну совсѣмъ заставили замолчать.

Къ полудню огонь японцевъ достигъ адской силы. Выдвинувъ большую батарею, около 24—30-ти орудій, они сосредоточили весь огонь, главнымъ образомъ, на батареѣ полковника П-каго и на селеніи Шилихе. Впереди деревни, на обширной площадкѣ, на улицахъ и крышахъ селенія пылалъ убійственный артеллерійскій огонь. Тутъ, въ полномъ смыслѣ слова, воздухъ былъ насыщенъ смертью: стоило лишь на мигъ высунуться, какъ уже подкарауливали смерть

или увѣчье. Вода въ рѣкѣ, протекающей через Шилихе, кипѣла и бурлила отъ безчисленныхъ сноповъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ. Наши батареи боролись изъ послѣднихъ силъ. За невозможностью подвозить къ батареямъ снаряды въ ящикахъ,—потому что люди и лошади были бы перебиты неминуемо—приходилось пѣхотинцамъ подносить снаряды въ лоткахъ. И это намъ стоило немало жертвъ убитыми и ранеными. Даже въ узенькіе переулки селенія попадали шрапнельныя пули и пожирали не мало жертвъ.

Я вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ и двумя ординарцами прижались къ кирпичной стѣнкѣ одной фанзы, съ крыши которой поминутно сыпались на насъ обломки черепицы, откалываемые шрапнельными пулями. Улица около насъ до такой степени засыпалась шрапнельными пулями, что пыль, покрывавшая улицу толстымъ слоемъ, пузырилась какъ во время дождя. Тутъ-же около меня укрылись за угломъ фанзы нѣсколько нижнихъ чиновъ 16 роты, которые подносили въ лоткахъ снаряды къ батареѣ 35 бригады,—потому что при чудовищной силѣ непріятельскаго огня не могло быть и рѣчи о подачѣ снарядовъ лошадьми цѣлымъ ящикомъ; поэтому снаряды подносились одиночными нижними чинами, которые перебѣгали отъ одного угла дома къ другому, улавливая минуты сравнительнаго затишья непріятельскаго огня. Около меня стояли уже трое съ лотками, выжидая когда возможно будетъ высунуться и перебѣжать съ лоткомъ къ батареѣ.

— „Ну, братцы, чья очередь? Кто раньше пришелъ? Возьми лотокъ и—съ Богомъ къ батареѣ. Слышите, молчитъ наша батарея, снарядовъ, значитъ, нѣтъ?“...

Снялъ одинъ солдатъ фуражку, перекрестился; взялъ затѣмъ обѣими руками лотокъ и едва успѣлъ высунуть голову какъ пуля ударила ему въ шею,— должно быть попала въ какую-нибудь вену, потому что кровь, точно фонтаномъ, хлынула; я едва удерживалъ ее, зажавъ рану ладонью...

Тѣмъ временемъ по всему фронту позиціи густыми переливами неумолчно трещала ружейная перестрѣлка. Далеко съ праваго фланга ружейная трескотня все болѣе усиливалась и, наконецъ, слилась въ сплошной гулъ, среди котораго грохотъ артиллерійскихъ выстрѣловъ одно время какъ-то сразу оборвался и замолкъ. Но зато тѣмъ громче и оглушительная полилась ружейная трескотня на правомъ флангѣ, которая слилась въ какой-то сплошной рокотъ. Этотъ неожиданный, точно откуда-то сорвавшійся ружейный грохотъ на правомъ флангѣ подѣйствовалъ какъ-бы гипнотизирующимъ образомъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ: у насъ моментально замолкла и точно замерла стрѣльба по всему фронту. Эта пауза продолжалась, можетъ быть, минута—двѣ; но она удивительно охватила одновременно и насъ, и японцевъ—точно заставивъ обѣ воюющія стороны повиноваться какому-то общему сигналу, мановенію свыше. Обѣ воюющія стороны замерли, нервно прислушиваясь къ этой адской трескотнѣ на правомъ флангѣ, гдѣ, очевидно, происходило что-то необычайное; сердцемъ почуяли это обѣ стороны и прекратили стрѣльбу, движимыя тѣмъ же чувствомъ, въ силу котораго у одра умирающаго умолкаютъ присутствующіе...

И дѣйствительно, на правомъ флангѣ происходилъ кризисъ, который несчастнымъ образомъ ока-

зался кризисомъ для войскъ 3-й дивизіи, а съ ними и для корпуса, а вмѣстѣ съ 17 корпусомъ—и для войскъ всего Западнаго отряда, а пожалуй — и для войскъ Восточнаго отряда и, значитъ, для всей нашей злосчастной наступательной операціи.

Дѣло въ томъ, что пока мы дѣлали шагъ впередъ и два назадъ, топтались и окапывались—японцы, какъ сказано было выше, сами перешли въ наступленіе уже съ вечера 27-го и, захвативъ въ свои руки инициативу, конечно, выбрали для себя направленіе наименьшаго сопротивленія и потѣснили слабый отрядъ полковника С—ча. Правый флангъ генералъ-маіора З—ка оказался обнаженнымъ почти съ ранняго утра 28-го сентября. На это обстоятельство нѣсколько разъ указывали начальнику участка, но онъ продолжалъ упорно обороняться на мѣстѣ. Высшее начальство ему это впослѣдствіи ставило въ вину и говорило, что „храбрости много, а искусства мало“...

А что же нужно было дѣлать З—ку? Сейчасъ же выказать искусство своевременнаго отступленія, какъ только онъ узналъ объ отходѣ отряда С—ча? Неужели можно было допустить мысли, что японцы посмѣютъ обойти нашъ правый флангъ въ то время, когда командующій арміей имѣлъ здѣсь въ своемъ распоряженіи не тронутый 6-й Сибирскій корпусъ и отрядъ генерала Дембовскаго—цѣлую армію въ 42 баталіона и 100 слишкомъ орудій, чтобы парировать обходъ какой-нибудь дивизіи изъ арміи Оку?...

Обойденные съ фланга и тыла войска праваго участка начали отступленіе около 12 час.—1 часу дня. Въ это же время и я получилъ письменное приказаніе—отступить какъ только начнетъ отступленіе

12-й полкъ на моемъ правомъ флангѣ. До сего времени, въ теченіе дня 29 сентября и наканунѣ 28 сентября, у меня были сравнительно ничтожныя потери—всего лишь 117 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, потому что люди были хорошо укрыты въ глубокихъ окопахъ для стрѣльбы стоя. Теперь же, получивъ приказаніе около часу дня *отступить*—было ясно, что насъ ожидаютъ чувствительныя потери: потому что предстояло отступать при полномъ свѣтѣ дня по совершенно ровной открытой мѣстности.

Было бы весьма желательно удержаться на позиціи до вечера и начать отступленіе, когда стемнѣетъ. Но это оказалось невозможнымъ потому, что оба фланга мои оказались уже обнаженными: войска 10-го корпуса на моемъ лѣвомъ флангѣ отступили на свою „главную" позицію еще въ 10 часовъ утра, исполняя приказаніе генералъ-адъютанта Куропаткина—не принимать боя на этой линіи и отойти на главную позицію. Теперь, на правомъ флангѣ, началъ уже отступать и 12-й полкъ. Я, однако, не могъ тронуться съ мѣста пока не убраны будутъ съ участка обѣ батареи; это тѣмъ болѣе былъ для меня вопросъ чести, что я прикрикнулъ на командира дивизіона, давно уже выражавшаго тревожныя опасенія за участь 6-й батареи и желавшаго еще съ часъ тому назадъ снять уже батарею съ позиціи. Мнѣ пришлось успокоить полковника Т. словами, что—„не уйду отсюда прежде чѣмъ не будетъ увезено послѣднее орудіе".

Какъ на бѣду японцы перенесли огонь всей своей артиллеріи на мой участокъ, потому что на остальныхъ участкахъ войска были уже сбиты, и артиллерія противника освободилась для новыхъ за-

дачъ, которыя сводились въ данную минуту къ тому, чтобы оттѣснить войска съ послѣдняго участка подъ Шилихе.

Такъ какъ наибольшая опасность угрожала батареѣ 35 бригады, позиціей для которой служило русло рѣчки Шилихе, то необходимо было сначала убрать именно эту батарею. Вмѣстѣ съ тѣмъ я возложилъ на эту батарею задачу прикрыть затѣмъ наше отступленіе и занять позицію къ сѣверу отъ деревни Шилихе, съ которой немедленно открыть огонь, предупредивъ командира батареи, что мы своимъ отступленіемъ будемъ выжидать открытія этого огня.

Но снять съ позиціи эту батарею было въ высшей степени затруднительно. Не могло быть и рѣчи о подачѣ передковъ, или даже откатываніи орудій на рукахъ людей по дорогѣ черезъ деревню, потому что тутъ немыслимо было и показаться—все пространство было подъ безпрерывнымъ смертоноснымъ огнемъ, артиллерійскимъ и ружейнымъ. Но подполковникъ Тих—вовъ, въ высшей степени симпатичный и распорядительный командиръ 7-й батареи, вышелъ съ честью изъ этой трудной задачи: онъ высмотрѣлъ чрезвычайно оригинальный и единственно возможный въ нашемъ положеніи путь отступленія батареи по руслу неглубокой рѣчки Шилихе, протекавшей между крутыми берегами, конечно, закрыто отъ нескромныхъ глазъ противника, и обратился ко мнѣ за разрѣшеніемъ—отступить этимъ путемъ. Разрѣшеніе было дано. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было и 6-й батареѣ нашей 3-й бригады усилить огонь и „стрѣлять за двѣ батареи“. Но лихой и неутомимый командиръ этой батареи, подполковникъ П—ій, и безъ

того работалъ безъ устали за цѣлую бригаду; на него обрушилась почти вся тяжесть жестокаго боя этихъ дней: его батарея была обнаружена японцами съ самаго начала и весь обширный дворъ, въ углу которой, въ углубленныхъ ложементахъ, скрывалась эта батарея, былъ буквально усѣянъ пустыми стаканами изъ-подъ японскихъ шрапнелей.

Не прошло и полъ-часа какъ снялась съ позиціи батарея Тих—ва и скрылась въ извилинахъ рѣчки,—какъ прискакалъ ко мнѣ фейерверкеръ съ тревожнымъ докладомъ, что батарея завязла въ рѣчкѣ... Положеніе дѣлалось совсѣмъ гадкимъ. На всемъ фронтѣ Западнаго отряда войска держались только на нашемъ участкѣ въ Шилихе; но японцы насѣдаютъ уже со стороны желѣзной дороги. Та часть дер. Шилихе, которая обороняется ротами 2-го баталіона, уже зажжена японскими шимозами, и цѣпи японскія уже перебѣгаютъ со стороны желѣзной дороги; люди наши въ окопахъ знаютъ уже, да и видѣли, что всѣ сосѣди уже давно отступили и сами съ минуты на минуту тоже ждутъ приказанія или, вѣрнѣе, разрѣшенія отступить. Тутъ прикажи только, разрѣши—повторить не придется. Но люди и ротные командиры предупреждены, что мы должны выждать открытія огня батареи Тихо—ва, что въ этомъ огнѣ—благополучіе нашего отступленія. А тутъ на бѣду завязла батарея!

Я бѣгомъ отправилъ на выручку батареи роту Болховскаго полка, помощь которой оказалась своевременной. Прошло крайне томительныхъ и жгучихъ минутъ 20—30. Къ счастью, скоро прискакалъ фейерверкеръ, что батарея снялась. Ну—слава Богу! Отъ сердца отлегло. Ждемъ теперь выѣзда батареи на

позицію и открытія огня, подъ прикрытіемъ котораго мы должны были начать отступленіе. Около $4^1/_2$ часовъ дня батарея открыла, наконецъ, огонь съ тыловой позиціи, и я приказалъ снять съ позиціи батарею П—го, а вслѣдъ затѣмъ приказалъ убрать головныя роты съ южной окраины деревни Шилихе. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что отдѣльные смѣльчаки непріятеля появились уже вблизи Шилихе, а нѣкоторые перелѣзали уже черезъ высокіе глинобитныя стѣнки горящей деревни.

Въ прикрытіи при батареѣ П—го находилась 16 рота. Подъ непосредственнымъ руководствомъ командира роты капитана М—ва и младшаго офицера подпоручика Б—ва нижніе чины подбѣгали къ орудіямъ и по одиночкѣ выкатывали ихъ на дорогу. Все это дѣлалось подъ ужасающимъ огнемъ противника. Японскіе стрѣлки держали батарею подъ выстрѣлами, и вывозка каждаго орудія стоила намъ жертвъ. Съ нетерпѣніемъ ожидая донесенія, что батарея убрана съ позиціи и находится въ безопасности, я узналъ вдругъ, что два орудія еще на позиціи, что 16 рота вся уже израсходована. Подполковникъ П—ій безпомощно бился съ нѣсколькими номерами прислуги надъ выкатываніемъ орудій; но—что они могли сдѣлать, выбившись изъ силъ и безъ того въ теченіе длительнаго кровопролитнаго боя!

Узнавъ отъ капитана М—ва, что за сѣверными воротами деревни стоитъ фейерверкеръ съ двумя передками, который ни за что не желаетъ подать передки къ орудіямъ въ виду свирѣпствующаго огня,— я самъ бросился къ фейерверкеру, который дѣйствительно прижался къ кирпичной стѣнкѣ съ двумя передками, не рѣшаясь податься впередъ. На мое

грозное приказаніе сейчасъ же подать передки, фейерверкеръ вяло сталъ садиться на лошадь, прибавивъ— „Вашескоблагородіе! Тамъ смерть. Мы все равно не доѣдемъ“. Меня глубоко возмутила эта апатія, и я, совершенно забывшись, выхватилъ револьверъ... Фейерверкеръ рысью направился по улицѣ, дѣйствительно засыпаемую пулями японскихъ шрапнелей; держа въ рукахъ револьверъ, я бѣгомъ сопровождалъ передки, перебѣгая, для укрытія отъ выстрѣловъ, съ одной стороны улицы на другую.

Едва переводя духъ отъ усталости, я остановился около кумирни на южной окраинѣ Шилихе, гдѣ уже появились наши отступающія цѣпи съ противоположнаго берега рѣчки. Съ облегченнымъ сердцемъ я увидѣлъ, что выкатили послѣднія два орудія въ прилегающій узенькій преулочекъ, гдѣ орудія взяты были на передки, опять-таки при энергичной распорядительности капитана М—ва и подпоручика Б—ва, подъ руководствомъ командира батареи подполковника П—ва, который отошелъ только съ послѣднимъ орудіемъ. Уже за сѣверными воротами деревни Шилихе, на Мандаринской дорогѣ, подполковникъ П—кій, обливаясь потомъ, подбѣжалъ ко мнѣ, радостно-возбужденный и, крестясь, сообщилъ—„Ну, слава Богу! орудія всѣ вывезены“...

Въ ту минуту мнѣ это показалось совершенно естественнымъ,—что иначе и быть не могло. Но впослѣдствіи, черезъ день-другой, когда я узналъ, что всюду, на всѣхъ участкахъ вправо и лѣво отъ насъ, посѣяли артиллерію—гдѣ больше, гдѣ меньше,—что только на моемъ участкѣ вывезены до единаго всѣ 16 орудій, я понялъ радость командира батареи. Но это далось намъ не легко: уборка 6-й батареи съ

позиціи стоила 16-й ротѣ 19 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и Подпоручикъ Б—въ честно заслужилъ за эту самоотверженную выручку орденъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Здѣсь умѣстно сказать слѣдующее. Вправо отъ насъ, т. е. къ западу отъ деревни Шилихе, на участкѣ полковника Де-Витта, расположена была 4-я батарея 3-й артиллерійской бригады. Батарея эта была расположена на позиціи довольно укрыто, и, вѣроятно, сдѣлала бы свое дѣло не хуже другихъ. Но, такъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ боя и при установившейся у насъ организаціи артиллеріи, бригадирамъ и дивизіонерамъ въ бою нѣтъ дѣла и нѣтъ мѣста при батареѣ—потому что артиллерія теперь не массируется (объ этомъ скажемъ послѣ), то они ищутъ себѣ все-таки какое-нибудъ занятіе: вѣдь они же начальники,—какъ же оставлять батарейныхъ командировъ безъ авторитетныхъ указаній! И вотъ, получилось въ результатѣ слѣдующее: командиръ 4-й батареи установилъ свою батарею по-своему, не мудрствуя лукаво; явился дивизіонеръ и указалъ батареѣ другую установку; потомъ пришелъ командиръ бригады и указалъ поставить батарею опять по-иному. Всѣ эти указанія дѣлались начальствомъ, конечно, до боя; во время боя никто не явился на батарею, чтобы посмотрѣть—хорошо ли она поставлена, руководить ея огнемъ, или спасать орудія въ критическую минуту. Да бригадиръ, или дивизіонеръ, и не обязаны сидѣть на батареѣ во время боя,—даже охотно избѣгаютъ этого, чтобы „не мѣшать батарейному командиру"...

Въ концѣ-концовъ, послѣ тройной перестановки, несчастная 4-я батарея была поставлена такъ, что

увидѣла японцевъ тогда, когда ихъ можно было бить уже банниками; 6 орудій успѣли увезти, а изъ остальныхъ орудій лихой Штабсъ-Капитанъ Т—ій отбивался картечью, револьверомъ и чуть не кулаками, пока японцы не забрали его израненнаго вмѣстѣ съ пушками. Такимъ же образомъ, если не еще хуже, погибла и еще одна батарея этой бригады, которая тоже подверглась перестановкамъ по гибельнымъ указаніямъ начальства, и досталась японцамъ, не успѣвъ даже обстрѣлять ихъ,—потому что поставлена была такъ, что стрѣлять ей не пришлось.

Все это я узналъ лишь впослѣдствіи изъ разсказовъ офицеровъ и присутствуя при крайне прискорбныхъ взаимныхъ пререканіяхъ командира бригады и командира дивизіона, въ присутствіи начальника дивизіи и иностранныхъ агентовъ, на тему о томъ—кто причиной гибели батарей и кто, какъ, ихъ устанавливалъ. Въ день же боя я, конечно, не зналъ и знать не могъ, что дѣлается съ 4-й батареей на сосѣднемъ участкѣ,—гдѣ есть свой начальникъ, свое прикрытіе и пр.; тѣмъ болѣе, что участокъ Де-В—та отъ насъ былъ совершенно скрытъ постройками и группами деревьевъ. Тѣмъ не менѣе я узналъ впослѣдствіи, уже послѣ войны, что командиръ 3-й бригады удѣляетъ нѣкоторую долю упрековъ въ потерѣ орудій 4-й батареи и по моему адресу.

Объясняется это очень просто тѣмъ, что командовавшій этой бригадой Генералъ-Маіоръ Г—нъ проѣхался по позиціямъ *передъ боемъ*, не зная вовсе обстановки боя подъ Шилихе,—не зная даже, повидимому, какіе были начальники боевыхъ участковъ и какъ были распредѣлены батареи его бригады.

Великую службу при отступленіи сослужила намъ

7-я батарея 35-й артиллерійской бригады. Занятіе этой батареей тыловой позиціи и открытый ею огонь поставилъ японцевъ въ тупикъ; они не ожидали сопротивленія сейчасъ же за дер. Шилихе, предполагая въ мѣстѣ расположенія этой батареи присутствіе цѣлаго отряда. Весьма естественно, что начавшееся было преслѣдованіе насъ по Мандаринской дорогѣ, по которой отступали войска моего участка, натолкнувшись на огонь нашей батареи, отхлынуло въ другую сторону.

А что японцы ринулись за нами по пятамъ подтверждается тѣмъ, что едва лишь мы вышли изъ сѣверныхъ воротъ дер. Шилихе, какъ тамъ явилась уже японская пѣхота съ пулеметами, на которыхъ случайно наткнулся нашъ поручикъ Плуталовъ (впослѣдствіи убитый въ бою 19 февраля), командированный мной утромъ для связи съ войсками 10-го корпуса и теперь возвращавшійся къ полку. Только благодаря начинавшимся сумеркамъ Плуталовъ ушелъ отъ плѣна. Но дебушировать японцамъ изъ Шилихе не позволила наша батарея, и мы могли отступать безъ преслѣдованія.

И дѣйствительно, пришлось наблюдать зрѣлище довольно оригаяльное: вправо отъ насъ, т. е. къ востоку отъ Мандаринской дороги, высоко въ воздухѣ рвались японскія шрапнели, обгоняя одна другую длинной вереницей, вытянутой съ юга на сѣверъ; такіе же шрапнельные разрывы гонялись вдоль желѣзной дороги влѣво отъ насъ, вслѣдъ за отступавшими войсками нашего центра и праваго фланга. Благодаря наступившимъ уже сумеркамъ длинныя линіи шрапнельныхъ разрывовъ по обѣ стороны и параллельно Мандаринской дорогѣ обрисовывались

весьма эфектно. А мы—точно по свободному корридору — отступали по Мандаринской дорогѣ не тревожимые ни единымъ выстрѣломъ.

Около деревни Панкхяопу ко мнѣ подъѣхалъ подпоручикъ Я—й, сынъ и адъютантъ бригаднаго командира, съ приказаніемъ направиться на Ченліутхангоу на нашу главную позицію, укрѣпленную и подготовленную еще при нашемъ печальномъ наступленіи. Мы направились туда. У полотна желѣзной дороги новое приказаніе отъ начальника дивизіи—отступать за р. Шахе. Мы направились къ желѣзнодорожному мосту.

Печальную картину представляла собою станція Шахе. Только что возстановленъ былъ путь, отремонтированъ желѣзнодорожный мостъ, открылось движеніе поѣздовъ. Станцію Шахе предназначено было обратить въ передовой центральный складочный пунктъ для запасовъ всякаго рода, которыхъ огромное количество было уже свезено за эти дни. Теперь, при такомъ неожиданномъ отступленіи, приходилось въ нѣсколько часовъ убрать всѣ эти запасы.

Было уже около полуночи, когда мы пришли въ хорошо знакомую намъ деревню Ингуа, гдѣ мы простояли почти мѣсяцъ передъ наступленіемъ, неся сначала арьергардную, а затѣмъ авангардную службу. Тьма кругомъ такая, что, несмотря на знакомыя мѣста, нѣтъ возможности оріентироваться. Къ тому же пошелъ проливной дождь. Мы остановились около какихъ-то огромныхъ скирдовъ зерновыхъ хлѣбовъ, окруженныхъ изгородями, которыхъ раньше не было. Люди тутъ же, въ грязи и подъ дождемъ, завалились спать. Я тоже прикурнулъ тутъ подъ

буркой; но не успѣлъ я и глазъ сомкнуть, какъ слышу около себя въ темнотѣ грозный окликъ:—

— „Гдѣ тутъ командиръ полка? Это не солдаты, а баши-бузуки! Нельзя такъ безнаказанно грабить казенное добро! За это и полкъ отнимутъ“...

Оказалось, интендантскій офицеръ какой-то всполошился за то, что кто-то изъ нижнихъ чиновъ стащилъ отъ интендантскаго сторожа, караулившаго казенные скирды, нѣсколько сноповъ чумизной соломы на подстилку, которая такъ необходима была для ночлега подъ проливнымъ дождемъ и въ грязи. Ретивый интендантъ не подозрѣвалъ, повидимому, что эти запасы уже потеряны для казны, потому что съ разсвѣтомъ они уже будутъ подъ огнемъ японцевъ.

30-го сентября. Послѣ нѣсколькихъ часовъ крайне тревожнаго сна въ грязи, подъ проливнымъ дождемъ, прерываемаго вспыхивавшей по временамъ ружейной перѣстрѣлкой, мы получили приказаніе стать на уступной позиціи у дер. Кудяза. Частью тутъ нарыты уже были окопы, частью опять принялись мы рыть новые окопы. Всю эту войну мы только и дѣлаемъ, что укрѣпляемся на позиціяхъ въ надеждѣ, что японцы должны непремѣнно наступать тамъ, гдѣ мы укрѣпились и поджидаемъ ихъ. Но противникъ крайне неделикатно самъ избираетъ себѣ пути и обходитъ наши позиціи.

Еще возмутительнѣе то, что мы, обороняющіеся, укрытые въ своихъ окопахъ, въ концѣ-концовъ несемъ еще бо̀льшія потери, чѣмъ наступающіе по совершенно открытой мѣстности японцы. Такъ утверждаютъ японскіе оффиціальные источники, какъ это видно изъ документовъ теперь, три года спустя послѣ войны; это же подтверждаютъ и иностранные

военные агенты. Въ нѣкоторой степени это объясняется тѣмъ, что японцы, конечно, избираютъ для своего наступленія направленія наименьшаго сопротивленія,—тамъ гдѣ у насъ окоповъ поменьше нарыто, или даже гдѣ ихъ вовсе нѣтъ—какъ это было въ настоящемъ случаѣ на линіи р. Шилихе,—японцы направились въ промежутокъ между д. д. Сяодунтаемъ и Тудасампу и съ ничтожными потерями обошли правый флангъ позиціи всего Западнаго отряда. При нашей пассивно-оборонительно-кордонной системѣ такой обходъ насъ сейчасъ-же обязываетъ къ отступленію, и тутъ-то охватившій противникъ начинаетъ наносить потери, потому что знаетъ гдѣ сидимъ въ окопахъ и по какимъ направленіямъ будемъ отступать.

Такъ убійственно просто было и на сей разъ: когда японцы оттѣснили наблюдательный отрядъ полковника С-ча и захватили правый флангъ и тылъ войскъ генерала З-ка—послѣднія начали отступать, а японцы начали ихъ буквально разстрѣливать; это былъ не бой, а *бойня*, въ которой 9-й Ингерманландскій полкъ въ 2—3 часа потерялъ около 70% всего своего состава. Вѣдь это потери небывалыя въ лѣтописяхъ войнъ всѣхъ временъ и народовъ! Но что же,—здѣсь проявилось какое нибудь упорство обороны, оправдываемое такими потерями? Ничуть. Просто, мы окапывались, оборонялись и отступали, а японцы обходили и принялись насъ разстрѣливать, когда представилась отличная цѣль...

Теперь подъ Кудязой мы опять окапываемся и укрѣпляемся.

Какъ сказано, рано утромъ я получилъ приказаніе занять тыловую позицію у дер. Кудяза; 12 полкъ

у Сыфонтая; 9 и 10 полки совсѣмъ растаяли и ихъ что-то вовсе не видно.

Пошли встрѣчи съ товарищами, знакомыми. „Стали мы считать, товарищей считать“—многихъ не досчитываемся. Бѣдный Михаилъ Кондратьевичъ Криштопенко (командиръ 9-го полка) убитъ, много офицеровъ 9-го полка выбыло изъ строя.

Вся наша 3-я дивизія совершенно растрепана.

Но гдѣ же 6-й корпусъ, который долженъ былъ послужить такимъ могущественнымъ резервомъ? Гдѣ отрядъ генерала Дембовскаго, который долженъ былъ противодѣйствовать охвату? Отовсюду разсказываютъ съ глубокой горечью, что когда генералъ Бильдерлингъ 27-го и 28-го обращался съ просьбой къ генералу Соболеву, чтобы онъ выдвинулся впередъ со своимъ корпусомъ на одну высоту съ нами, въ охватъ обходящей насъ арміи Оку, то генералъ Соболевъ отвѣтилъ, что ему легче будетъ „принять на себя 17-й корпусъ и встрѣтить японцевъ на своей укрѣпленной позиціи“. Другими словами, находясь со своимъ корпусомъ на линіи дер. Тасудяпу, генералъ Соболевъ оставался хладнокровнымъ зрителемъ происходившаго впереди кровопролитнаго боя, и на обращенную къ нему просьбу о поддержкѣ даетъ отвѣтъ, смыслъ котораго, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ—„когда васъ разобьютъ я приму васъ на моей укрѣпленной позиціи“...

Удивительное помутненіе самыхъ простыхъ понятій преслѣдовало насъ въ эту злосчастную войну, поражая даже наиболѣе видныхъ представителей нашей арміи, пользовавшихся до того времени громкой боевой репутаціей... А все дѣло въ томъ, что 6-й корпусъ съ минуты прибытія на театръ войны

попалъ въ какое-то привилегированное положеніе. Сначала адмиралъ Алексѣевъ совсѣмъ не хотѣлъ дать 6-й корпусъ въ подчиненіе генералъ-адъютанту Куропаткину, оставивъ его эшелонированнымъ на пути Тѣлинъ-Мукденъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи. Когда началось наступленіе адмиралъ Алексѣевъ снизошелъ на неоднократныя просьбы командующаго арміей и далъ ему, наконецъ, 6-й корпусъ, оказавъ этимъ генералу Куропаткину какую-то великую милость; поэтому намѣстникъ обставилъ эту милость цѣлымъ рядомъ оговорокъ и условій: генералъ Куропаткинъ обязывался относиться къ 6-му корпусу съ особымъ вниманіемъ, назначить ему особый районъ дѣйствій, и расходовать войска этого корпуса при особыхъ условіяхъ. Когда генералъ Куропаткинъ рѣшилъ позаимствовать изъ 6-го корпуса нѣсколько офицеровъ, то получилъ немедленно грозный запросъ по телеграфу:—„На какомъ основаніи? Кто разрѣшилъ? Сейчасъ же вернуть офицеровъ“...

Всѣ эти мертвящія тренія привели къ тому, во-первыхъ, что 6-й Сибирскій корпусъ сосредоточился на мѣсто дѣйствій на день—два позже, чѣмъ это могло быть сдѣлано; во-вторыхъ, возможно, что командиръ корпуса, опекаемый, повидимому, намѣстникомъ, считалъ себя на особомъ положеніи, даже въ отношеніи генералъ-адъютанта Куропаткина, и уже подавно не хотѣлъ оставаться зависимымъ въ отношеніи генерала Бильдерлинга; поэтому на обращенныя къ нему просьбы о поддержкѣ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ полковника С-ча и генерала Г-ва, отвѣчалъ сначала, что у него особая задача, а затѣмъ отвѣтилъ генералу Бильдерлингу такой мудрой сентенціей, которая приведена выше.

Только 28-го сентября командующій арміей спохватился подчинить 6-й корпусъ начальнику Западнаго отряда; но, къ сожалѣнію, было уже поздно: японцы успѣли перейти въ наступленіе и обрушились всѣми силами на 17 корпусъ, который и оттѣснили за Шахе. А когда это совершилось раскачался, наконецъ, 6-й корпусъ, и, какъ сейчасъ увидимъ, двинулся въ одиночку и напоролся, въ свою очередь, на пораженіе 1 октября.

Съ ранняго утра идетъ по всему нашему фронту неумолкаемая канонада орудійныхъ выстрѣловъ и оглушительная ружейная перестрѣлка. Послѣ отступленія вчера 29-го сентября наша 3-я дивизія отведена въ резервъ, а первую линію занимаетъ 35-я дивизія, но почти всѣ полки этой дивизіи наканунѣ уже побывали въ бояхъ и также порядочно уже измотаны. Отбросивъ насъ съ линіи р. Шилихе, японцы неотступно продвинулись за нами вплоть до линіи р. Шахе, гдѣ передъ разсвѣтомъ появились уже передовыя части противника.

Какіе только иногда не бываютъ случайности на войнѣ, какихъ не предвидитъ никакая тактика! Такой казусъ случился и на сей разъ: утромъ 30-го сентября обнаружилось, что въ 3-й дивизіи не досчитываются одной бригады—пропала вся первая бригада, и неизвѣстно вовсе гдѣ она... Пусть тамъ были большія потери (о которыхъ, впрочемъ, въ ту минуту, передъ разсвѣтомъ 30-го сентября, не имѣли еще яснаго представленія); но все же что нибудь да осталось отъ двухъ полковъ,—гдѣ же они? Оказалось, что отступившіе отъ Сяодунтая жалкіе остатки первой бригады, съ небольшой группой офицеровъ, измотанные въ конецъ предшествовав-

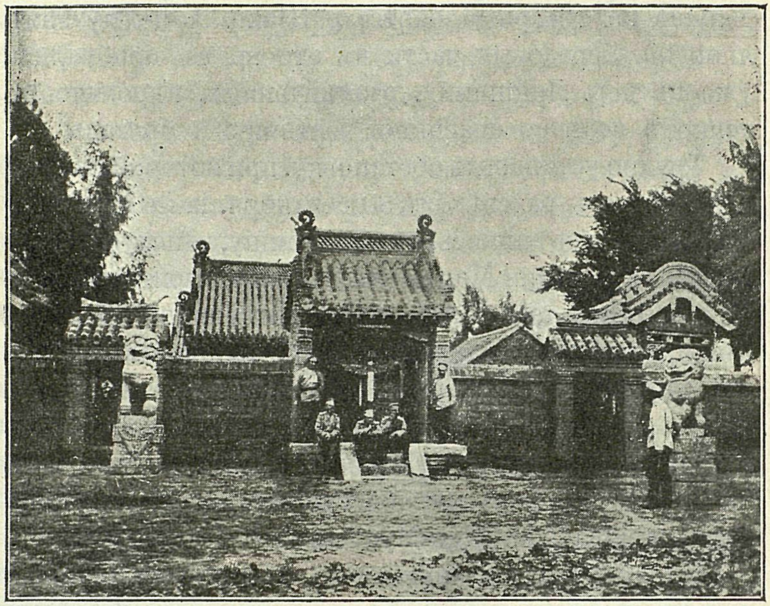
шими боями, добрели безъ дорогъ до р. Шахе уже около полуночи; тутъ ихъ застигъ проливной дождь. Измученные и усталые, не будучи оріентированными и относительно обстановки, не зная куда направиться,—люди тутъ-же и заснули подъ дождемъ въ открытомъ полѣ, и только рано утромъ двинулись дальше на сѣверный берегъ р. Шахе. А между тѣмъ японскія передовыя части въ это время пробрались уже въ дер. Линшинпу, разминувшись, вѣроятно, въ темнотѣ ночи со спавшими частями 1-й бригады.

Трудно установить обстановку, при которой японцы безъ боя, съ разсвѣтомъ 30 сентября, какъ тать пробрались и укрѣпились въ Линшинпу, занятую и обороняемую частями Моршанскаго полка; притомъ укрѣпились сразу такъ, что—несмотря на наши яростныя атаки, несмотря на жестокій артиллерійскій огонь изъ сотни орудій, которымъ обстрѣливали эту деревню цѣлую недѣлю, — мы все же не могли выбить ихъ оттуда; и эта деревня Линшинпу стала затѣмъ чуть ли не общимъ фокусомъ боевыхъ дѣйствій всего зимняго періода войны до Мукденскаго отступленія.

Выдвинутая въ передовую линію 35-я дивизія заняла позицію по линіи деревень отъ Ламатуня на Линшинпу до Даліантуня.

Пользуясь закрытымъ положеніемъ деревни Линшинпу, тянущейся въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, японцы незамѣтно пробрались изъ отдѣльныхъ фанзъ южной окраины, расположенной на японскомъ берегу, въ остальную часть деревни уже на нашъ берегъ, вытѣснивъ небольшія заставы Моршанскаго полка, которыя преблагополучно кипятили чай въ котелкахъ, когда японцы явились нежданно-негаданно. Открывъ себѣ лазейку на нашъ

берегъ, черезъ деревню Линшинпу, японцы выбрались на сѣверную окраину, стали продвигаться дальше и уже наложили руки на отдѣльную группу прочныхъ фанзъ, являющихся какъ бы отдѣльнымъ выселкомъ отъ Линшинпу, или „хуторомъ“, какъ мы

Кумирня въ Линшинпу во время моего тамъ пребыванія.

его называемъ, въ разстояніи 200—300 шаговъ отъ Линшинпу къ сѣверу.

Строго говоря, занятіе японцами Линшинпу отнюдь не знаменовало собою одержаннаго противникомъ какого-нибудь успѣха: ни въ какомъ отношеніи эта деревушка не представляла собою тактическаго ключа для намѣченной и уже занятой нами тогда позиціи на линіи селеній Кудяза—Сыфантай—Ханченпу, въ

разстоянiи около одной версты къ сѣверу отъ Линшинпу;—правда, съ занятiемъ этой послѣдней японцы прiобрѣли лишнiй опорный пунктъ на нашемъ берегу рѣчки Шахе; но значенiе этого опорнаго пункта измѣряется ничтожнымъ значенiемъ самой рѣчки Шахе въ смыслѣ оборонительной линiи.

Тѣмъ не менѣе мы всполошились этимъ упущенiемъ и рѣшились отобрать Линшинпу и вытѣснить оттуда японцевъ. Непрiятель, однако, какъ сказано, успѣлъ основательно укрѣпиться въ деревнѣ: отдѣльныя фанзы и стѣнки изъ жженаго кирпича приспособлены къ оборонѣ, продѣланы бойницы въ два-три яруса, даже на крышахъ фанзъ укрылись лучшiе стрѣлки японскiе и оттуда могли на далекомъ разстоянiи слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ и бить на выборъ каждаго, кто покажется въ предѣлахъ ружейнаго выстрѣла. Въ особенности японцы засѣли крѣпко въ китайской кумирнѣ, состоящей изъ двухъ кирпичныхъ построекъ, обнесенныхъ прочной кирпичной стѣной. Кумирня эта стоитъ особнякомъ на окраинѣ деревни и, приспособленная къ оборонѣ, обладаетъ хорошимъ обстрѣломъ, служа прочнымъ убѣжищемъ для небольшого гарнизона *).

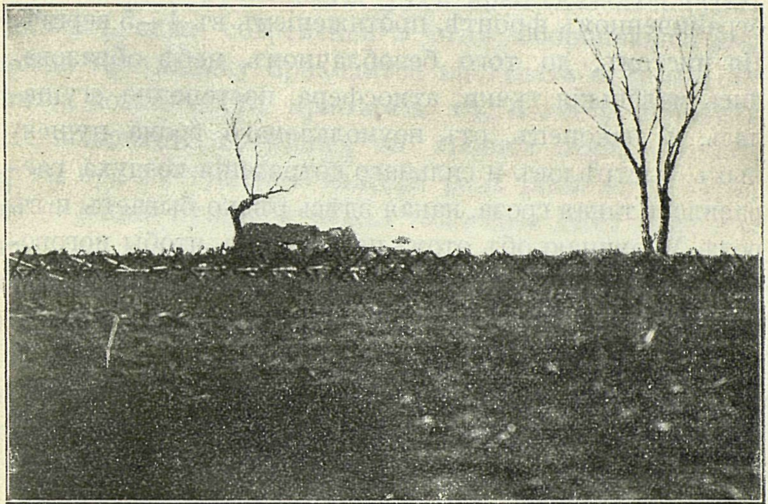
30-го сентября приказано овладѣть снова селенiемъ Линшинпу. Начались кровопролитнѣйшiя атаки Моршанскаго полка, Нѣжинскаго, Великолуцкаго. Видя съ нашей стороны настойчивыя усилiя овладѣть селенiемъ, японцы налегли и со своей стороны:

*) Мнѣ пришлось жить въ этой кумирнѣ ровно мѣсяцъ тому назадъ, при расположенiи здѣсь нашего авангарда (см. I-ю часть); тогда ясно было, что, въ чьихъ бы то ни было рукахъ, эта кумирня, приспособленная къ оборонѣ, можетъ стать надежнымъ опорнымъ пунктомъ для небольшого гарнизона.

стали усиленно укрѣпляться, притянули резервы. Цѣною огромныхъ усилій и значительныхъ жертвъ намъ удалось добраться до выселка-хутора, но всякая попытка просунуться хотя бы на шагъ дальше къ Линшинпу встрѣчалась такимъ адскимъ губительнымъ огнемъ, что въ минуты сметало все живое, и даже одиночные смѣльчаки не могли врываться въ селеніе. Надо было обратиться къ артиллерійской подготовкѣ, чтобы разрушить фанзы и кумирню, въ которыхъ засѣли японцы.

Тутъ-то оказалось безсиліе нашей полевой артиллеріи для такой, казалось бы, скромной задачи: имѣя въ своемъ распоряженіи снарядъ лишь одного типа, шрапнель, наша полевая пушка превосходна для пораженія открыто стоящихъ войскъ; но разбить деревушку, хотя бы изъ деревянныхъ лачугъ, совершенно безсильна, а въ особенности въ данномъ случаѣ, когда японцы засѣли въ прочныхъ кирпичныхъ фанзахъ; можно и нашу шрапнель поставить для разрыва „на ударъ“, но разрывной снарядъ малъ, и разрушительное дѣйствіе слабо. Досадно было видѣть, какъ иные дни деревня Линшинпу обстрѣливалась чуть ли не сотней полевыхъ пушекъ, и мы не могли хотя бы зажечь эту несчастную деревушку, въ которой крыши — наполовину соломенныя. Какъ обидно что въ погонѣ за однообразіемъ нашей новой пушкѣ дали только шрапнель. Недосмотрѣлъ ученый артиллерійскій комитетъ сущаго пустяка: что въ полевой войнѣ войска укрываются иногда въ деревнѣ, или за земляной насыпью, которую артиллерія должна умѣть разбросать. Ну — если не передъ земляной полевой насыпью, то стыдно артиллеріи признаться безсильной передъ деревянной лачугой, покрытой соломой.

А вѣдь наша шрапнель и тутъ пассовала. Какъ въ погонѣ за однообразіемъ кавалеріи мы въ началѣ 80-хъ годовъ съ маху упразднили фактически кавалерію, такъ съ новой пушкой — вѣроятно для простоты канцелярской отчетности — рѣшили ограничиться одной шрапнелью... Плохо дается намъ наша радикальная самобытность.

Та же кумирня въ Линшинпу въ концѣ октября послѣ безконечнаго обстрѣливанія. (Снимокъ сдѣланъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и стоилъ крови).

Вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ начальникъ штаба дивизіи, симпатичнѣйшій другъ и товарищъ С. В. Ц—ль. Мы обмѣнивались пережитыми за эти дни жгучими впечатлѣніями и событіями. Настроеніе подавлено до крайности. Опять неудача, — и теперь эта неудача постигла насъ уже при наступленіи; да еще потеря столькихъ орудій. Трудно было владѣть собою и

удержаться отъ слезъ, отъ невыразимой горечи и обиды пораженія...

1-го октября. Съ утра 1-го октября солнце взошло свѣтлое и праздничное, небо чистое; никакихъ признаковъ, которые могли бы предвѣщать перемѣну погоды. Но загремѣла съ ранняго утра артиллерійская канонада: по меньшей мѣрѣ отъ 150 до 200 орудій грохотали съ обѣихъ сторонъ на довольно ограниченномъ фронтѣ, протяженіемъ въ 4—5 верстъ. На чистомъ, до того безоблачномъ, небѣ образовались маленькія тучки; атмосфера постепенно сгущалась, и, наконецъ, отъ неумолкаемаго грома пушечныхъ выстрѣловъ и сильнаго сотрясенія воздуха разразилась такая гроза, какая здѣсь рѣдко бываетъ и въ іюлѣ. Упоминаю объ этомъ не для того, чтобы поговорить и о погодѣ, а для иллюстрированія обстановки, при которой намъ пришлось спѣшить на выручку своихъ.

Впереди дер. Кудязы, въ разстояніи $1^1/_2$—2 верстъ съ утра разразился жестокій кровопролитный бой, въ который ввязались войска 6-го Сибирскаго корпуса. Къ полудню войскамъ корпуса уже потребовалась поддержка...

Часовъ около 11—12 дня прискакалъ ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Г—въ съ приказаніемъ начальника дивизіи спѣшить на выручку Епифановскаго и Юхновскаго полковъ, которымъ очень трудно приходится подъ Даліантунемъ; для этого мнѣ предлагалось взять съ собою и 5 батарею, которая стояла на позиціи нѣсколько къ сѣверо-западу отъ деревни Кудяза. Предложивъ капитану Г—ву поѣхать на батарею и направить ее за мною вслѣдъ, я наскоро построилъ два баталіона моего полка (1-й и 3-й) и съ ними почти бѣгомъ мы бросились на югъ.

Спѣшить было очень тяжело: въ нѣсколько часовъ образовалась чудовищная, невылазная грязь,— точно хляби небесныя цѣлыя недѣли стояли открытыми. А торопиться помощью необходимо было. Японцы встрѣтили губительнымъ огнемъ открыто выдвинувшіеся впередъ Епифановскій и Юхновскій полки, осыпавъ ихъ сплошнымъ градомъ пуль, шрапнельныхъ и ружейныхъ. Тутъ ярко сказалась губительная сила современнаго огня обороняющагося, когда противнику приходится наступать открыто, не имѣя возможности прибѣгать къ помощи окоповъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что японцы неминуемо несутъ при наступленіи каждый разъ такія же потери: вѣдь наши пушки и ружья тоже свое дѣло дѣлаютъ не хуже японскихъ. Въ короткое время полки наши были сильно разстроены убійственнымъ огнемъ непріятеля и принуждены отступить.

Намъ нужно было пробѣжать всего-то около $1^1/_2$ версты. Но эта ужасная грязь, ливень и градъ, страшная усталость и мучительное нравственное состояніе отъ пережитыхъ потрясеній предшествовавшихъ дней, наше невозможное солдатское снаряженіе съ болтающимися со всѣхъ сторонъ мѣшками, — какъ тяжело бѣжать при такихъ условіяхъ! Бѣжать — навстрѣчу смерти... Люди изнемогаютъ, выбиваются изъ силъ, грязь ускользаетъ изъ-подъ ногъ, многіе падаютъ, но встаютъ и спѣшатъ дальше. По одному, по два идутъ, плетутся навстрѣчу легко-раненые, тянутся безконечныя вереницы носилокъ, импровизированныхъ изъ ружей и полотнищъ палатокъ, на которыхъ ежатся и страдаютъ отъ пронизывающаго холода и града тяжело-раненые. Попался навстрѣчу и раненый въ руку командиръ полка; усталый и изму-

ченный, онъ еле передвигалъ ноги по невылазной грязи при помощи двухъ нижнихъ чиновъ, которые ведутъ его подъ руку...

Но — прочь отъ этой картины, горшей смерти. Сама смерть краше... Лучше впередъ навстрѣчу смерти... Напрягаемъ всѣ силы и спѣшимъ впередъ и впередъ. Чуемъ, что минута критическая: если опоздаемъ, то

Бой 1 октября. Разсыпаніе цѣпи.

не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ были оттѣснены два полка, неминуемо будутъ опрокинуты два баталіона нашихъ.

Японцы замѣтили наше приближеніе и на высотѣ сел. Даліантунь встрѣтили насъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Точно стихійнымъ ураганомъ смерть и страданія ворвались въ наши ряды: въ нѣсколько минутъ изъ двухъ ротъ, 10-й и 12-й, артиллерійскій и ружейный огонь вырвалъ изъ

строя 54 человѣка убитыми и ранеными. Во главѣ всѣхъ, первой жертвой, палъ юный офицеръ подпоручикъ Ульяновскій, только-что выпущенный изъ военнаго училища, за недѣлю-двѣ передъ тѣмъ прибывшій въ полкъ и теперь сраженный на повалъ шрапнельною трубкою въ голову...

Славные молодцы наши не смутились и безостановочно наступали впередъ. Пріободрились и Епифановцы,—„братцы, подмога пришла!“ Мы стремились къ виднѣвшейся впереди полоскѣ неснятаго гаоляна, чтобы найти хотя какое-нибудь убѣжище отъ губительнаго огня.

Тѣмъ временемъ 1-й баталіонъ подъ начальствомъ лихого капитана Г-за, направленный на то мѣсто, гдѣ былъ правый флангъ частей 6-го корпуса, вышелъ счастливо къ покинутой батареѣ нашей: молчаливо и печально стояли наши пушки безъ людей и безъ лошадей, перебитыхъ и сметенныхъ сокрушающимъ огнемъ непріятеля. Японцы были уже близко — не далѣе 600 шаговъ отъ покинутой батареи, простирали уже жадные взоры на эту лакомую добычу, этотъ важный военный трофей... Еще полчаса, и японцы неизбѣжно дорвались бы до осиротѣлой батареи...

Но, слава Богу!—нашъ первый баталіонъ неудержимо стремится впередъ и подъ губительнымъ огнемъ, руководимый лихимъ командиромъ, предупреждаетъ японцевъ...

Эти послѣдніе видѣли, что славная добыча ускользаетъ изъ ихъ рукъ и открыли убійственный огонь по нашимъ смѣльчакамъ, взявшимся уже за наши пушки... Съ неимовѣрными усиліями, въ невылазную грязь, поражаемые неистовымъ огнемъ, наши истин-

ные „страстотерпцы“, преисполненные радостнымъ чувствомъ святого дѣла спасанія своей артиллеріи, вытаскивали на рукахъ наши пушки и одну за другой, съ радостными криками „ура“, на рукахъ тащили эти пушки около версты по адской грязи и передали ихъ артиллеристамъ, которые считали свою батарею, конечно, уже въ рукахъ японцевъ. Какая трогательная происходила встрѣча артиллеристовъ съ ихъ пушками! Кто видѣлъ ее, тотъ не забудетъ во всю жизнь. Офицеры бросались на колѣни и со слезами на глазахъ обнимали и цѣловали колеса своихъ пушекъ, цѣловали нашихъ нижнихъ чиновъ.

Командиръ батареи обнялъ и расцѣловалъ капитана Г. День этотъ, Покровъ, былъ днемъ батарейнаго праздника этой батареи, и командиръ батареи пожелалъ раздѣлить праздникъ съ нижними чинами 1-го баталіона, выдавъ имъ на чай 150 рублей. Участвовавшіе въ спасеніи батареи предпочли пожертвовать эти деньги на сооруженіе иконы Покрова Пресвятой Богородицы, въ ознаменованіе спасенія батареи. Я предложилъ, однако, возвратить эти 150 рублей батарейному командиру въ виду того, что въ памяти солдата останется получка 150 рублей „на чай“ за спасеніе батареи, чего нельзя было допустить; а на сооруженіе иконы предоставилъ собрать эту сумму среди офицеровъ по подпискѣ и самъ подписалъ первое пожертвованіе.

Бодрое, безостановочное движеніе впередъ нашихъ баталіоновъ, не взирая на убійственный огонь, возымѣло свое дѣйствіе. Дрогнули японцы. Точно электрическимъ токомъ пронеслась радостная вѣсть по всему фронту и въ глубину, — „апонецъ бяжитъ!“... Ожили, воспрянули даже тѣ измученные и усталые,

изъ которыхъ, казалось, улетучились послѣднiе остатки какой-нибудь энергiи. Мы захватили намѣченную линiю, постепенно туда стали собираться одиночные, отбившiеся люди Епифановскаго и Юхновскаго полковъ.

Но гдѣ же батарея моя? Японцы отступаютъ. Теперь бы преслѣдовать ихъ артиллерiйскимъ огнемъ; но нѣтъ батареи, хотя она, конечно, должна была поспѣть за пѣхотой. Посылаю въ карьеръ своего ординарца Чеснокова, за нимъ слѣдомъ скачетъ адъютантъ штабсъ-капитанъ С—iй съ приказанiемъ, съ просьбой, чтобы батарея скорѣй спѣшила къ намъ преслѣдовать отступающихъ японцевъ; но оказалось, что батарея и съ мѣста не трогалась, а продолжаетъ стоять на своей позицiи, увѣряя, что „при современной дальности огня можетъ и оттуда поддержать насъ"...

Обидно было видѣть отступающихъ японцевъ сравнительно безнаказанно. Тутъ мнѣ доложили, что сейчасъ за дер. Далiантунемъ видѣли еще какую-то батарею; оказалось батарея 6-ой артиллерiйской бригады, дѣйствовавшей здѣсь сегодня утромъ.

Но и эта батарея неохотно откликнулась на мою просьбу выдвинуться впередъ на позицiю.

— „Ужъ вы простите, полковникъ. Я не могу безъ развѣдки выдвинуть батарею. Наша бригада тутъ сегодня уже посѣяла батарею, и я подъ опасенiемъ, чтобы меня не постигла такая же участь"...

Въ концѣ-концовъ батарея снялась съ передковъ и сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, но японцы успѣли уже отступить; да и начало уже темнѣть.

Едва лишь стемнѣло, мы начали съ лихорадочной поспѣшностью окапываться. Какъ отлично спецiали-

зировались люди въ возведеніи окоповъ, съ какимъ искусствомъ и быстротой они возводятъ для себя закрытія. Что значитъ инстинктъ самосохраненія!.. Къ полуночи готовы были окопы, въ которыхъ мы и провели ночь, — ночь, конечно, сквернѣйшую въ смыслѣ физическомъ: холодъ и сырость пронизывали насквозь; температура понизилась до 0°, а нельзя ничѣмъ согрѣться,—ни воды согрѣть въ котелкахъ, ни огня развести, чтобы не обнаружить линіи окоповъ. Сдѣлали мы попытку подвезти горячую пищу въ походныхъ кухняхъ,—сейчасъ же замѣтили это японцы въ предразсвѣтной мглѣ и открыли огонь шрапнелью; пришлось отказаться и угнать назадъ кухни.

Пользуясь темнотой и возможностью приблизиться къ намъ безъ потерь, я вызвалъ 4-й баталіонъ изъ Сыфонтая и расположилъ его къ востоку отъ Даліантуня, войдя, такимъ образомъ, въ связь съ позиціей полковъ 35-й дивизіи подъ Линшинпу.

Около часу-двухъ ночи я направился по линіи расположенія ротъ, чтобы посмотрѣть окопы. Осмотръ тутъ предполагался, конечно, вполнѣ условный, потому что темнота кромешная, грязь невылазная на дорогѣ и липкая и скользкая на поляхъ. Да и днемъ не легко было прослѣдить линію окоповъ. Но хотѣлось навѣстить людей, подбодрить словомъ, поблагодарить за службу. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ и полковой адъютантъ и два конныхъ ординарца. Направляемся въ темнотѣ наугадъ, по памяти, какъ запомнили направленіе еще засвѣтло; стараемся при этомъ въ темнотѣ подъѣхать къ постамъ съ тыла, а не со стороны японцевъ, — потому что очень просто подстрѣлятъ. Подъѣхалъ сначала къ охотничьей командѣ. Часовой тревожно окликнулъ, узналъ меня

по голосу, обошлось безъ выстрѣловъ. Люди не спятъ, конечно, сидятъ въ окопѣ частью въ водѣ,—потому что послѣ адскаго ливня днемъ достаточно гдѣ бы то ни было вырыть окопъ, чтобы тамъ накопилась вода. Поздоровался съ людьми вполголоса. Поговорилъ съ минуту съ офицерами и направился дальше,—по нашимъ расчетамъ къ постамъ 3 баталіона; въ тишинѣ ночной слышно было только шлепаніе по грязи ногъ нашихъ лошадей. Не успѣли мы отъѣхать и шаговъ 20 отъ постовъ охотничьей команды, какъ слышу съ той же стороны тревожный окликъ часового: „стой, кто идетъ", а вслѣдъ затѣмъ выстрѣлъ—одинъ, другой...

Выстрѣлы охотничьей команды подхватили и сосѣдніе посты и—пошла оживленная стрѣльба по всей линіи; со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ направленіямъ жужжатъ мимо насъ пули... Мнѣ ясно, что со стороны японцевъ никто тутъ не показывался,—что эта тревога вызвана шлепаніемъ по грязи ногъ нашихъ лошадей. Но неугодно ли остановить такую тревогу, вспыхивающую въ непроглядной тьмѣ ночной. Вѣдь по линіи сторожевыхъ постовъ выставлены секреты—почти сплошная линія часовыхъ, спрятанныхъ подъ стоймя поставленными снопами неубраннаго съ полей гаоляна. Очевидно, какой-нибудь часовой, разбуженный топотомъ нашихъ лошадей, сдѣлалъ тревожный выстрѣлъ, а настроеніе у всѣхъ и безъ того лихорадочное, нервы напряжены до крайности и—тревога готова.

Удивительнѣе всего то, что эта тревога зародилась въ охотничьей командѣ, которая только что отвѣчала мнѣ на привѣтствіе, узнавъ меня по голосу. Привожу этотъ случай для того лишь, чтобы пока-

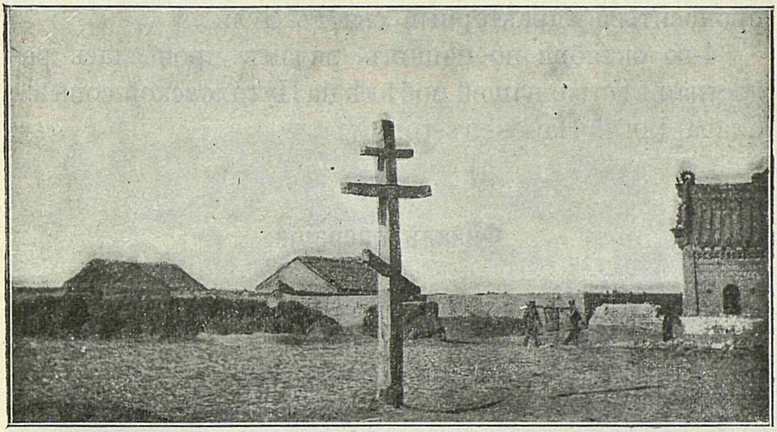
зать, какъ трудно оріентироваться ночью при боевой обстановкѣ, и какъ легко возникаютъ ночныя тревоги.

Пришлось прижаться къ какимъ-то стогамъ и выждать пока окончится эта бѣшеная стрѣльба. Пробовалъ еще разъ-другой подъѣхать къ постамъ, но неизмѣнно вызывалъ стрѣльбу: то въ темнотѣ подъѣзжаешь какъ-разъ со стороны японцевъ, думая, что я нахожусь въ тылу съ нашей стороны, то часовой съ просонья начинаетъ стрѣлять за здорово живешь, а его поддерживаютъ сосѣди. Пришлось отказаться отъ своей затѣи и съ величайшей осторожностью, безъ шума, и украдкой пробраться подальше отъ линіи постовъ.

Очевидно, люди были измучены и замотаны до крайности.

Нельзя сказать, чтобы и въ нравственномъ отношеніи мы были эту ночь настроены жизнерадостно: долгъ свой мы исполнили выдающимся образомъ, въ исторію нашего полка мы въ этотъ день вписали страницу славную; но омрачалось настроеніе присутствіемъ впереди окоповъ многихъ раненыхъ епифановцевъ и юхновцевъ, оставшихся неубранными съ вечера, а приблизиться къ нимъ можно было лишь цѣною новыхъ раненыхъ и убитыхъ... Каково-то было этимъ несчастнымъ, ютившимся въ грязи по два подъ одной шинелью, въ этотъ пронизывающій сырой холодъ! Съ разсвѣтомъ, несмотря на огонь японцевъ, мы направили для выноса раненыхъ и убитыхъ музыкантскую команду, которая безъ устали работала до полудня надъ этимъ святымъ дѣломъ. Вынесли одного несчастнаго съ оторваннымъ кускомъ черепа и обнаженнымъ мозгомъ; въ припадкѣ безумія онъ

срываетъ съ себя все, бьется о стѣну и черезъ часъ скончался. Приступили къ печальной работѣ погребенія убитыхъ. Выбрали мѣсто для могилы безвременно погибшаго несчастнаго Ульяновскаго, на небольшой площадкѣ, въ центрѣ сел. Даліантунь, около маленькой китайской кумирни. Какъ больно было видѣть это славное, всегда чистое, открытое лицо

Мѣсто, гдѣ похороненъ Подпор. Ульяновскій. (Крестъ былъ поставленъ впослѣдствіи заботами его брата, артиллерійскаго офицера).

жизнерадостнаго юноши, теперь изуродованнаго вражескимъ снарядомъ... Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ подпоручикомъ Красновидовымъ прибыли они въ полкъ лишь за одну-двѣ недѣли передъ тѣмъ, и оба теперь убиты: одинъ 29-го сентября подъ Шилихе, а второй — вотъ 1-го октября. Какъ тутъ не призадуматься надъ неисповѣдимостью нашей судьбы, направляющей насъ такими загадочными путями...

2—4 октября. Всѣ эти дни бой безпрерывно кипитъ по всей линіи. Стрѣльба артиллерійская и ру-

жейная не прекращается ни днемъ, ни ночью; но въ наступленіе не переходятъ ни съ нашей стороны, ни со стороны японцевъ. Очевидно, обѣ воюющія стороны бьются изъ послѣднихъ силъ, зорко слѣдя другъ за другомъ, даже за появленіемъ одиночныхъ людей: вздумалъ я было влѣзть на глинобитную стѣнку и заглянуть въ бинокль къ японцамъ въ сторону Линшинпу, какъ немедленно мимо ушей началъ проноситься характерный свистъ пуль...

4-го октября по нашимъ рядамъ пронеслась радостная вѣсть о нашей побѣдѣ на Путиловской сопкѣ... Слава Богу! Наконецъ-то...

Финалъ операціи.

Кровопролитный бой на Путиловской сопкѣ послужилъ заключительнымъ кровавымъ аккордомъ ко всей этой наступательной операціи, которая съ обѣихъ сторонъ, видимо, шла на убыль и постепенно затихала.

Я изложилъ до сихъ поръ то, что пережито было нами непосредственно, или что дѣлалось въ ближайшемъ сосѣдствѣ и воспринималось нами какъ событія рикошетирующаго характера, задѣвавшія насъ самихъ. Теперь постараюсь представить общую картину предпринятой нами наступательной операціи.

Планъ этой операціи изложенъ былъ выше. Въ общихъ чертахъ онъ заключался въ томъ, что генералъ Бильдерлингъ съ двумя корпусами демонстративно и медленно наступаетъ съ фронта, привлекая на себя главныя силы японцевъ, а генералъ Штакельбергъ (и генералъ Ренненкампфъ) съ главными

силами наноситъ черезъ горы главный ударъ и тѣснитъ японцевъ съ востока на Ляоянъ. Въ резервѣ у командующаго арміей остаются три корпуса (1-й армейскій, 4 и 6 Сиб.) и отрядъ ген.-м. Мищенко. Фланги обезпечиваются: правый—отрядами генераловъ Дембов-

Путиловская сопка утромъ 4 октября. (Фотографія заимствована изъ альбома).

скаго и Коссаговскаго, а лѣвый—отрядами генерала Ренненкампфа и полковника Мадритова.

Генералъ Штакельбергъ наступалъ не очень ретиво, дѣлая переходы въ 8—10 верстъ въ день; 24-го сентября потратили на рекогносцировку Баньяпузы, которая за недѣлю передъ тѣмъ рекогносцировалась уже много разъ. Позволю себѣ высказать здѣсь мимоходомъ — пусть это будетъ хотя бы въ видѣ парадокса—что къ рекогносцировкѣ прибѣгаютъ

всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватаетъ энергичнаго импульса для наступленія и атаки. Какъ бы то ни было, а едва ли тутъ своевременно было забастовать съ арміей на цѣлый день и заняться рекогносцировкой. Пока генералъ Штакельбергъ съ цѣлой арміей 24 и 25 сентября присматривался къ Баньяпузѣ съ профиля, съ фаса и даже съ тылу, вырабатывая планъ какъ штурмовать этотъ пунктъ,—японцы совсѣмъ бросили Баньяпузу и сосредоточились на своей главной позиціи по линіи переваловъ Тумыньлинъ (восточный и западный) Ченгоулинъ и по горному хребту Лаотхалаза, къ сѣверо-востоку отъ Бенсиху. Восточный отрядъ продвинулся опять впередъ черепашьимъ шагомъ, занялъ 25-го сентября пустую деревню Баньяпуза, брошенную японцами и... опять остановился, чтобы собраться съ силами съ цѣлью на слѣдующій день атаковать перевалы.

26-го сентября разрозненно и безъ общаго руководства войска ген. Штакельберга атакуютъ перевалы и терпятъ неудачу, и поэтому 27-го сентября опять отдыхаютъ, чтобы снова собраться съ силами для новой атаки переваловъ, — хотя и при атакѣ 26-го сентября участвовала только ничтожная часть силъ,—всего лишь 7 баталіоновъ изъ общаго числа 34 баталіоновъ (считая 1 и 2 Сибирскіе корпуса), которые генераломъ Штакельбергомъ могли быть назначены для этой цѣли.

28-го сентября опять ведутся разрозненныя и неудачныя атаки войсками 1-го Сибирскаго корпуса на перевалы, 3-го Сибирскаго корпуса—на гору Лаотхалаза и генерала Ренненкампфа—на Бенсиху. Вездѣ войска бьются самоотверженно, несутъ огромныя потери; но всѣ героическія усилія разбиваются въ виду

дикихъ условій мѣстности. Укрѣпивъ свои орлиныя гнѣзда на высокихъ неприступныхъ горахъ, японцы обороняли ихъ ничтожными силами, а мы вели неистовыя атаки въ лобъ на отвѣсныя скалы, хотя въ теоріи каждый фендрикъ и во снѣ отвѣтилъ бы, что горную позицію надо стараться обойти.

29-го сентября наступилъ уже переломъ въ операціяхъ Восточнаго отряда: генералъ Штакельбергъ въ ночь на 29 сентября переходитъ уже отъ наступленія къ оборонѣ *). А между тѣмъ командующій арміей негодовалъ противъ отступленія Западнаго отряда на линію Шахе 29-го сентября именно потому, что Восточный отрядъ въ это время будто наступаетъ впередъ, и отступленіе Западнаго отряда парализуетъ это наступленіе. А на самомъ дѣлѣ генералъ Штакельбергъ за сутки передъ тѣмъ, уже въ ночь на 29 сентября, поставилъ точку дальнѣйшему наступленію и переходитъ къ оборонѣ.

Странно довольно, что несмотря на то, что командующій арміей держался постоянно чуть ли не въ боевыхъ линіяхъ—онъ тѣмъ не менѣе бывалъ часто плохо оріентированъ относительно дѣйствительнаго положенія обстановки. Мы это видѣли сейчасъ по капитальному вопросу о взаимодѣйствіи двухъ главныхъ группъ корпусовъ. А вотъ и другой примѣръ: настаивая рано утромъ 30-го сентября на то, чтобы 10-й корпусъ удержался на линіи д.д. Панкхяопу, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ былъ увѣренъ, что 17-й корпусъ остается на своей главной позиціи, на линіи Ченліутхангоу; тогда какъ на самомъ дѣлѣ

*) См. статью Генеральнаго Штаба капитана Маркова. (Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба).

17-й корпусъ въ это время былъ уже на сѣверномъ берегу р. Шахе. Точно также, 27 вечеромъ командующій арміей указываетъ генералу Штакельбергу захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ вдоль по Тайцзыхе и намѣчаетъ ему пунктъ остановки на высотѣ дер. Сахутунь,—т. е. чуть ли не подъ Ляояномъ, въ то время когда 3-й корпусъ и Ренненкампфъ ни на шагъ еще не продвинулись въ рѣшеніи своей задачи подъ Бенсиху.

Такихъ примѣровъ можно бы привести безъ конца.

Можетъ быть командующій арміей бывалъ иногда недостаточно хорошо оріентированъ именно потому, что самъ непосредственно вертѣлся въ вихрѣ боевыхъ дѣйствій.

Какъ же японцы во время этой операціи распредѣлили свои силы?

Безконечныя приготовленія наши къ наступленію не оставались, конечно, тайной отъ японцевъ. Развѣ мыслимо было каждому полку накупить мѣсячную порцію скота безъ того, чтобы это знали всѣ китайскіе базары? Группировка нашихъ корпусовъ, затѣмъ медленное наступленіе черепашьимъ шагомъ и первыя демонстративныя дѣйствія, до комизма шитыя бѣлыми нитками, дѣлали совершенно прозрачнымъ и весь планъ нашего наступленія и дали японцамъ времени болѣе чѣмъ достаточно, чтобы встрѣтить ударомъ въ отвѣтъ на нашу дѣтскую угрозу нанести ударъ.

Планъ японцевъ былъ весьма простъ: Восточному отряду предстояло неминуемо завязнуть въ дикихъ ущельяхъ неприступныхъ горъ—задержать его здѣсь въ горныхъ лабиринтахъ требовалось не много силъ. Въ то же время превосходными силами обойти правый флангъ Западнаго отряда, что было весьма

удобно, потому что мѣстность вполнѣ благопріятная, наблюдаемая только ничтожными отрядами полковника С—ча и генералъ-маіора Г—ва. Такимъ образомъ, генералъ Куроки небольшой частью своей первой арміи приковалъ къ своимъ орлинымъ гнѣздамъ всѣ войска Восточнаго отряда, противъ которыхъ дѣйствовала гвардейская резервная бригада на позиціи у Лаотхалаза и около Лиушудія и 12 дивизія на перевалахъ Далинскомъ, Тумынлинскомъ и Ченгоулинскомъ; главная же часть арміи Куроки, больше $2^1/_2$ дивизій, яростно бросилась на Фындяпу, т. е. въ широкій пустой промежутокъ между Западнымъ и Восточнымъ отрядами. Ближайшимъ резервомъ для достиженія этой важной задачи могла служить 4-я армія Нодзу. Это направленіе было для насъ весьма опасно потому, что японцамъ было здѣсь ближе къ Мукдену — центру нашего тыла — чѣмъ всей арміи генерала Штакельберга... Въ то же время 2-я армія Оку обошла правый флангъ Западнаго отряда. Затѣмъ въ рукахъ Ойямы оставался еще резервъ изъ трехъ резервныхъ бригадъ.

Когда обнаружились признаки обхода арміи Оку, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ оказался вынужденнымъ, для парированія обхода, 27-го сентября направить туда изъ своего резерва 6-й Сибирскій корпусъ, а когда обнаружился ужасный замыселъ противника отрѣзать Восточный отрядъ—движеніемъ на Фындяпу — необходимо было поскорѣе заткнуть эту брешь другими войсками резерва, и для этой цѣли выдвинуты были и 1-й армейскій, и 4-й Сибирскій корпуса, и отрядъ генералъ Мищенко—все, что было въ резервѣ. Такимъ образомъ, уже 28-го сентября, т. е. когда еще только началось развитіе событій,

нашъ командующій арміей успѣлъ уже израсходовать весь свой дѣйствительно мощный резервъ изъ 80 баталіоновъ, и въ его распоряженіи, для вліянія на ходъ сраженія, остались только развѣ его личный конвой и штабъ.

А въ то же время на правомъ флангѣ оставался почти въ полномъ бездѣйствіи отрядъ генерала Дембовскаго въ 10 баталіоновъ,—потому что для наблюденія здѣсь имѣлось войскъ болѣе, чѣмъ достаточно—отрядъ генерала Коссоговскаго и отрядъ генерала Грекова.

И все горе въ томъ, что мы во все время войны никогда не думали о томъ, чтобы наносить ударъ, а всегда только то и дѣлали, что закрывались отъ наносимаго удара. Подъ Ляояномъ сама судьба подставила армію Куроки для нанесенія ей смертельнаго удара, который наша армія сдѣлать не съумѣла, завороженная своей пассивной обороной. Теперь, на Шахе, мы еще кое-какъ топтались и подвигались, пока японцы стояли на мѣстѣ и не мѣшали нашимъ планамъ; но какъ только противникъ тронулся и перешелъ въ наступленіе, мы остановились загипнотизированными и, собравшись наступать, начали обороняться. То же самое съ убійственной наглядностью повторилось впослѣдствіи подъ Мукденомъ. Очевидно, мирные маневры противъ обозначеннаго противника пріучили насъ воевать только съ обозначеннымъ противникомъ.

Наступленіе наше кончилось. Мы вернулись на ту же линію, съ которой мы и тронулись для нашего наступательнаго опыта 23-го сентября. Опытъ оказался неудачнымъ и обошелся арміи нашей въ 40 тысячъ убитыхъ и раненыхъ, съ потерей 43 орудій.

ГЛАВА III.

Первая Линшинпу.

Послѣ Шахейскаго сраженія. Боевая и житейская обстановка. Наша штабъ-квартира въ Уенченпу. Назначеніе генералъ-адъютанта Куропаткина главнокомандующимъ вмѣсто адмирала Алексѣева. Положеніе подъ Линшинпу. Памятная ночь 17—18 октября. Жизнь и служба въ окопныхъ катакомбахъ подъ Линшинпу. Ночныя атаки японцевъ. Совѣщаніе у командующаго корпусомъ. Посѣщеніе нашей позиціи и „моего домика" генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ. Мои имянины подъ Линшинпу. Ночной поискъ нашихъ охотниковъ 9—10 ноября по всему фронту. Выходцы съ того свѣта Ищенко и Харзаматовъ. Смѣна и кратковременная передышка.

Кончилась наша наступательная операція. Отовсюду передаются циркулирующія въ войскахъ грустныя вѣсти о нашихъ потеряхъ. У насъ, въ одной 3-ей дивизіи, потери превышаютъ 5.000 человѣкъ убитыхъ и раненныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ; а всего въ 17 корпусѣ потери достигаютъ 7—8 тысячъ человѣкъ. Въ Восточномъ отрядѣ и въ войскахъ 4-го Сибирскаго корпуса, дѣйствовавшихъ въ центрѣ, потери еще чувствительнѣе; въ Тобольскомъ полку, если вѣрить разсказамъ одного штабного офицера, пріѣзжавшаго отъ командующаго арміей для выясненія числа штыковъ въ полкахъ, *выбиты всѣ офицеры*.

Въ то же время эти обезкураживающія вѣсти сдабриваются разсылаемыми офиціальными оповѣще-

ніями, составленными по заданному камертону—„громъ побѣды раздавайся"; къ несчастью, эти свѣдѣнія оказываются постоянно невѣрными, а слѣдующія за такими телеграммами событія приносятъ горшее разочарованіе, потому что въ дѣйствительности судьба вмѣсто конфетки даетъ розги. Такъ, 3 октября, мы получили телеграмму для оповѣщенія войскъ, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ самолично повелъ въ наступленіе 1 армейскій и 4 сибирскій корпуса, сбилъ правый (?) флангъ японцевъ и окружилъ отрядъ непріятельскій въ 3—4 тысячи человѣкъ. Я громко и радостно съ нѣкоторыми ротами прокричалъ „ура" нашему полковдцу; а вслѣдъ затѣмъ мы узнаемъ, что японцы ночной атакой сами сбили съ позиціи войска 22 дивизіи, а генералъ-адъютантъ Куропаткинъ не только никого не окружилъ, но и самое наступленіе его замерло въ самомъ началѣ. Разсылка такихъ ложныхъ (иногда—завѣдомо ложныхъ) свѣдѣній возведена была въ систему съ цѣлью, какъ думали, поднять моральный духъ войскъ. Наивность такой системы ясна сама собою. Въ данное время войска еще относились съ довѣріемъ къ этимъ оффиціальнымъ телеграммамъ, а съ теченіемъ времени и солдаты стали выслушивать наши извѣщенія со скрытой ироніей и упрекомъ въ глазахъ.

Къ такого же рода извѣщеніямъ надо отнести слѣдующее приказаніе, которое разсылалось войскамъ корпуса 2 октября: „Надо стойко держаться на позиціи; *продержитесь только сегодняшній день и война кончена*". Такое категорическое завѣреніе со стороны начальства показалось не только наивнымъ, но и оскорбительнымъ. Что же это такое,—развѣ мы такъ ужъ плохо держимся на позиціяхъ, что требуются

такія поощрительныя мѣры какъ обѣщаніе мира? Вѣдь до сихъ поръ войска оставляли свои позиціи только *по приказанію!* Это наивнѣйшее оповѣщеніе глубоко задѣло самолюбіе офицеровъ; одинъ офицеръ генеральнаго штаба, прочитавъ это „приказаніе“ даже сплюнулъ и выругался:—„чортъ знаетъ что такое,—думаютъ приманить какъ дѣтей на лекарство,—прими лекарство, дамъ кусочекъ сахару“...

Ну можно ли относиться съ довѣріемъ не то что къ стратегическимъ соображеніямъ, а хотя бы къ здравому смыслу такого начальства, отъ котораго могутъ исходить такія наивныя приказанія...

Армія почти по всему фронту заняла въ общихъ чертахъ тѣ же позиціи, какъ передъ наступленіемъ. Какъ будто ничего и не было. Наше наступленіе выразилось только въ томъ, что самъ командующій арміей не вернулся на старое мѣсто—на Мукденскій вокзалъ, а основалъ свою главную квартиру въ 7—8 верстахъ южнѣе Мукдена, около деревни Чансамутунь. Это должно было служить внѣшнимъ показателемъ успѣха нашего наступленія,—ибо если судить по ставкѣ главнаго начальника—мы все-таки подвинулись впередъ.

Хотя это длительное сраженіе съ его безконечными боями были явно на исходѣ,—тѣмъ не менѣе перестрѣлка артиллерійская и ружейная не умолкали днемъ и ночью, унося постоянно много жертвъ—точно кровавый прибой разбушевавшагося моря, слѣдующій послѣ пронесшейся бури. Почти двѣ недѣли прошло послѣ нашего перехода въ наступленіе. Все это время не приходилось ни ѣсть, ни спать сколько нибудь по человѣчески: то и другое приходится дѣлать какъ-нибудь и гдѣ-нибудь; нельзя было улу-

чить часъ, чтобы хоть на половину раздѣться и растянуться для отдыха, въ чемъ чувствовалась крайняя потребность, потому что хуже японцевъ стали одолѣвать насъ „внутренніе враги“, скрывавшіеся въ платьѣ нашемъ. Приходилось постоянно имѣть въ рукахъ особую палочку, при помощи которой, и гдѣ это возможно было, отбивались отъ атаки этихъ внутреннихъ враговъ. Каждый день мы твердили себѣ:—„нѣтъ это долго продолжаться не можетъ! Вѣдь который уже день безконечнаго сраженія!;—это, вѣроятно, скоро кончится... И смотришь—ничего. И живемъ, и дѣйствуемъ. И еще будемъ дѣйствовать, сколько придется. Такова природа человѣка, скованная не изъ стали, упругости которой есть предѣлъ, а изъ резины, которую можно вытягивать сколько придется. Уже пятые сутки люди безвыходно сидятъ въ окопахъ, часто подъ губительнымъ смертельнымъ огнемъ и большей частью въ водѣ, накопившейся отъ бывшихъ дождей. Въ теченіе всего дня нѣтъ возможности выскочить изъ окопа, чтобы размять сколько-нибудь усталые члены—потому что подстерегаетъ вражеская пуля, да и темной ночью „гулять“ внѣ окопа тоже не сладко—со всѣхъ сторонъ визжатъ и воютъ шальныя пули.

Пищу людямъ въ окопы доставляютъ только ночью въ походныхъ кухняхъ, которыя останавливаются глубоко въ тылу внѣ дистанціи ружейнаго выстрѣла, а оттуда въ окопы приносятъ пищу въ котелкахъ или въ бочатахъ на осликахъ. Кухни подвезти ближе нѣтъ возможности, потому что на шумъ подъѣзжающей кухни японцы сейчасъ же открываютъ ружейный огонь. Такимъ образомъ, *горячей* пищи люди ужъ не видѣли много дней,—потому что,

пока принесутъ въ окопы, получается вполнѣ холодная похлебка. Да и не только нижніе чины, офицеры тоже питаются не лучше. У меня въ запасѣ было не мало консервовъ всякаго рода, но все это вмѣстѣ съ денщикомъ находится гдѣ-то въ обозѣ; ни этихъ заботъ, ни возни съ пищей не хочется имѣть въ такіе жгучіе дни, которые мы теперь переживаемъ. За все время этихъ боевъ меня разъ только полакомили: находясь вмѣстѣ со 2 ротой въ Даліантунѣ, ночью съ 1 на 2 октября, командиръ этой роты, хозяйственный капитанъ З—ій, предоставилъ мнѣ большой кусокъ варенной печонки и бутылку коньяку. Мы отправились съ этой драгоцѣнной добычей въ ближайшій окопъ 4 баталіона, чтобы подѣлиться съ товарищами; коньякъ оказался сквернѣйшей шанхайской „махъ-мадера“, хотя мы при всемъ томъ смаковали его какъ божественную амброзію. За то, что касается печонки,—то намъ показалось просто удивительнымъ, какъ это она иногда людямъ отравляетъ существованіе, когда на самомъ дѣлѣ даже не своя, а чужая печонка, подѣленная на мелкія кусочки, такъ вкусна и приноситъ столько наслажденія.

Этотъ случай съ печонкой навелъ меня на мысль, отчасти подсказанную и капитаномъ З-мъ—дѣльнымъ ротнымъ командиромъ,—*удвоить* количество мяса, отпускаемаго нижнимъ чинамъ и вмѣсто одного фунта давать *два*. Дѣйствительно, условія жизни и службы были невыразимо тяжкія: напряженность физическая и нервозная достигли крайней степени, и если не поддержать людей хорошимъ питаніемъ, то для апатіи, тифа и заболѣваній всякаго рода почва готовая. Кромѣ того на примѣрѣ печонки я убѣдился, что кусокъ холоднаго мяса въ окопѣ—лучшее сокровище.

А что касается денежнаго расхода, то онъ могъ быть покрытъ огромной фуражной и приварочной экономіей. Не долго размышляя, я написалъ записочку завѣдывающему хозяйствомъ, и весь полкъ сталъ получать сразу по два фунта мяса въ день на человѣка.

Въ мирное время, пожалуй, и командующій войсками округа не могъ бы увеличить мясную дачу и на четверть фунта, а на войнѣ „обстоятельства повелѣваютъ". Однако, когда черезъ девять дней такого усиленнаго довольствія я получилъ отъ завѣдывающаго хозяйствомъ лаконическую записочку— „г. Полковникъ, Ваше распоряженіе за № обходится полку около трехъ тысячъ рублей въ недѣлю",— то я и самъ былъ озадаченъ не мало, и приказалъ сначала уменьшить прибавку вдвое, а затѣмъ—когда явилась возможность перейти изъ окоповъ въ фанзы— перешли къ нормальной дачѣ.

Конечно, эта передержка потонула въ экономическихъ суммахъ полка, какъ капля въ морѣ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю понынѣ эту плодотворную печонку, которая навела меня на прекрасное распоряженіе, въ значительной степени облегчившее трудное положеніе нижнихъ чиновъ въ кровавые дни жизни въ окопахъ,

6 октября мы (какъ вѣроятно, и другіе полки 17 корпуса) получили отъ генерала Бильдерлинга обильныя закуски и подкрѣпительную выпивку для офицеровъ. Не только тронуло вниманіе начальника, но это было чрезвычайно кстати въ такія жестокія минуты,—въ особенности тогда, когда офицеры положительно лишены были всего.

7 октября я перешелъ съ тремя баталіонами въ

Ханченпу, которая все время жестоко обстрѣливается японской артиллеріей. Не успѣлъ я занять одну изъ уцѣлѣвшихъ фанзъ, какъ непрошенная шимоза привѣтствовала меня съ новосельемъ—ворвалась въ сѣни и произвела большой безпорядокъ, къ которому мы, впрочемъ, достаточно привыкли; спасибо за то, что, благодаря счастливой случайности, изъ людей никто не пострадалъ.

Поѣхалъ осматривать деревню, чтобы сообразить какъ ее привести въ оборонительное состояніе на всякій случай. Слышу, изъ какой-то фанзы, безъ оконъ и дверей, доносится душу раздирающій дѣтскій плачъ. Подъѣхалъ ближе,—оказывается, въ пустой полуразрушенной фанзѣ валяется на канѣ ребенокъ китайскій, лѣтъ 3-хъ, и неистово плачетъ, взялъ его оттуда и доставилъ въ китайскую семью на окраинѣ деревни; но черезъ часъ, возвращаясь мимо той же разрушенной фанзы, убѣдился, что китайченокъ опять сданъ на произволъ неотвратимой судьбы... Тоже жертва войны...

Рано утромъ отправился осматривать расположеніе 4-го баталіона въ дер. Уенченпу и постройку возводимаго имъ здѣсь укрѣпленія. Нижніе чины мерзли уже весьма изрядно въ окопахъ, потому что температура ночью доходила уже до—3°R. А, между тѣмъ, тутъ рядомъ превосходная, и видимо вполнѣ сохранившаяся, большая китайская деревня Уенченпу, куда я немедленно перевелъ баталіонъ, оставивъ въ укрѣпленіи небольшой караулъ. Чтобы быть поближе къ укрѣпленію я рѣшилъ и самъ перебраться въ эту деревню, соблазнившись тѣмъ, что она сохранилась лучше другихъ окружающихъ населенныхъ пунктовъ.

Распредѣливъ участки деревни между баталіонами, я направился для осмотра фанзъ. Вниманіе мое было привлечено одной замѣчательно богатой по внѣшнему виду усадьбой. Вся она была окружена высокой зубчатой стѣной изъ прелестнаго жженнаго

Китайское семейство и „мадама“ съ уродливыми ножками въ видѣ козьихъ копытъ.

кирпича; огромный чудный дворъ—точно въ большихъ японскихъ храмахъ—былъ вымощенъ большими гранитными плитами; масса прекрасныхъ надворныхъ построекъ, флигеля, китайскія рѣшетки, уставленныя цвѣтами и проч. Главный домъ, построенный также изъ кирпича, занималъ часть задняго фасада передняго двора и состоялъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сквозными сѣнями; одна половина оказалась занятой офицерами саперной

роты, принадлежащей къ составу войскъ 6 сибирскаго корпуса. Командиръ этой роты, капитанъ баронъ У.—Ш—гъ, разсказывалъ мнѣ, что здѣсь поселилось было начальство №—ой дивизіи, которая, однако, скоро выбралась отсюда, въ виду того, что японская артиллерія облюбовала эту деревню и усиленно ее обстрѣливаетъ.

Роскошь внутренней обстановки этой фанзы была совершенно выходящей изъ ряда обыкновеннаго. Я знакомъ былъ съ Маньчжуріей еще задолго до войны, не мало поколесилъ въ ея провинціяхъ, а такой богатой усадьбы, такой роскошной обстановки, еще видѣть не приходилось: тутъ были богатыя тяжеловѣсныя рѣзныя кресла и столы изъ палисандроваго дерева, богатыя зеркала стоимостью каждое—какъ цѣнили—въ тысячу рублей, богатѣйшія рѣзныя перегородки и проч. Богатство этой обстановки объяснялось большой китайской надписью, красовавшейся на стѣнѣ подъ стекломъ въ рѣзной рамѣ: согласно этой надписи, владѣлецъ усадьбы былъ „родственникъ императора и сборщикъ податей"; вотъ эта вторая половина надписи служила разгадкой этого богатства: достаточно въ Китаѣ быть сборщикомъ податей, хотя—бы и не родственникомъ императора, чтобы накопить огромныя богатства; извѣстно, что въ Маньчжуріи существуетъ законъ, или обычай, имѣющій силу закона, извѣстный подъ названіемъ „янь-тянь", т.-е. „поощреніе безкорыстія", согласно которому цзянь-цзюню (генералъ-губернатору) полагается жалованье въ 230 ланнъ въ годъ, а на самомъ дѣлѣ доходы его оцѣниваются въ десятки тысячъ.

Во второй половинѣ этой фанзы былъ полный

разгромъ и безпорядокъ: видно было, что тутъ уже хозяйничали мародерскія руки. Богатые сундуки, обитые красной кожей съ затѣйливымъ золотымъ тисненіемъ были всѣ опрокинуты. На полу были цѣлыя кучи перемѣшанныхъ всевозможныхъ домашнихъ вещей и разной утвари: тутъ богатѣйшія женскія туфельки съ миніатюрной ножки китайской щеголихи, вышитыя золотомъ и шелками, представляющія собою шедевръ художественной работы,— разное платьѣ китайское, игрушки и другія вещи, которыя, очевидно, ни на что не могли пригодиться солдату.

Я приказалъ привести все въ порядокъ и водворился самъ въ этой половинѣ.

Совмѣстно съ моими дѣятельными сожителями, искусными саперами, мы приступили къ постройкѣ бани, въ которой такъ нуждались офицеры и нижніе чины: саперы прилагали свое архитектурное искусство и знаніе, а я доставлялъ строительный матеріалъ и рабочія силы. Въ 5—6 дней у насъ готовы были двѣ прелестныя бани, для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ. Офицерская баня была обставлена даже роскошно: полокъ былъ украшенъ стѣнкой изъ разныхъ пано художественной рѣзной работы палисандроваго дерева, которыя могли бы служить предметомъ украшенія даже какого-нибудь изысканно обставленнаго камфортабельнаго кабинета, паръ поддерживался большими чашками изъ дорогого китайскаго фарфора и т. п. Одинъ только недостатокъ мѣшалъ спокойно наслаждаться этимъ кейфомъ—это японскія шимозы, совершенно излишнія для баннаго обихода, заглядывавшія непрошенными гостьми къ намъ на дворъ.

Когда все было готово, мы назначили на 12 октября обновку бани, которая была къ этому времени тщательно вычищена и натоплена.—Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали давно взлѣлѣянной потребности вымыться хорошенько въ банѣ и выпарить платье; но утромъ 12-го, когда я зашелъ на половину моихъ сосѣдей—саперовъ, я ее вдругъ нашелъ совершенно опустѣвшей: оказалось, что 6 сибирскій корпусъ долженъ былъ передвинуться на Мандаринскую дорогу, и саперная рота получила ночью приказаніе немедленно присоединиться къ войскамъ своего корпуса. Такъ имъ, бѣднягамъ, не пришлось ни разу воспользоваться трудами своихъ рукъ. Бани стали нераздѣльной собственностью Псковскаго полка, которую мы охотно, конечно, предоставили въ пользованіе и другимъ полкамъ; такъ что скоро приказомъ по корпусу установлена была очередь для пользованія „баней Псковскаго полка“.

Наслаждаясь и баней, и прекрасной фанзой, меня временами тревожила мысль, что богатая обстановка фанзы и окружающихъ флигелей расхищаются безъ пользы для кого бы то ни было; а все это впослѣдствіи ляжетъ на начальника, который жилъ здѣсь,—что мнѣ вовсе не хотѣлось. Можно было мириться съ разрушеніемъ построекъ, не только отъ японскихъ шимозъ, но и отъ рукъ солдатскихъ,—но видѣть какъ расхищается обстановка—было противно. А уберечь и окарауливать все нѣтъ возможности. Выйдя, однажды, утромъ на бивакъ, примыкающій къ двору моей фанзы, я былъ озадаченъ, видя у нижнихъ чиновъ массу китайскаго дорогого фарфора: чай всѣ пьютъ изъ прелестныхъ, стариннаго издѣлія, китайскихъ чашекъ, умываются изъ большихъ вазъ

и проч. Откуда такая благодать? Нижніе чины показали мнѣ тутъ же на бивакѣ два стога неубранной чумизы, подъ которыми оказалось зарытой большая коллекція разнообразнаго китайскаго фарфора. Какъ тутъ не соблазниться солдату какой-нибудь чашкой для чаепитія, которую затѣмъ, при выступленіи съ бивака, броситъ конечно; и, такимъ образомъ, цѣлое богатство истребляется и расхищается совершенно зря. Въ виду сказаннаго я написалъ мукденскому пограничному комиссару, Полковнику Квецинскому, что на моихъ глазахъ расхищается богатая обстановка, которую я не обязанъ окарауливать; поэтому пусть разыщетъ хозяевъ, пусть они заберутъ все и оставятъ намъ только крышу.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхала цѣлая депутація китайцевъ въ сопровожденіи 12 арбъ. Предъявили мнѣ удостовѣреніе комиссара, и я предоставилъ имъ нагружать то, что осталось. Всѣ 12 подводъ были нагружены наиболѣе цѣннымъ имуществомъ: не только дорогую мебель китайскую оставили, но даже фарфоръ изъ шкафовъ не взяли, а роздали солдатамъ. Между прочимъ китайцы попросили мое разрѣшеніе вывести моихъ двухъ верховыхъ лошадей изъ сарая, гдѣ подъ кучей самана (рѣзанной соломы) оказалась зарытой масса драгоцѣнной китайской бронзы, которой нагрузили полную арбу.

Одѣтые въ богатыхъ, шелковыхъ, курмахъ китайцы и по манерамъ, и по внѣшности производили впечатлѣніе людей богатыхъ и интелигентныхъ. Они очень благодарили меня за спасеніе имущества, и въ видѣ благодарности подарили мнѣ твердую какъ камень китайскую грушу и кусокъ грязной лепешки китай-

ской, завернутую въ еще болѣе грязную тряпку... Простились очень дружески, и уѣхали. Черезъ полчаса вижу карьеромъ несется обратно одинъ изъ китайцевъ. Что-то забылъ. Забылъ оказывается... тряпочку, въ которой завернутъ былъ кусокъ лепешки. Въ программу благодарности входила, повидимому, только лепешка, а тряпочкѣ конечно, не слѣдовало пропадать зря...

* * *

14 октября. Сегодня мы узнали радостную вѣсть, что адмиралъ Алексѣевъ, по его собственному желанію, отчисленъ отъ званія главнокомандующаго, и на эту роль назначенъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Слава Богу,—наконецъ-то! Неизвѣстно, конечно, какъ поведетъ операціи новый главнокомандующій, но во всякомъ случаѣ устранены излишнія тренія, созданныя искусственно нашими собственными руками—оставленіемъ адмирала Алексѣева въ роли совершенно излишняго руководителя операціями войны.

Отнынѣ отвѣтственность, падающая на генералъ-адъютанта Куропаткина, увеличивается не потому только, что онъ надѣленъ большими полномочіями, а потому, что онъ теперь не можетъ ссылаться на какое бы то ни было вмѣшательство посторонней власти въ оперативную часть войны. Въ арміи вѣсть о назначеніи генералъ-адъютанта Куропаткина была встрѣчена съ искреннею радостью и глубокой вѣрой въ лучшее будущее. Вѣра въ Куропаткина и любовь къ нему долго и упорно держалась крѣпко въ арміи, несмотря на всѣ наши неудачи. Такъ влюбленная

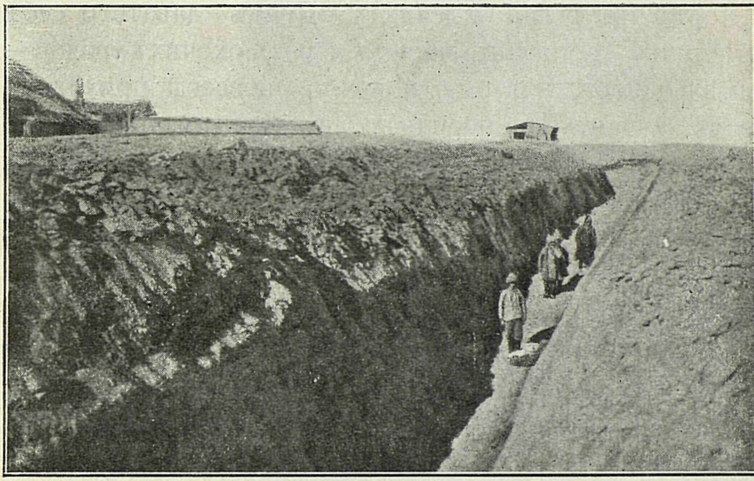
жена продолжаетъ упорно любить избранника сердца, пренебрегая всѣми шалостями безхарактернаго мужа.

Боевая жизнь, тѣмъ временемъ, протекала сама собою, унося ежедневно свои жертвы, обреченныя непредотвратимымъ приговоромъ судьбы. Въ особенности жгучее положеніе давало себя чувствовать подъ Линшинпу. Около одной—двухъ недѣль обстановка здѣсь была такая, какую едва ли можно встрѣтить въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Небольшія разрозненныя части войскъ, которыя ходили въ атаку на Линшинпу, сосредоточились на окраинѣ хутора и здѣсь прижались къ каменной стѣнѣ, обращенной къ сторонѣ японцевъ, скрытыхъ въ кумирнѣ и въ сосѣднихъ фанзахъ; въ этой стѣнѣ и сосѣднихъ стѣнкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенныхъ фанзъ, наши солдаты продѣлали бойницы и перестрѣливаются безпрерывно, днемъ и ночью, съ японцами: кто съ нашей стороны высунется изъ-за стѣнки на полкорпуса, встрѣчаетъ десятки пуль лучшихъ отборныхъ стрѣлковъ съ разстоянія 300—400 шаговъ. Отойти назадъ тоже нельзя, ибо тылъ обстрѣливается японцами губительнымъ перекрестнымъ огнемъ.

Вотъ положеніе, дѣйствительно, безвыходное: ни впередъ, ни назадъ. Да назадъ нельзя: приказано держаться. Въ томъ же осадномъ положеніи мы держимъ и японцевъ: при бойницахъ дежурятъ у насъ лучшіе стрѣлки, которые не пропускаютъ малѣйшей неосторожности со стororоны противника; съ крышъ наши стрѣлки уже „сняли“ всѣхъ японскихъ наблюдателей, и обѣ стороны притаились, такимъ образомъ, за стѣнами, за бойницами. Единственная слабоватая, впрочемъ, выгода японцевъ—что ихъ тылъ мы дер-

жали подъ артиллерійскимъ огнемъ, они же нашъ тылъ — ближній, конечно, — до деревни Сыфонтай включительно, обстрѣливаютъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ.

Однако, надо какъ—нибудь обезпечить доставку нашему „гарнизону“ хотя бы патроновъ, которые

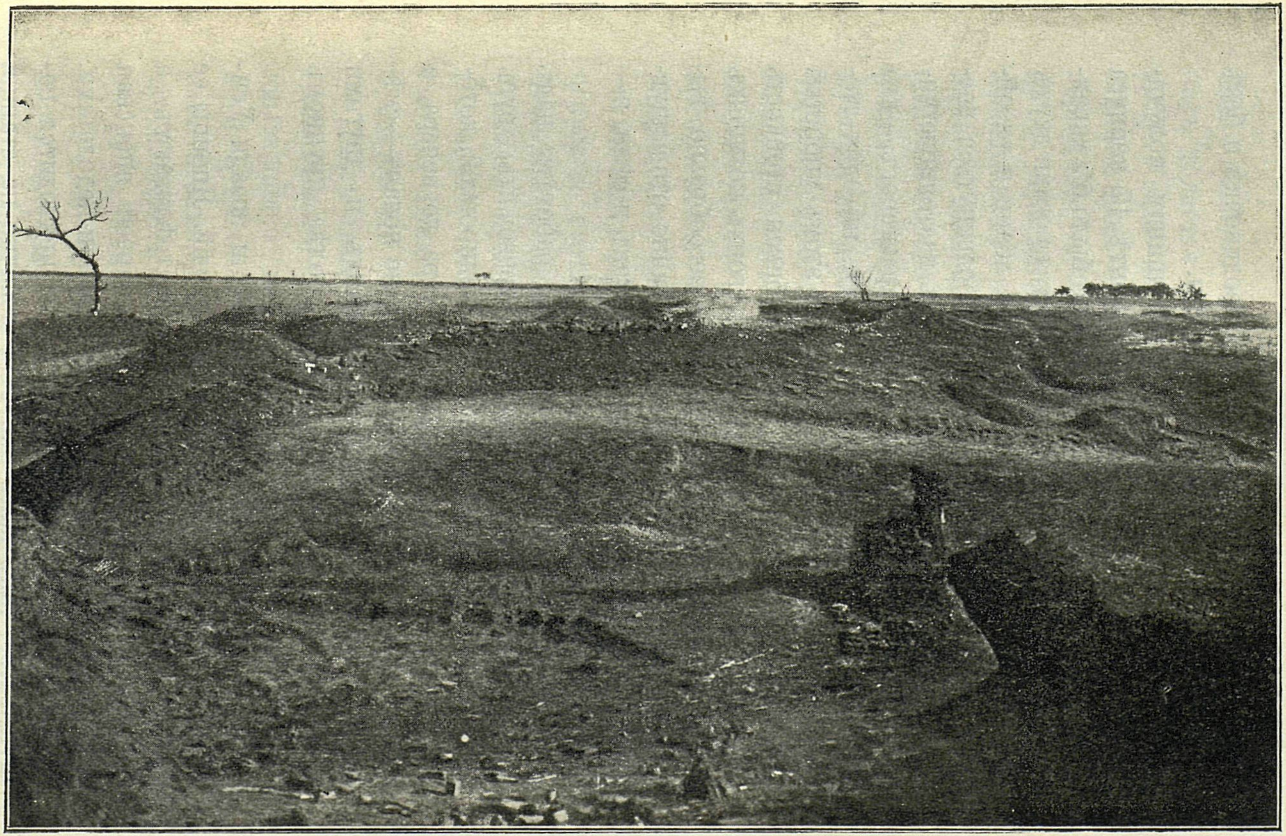

Ходы сообщенія на фронтѣ 17 корпуса.

всѣ разстрѣляны; надо подвезти пищу. Въ первые дни этого жгучаго сидѣнія можно положительно сказать, что каждый шагъ за водой и для другихъ надобностей окупался цѣною крови. Захотѣли на седьмой день (въ предположеніи, что обѣ стороны сколько-нибудь успокоились) высидки подвезти ночью кухни,—началась по всей линіи такая адская перестрѣлка, что пришлось отказаться отъ желанія дать людямъ горячую пищу послѣ глоданія сухарей въ теченіе семи сутокъ. Такимъ же путемъ дается до-

ставка воды. А численность „гарнизона“ доходитъ до 1,000 человѣкъ... Чтобы не умереть отъ жажды, люди прорыли себѣ крытый ходъ къ лужѣ, находящейся за стѣной, изъ которой манерками, прикрѣпленными на палкахъ, просовывая подъ стѣной, можно добыть грязную жижицу изъ смѣси остатковъ дождевой воды, отбросовъ и мочи. Чѣмъ это не „портъ-артурская высидка“! Днемъ давать о себѣ вѣсточку гарнизонъ можетъ черезъ охочихъ людей—смѣльчаковъ, которые, конечно, не всегда приходятъ сами, а чаще—на носилкахъ при помощи санитаровъ; ночью японцы стрѣляютъ по направленію какого-нибудь шума, звуковъ; поэтому огонь ихъ не такъ опасенъ; но вечера стоятъ лунные, и сообщеніе гарнизона съ остальнымъ міромъ требуетъ жертвъ даже ночью.

Мало-по-малу и волей-неволей свыклись съ безвыходнымъ положеніемъ. Остальное подсказалъ инстиктъ самосохраненія. Чтобы прикрыться отъ огня японцевъ, люди стали зарываться въ землю; чтобы не гулять по открытымъ поражаемымъ мѣстамъ, взводы, роты, батальоны прорыли между собою ходы сообщенія глубиною въ ростъ человѣка. Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ все еще окупается кровью, но люди немножко оглядѣлись кругомъ, оріентировались: высмотрѣли и намѣтили направленія въ тылу болѣе обстрѣливаемыя и менѣе обстрѣливаемыя; главное—*свыклись*, вѣрнѣе, примирились со своимъ положеніемъ. Хотя каждый,—нижній чинъ, и офицеръ склоненъ вѣрить, что едва ли удастся увидѣть опять свѣтъ Божій живымъ и не раненымъ, все-же съ теченіемъ времени моральное настроеніе воспрянуло и окрѣпло; тѣмъ болѣе, что дней 9—10 спустя

Общій наружный видъ нашей „позиціи“ подъ Линшинпу. Вправо—группа деревьевъ („сосенки“) или—„долина смерти“.

стали приносить—ночью, конечно, поодиночкѣ и безъ шума,—пищу въ котелкахъ, патроны.

Но не подъ однимъ только Линшинпу получилась такая обстановка. На всемъ фронтѣ 17 корпуса положеніе воюющихъ сторонъ можно было бы характеризировать положеніемъ сцѣпившихся рогами двухъ козловъ: уткнулись другъ въ друга лбами и разойтись не желаютъ и не могутъ, и продвинуться впередъ тоже нельзя. Словомъ, тутъ въ настоящую минуту борьба сводится къ игрѣ характеровъ,—кто первый сдастъ... А сдать, повидимому, ни одна сторона не желаетъ и не думаетъ. Въ этомъ упорствѣ лучше всего сказывается непоколебимая стойкость обѣихъ сторонъ: какъ уперлись на своихъ позиціяхъ 1-го — 5-го октября, съ участками несообразно выдвинутыми впередъ (Линшинпу), случайно отодвинувшимся назадъ (противъ Ламатуня), такъ и сѣли, и— ни съ мѣста.

Начали обѣ стороны усиленно работать надъ укрѣпленіемъ позицій и взаимно тревожить другъ друга: днемъ—артиллерійской бомбардировкой, которая въ иные дни не умолкала съ утра до вечера, а иногда продолжалась и всю ночь, а по ночамъ—смѣлыми поисками охотничьихъ командъ и другими предпріятіями подобнаго рода въ болѣе крупномъ масштабѣ.

Въ довершеніе всего мнѣ поставили позади Уенченпу полубатарею изъ осадныхъ орудій. Японцы ее быстро нащупали и ежедневно обстрѣливаютъ; а „переговариваясь“ съ этой полубатареей японская артиллерія надѣляетъ меня всѣми своими недолетами. Строго говоря, японцамъ ничего не приходится нащупывать, такъ какъ они съ водокачки на станціи

Шахе отлично видятъ простымъ глазомъ все, что у насъ дѣлается не только на линіи позиціи, но и въ тылу. Когда мы убѣдились въ этомъ самымъ чувствительнымъ образомъ, то потребовали отъ артиллеристовъ, чтобы они разбили эту проклятую водокачку. Артиллеристы двухъ осадныхъ полубатарей заявили намъ съ большой самоувѣренностью:—„дайте намъ 30 снарядовъ (10 для пристрѣлки и 20 для цѣли), и водокачки не будетъ“. Увы! старались, старались наши осадные артиллеристы; снарядовъ выпустили въ десять разъ противъ ими самими назначенной порціи, а водокачка преблагополучно продолжала красоваться передъ нами. Не берусь доискиваться причинъ безрезультатности этой стрѣльбы: артиллеристы говорили, что безуспѣшная ихъ стрѣльба доказываетъ только искусство нашихъ инженеровъ, съумѣвшихъ построить крѣпкую водокачку, а ихъ искусство стрѣльбы тутъ не причемъ. Но еще болѣе достойна удивленія геройская самоувѣренность командующаго арміей, который *запретилъ* стрѣльбу по водокачкѣ, чтобы не повредить водоснабженія на станціи Шахе, такъ какъ „намъ же впослѣдствіи придется это возстановлять“...

Послѣ этого запрещенія японцы уже невозбранно высматривали съ водокачки всѣ нужныя цѣли, открывавшіяся имъ на горизонтѣ. Событія и этихъ дней, а также и впослѣдствіи, въ продолженіи всего нашего зимняго сидѣнія подъ Линшинпу, доказали, что японцамъ видно было все, что у насъ дѣлается въ тылу:—отъ ихъ взоровъ не ускользало передвиженіе даже роты или команды; часто даже экипажъ мой подвергался обстрѣливанію, когда японцы замѣчали его появленія съ тыла.

Собираясь съ полкомъ вступить въ окопныя катакомбы подъ Линшинпу, я попросилъ полкового священника отслужить намъ молебенъ. Было около 6-ти часовъ вечера, такъ что уже наступили сумерки и я надѣялся обмануть бдительность японцевъ; но едва лишь начали собираться люди на сосѣдній дворъ и батюшка началъ службу, какъ японцы сейчасъ-же прислали намъ одну за другой три шимозы, разорвавшіяся въ 10—15 шагахъ отъ мѣста богослуженія, но къ счастью никого не ранили. Нашъ доблестный батюшка, отецъ Николай, ни на секунду не прервалъ молитвы, а съ нимъ и всѣ мы спокойно оставались на мѣстѣ, продолжая молиться подъ взрывами японскихъ шимозъ, которыми противникъ, очевидно, желалъ лишь показать, что насъ видятъ.

Такъ и живемъ на передовой позиціи, чуть ли не на виду другъ у друга съ противникомъ.

Обыкновенно, утро начинается съ взаимной посылки другъ другу „добраго утра": батареи наши и японскія обмѣниваются десяткомъ-другимъ шрапнелей и лиддитокъ-шимозъ. Въ послѣдніе дни больше мы старались быть предупредительными и первые посылали японцамъ „доброе утро", а сегодня почему-то они насъ предупредили и первые привѣтствовали съ холоднымъ, вѣтреннымъ, хотя и солнечнымъ утромъ. Послѣ оживленнаго обмѣна утреннимъ привѣтствіемъ взаимное артиллерійское обстрѣливаніе продолжается уже болѣе вяло, тягуче, съ разстановкой,—по давно намѣченнымъ, съ достаточной точностю опредѣленнымъ и, по всей вѣроятности, преизрядно истрепаннымъ уже цѣлямъ. Иногда эта стрѣльба, конечно, оживляется въ теченіе дня и ночи, въ зависимости отъ нарождающихся обстоятельствъ: передаютъ намъ,

напримѣръ, по телефону изъ окоповъ: „японскія чумизы“ попадаютъ въ окопы 3-го баталіона, очень обижаютъ, нельзя ли приказать японской батарѣе замолчать. Мы ее хорошо видимъ“... Сейчасъ же одна изъ нашихъ батарей получаетъ заказъ: „обстрѣлять японскую батарею, которая расположена къ юго-западу отъ Линшипу; попаданіе снарядовъ и батарея непріятеля намъ видны, и будемъ давать поправки“... Батарея открываетъ огонь. Мы съ наблюдательнаго пункта получаемъ по телефону указанія о паденіи снарядовъ и по телефону же передаемъ на батарею. Послѣ десятка-другого выстрѣловъ японская батарея умолкаетъ.

Иногда по совершенно невѣдомымъ намъ причинамъ бываютъ весьма чувствительныя отклоненія отъ нашего ordre du jour. Такая пертурбація вспыхнула со стороны японцевъ въ ночь съ 17-го на 18-е октября. Въ предшествовавшіе дни японцы очень лѣниво и неохотно отвѣчали на нашъ артиллерійскій огонь: мы ихъ иногда жестоко обстрѣливали, а они, въ видѣ реванша, точно лишь для исполненія обязанности, посылали въ отвѣтъ одну-другую очередь шрапнелей и лиддитокъ и умолкали. Становилось даже обиднымъ такое невниманіе противника, и у насъ даже поговаривали, что японцы сидятъ безъ снарядовъ.

Къ вечеру 17-го японцы, должно быть, „получили изъ дому посылочку“, какъ говорили солдаты и разгулялись во всю, желая, повидимому, намъ отплатить за всѣ оставленныя безъ реванша въ предшествовавшіе дни наши привѣтствія. Съ наступленіемъ темноты японцы открыли бѣшеную бомбандировку по всему фронту и въ глубину, чуть ли не до станціи Суятунь. Мы сначала отнеслись къ этому равнодушно

и, поужинавъ въ компаніи свой шашлыкъ, улеглись спать, думая, что японцы выпускаютъ сегодня усиленную вечернюю порцію.

Спать, однако, пришлось недолго. Японцы, какъ будто, сосредоточили огонь на мою фанзу въ селеніи Уенченпу: шрапнели и бризантныя гранаты несутся черезъ нашу крышу съ присущимъ имъ смертоноснымъ воемъ и рвутся въ очень близкомъ сосѣдствѣ, какъ-будто у меня же, на дворѣ. Проснулся, и прислушиваюсь, не безъ затаенной тревоги. Дѣло въ томъ, что китайская фанза не можетъ служить убѣжищемъ для закрытія отъ огня—не только артиллерійскаго, но и ружейнаго; весь, цѣликомъ, передній фасадъ состоитъ обыкновенно изъ оконъ, затянутыхъ прозрачной бумагой; сидя поэтому въ такой фанзѣ, можно во всякое время стать жертвой какъ ружейной пули, такъ и шрапнельной, почти съ такой же вѣроятностью, какъ оставаясь безъ всякой защиты подъ открытымъ небомъ; при попаданіи же въ фанзу и разрывѣ въ ней бризантной гранаты послѣдствія бываютъ еще хуже, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Зная хорошо это свойство китайскихъ фанзъ, въ которыхъ у насъ въ этой деревнѣ спали два баталіона, свыше 1½ тысячи человѣкъ, нельзя было не потревожиться о безопасности людей, подвергающихся жестокому огню при мирномъ отдыхѣ „на квартирахъ“.

Чутко и тревожно прислушивался я къ безпрерывнымъ завываніямъ и разрывамъ японскихъ снарядовъ надъ нашими крышами, стараясь опредѣлить,— случайные ли это, шальные гости, для встрѣчи которыхъ, правду говоря, лѣнь было съ просонокъ одѣваться и выходить на улицу. Долго, однако, гадать не пришлось: среди адскаго воя снарядовъ,

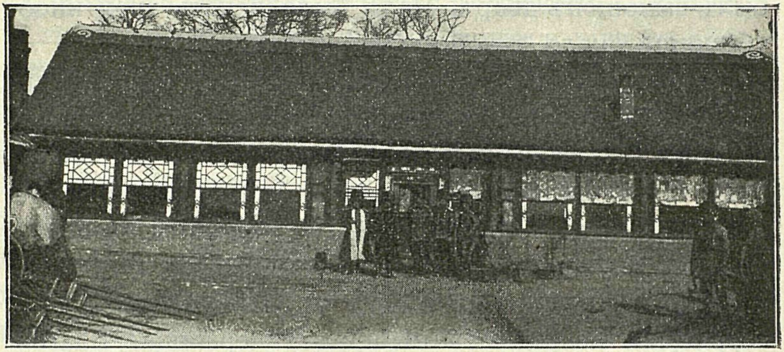
свиста пуль и треска ближнихъ разрывовъ послѣдовалъ вдругъ оглушающій ударъ подъ наше окно, затѣмъ что-то такое посыпалось сверху... Раздались рядомъ чьи-то голоса:—„Никакъ честью просятъ.“—„Да, это по нашему адресу“... „Надо командира разбудить“... съ крыши нашей фанзы поминутно сыпались обломки черепицы отъ осколковъ шимозъ, или шрапнельныхъ пуль; а шимозы съ трескомъ и грохотомъ разрывались, падая на каменныя плиты, которыми былъ вымощенъ дворъ. Надо было искать временное убѣжище около какой-нибудь стѣнки.

Одѣлись наскоро и вышли на улицу, прикрываясь отъ смертоносныхъ снарядовъ равнодушнымъ темноголубымъ, звѣзднымъ небомъ. Одна шимоза ударилась подъ наше окно, расколола пополамъ толстый гранитный камень толщиной въ $1^1/_2$ четверти аршина, сдѣлала небольшую воронку среди жженаго кирпича и скрылась подъ фундаментъ не разорвавшись; отъ сотрясенія посыпалась съ крыши черепица. Благодареніе Богу—никто не пострадалъ; даже часовой, стоявшій у дверей въ одномъ шагѣ отъ мѣста удара, какимъ-то чудомъ успѣлъ отскочить и даже не былъ контуженъ. Почему не разорвалась эта шимоза—тайна Промысла Божія. По совѣту артиллеристовъ, для предупрежденія возможности взрыва шимозы отъ неосторожныхъ шаговъ кругомъ, или отъ толчка или отъ удара, я приказалъ засыпать землей пробитую брешь, гдѣ закрылась шимоза, заложилъ камнемъ, и образовавшійся курганчикъ обставили цвѣточными горшками, которые стояли тутъ на дворѣ, получилась, по внѣшнему виду, настоящая могила. Это дало поводъ впослѣдствіи нашему жизнерадостному начальнику штаба С. В. Ц-ю и Н. А. Лух-

мановой сложить для этой могилы слѣдующую эпитафію:

Подъ камнемъ симъ погребена,
Лежитъ заблудшая шимоза;
Она ни дѣва, ни жена,
Она ни гейша, ни мимоза.
Узнай читатель,—кто она?

Въ сосѣднихъ фанзахъ не обошлось такъ благополучно; влетѣла шимоза и разорвалась въ фанзѣ,

Наша фанза въ Уенченпу. (Вправо отъ группы офицеровъ видны горшки цвѣтовъ, гдѣ зарылась шимоза).

занятой музыкантской командой, и тяжело ранила троихъ. Жертвъ, несомнѣнно, въ эту ночь было бы гораздо больше, если бы, къ счастью, одинъ батальонъ не былъ выведенъ наканунѣ изъ фанзъ въ окопы; большая часть фанзъ, которыя занимались этимъ батальономъ, подвергалась въ эту ночь попаданію японскихъ снарядовъ.

Умудренный опытомъ этой безпокойной ночи, я построилъ себѣ тутъ же, на дворѣ, прочный блиндажъ, который могъ бы служить убѣжищемъ отъ артиллерійскаго огня. Въ дѣйствительности, однако, такое

убѣжище—призрачное самоутѣшеніе: постоянно жить въ этой ямѣ не хочется, а японцы вѣдь не посылаютъ заранѣе повѣстки съ извѣщеніемъ, что пора перейти въ блиндажъ,—будутъ стрѣлять. Впрочемъ, и по другой причинѣ не пришлось воспользоваться блиндажемъ: на другой же день насъ пригласили на передовую позицію подъ Линшинпу...

18-го Октября. Съ утра я отправился въ желѣзнодорожный („мой“) домикъ, чтобы условиться съ полковникомъ И—мъ относительно порядка смѣны ввѣренныхъ намъ частей подъ Линшинпу. Меня поразило количество снарядовъ, выпущенныхъ японцами за предшествовавшую ночь: вся мѣстность около воротъ моего двора была испещрена воронками отъ взорвавшихся шимозъ; поѣхавъ далѣе, по тропкѣ, по направленію желѣзнодорожнаго домика, я на протяженіи около 200 шаговъ насчиталъ 32 воронки, не ища ихъ, конечно, и не сходя съ дороги—считая только то, что я видѣлъ глазами.

Сколько же такихъ воронокъ можно было насчитать по всему фронту?

Если принять во вниманіе, что японцы, вообще, почти никогда не прибѣгали къ помощи артиллерійскаго огня ночью, за исключеніемъ рѣдкихъ уважительныхъ случаевъ—какъ, напримѣръ, атака нашихъ укрѣпленій подъ Ляояномъ 17 Августа и т. п.,—то эта безцѣльная артиллерійская канонада ночью, въ дни сравнительнаго покоя, является совершенно непонятной, и служитъ для меня загадкой до сего времени.

Когда я находился на полъ-пути (все разстояніе около одной версты) между Уенченпу и желѣзнодорожнымъ домикомъ японцы опять разразились бѣ-

шеной стрѣльбой шрапнелью по желѣзнодорожному домику и по всѣмъ подступамъ къ нему. Лошадь моя уже дважды шарахнулась отъ шимозъ, разорвавшихся въ близкомъ сосѣдствѣ... Неужели японцы такъ щедро тратятъ снаряды по адресу двухъ какихъ нибудь всадниковъ. (Я былъ со своимъ неразлучнымъ ординарцемъ, унт.-офиц. Чесноковымъ). А можетъ быть японцы дѣйствительно получили изъ дому „посылочку", какъ говорятъ солдаты, и роскошествуютъ послѣ нѣкотораго воздержанія. Надо было спѣшиться, чтобы уменьшить цѣль, хотя отъ этого не легче. Одолѣвало противное чувство— жуть смертельной опасности, а вмѣстѣ съ нимъ внутренній голосъ притаившагося инстинкта самосохраненія протестовалъ противъ возможности быть убитымъ не въ бою, а за здорово живешь въ пустынномъ полѣ. Медленнымъ шагомъ я подвигался впередъ подъ жестокимъ шрапнельнымъ огнемъ рядомъ съ ординарцемъ, который велъ въ поводу мою и свою лошадь. Въ душѣ подкрадывается робкая мысль:— „а не повернуть ли назадъ? вѣдь мнѣ, въ сущности, нѣтъ ничего срочнаго у И—на (н-ка позиціи подъ Линшинпу); развѣ я не успѣю переговорить съ нимъ хоть сто разъ въ теченіе дня"... Минутами останавливаюсь уже, чтобы повернуть; но сейчасъ-же дѣлается стыдно, и идешь впередъ. Вижу издали И—нъ прижался къ стѣнкѣ домика и въ бинокль смотритъ къ сторонѣ противника. Я бѣгомъ пустился въ послѣднюю перебѣжку, и подъ снопомъ шрапнелей счастливо подбѣжалъ къ стѣнкѣ.

— „По какому случаю праздникъ, что японцы такъ раскудахтались?"

— „А это просто они отвѣчаютъ на мой огонь"...

Когда наступила ночь я вызвалъ баталіонныхъ командировъ и вмѣстѣ съ ними и полковникомъ И—мъ отправился для *осмотра (ночью-то!* А ничего не подѣлаешь, если днемъ и фуражки не высунешь изъ окопа для осмотра окружающей мѣстности) и пріема позиціи и распредѣленія ея по ея участкамъ для занятія моимъ полкомъ.

Такимъ образомъ, съ 19-го октября Псковскій полкъ вступилъ въ своеобразныя катакомбы подъ Линшинпу, и въ теченіи 22 дней безпрерывно мы несли эту по истинѣ кровавую, но и почетную службу на этомъ наиболѣе выдвинутомъ передовомъ посту.

Позиція эта, которую мы заняли подъ Линшинпу, стоитъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Это исключительная характеристика современной войны, совершенно отличная отъ всего, что мы знаемъ въ исторіи войнъ отъ Александра Македонскаго до позднѣйшаго времени.

Начать съ того, что мы на этой позиціи простояли неподвижно съ начала октября до конца февраля, т. е. чуть ли не столько времени, сколько продолжалась вся франко-прусская война 1870-71 г. Правда, не мы только, подъ Линшинпу, но и по всему фронту воюющія стороны замерли на всю зиму (не считая 3-хъ дневнаго сраженія подъ Сандепу); но наиболѣе характерной эта позиціонная война проявилась подъ Линшинпу, въ виду того, что здѣсь противники были раздѣлены наименьшимъ разстояніемъ—отъ 80 до 600 шаговъ.

Общій планъ расположенія нашего и японцевъ подъ Линшинпу видно на прилагаемомъ планѣ, гдѣ наши окопы показаны на планѣ и въ профили. Но

этотъ планъ относится къ декабрю, послѣ того какъ безпрерывными работами днемъ и ночью окопы были углублены и связаны въ непрерывную линію, прорыты были ходы сообщенія между разными участками и тыломъ. Въ то же время, 19—20 октября, когда мы вступили на эту позицію, все это было въ зародышевомъ состояніи: глубина окоповъ не закрывала человѣка во весь ростъ, поэтому при малѣйшей неосторожности платились смертью; работа надъ ходами сообщенія была только начата, поэтому сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ возможно было только ночью.

Въ профили окопы представляли собою узкую щель съ почти отвѣсными стѣнками, глубиною доведенной впослѣдствіи выше человѣческаго роста. Ширина на днѣ была не болѣе одного, а на горизонтѣ около 1½ шаговъ, для того, чтобы уменьшить вѣроятность попаданія туда цѣльныхъ шимозъ. Прикрывались, слѣдовательно, не брустверомъ—который при такой близости можно было разметать быстро артиллерійскимъ огнемъ,—а глубиною окопа и незначительностью отверстія на горизонтѣ. Вмѣсто бруствера имѣлись бойницы, сложенныя изъ кирпича, дровъ или дерна, прикрытыя съ наружной стороны землей; конечно, японцы часто разносили въ дребезги наши бойницы, но въ первую же ночь онѣ выводились снова. Въ передней стѣнкѣ окопа имѣлась ступенька, на которой стояли стрѣлки, имѣя винтовки въ бойницахъ и забавляясь стрѣльбой днемъ и ночью. Въ задней тыловой стѣнкѣ вырыты были норы, или ниши, гдѣ укрывалась вторая половина стрѣлковъ, отдыхавшая отъ дежурства у бойницъ; здѣсь же, въ отдѣльныхъ норкахъ, завѣшанныхъ по-

лотнищемъ лагерной палатки, ютились офицеры по одному и по два. Какъ въ этихъ солдатскихъ такъ и офицерскихъ пещеркахъ устроены были очажки съ дымоотводами, выходившими надъ горизонтомъ, такъ что можно было разводить огонь, невидимый для японцевъ ни днемъ, ни ночью.

Смотря по вкусу иные офицеры въ своихъ оживленныхъ могилахъ пытались даже посягнуть на предметы комфорта: водворялся низенькій столикъ китайскій и долбленный подсвѣчникъ, и такой комфортъ располагалъ къ карточному времяпрепровожденію въ „папу-маму“, которое,—какъ оттягивающій боль горчичникъ—отвлекалъ вниманіе отъ японскихъ шимозъ, бушевавшихъ на сосѣднихъ участкахъ.

Черезъ каждые 50—100 шаговъ вырытъ былъ небольшой ходъ сообщенія длиною въ 10—15 шаговъ съ расширенной ямой въ концѣ, служившій для отправленія естественныхъ надобностей. Къ счастью, наступившіе холода препятствовали распространенію зловонія по окопамъ, которое было бы неизбѣжно въ теплое время года, несмотря на всѣ строгія мѣры, принимавшіяся въ этомъ отношеніи. Трупы нашихъ убитыхъ зарывались ночью, непосредственно за окопами; но такъ какъ въ октябрѣ и ноябрѣ наступили морозы, и весьма трудно было врываться въ мерзлый грунтъ—да и мѣшалъ огонь японцевъ, даже по ночамъ,—то вырывать могилы глубокія не было возможности: вароютъ около полъ-аршина, положатъ туда нашего туляка, или калужанина, и присыпятъ сверху крупными кусками мерзлой земли; такъ что, проходя вдоль окопа съ тыловой стороны можно было иногда видѣть торчащими изъ земли сапогъ или локоть молчаливыхъ сыновъ нашей родины, на-

шедшихъ себѣ вѣчный покой на этомъ полѣ чести. А когда наступали оттепели близкое присутствіе нашихъ боевыхъ товарищей, отошедшихъ въ вѣчность, давало себя сильно знать разлагающимся трупнымъ запахомъ, отъ котораго въ окопахъ некуда было укрыться. Волей-неволей, жизнь и смерть уживались вмѣстѣ въ очень тѣсномъ сосѣдствѣ.

Жизнь,—если можно называть такъ замогильное существованіе въ этихъ окопахъ постоянно между жизнью и смертью,—сложилась здѣсь съ такой своеобразной, но въ то же время сочной колоритностью, что здѣсь рельефно выражены всѣ дикія странности войны рядомъ съ самыми простыми, домашними, такъ сказать, свойствами человѣческой природы. Люди, напримѣръ, до такой степени свыклись съ потоками крови, своей и чужой, что равнодушно, точно дрова, перевертываютъ груды труповъ убитыхъ японцевъ, которыхъ въ ночь съ 22-го на 23-е октября накопилось тутъ передъ окопомъ одной роты, въ 15-ти шагахъ, свыше 30-ти; а рядомъ съ этимъ утромъ, при свѣтѣ дня, наши и японскіе солдаты на виду другъ у друга, безъ винтовокъ, спускаются за водой къ рѣчкѣ Шахе; затѣмъ расходятся, взаимно улыбаясь другъ-другу, и опять берутся за винтовки. Наступили холодныя ночи; морозы доходятъ уже до 10° R.; топливо какое-нибудь нужно и намъ и японцамъ, а на желѣзнодорожномъ мосту, на рѣчкѣ Шахе, сохранились еще остатки уцѣлѣвшей досчатой настилки; и вотъ, точно по взаимному соглашенію, подходятъ съ одного конца моста (вся длина котораго шаговъ 20—30) наши солдаты, съ другого—японцы и разбираютъ настилку, косясь другъ на друга, и мирно расходятся съ драгоцѣнной ношей...

Постепенно притупляется всякое чувство опасности. Высмотрѣли днемъ наши солдаты большое бревно подъ-носомъ у японцевъ, и сговорились 12-ть компаньоновъ добыть это бревно; съ наступленіемъ темноты подкрались къ своей цѣли, вызвавъ, конечно, оживленный огонь японцевъ; съ большимъ трудомъ взвалили они на свои 12-ть плечь тяжелую ношу и поплелись назадъ къ своему окопу, около котораго сбросили бревно съ такимъ шумомъ, точно выпалили изъ пушки. Между тѣмъ, бдительность съ обѣихъ сторонъ доведена до того, что при шорохѣ двухъ-трехъ человѣкъ дозорныхъ, выходящихъ ежедневно съ наступленіемъ темноты для патрулированія открывается обязательно огонь; когда я, однажды, ночью при осмотрѣ окоповъ лишь немного повысилъ голосъ (обыкновенно разговоръ ведется полушопотомъ, даже у себя, въ нѣкоторыхъ окопахъ) сейчасъ же въ отвѣтъ начали жужжать пули со стороны японцевъ. Насколько тяжело положеніе защитниковъ этихъ окоповъ, можно судить по тому, что даже ранятъ и убиваютъ *черезъ бойницы* не случайными, а *прицѣльными* пулями.

Японцы проявляютъ удивительную смѣлость и часто бравируютъ опасности, щеголяя этимъ, повидимому, другъ передъ другомъ, иногда безъ всякой надобности. Выйдетъ, напримѣръ, для обыкновенной потребности подъ нашъ огонь и часто, не торопясь, поправляетъ одежду и возвращается безнаказанно въ свой окопъ, сопровождаемый выстрѣлами; мы свои саперныя работы производимъ только по ночамъ, японцы же съ удивительной дерзостью работаютъ и днемъ—конечно, это не всегда проходитъ имъ даромъ.

Свыкнувшись, насколько возможно, со своимъ положеніемъ, осталось поддерживать бодрое настроеніе людей устраненіемъ возможныхъ при такой обстановкѣ лишеній. До послѣдняго времени походныя кухни должны были останавливаться на разстояніи около $1^1/_2$ верстъ, и подносить горячую пищу можно было только ночью, въ часы совсѣмъ непривычные для обѣда; теперь постепенно прорываемъ всюду крытыя сообщенія отъ окоповъ до пунктовъ безопасныхъ отъ ружейнаго огня, и тогда можно будетъ поддерживать связь съ внѣшнимъ міромъ, получать горячую пищу и днемъ, и ночью.

Главное, что можетъ подрывать здоровье людей, это невозможность снять обувь, раздѣться, обязательное недосыпаніе; потому что ночью требуется большая бдительность, чѣмъ днемъ; затѣмъ люди обречены на почти полную неподвижность: окопы тѣсные и узкіе, два человѣка при встрѣчѣ могутъ разойтись съ трудомъ; да и куда пойдешь „гулять" по окопу. Вотъ и приходится только сидѣть, стоять и лежать все на одной и той же отведенной тебѣ пяди; естественнымъ послѣдствіемъ этой неподвижности является отекъ ногъ, который, впрочемъ, быстро проходитъ, когда является возможность разминать ноги.

Кстати, замѣтимъ, что санитарное состояніе людей, вопреки возможнымъ при такой обстановкѣ предположеніямъ,—отличное: больныхъ почти *нѣтъ вовсе*, что объясняется, полагаю, значительнымъ напряженіемъ моральной стороны. Зато каждый день и каждая ночь уносятъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; къ сожалѣнію, процентъ убитыхъ тутъ преобладаетъ, потому что пораненія наносятся почти всегда въ голову.

Офицеры живутъ въ окопахъ одной общей жизнью съ нижними чинами, пользуясь лишь той привилегіей, что ютятся иногда по два или по одному въ особой норѣ, вырытой въ стѣнкѣ на днѣ окопа.

Но нѣтъ того положенія, къ которому нельзя было бы привыкнуть. Привыкаютъ люди и къ такой обстановкѣ и, не теряя бодраго настроенія, наперекоръ всему, смотрятъ бодро на жизнь и... на смерть.

Какъ сказано выше, 19 октября я вступилъ съ полкомъ въ окопы подъ Линшинпу, смѣнивъ полки Нѣжинскій и Моршанскій. Мнѣ оставили для поддержки только два баталіона Болховскаго полка, которые расположены были на моемъ лѣвомъ флангѣ, упираясь своимъ лѣвымъ флангомъ въ полотно желѣзной дороги. Участки окоповъ были распредѣлены между баталіонами Псковскаго полка по порядку номеровъ съ праваго фланга на лѣвый. Артиллерія наша была расположена слѣдующимъ образомъ: три батареи находятся къ сѣверо-востоку отъ дер. Сыфонтай, мортирная батарея довольно хорошо замаскирована у дер. Ингоа, а осадная полубатарея расположена по-прежнему вблизи дер. Уенченпу; артиллерійскіе начальники постоянно заглядываютъ въ мой домикъ, гдѣ на чердакѣ, черезъ слуховое окно, образованъ наблюдательный пунктъ, чтобы слѣдить за японскими батареями и наблюдать за дѣйствіемъ нашего огня. Здѣсь на чердакѣ, отъ восхода солнца до заката, лежитъ у слуховаго окна съ биноклемъ въ рукахъ неутомимый и лихой командиръ 6-й батареи Подполковникъ Полторацкій. Его наблюденія передаются на всѣ батареи, открытіе и прекращеніе огня, измѣненіе цѣли—все это быстро передается куда слѣдуетъ.

Кромѣ того, я связанъ телефономъ впереди съ окопами баталіонныхъ участковъ, позади—со штабомъ 3-й дивизіи и штабомъ 35-дивизіи, начальникъ которой, генералъ-лейтенантъ Добржинскій, является моимъ временнымъ начальникомъ по званію начальника боевой части *), а черезъ него со штабомъ 17-го корпуса; наконецъ—телефонъ въ Сыфонтай соединялъ меня съ 12-мъ полкомъ, служившимъ мнѣ ближайшей поддержкой. Такимъ образомъ, изъ моего домика провода полевого телефона расходились радіусами во всѣ стороны. Днемъ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ производилось по телефону, а съ наступленіемъ темноты появлялись и всадники. Иногда, впрочемъ, телефонные провода разрывались шимозами, и тогда приходилось сообщаться также и днемъ посредствомъ конныхъ охотниковъ. Тѣмъ не менѣе, добрые друзья не чурались всѣхъ этихъ отталкивающихъ прелестей моей резиденціи и часто заглядывали ко мнѣ и среди бѣлаго дня, подъѣзжая открыто верхомъ и—Богъ хранилъ; особенно часто заглядывали на передовую позицію начальникъ штаба дивизіи С. В. Ц. и испр. обязанности начальника штаба 17-го корпуса полковникъ Д., не удѣлявшіе много вниманія японскимъ шимозамъ.

Не успѣли мы еще устроиться и осмотрѣться на новой позиціи, какъ японцы пожелали нанести намъ

*) Такъ было до 2-го ноября, когда дивизіи корпуса, для обороны занятой позиціи были распредѣлены не по фронту съ З. на В., а въ глубину, съ С. на Ю.; послѣ 2 ноября дивизія получила задачу оборонять участокъ къ западу отъ линіи жел. дор., а 35 дивизія къ востоку отъ жел. дор. Слѣдовательно, вся знаменитая въ лѣтописяхъ минувшей войны позиція подъ Линшинпу оборонялась съ того времени исключительно войсками 3-й дивизіи.

визитъ, и въ ночь съ 22 на 23 октября предприняли ночную атаку на нашу позицію. Какъ-то неожиданно грянулъ громъ съ чистаго неба, и среди мертвой тишины непроглядной темной ночи вдругъ сразу вспыхнула по всей линіи адская оглушительная ру-

Небольшое расширеніе окопа подъ Линшинпу „около кирпичеобжигательной печи, получившей названіе Малаховаго кургана.

жейная трескотная, а вмѣстѣ съ нею разразилась артиллерійская канонада...

Что за причина!.. Откуда появился противникъ! Я только что былъ въ окопахъ, около такъ называемаго нашего Малахова кургана, между участками 2 и 4 баталіоновъ, и возвращался въ желѣзнодорожный домикъ черезъ окопы Болховскаго полка; прошло не болѣе часу—нигдѣ не видно было никакихъ при-

знаковъ готовящейся атаки японцевъ и—вдругъ! Я въ эту минуту, когда разразилась эта смертоносная гроза, находился по дорогѣ изъ дер. Ингоа въ свой домикъ и остановился крайне озадаченный этимъ вспыхнувшимъ боемъ. Куда итти? Что предпринять? Въ первую минуту я повернулъ назадъ къ окопамъ. Но отвратительное завываніе и свистъ пуль проносившихся мимо по всѣмъ направленіямъ, среди давящей со всѣхъ сторонъ ночной темноты, производили жуткое впечатлѣніе и заставили прижаться къ желѣзнодорожному полотну, которое, однако, закрытіемъ служить не могло, потому что оно шло продольно по направленію выстрѣловъ. Бой разгорался все больше и больше. Ружейная трескотня становилась гуще, сливаясь въ общій зловѣщій гулъ съ пальбой артиллеріи. Я увидѣлъ воочіо полную безпомощность мою какъ начальника, на котораго, однако, падетъ вся тяжесть служебной и нравственной отвѣтственности за удержаніе ввѣренной мнѣ позиціи.

Вотъ вамъ управленіе боемъ по нынѣшнимъ временамъ. Длинная, какъ кишка, „позиція“. Да какая эта позиція! Просто узкая и глубокая щель, вырытая на плоскомъ горизонтѣ, въ которой стрѣлки стоятъ на ступенькѣ въ разстояніи 1—2 шаговъ одинъ отъ другого; движеніе въ окопахъ по дну, какъ сказано, такъ затруднительно, что два человѣка при встрѣчѣ расходятся съ трудомъ... Эта глубокая щель, представляющая собою нашу позицію, вдобавокъ еще изломанная и искривленная, пересѣченная входящими и исходящими вѣтками, тянется (если распрямить) по крайней мѣрѣ на протяженіе 2—3 верстъ. Въ довершеніе всего въ данную минуту все это окутано непроглядной тьмой.

А вѣдь врагъ знаетъ куда онъ сейчасъ ломится. У насъ для обороны длинная линія, а у него для прорыва одна намѣченная точка. Я вспомнилъ, что въ окопѣ я лишенъ буду всякой возможности влiять на ходъ боя, находясь внѣ всякихъ сообщенiй съ подчиненными и начальствомъ. Съ трудомъ и запыхавшись я добѣжалъ до домика, гдѣ бросился къ телефону. Оказывается, есть уже сообщенiе изъ штаба 35-й дивизiи, что „Болховцы просятъ поддержки“ ... Спрашиваю по телефону моихъ начальниковъ участковъ,—отвѣчаютъ, что надѣятся отстоять. Къ счастью, бой началъ затихать и къ 3-мъ часамъ ночи все быстро затихло и успокоилось. У насъ оказалось всего 17 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Когда разсвѣло противъ окопа 16 роты оказалось 30 труповъ японскихъ въ разстоянiи около 15 шаговъ; винтовки валялись съ примкнутыми тесаками, значитъ пытались прорваться въ-серьезъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-е октября японцы опять предприняли ночную атаку на нашу позицiю. На этотъ разъ атака была вызвана нашей инициативой. Около 10 час. ночи наши охотники подъ начальствомъ подпоручика И—ва предприняли поискъ въ часть Линшинпу, занятую японцами. Началась тревога по всей линiи; противникомъ выброшены были двѣ ракеты, а вслѣдъ за ними быстро запылали по всей линiи шесть сигнальныхъ вѣхъ, загорѣлись два прожектора, которые освѣтились разноцвѣтными огнями. Можно подумать, какъ это хорошо налажено у японцевъ,—что сейчасъ тревога разлилась по всей линiи. На самомъ дѣлѣ, однако, эти сигнальныя вѣхи и прожекторы, при дѣйствiяхъ ночью, являются палкой о двухъ концахъ и требуютъ весьма осмотри-

тельнаго пользованія: пылающія вѣхи обрисовываютъ линію расположенія противника и служатъ прекрасными оріентировочными точками, что весьма важно при ночной темнотѣ, когда, двинувшись въ атаку, можно ударить по воздуху, или напороться собственнымъ флангомъ и т. п. А прожекторы японскіе сыграли своимъ хозяевамъ роль гоголевской унтеръ-офицерши, которая сама себя высѣкла: вмѣсто стрѣльбы въ-слѣпую, при непроглядной тьмѣ ночной, наши стрѣлки могли уловить наступающихъ японцевъ, попадавшихъ въ полосу свѣта бросаемаго прожекторомъ, котораго, вѣроятно, они не поминали добромъ въ эту минуту.

Трудно сказать, было ли это самостоятельное наступленіе японцевъ, или они всполошились вылазкой нашихъ охотниковъ, принявъ ее за атаку съ нашей стороны. Во всякомъ случаѣ достойно вниманія то, что японцы отвѣтили на атаку атакой даже ночью, разсчитывая на помощь своихъ прожекторовъ.

Опять вспыхнула и развернулась по всей линіи дивная картина ночнаго боя, демоническія прелести которой производятъ впечатлѣніе несравненно болѣе сильное чѣмъ днемъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ особенности при позиціонной войнѣ, эти ночныя шумихи съ оглупительной трескотней ружейной, и артиллерійской канонадой, зарождаются изъ пустяковъ (какъ въ настоящемъ случаѣ—изъ поиска десятка охотниковъ) и кончаются пустяками: по крайней мѣрѣ во все время зимняго періода, по всему фронту воюющихъ сторонъ, такихъ ночныхъ тревогъ было безчисленное множество, и ни одна изъ нихъ не кончилась какими нибудь серьезными послѣдстві-

ями, въ родѣ прорыва непріятельской линіи и т. п. Зато шума и треска—хоть отбавляй.

Въ самый разгаръ этого феерическаго боя явились ко мнѣ два баталіона 3-го полка, которые назначены были еще ранѣе на мой участокъ „для ознакомленія съ условіями боевой жизни". Въ такую минуту прибытіе двухъ свѣжихъ баталіоновъ, которые могутъ служить прекраснымъ резервомъ, конечно, было весьма кстати; но куда ихъ направить, когда не видать ни зги кругомъ. Притомъ же воздухъ прямо насыщенъ смертью,—все пространство въ тылу нашихъ окоповъ, въ особенности въ раіонѣ деревень Ингоа-Сыфантай стономъ стонетъ отъ жужжанія и завыванія непріятельскихъ пуль, несущихся съ визгомъ по всѣмъ направленіямъ; въ сравнительной безопасности въ такую минуту находятся тѣ, которые сидятъ въ окопахъ, но подойти къ нимъ—почти вѣрная смерть, и не подлежитъ сомнѣнію, что изъ этихъ двухъ баталіоновъ выбыло бы не мало пока они дошли бы до окоповъ. А затѣмъ,—какую пользу могутъ принести баталіоны, совершенно незнакомые съ условіями мѣстности, при такой обстановкѣ ночного боя, клокочущаго сквозь бойницы на глубинѣ окоповъ, вытянутыхъ длинной линіей на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Опытомъ предшествовавшихъ ночныхъ боевъ я пришелъ къ убѣжденію, что при такихъ внезапныхъ ночныхъ атакахъ противника остается расчитывать только на стойкость войскъ въ окопахъ; если есть резервъ, то имъ слѣдуетъ воспользоваться только для контръ-атаки, съ разсвѣтомъ, съ цѣлью выбить противника, если ему удалось овладѣть какимъ-нибудь участкомъ позиціи.

Руководствуясь этими соображеніями, я и воздер-

жался отъ тревожныхъ донесеній въ штабъ корпуса о развернушейся у меня феерін ночного боя. Что я могъ доносить:—„японцы лѣзутъ въ атаку“?.. У меня въ этомъ и увѣренности не было. Притомъ же, я увѣренъ былъ, что отстоимъ позицію, получивъ по телефону увѣреніе отъ моихъ начальниковъ участковъ—„отобьемъ всякую атаку японцевъ“, и имѣя про запасъ еще при себѣ два свѣжихъ баталіона. Но оказалось, что настоящая-то тревога была не у меня, а *въ тылу,* на линіи штабовъ; и когда отъ меня рано утромъ получено было донесеніе, что „ночью японцы пытались перейти въ наступленіе, но были отбиты“, то мнѣ объявлено было *замѣчаніе* за это „запоздалое“ донесеніе. Выходитъ, по логикѣ начальства, что достаточно командѣ непріятельскихъ смѣльчаковъ вызвать мнимую, или дѣйствительную, тревогу на боевой позиціи, чтобы начальникъ позиціи забилъ тревогу по всей линіи и въ глубину. Это тѣмъ болѣе, по моему мнѣнію, не слѣдовало дѣлать, что во время шахейскихъ боевъ были примѣры, что при первой разразившейся тревогѣ ночью въ боевой части, начальство по собственному почину направляло туда свои *послѣдніе* резервы, и само оставалось въ качествѣ зрителя въ отношеніи хода боя...

Едва лишь затихла стрѣльба, намъ доставили щедрые подарки для нижнихъ чиновъ и офицеровъ отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Подарки эти попали въ чрезвычайно пріятную минуту, послѣ того какъ отбили атаку японцевъ, и всѣ находились въ радостномъ возбужденномъ состояніи по случаю исполненнаго долга, а также при ласкающемъ сознаніи, что „живъ остался“...

28-го октября я былъ вызванъ къ командующему корпусомъ на совѣщаніе для выработки проекта овладѣнія деревнями Линшинпу и Ламатунь, въ виду полученнаго предписанія главнокомандующаго,—что, „предполагая общій переходъ въ наступленіе, желательно главный ударъ произвести войсками 17-го корпуса, для сего наступательныя дѣйствія начать овладѣніемъ Линшинпу и Ламатуня“. Во время совѣщанія пришлось выслушать то, что сознавалось всѣми: даже высшее начальство, командующій корпусомъ и начальникъ дивизіи, жаловались на полную свою неосвѣдомленность относительно общей обстановки на театрѣ войны. Совѣщаніе наше кончилось разсужденіемъ общаго характера; никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній принято не было; да ихъ, повидимому, и не требовалось расплывчатымъ предписаніемъ главнокомандующаго, гдѣ говорилось только о предположительныхъ наступленіяхъ и выработкѣ проектовъ, которые подлежатъ, конечно, всегда еще разсмотрѣнію, исправленію и дополненію. Ясно, что до осуществленія остается еще дистанція огромнаго размѣра. Выпили мы по бокалу шампанскаго, предложеннаго гостепріимнымъ хозяиномъ, и разъѣхались.

Намъ не хотѣлось, въ свою очередь, отстать отъ японцевъ, у которыхъ въ ночь съ 26 на 27 октября дѣйствовалъ прожекторъ, поэтому 29 октября ночью мнѣ по желѣзной дорогѣ также доставили прожекторъ, установленный на вагонъ-платформѣ. На слѣдующую же ночь мы сдѣлали испытаніе и произвели вылазку командой охотниковъ по направленію къ окопамъ. Но когда разгорѣлась перестрѣлка я вынужденъ былъ потребовать, чтобы поскорѣй погасили прожекторъ, потому что онъ освѣщалъ не

японскіе окопы, а наши. Присланный для руководства прожекторомъ офицеръ объяснилъ мнѣ, что онъ докладывалъ главнокомандующему о томъ, что съ высоты платформы прожекторъ можетъ бросать свѣтъ на близкое разстояніе, а для освѣщенія болѣе далекихъ пространствъ требуется особая высокая разборная вышка, которой у насъ не имѣлось... Такимъ же образомъ у насъ имѣлись и привязные воздушные шары, польза которыхъ была весьма гадательна; имѣлся впослѣдствіи и безпроволочный телеграфъ, которымъ не пришлось пользоваться и т. п. Присланный мнѣ прожекторъ, который могъ служить лишь декораціей, притомъ очень опасной— я вынужденъ былъ отослать назадъ.

2-го ноября я получилъ весьма сердечную телеграмму отъ тульскаго губернскаго предводителя дворянства, который извѣщалъ, что посылаетъ полку вагонъ теплыхъ вещей отъ имени дворянства, Тульскаго оружейнаго завода и отъ Краснаго креста. Строго говоря, эти вещи намъ были почти излишни, потому что офицеры и нижніе чины обильно обезпечены всѣмъ необходимымъ. Еще при вступленіи въ окопы я приказалъ завѣдывающему хозяйствомъ купить на счетъ полковыхъ суммъ китайскія ватныя куртки для тѣхъ нижнихъ чиновъ, у которыхъ не имѣется фуфаекъ; но вслѣдъ затѣмъ интендантство предложило получить казенныя куртки, уллы (родъ обуви) и проч.,—что насъ удержало, конечно, отъ ненужной траты полковыхъ суммъ. Стали мы гадать дальше:—что бы такое купить для нижнихъ чиновъ, въ чемъ чувствовалась нехватка; рѣшили купить бѣлье изъ китайской дабы (бумажная матерія) для тѣхъ нижнихъ чиновъ, у которыхъ имѣлась только одна

смѣна бѣлья*); но тутъ подоспѣли подарки отъ Государыни Императрицы, въ которыхъ, между прочимъ, имѣлась также смѣна прекраснаго бѣлья на каждаго нижняго чина...

3-го ноября, въ 11—12 часовъ дня, нашу позицію по линіи деревень Сыфонтай-Ингуа обходилъ главнокомандующій генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, котораго сопровождалъ начальникъ Западнаго отряда генералъ Бильдерлингъ, временно командующій 17 корпусомъ ген.-лейт. Волковъ, начальники 3 и 35 дивизій и другіе. Къ счастью, японцы держали себя скромно и не тревожили нашу позицію въ эти часы обычной стрѣльбой. Послѣ обхода позиціи главнокомандующій удостоилъ посѣщеніемъ „мой домикъ", гдѣ принялъ угощеніе изъ стакана чая и обычнаго шашлыка.

Изъ бесѣды главнокомандующаго съ находившимися здѣсь высшими начальствующими лицами на меня произвелъ впечатлѣніе слѣдующій его разсказъ, рисующій инертность и отсутствіе всякаго вдохновеннаго порыва среди команднаго состава въ эту злопамятную войну.

— „Являюсь теперь при объѣздѣ позицій на лѣвый флангъ—позиціи 3 Сибир. корпуса",—повѣствуетъ ген.-ад. Куропаткинъ.— „Ну, какъ у васъ,—все готово?, можете перейти въ наступленіе?"

— „Совершенно готово все. Въ наступленіе можемъ перейти когда прикажете. Только полагалъ-бы, Ваше Высокопревосходительство, болѣе соотвѣтствующимъ начать наступленіе со стороны Цегоу, 2-мъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вправо,

*) Это тоже составляло расходъ въ 3—4 тысячи рублей.

уступомъ впереди насъ; а вслѣдъ за нимъ мы бы двинулись на перевалы".

— „Пріѣзжаю на слудующій день на позиціи 2 сибирскаго корпуса", продолжаетъ свой разсказъ ген.-ад. Куропаткинъ.

— „Ну, какъ у васъ тутъ; готовы къ насупленію? Кстати вы занимаете выдвинутое положеніе, вамъ бы и открыть наступленіе"...

— „Да мы, Ваше Высокопревосходительство, вполнѣ готовы перейти въ наступленіе когда прикажете. Только, въ интересахъ дѣла, полагалъ-бы соотвѣтствующимъ, сначала занять Фындяпу войсками 4-го сибирскаго корпуса (расположеннаго справа уступомъ сзади); иначе войска моего корпуса попадутъ неминуемо подъ фланговый огонь японцевъ"...

— „На слѣдующій день я былъ на позиціи войскъ 4-го сибирскаго корпуса. Здѣсь та же исторія. Для благополучія наступленія требовалось, чтобы сначала сосѣди начали наступленіе и овладѣли какой-то сопкой, а за ними можно было и самому перейти въ наступленіе. Такъ это повторялось на позиціяхъ всѣхъ корпусовъ. Вездѣ „вполнѣ готовы къ наступленію", но вездѣ же посылали впередъ своихъ сосѣдей"...

— „Ну, а вы какъ, Ваше превосходительство", закончилъ свой разсказъ ген.-ад. Куропаткинъ, обращаясь къ командующему 17 корпусомъ,— „на кого вы теперь сошлетесь для открытія наступленія?"...

Въ этой юмористической повѣсти главнокомандующаго помимо его воли звучала плохо скрытая нотка грусти. И это, дѣйствительно, „было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно".

Легко себѣ представить трагическое положеніе

главнокомандующаго, когда онъ среди своихъ ближайшихъ помощниковъ видитъ такое инертное отношеніе тамъ, гдѣ требуется вдохновенный порывъ, который долженъ воодушевлять не только солдата, но служить моральной поддержкой и для главнокомандующаго. Безъ этой поддержки, безъ этого импульса, является въ значительной степени обездоленной и великая роль главнокомандующаго.

Разсказъ ген.-ад. Куропаткина дышалъ глубокой правдой, которая чувствовалась всѣми. Таковы, именно, были наступательные порывы въ эту войну. Но эта подлинная правда плохо вяжется съ помпезными телеграммами — „войска рвутся въ бой“— которыми вводили въ заблужденіе Государя и Россію.

Въ общемъ, ген.-ад. Куропаткинъ остался весьма доволенъ позиціей нашего 17 корпуса, выразивъ также полное удовлетвореніе осмотромъ всѣхъ позицій по всему фронту нашей арміи.

— „Теперь, слава Богу, мы достаточно сильны и для наступленія, закончилъ свое заключеніе главнокомандующій. „Но каково было мое положеніе въ маѣ, когда меня усиленно толкали впередъ! Когда я доказывалъ, что я для наступательныхъ дѣйствій могу выдѣлить только 38—40 баталіоновъ, то мнѣ возражали: 38 баталіоновъ это сила! Наступайте, наступайте!“...

Главнокомандующій былъ, конечно, очень сдержанъ въ своихъ выраженіяхъ, не называлъ ни лицъ, ни событій; но этого и не требовалось, такъ какъ собесѣдникамъ все это и безъ того было ясно: рѣчь шла о понужденіяхъ со стороны адмирала Алексѣева, (а черезъ него—также и со стороны Петербурга) перейти въ наступленіе въ маѣ съ цѣлью

освобожденія Портъ-Артура, которое закончилось пораженіемъ подъ Вафангоу.

— „А какъ вамъ живется тутъ?“, спросилъ меня генералъ-адъютантъ Куропаткинъ на прощанье,— „пожалуй, скучать будете по японской шимозѣ, когда смѣнитесь съ этой позиціи“.

Простившись со мною очень любезно, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ удостоилъ меня приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ.

3 ноября уѣхалъ въ отпускъ, по—болѣзни, нашъ начальникъ дивизіи ген.-лейт. Я—ъ, предупрежденный главнокомандующимъ, что по истеченіи двухъ мѣсяцевъ онъ будетъ отчисленъ отъ должности, если не возвратится къ своей дивизіи; на самомъ дѣлѣ ген.-лейт. Я—ъ долго не возвращался, сохраняя за собою должность начальника дивизіи. Временно командующій нашей дивизіей назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ О-въ, который отрѣшенъ былъ отъ командованія 54 дивизіи за неудачный исходъ боя подъ Янтайскими копями 20-го августа, въ которомъ онъ, можетъ быть, гораздо менѣе виноватъ, чѣмъ самъ командующій арміей.

8 ноября. Постоянно приходится слышать всевозможные разсказы о томъ какъ японцы все знаютъ, что у насъ дѣлается. Они навѣрно знаютъ, что я сегодня имянинникъ, — не иначе: потому что съ ранняго утра привѣтствовали меня двойной порціей шимозъ и шрапнелей. Впрочемъ, японцы съ водокачки на станціи Шахе отлично видятъ и наблюдаютъ за моимъ домикомъ, и не много требуется сообразительности, чтобы опредѣлить, что въ этомъ домикѣ живетъ какой-нибудь начальникъ и сосредоточено руководство дѣйствіями на этомъ участкѣ;

очень просто, что фельдфебелю полагается и порція двойная. Часовъ около 10 прекратился огонь японцевъ, а вслѣдъ затѣмъ явился съ артиллерійской позиціи полковникъ А. Г. К—нъ, командиръ дивизіона, въ сопровожденіи какого-то бомбардира, который нагруженъ былъ чемъ-то тяжелымъ, уложеннымъ въ подобранныхъ полахъ шинели. При этомъ А. Г. сказалъ остроумное витіеватое „слово", которое закончилъ слѣдующимъ поздравленіемъ.

— „Позвольте, Мих. Вл., поздравить васъ съ днемъ ангела. Артиллеристы рады поздравить васъ и пирогомъ, да у насъ только имѣются вотъ эти пирожки, которыми взаимно угощаемся, и которыми усѣяна вся мѣстность около нашихъ батарей".

При этихъ словахъ бомбардиръ ставилъ на столъ одинъ за другимъ...пустые шрапнельные „стаканы" изъ-подъ японскихъ шрапнелей.

Я былъ очень счастливъ, что благодаря добрымъ друзьямъ я могъ отвѣтить обильнымъ угощеніемъ, болѣе „пріемлемымъ", чѣмъ японскія шрапнели: оказалось, что мнѣ наканунѣ присланы были изъ нестроевой роты настоящій пирогъ пшеничный, студень и т. п. Вслѣдъ затѣмъ добрые друзья штаба дивизіи прислали коньякъ, водку, закуски, печенье, конфеты, сыръ; отъ писарей штаба пріѣхали съ поздравленіемъ депутаты съ письменнымъ посланіемъ, а къ вечеру пріѣхалъ весь офицерскій составъ штаба дивизіи in corpore, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, моимъ закадычнымъ другомъ С. В. Ц—ль,

Какъ отрадны такія минуты при подобной обстановкѣ! Что, по сравненію съ этимъ, значатъ японскія шимозы!..

При дачной жизни подъ Петербургомъ суще-

ствуетъ обычай день именинъ праздновать фейерверкомъ, дабы и сосѣдніе дачники знали, что на сей дачѣ есть „герой дня". Мои именины на слѣдующій день суждено было отпраздновать совсѣмъ необычайнымъ пышнымъ фейерверкомъ: ночью съ 9 на 10 ноября предпринято было повальное и единовременное нападеніе нашихъ охотничьихъ командъ по всему фронту нашей арміи на передовыя позиціи японцевъ. Еще въ началѣ ноября указывалось изъ главной квартиры, что имѣются весьма скудныя свѣдѣнія о противникѣ, и остается прибѣгнуть къ единственному вѣрному средству—добыть плѣнныхъ, а съ ними и необходимыхъ „языковъ". Для этого предписывалось во всѣхъ корпусахъ по всему фронту арміи произвести нападеніе охотничьими командами на передовыя позиціи японцевъ съ одной главной цѣлью захватить плѣнныхъ. Сначала ночь и часъ для этой операціи указаны были штабомъ арміи, а затѣмъ выборъ времени предоставленъ былъ взаимному соглашенію командировъ корпусовъ, и остановились на ночь съ 9 на 10 ноября.

Поздно ночью я выпроводилъ нашу охотничью команду, давъ ей и начальнику команды необходимое напутствіе стараться привести самаго Ойяму на цѣпи.

Когда черезъ нѣсколько дней вырѣшились результаты этихъ чрезвычайныхъ поисковъ по всему фронту арміи, со спеціальной цѣлью добычи плѣнныхъ, я пораженъ былъ мизерностью этихъ результатовъ. Оказалось, что во всѣхъ корпусахъ добыто было всего на всего 14 плѣнныхъ, считая тутъ здоровыхъ и раненныхъ. И этотъ десятокъ „языковъ", весьма сомнительныхъ качествъ, стоитъ намъ самимъ

57 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Конечно, нечего считать свои потери, всегда неизбѣжныя на войнѣ, но—тогда, когда онѣ оправдываются достигнутыми результатами. А кто-жъ ихъ могъ предвидѣть этихъ плачевныхъ результатовъ! Едва ли нашъ штабъ арміи повторитъ еще разъ этотъ опытъ.

Четыре японскихъ кавалериста, захваченные въ плѣнъ кавалеріей 17 корпуса впослѣдствіи (кажется—въ декабрѣ).

Все это, однако, является замѣчательнымъ показателемъ для характеристики боевыхъ качествъ нашего противника. Какъ бы ни была идеально организована ихъ аванпостная служба—главное всетаки должно быть поставлено въ заслугу солдата, который несетъ эту службу.

А, впрочемъ, вотъ и характеристика нашего солдата.

Ищенко и Харламатовъ. Удивительно чревата всевозможными необычайными эпизодами переживаемая нами теперь боевая эпопея на передовой позиціи подъ Линшинпу. Сколько феноменальныхъ явленій здѣсь уже обнаружилось среди боевыхъ столкновеній среди враждующихъ сторонъ,—какіе удивительные факты народятся еще на этой позиціи! И, кажется, страничка этой боевой эпопеи настолько необычайна, настолько выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ эпизодовъ прежнихъ войнъ, что должна неминуемо занять одно изъ наиболѣе яркихъ мѣстъ въ подобныхъ повѣствованіяхъ всѣхъ временъ.

Одинъ такой эпизодъ обнаруженъ былъ здѣсь въ ноябрѣ совершенно случайно, и напоминаетъ собою извѣстные „три дня“ Гаршина,—съ той лишь разницей, что здѣсь борьба жизни и смерти длилась не три дня, а *сорокъ два дня,* и назидательна не столько торжествомъ жизни надъ смертью, сколько побѣдой инстинктовъ добра и божественной красоты, таящихся въ общечеловѣческой природѣ, совершенно независимо отъ племенныхъ особенностей.

Послѣ упомянутой выше послѣдней атаки сел. Линшинпу нашими войсками, въ ночь съ 2-го на 3-е октября, мы вынуждены были, какъ извѣстно, отказаться отъ дальнѣйшихъ намѣреній удержать за собою всю деревню и отошли нѣсколько назадъ, ограничившись занятіемъ сѣверной части селенія Чтобы упрочить за собою эту часть Линшинпу, возведены были окопы вправо и влѣво; постепенно выросла та передовая позиція, объ особенностяхъ которой я уже имѣлъ случай упомянуть выше. Въ той части деревни, которую японцы удержали въ своихъ рукахъ, осталось не мало убитыхъ труповъ нашихъ

солдатъ. Многочисленныя смѣлыя вылазки нашихъ охотниковъ имѣли постоянно цѣлью унести изъ-подъ рукъ японцевъ наши трупы, чтобы предать ихъ землѣ; многіе трупы вынесены, не мало труповъ нашихъ и японскихъ солдатъ служатъ еще и по сейчасъ добычей собакъ, воронъ, вяляются съ отгрызанными головами, конечностями. Каждая попытка вынести трупы для погребенія стоитъ новыхъ и новыхъ жертвъ. Такимъ образомъ, для насъ не было возможности заняться какъ слѣдуетъ преданіемъ землѣ тѣхъ убитыхъ, осмотрѣть покинутые окопы и т. п.; не могли этого дѣлать и японцы, со стороны которыхъ, впрочемъ, и попытокъ не видно было въ этомъ отношеніи, не только для нашихъ убитыхъ, но и для погребенія труповъ собственныхъ солдатъ. Нѣкоторые окопы, бывшіе мѣстомъ схватки противниковъ, остались забытыми и нами, и японцами.

И вотъ, на-дняхъ, изъ такого окопа приползли еле живые два солдата 12 Великолуцкаго полка, участвовавшаго въ ночной аттакѣ 2-го октября— Ищенко и Харзаматовъ. Оба они были ранены тяжело: первый получилъ три раны—въ шею на вылетъ, въ бедро правой ноги и въ колѣно лѣвой ноги; Харзаматовъ былъ раненъ сравнительно легче—одной пулей въ бедро. Вмѣстѣ съ этими двумя ранеными остался на мѣстѣ боя еще третій солдатъ, одной съ ними роты, раненый тяжело въ ногу. Всѣ они съ перебитыми ногами очутились въ безпомощномъ положеніи, и не могли, конечно, сдвинуться съ мѣста.

Ночью пришли японцы и начали шарить трупы. Почуявъ опасность, наши раненые притворились мертвыми. Одному изъ нихъ японцы неосторожно наступили на ногу, и онъ заревелъ отъ боли, японцы

тогда подобрали его и понесли. Оставшіеся двое его товарищей слышали, какъ унесенный раненый всю дорогу кричалъ не своимъ голосомъ,—можетъ быть отъ боли, а можетъ быть отъ ударовъ японцевъ; именно такъ хотѣли объяснить себѣ наши солдаты крики своего товарища, и старались поэтому притвориться какъ слѣдуетъ. Съ разсвѣтомъ японцы ушли. Харзаматовъ принялся лѣчить Ищенко, который самъ былъ въ совершенно безпомощномъ состояніи; разыскавъ перевязочный бинтъ, Харзаматовъ, татаринъ Пермской губерніи, перевязалъ, какъ умѣлъ, двѣ раны товарища; на третью не хватило матеріала и онъ подѣлился съ товарищемъ своимъ бинтомъ. Нѣсколько дней Харзаматовъ, хотя и легче раненый чѣмъ Ищенко, не могъ особенно облегчить ни свое положеніе, ни положеніе товарища, потому что съ трудомъ могъ лишь ползти нѣсколько шаговъ.

Рана его, однако, быстро залѣчилась, и онъ затѣмъ всецѣло посвятилъ себя служенію своему безпомощному товарищу: на трупахъ нашихъ и японскихъ убитыхъ онъ разыскивалъ бинты и мѣнялъ перевязки на ранахъ Ищенко. Первые дни было еще чѣмъ питаться, добывая кусочки хлѣба и сухарей изъ запасовъ, уцѣлѣвшихъ на трупахъ нашихъ солдатъ, а также рисъ и даже консервы, которые Харзаматовъ находилъ на убитыхъ японцахъ. Все это Харзаматовъ старательно добывалъ и приносилъ товарищу. Запасовъ этихъ хватало, конечно, не надолго; все остальное время, свыше мѣсяца, оба мученика питались сырымъ гаоляномъ, травой. Чтобы добыть воду, Харзаматовъ вырылъ въ окопѣ около того же мѣста, гдѣ они лежали, небольшую яму, въ которой набиралась вода. Когда наступили холода,

Харзаматовъ добывалъ съ трудомъ полотнища, палатокъ и укрывалъ товарища.

Вся соль этого рѣдкаго подвига самопожертвованія заключается въ томъ, что Харзаматовъ могъ спастись и уйти къ своимъ, но не рѣшался на это,

Ищенко и Харзаматовъ, приведенные въ нормальный видъ.

чтобы не оставить въ безпомощномъ положенiи товарища. Можно было, конечно, добраться до своихъ, разсказать про Ищенко, показать, гдѣ онъ мучается... Но чѣмъ это еще кончится, неизвѣстно, а пока что надо бросить товарища... Вѣрнѣе всего, что Харзаматовъ не разсуждалъ вовсе, повиновался велѣніямъ

не ума, а движенію сердца; это солдатъ не изъ разсудительныхъ: широколицый, скуластый, онъ производитъ впечатлѣніе тѣхъ именно „тупицъ“ новобранцевъ, которымъ при поступленіи мучительно дается „словесность“ всякаго рода. Не подлежитъ сомнѣнію, что Харзаматовъ полуинстинктивно отдался велѣніямъ сердца. Сколько, однако, требовалось истинной самоотверженной любви, чтобы сорокъ слишкомъ дней биться между жизнью и смертью, перенося невѣроятныя страданія, лишь бы не оставить товарища...

Когда раны на ногахъ Ищенко поправились настолько, что позволили ему ползти, оба товарища пустились въ путешествіе, ночью, ползкомъ на животѣ. Ползти пришлось около 700 шаговъ, до окопа занимаемаго ночью нашимъ „секретомъ“. Какъ выходцы съ того свѣта явились эти мученики, исхудавшіе до крайней степени; они настолько были засыпаны насѣкомыми, что прежде всего пришлось снять и сжечь все, что на нихъ было.

Сколько такихъ великихъ подвиговъ человѣколюбія проявляется здѣсь нашимъ солдатомъ чуть ли не каждый день. Недавно, 9—10 ноября, славный солдатъ 16-й роты нашего полка, Фроловъ, испросилъ разрѣшеніе своего ротнаго командира отправиться въ Линшинпу со специальной цѣлью вынести какой-нибудь трупъ нашего солдата, чтобы похоронить какъ слѣдуетъ; онъ хорошо зналъ, что это иногда стоитъ жизни; зналъ—и все-таки пошелъ и, бѣдняга, собственной жизнью заплатилъ за свою любовь къ ближнему...

Пусть, какъ говорятъ, нынѣшняя война не родила полководцевъ; но она,—какъ, впрочемъ, и всякая война,—рождаетъ не мало героевъ.

12-го ноября мой полкъ на передовой позиціи подъ Линшинпу былъ смѣненъ 9 и 10 полками. Мы получили давно заслуженный отдыхъ,—если отдыхомъ можно называть мирно-боевую жизнь въ Уенченпу и Сыфонтаѣ, подъ постояннымъ огнемъ артиллерійскимъ, а частію и ружейнымъ (въ Сыфонтаѣ).

ГЛАВА IV.

Мелочи боевой жизни.

Смѣна. Возвращеніе въ „мою фанзу". Наша жизнь въ Уенченпу. Бивакъ подъ землей. Загадочный постъ. Итоги—убыли людей, израсходованныхъ патроновъ. Китайскіе сигнальщики. Изуродованный китаецъ и „бѣлые" санитарные поѣзда. Георгіевскій праздникъ. Обстановка нашей жизни: пища, жилье, пріѣздъ гостей. Мои сожители—пѣтухъ и кроликъ; Алешка и Микишка. Хоръ пѣвчихъ. Воспоминаніе о Василіи Рябовѣ.

12 ноября на позиціи подъ Линшинпу насъ смѣнили полки 9 и 10-й, и мы возвратились въ Уенченпу, расположившись слѣдующимъ образомъ: 1, 2 и 4 баталіоны стали бивакомъ въ деревнѣ Уенченпу, изъ которой осталась собственно одна только „моя фанза". (Въ этой фанзѣ я жилъ до 18 октября, и она описана была выше). 3-й баталіонъ расположился въ дер. Сыфонтай,—какъ ближайшій резервъ для впереди лежащаго участка окоповъ подъ Линшинпу.

Изъ обширной, чрезвычайно богатой постройками, Уенченпу осталось, какъ я сейчасъ упомянулъ, только одна фанза съ частью флигелей и надворныхъ построекъ. Все кругомъ было разрушено и раззорено. Мои строгости и заботы о сохраненіи жилыхъ построекъ, въ которыхъ предстояло зимовать, пошли прахомъ, и все основательно успѣли раззо-

рить за 22 дня нашего отсутствія, при занятіи окоповъ подъ Линшинпу. Отчасти тутъ помогали японскія шимозы, но не мало постарались и солдатскія руки при отсутствіи внимательности и надзора со стороны начальниковъ: напримѣръ, небольшая кумирня, которая еще при мнѣ была повреждена японскими шимозами въ ночь съ 17 на 18 октября, а теперь кругомъ валяются выброшенныя изъ кумирни статуи боговъ съ отбитыми головами и руками, что уже сдѣлано чьими-то руками.

Отъ богатаго зажиточнаго двора, который примыкалъ къ моей фанзѣ съ нѣсколькими жилыми постройками остались только угловые столбы и часть крышъ; все остальное было разобрано солдатами на топливо и какъ строительный матерьялъ, для постройки землянокъ. Дѣло въ томъ, что въ виду наступившихъ холодовъ жить въ палаткахъ или въ фанзахъ (которыхъ къ тому же было очень немного и совершенно не достаточно для помѣщенія и десятой доли расположенныхъ здѣсь войскъ) не было возможности; притомъ же бивакъ постоянно подвергался артиллерійскому огню японцевъ. Пришлось зарыться въ землянкахъ; а для этого потребовался кой-какой строительный матерьялъ, который заимствовался изъ китайскихъ фанзъ: разбирались сначала внутреннія перегородки, двери, рамы, а потомъ— балки, стропилы съ крышъ и т. п.

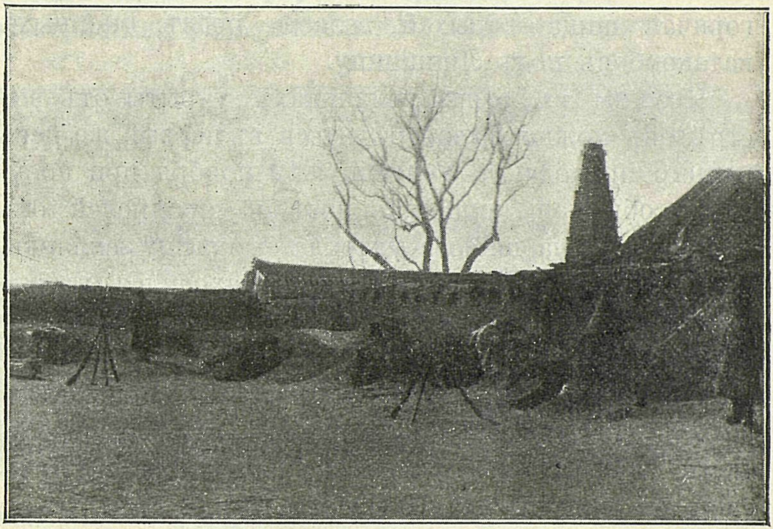
Эти бивачныя землянки для помѣщенія войскъ— тоже особенности этой войны. Ни нѣмцамъ, ни французамъ во время франко-прусской войны 1870 года, ни какимъ-нибудь другимъ воюющимъ сторонамъ въ другое время, едва ли когда-нибудь приходилось прибѣгать къ такимъ бивакамъ, *скрытымъ*

подъ землей, гдѣ надо было жить не недѣли, а мѣсяцы, и—все же неся потери отъ артиллерійскаго огня. Землянки строились на 5—10 и на 50—70 человѣкъ; обыкновенно старались помѣстить въ одной землянкѣ отдѣленіе, взводъ, со своимъ начальникомъ.

Устройство этихъ землянокъ было очень простое: вырывался глубокій ровъ, около 5—6 футъ глубиною, шириною 6—7 футъ, и длиною—въ зависимости отъ числа помѣщаемыхъ людей, считая по одному шагу на человѣка; ровъ этотъ покрывался накатникомъ, хворостомъ, стеблями гаоляна, а сверху насыпалась земля слоемъ въ 6—8—10 вершковъ. Для входа съ тыловой стороны вырывалась аппарель, которая вела прямо съ горизонта земли въ это логовище; „дверь"—или, вѣрнѣе, входная дыра—завѣшивалась полотнищемъ походной палатки. Для нагрѣванія складывались одна-двѣ печурки съ дымоотводомъ около входнаго люка. Строго говоря, никакого искусственнаго нагрѣванія воздуха въ этихъ землянкахъ не требовалось: температура тутъ и безъ того была настоящая африканская, съ примѣсью бьющихъ въ носъ всевозможныхъ пряностей, такъ какъ повышалась самымъ естественнымъ образомъ, отъ дыханій помѣщаемыхъ людей; небольшія печурки складывались, главнымъ образомъ, для того, чтобы можно было тутъ-же вскипятить чаекъ. Полъ, или дно, этого рва устилалось чумизной соломой, которая покрывалась, при желаніи, полотнищами походныхъ палатокъ. Люди укладывались поперекъ этого рва вплотную, одинъ около другого; ходить вдоль этой пещеры возможно было или у ногъ обитателей, гдѣ оставлялось около полъ-шага, чтобы дать возмож-

ность великовозрастнымъ вытянуть длинныя ноги; или ходили *черезъ* ноги. Да, впрочемъ, „ходить“ тутъ не было ни надобности, ни возможности,— когда нельзя было и стоять во весь ростъ.

Движеніе воздуха въ этихъ могильныхъ коридорахъ было весьма слабое: входныя отверстія необходимо

Наружный видъ землянокъ. (Гдѣ возможно было—землянки примыкали къ какимъ нибудь постройкамъ, чтобы лучше укрыть ихъ отъ артиллерійскаго огня).

было расположить съ тыловой стороны, а при длинѣ рва въ 30—50 шаговъ требовалось такихъ отверстій 3—5; значитъ ограничиться двумя входными дверями на противоположныхъ концахъ рва для полученія сквозняка—нельзя. Благодаря отсутствію вентиляціи въ этихъ подземныхъ аппартаментахъ было очень тепло; зато же и воздухъ тутъ такъ густо насыщенъ человѣческими испареніями и выдыханіями всякаго

рода, что не только можно было „топоръ повѣсить“, но непривычный человѣкъ при входѣ и самъ бы повѣсился, если бы онъ былъ маленькаго роста *).

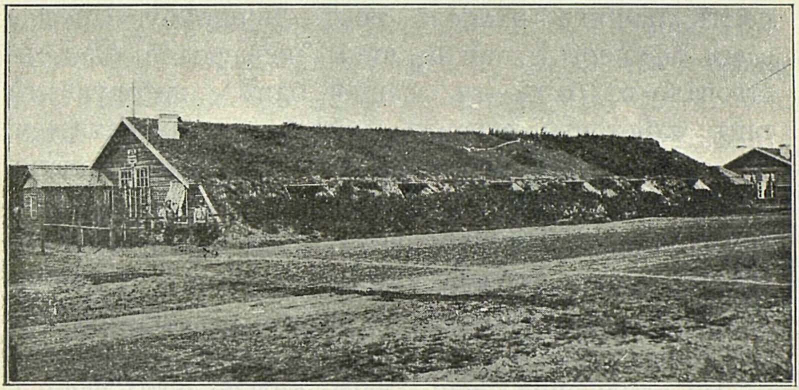
Но воздухъ для дыханія въ сущности такой пустякъ, безъ котораго иногда можно и обойтись; и люди чувствовали себя прекрасно въ этихъ землянкахъ: тепло, отъ выстрѣловъ укрыты, есть чаекъ, горячая пища—отдыхай всласть послѣ окопныхъ катакомбовъ подъ Линшинпу.

Что мы въ этихъ землянкахъ укрыты отъ выстрѣловъ можно было убѣдиться въ первый же день нашего прихода въ Уенченпу: 12 ноября, при полученіи обычной порціи шимозъ и шрапнелей отъ японцевъ, одна шимоза ударила въ крышу землянки, наполненной нижними чинами; я находился въ это время вблизи этой землянки и порѣшилъ, что навѣрное будутъ въ землянкѣ убитые и раненые. Бросившись туда, я увидѣлъ, что кучка нижнихъ чиновъ сидитъ вокругъ чайничка, занятые чаепитіемъ, какъ-разъ подъ точкой удара шимозы; у нихъ еще не прошелъ не то испугъ, не то недоумѣніе отъ взрыва шимозы надъ самыми ихъ головами, и одинъ солдатъ еще продолжалъ держать кружку съ чаемъ засыпанную наполовину мерзлой землей. Оказалось, что шимоза при взрывѣ образовала небольшую воронку въ смерзшейся землѣ крышки, но не могла пробить накатникъ, а только вогнула ихъ внутрь землянки, причемъ черезъ образовавшуюся брешь посыпались комки мерзлой земли. Никто не

*) Впослѣдствіи я видѣлъ въ тылу, внѣ сферы огня, войсковыя землянки болѣе затѣйливаго и комфортабельнаго устройства, чѣмъ наши.

былъ ни раненъ, ни контуженъ,—потому что осколки шимозы, очевидно, всѣ пошли вверхъ. Конечно, тутъ много помогло мерзлое состояніе грунта, который лежалъ слоемъ въ 6—8 вершковъ толщиною, имѣя подъ собою слой накатника, уложеннаго почти всплошь.

Мнѣ придется впослѣдствіи еще коснуться характеристики разрушительнаго дѣйствія шимозъ, ко-

Видъ землянокъ, устраивавшихся въ тылу, внѣ сферы артиллерійскаго огня.

торое мнѣ пришлось испытать на самомъ себѣ—къ счастью довольно благополучно; поэтому ограничусь сейчасъ указаніемъ, что, находясь въ землянкахъ можно было считать себя вполнѣ прикрытымъ не только отъ шрапнелей, но и отъ шимозъ. Но послѣ 22-дневной могильной жизни въ катакомбахъ подъ Линшинпу никому не хотѣлось сидѣть въ землянкахъ. Намъ хотѣлось свѣта, воздуха. Необходимо было разминать ноги: за три, слишкомъ, недѣли одиночнаго заключенія въ окопахъ, безъ всякаго движенія,

развился отекъ ногъ, появилась „арестантская“ одутловатость—какъ называли солдаты эту обнаружившуюся у многихъ наклонность къ нѣкоторому ожирѣнію. Все это можно было разогнать лишь работой и моціономъ; а между тѣмъ, когда японцы обстрѣливали нашъ бивакъ—что повторялось, временами, почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ—надо было опять закупориться въ землянкахъ.

Все же мы тутъ вполнѣ почувствовали отдыхъ послѣ нашихъ окоповъ подъ Линшинпу. Прежде всего офицеры и нижніе чины поочередно блаженствовали въ банѣ—въ „нашей банѣ“, которую мы такъ заботливо строили вмѣстѣ съ саперами (см. выше). Въ наше отсутствіе кое-что было сломано, разобрано, приведено въ безпорядокъ, но все это скоро приняло прежній видъ, и жизнь со всѣми ея мирно-боевыми передрягами на театрѣ войны начала струиться по-прежнему со всѣмъ ея мертвящимъ однообразіемъ.

На слѣдующій день, какъ только роты распредѣлены были по землянкамъ въ Уенченпу, я отправился осмотрѣть расположеніе 3-го баталіона въ Сыфонтаѣ. Эта деревня съ устроенными здѣсь землянками находилась не только подъ артиллерійскимъ огнемъ японцевъ, но сюда заглядывали и ружейныя пули—хотя и залетныя, шальныя, пущенныя подъ высокими прицѣлами: едва лишь вывѣсили флагъ краснаго креста надъ крышей перевязочнаго пункта, какъ человѣкъ у аптечной двуколки былъ раненъ въ бокъ ружейной пулей какимъ-то „чуднымъ“ образомъ, какъ заявилъ часовой, потому что ни стрѣлка не видѣлъ, ни выстрѣловъ не слыхалъ,—что ему, конечно, казалось весьма страннымъ и „чуднымъ“...

Деревня Сыфонтай оказалась еще болѣе разоренной, чѣмъ Уенченпу. Я зналъ хорошо эту деревню еще во время нашей авангардной жизни передъ переходомъ въ наступленіе, въ сентябрѣ; затѣмъ я 1—2 дня располагался здѣсь съ полкомъ во время октябрьскихъ боевъ на Шахе. Тогда еще—какихъ нибудь 5—6 недѣль тому назадъ—Сыфонтай представлялъ собою огромную богатую деревню, въ которой было болѣе 75—100 фанзъ; многія изъ этихъ фанзъ были построены изъ жженнаго кирпича. Жители тогда уже испарились отсюда, потому что деревня обстрѣливалась съ утра до вечера, но дома всѣ были цѣлы; самъ я провелъ тогда одну ночь въ большой каменной кумирнѣ. Теперь все до такой степени разрушено, что я не могу узнать даже то *мѣсто, гдѣ стояла эта кумирня.* Все, что было *надъ* землей теперь люди перетащили *подъ* землю. Если въ Уенченпу рискованно гулять по биваку во время артиллерійской стрѣльбы—которая всегда видна и слышна своевременно—то здѣсь, въ Сыфонтаѣ, приходится быть на-чеку все время, потому что ружейная пуля подбирается какъ тать, и, какъ мы это сейчасъ видѣли, ранитъ и убиваетъ „чуднымъ“ образомъ.

Кстати, я столкнулся здѣсь съ курьезнымъ фактомъ, о которомъ стоитъ упомянуть для характеристики свирѣпствующихъ у насъ „точности и аккуратности“ въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Возвращаясь изъ Сыфонтая, я замѣтилъ издали одиночнаго солдата, стоящаго неподвижно въ открытомъ полѣ къ западу отъ деревни, въ разстояніи около полуверсты. Морозъ, хотя и не сильный, все же даетъ себя сильно знать: въ открытомъ полѣ—10° R при чувствительномъ вѣтрѣ,—это, значитъ, темпера-

тура такая, когда на улицахъ Петербурга сердобольная полиція зажигаетъ костры, чтобы согрѣвать прохожихъ и извозчиковъ. Что же наблюдаетъ въ адскій холодъ неподвижно стоящій солдатъ? Постоялъ и я минутъ 10, разсмотрѣлъ солдата издали и въ бинокль, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно

Дер. Сыфонтай и гаоляновыя грядки.

подлинный живой солдатъ; а затѣмъ я направился къ нему, чтобы выяснить, что онъ тутъ ищетъ на морозѣ въ открытомъ полѣ, запорошенномъ снѣгомъ.

Подошелъ къ солдату. Смотрю, стоитъ человѣкъ какъ-будто при исполненіи какихъ-то обязанностей, имѣя и винтовку при себѣ; одѣтъ сравнительно тепло.

— „Ты что это, братъ, кружишься тутъ въ полѣ на морозѣ; что тутъ дѣлаешь?“

— „Такъ что, Вашескобродіе, поставленъ я тутъ, на часы значитъ“.

— Какъ на часы? А какой же у тебя постъ здѣсь,— что охраняешь?“

— „Не могу знать“.

— „Однакожъ, братъ, знаешь,—что коли на часы ставятъ, то, значитъ, что нибудь въ сдачу принялъ. Что же ты здѣсь принялъ подъ *сдачу*,—вѣтра въ полѣ, что ли?“

— „Не могу знать, Вашескобродіе. Послали взводный, сказывали на часы стать и рукой показали, значитъ, гдѣ стоять надоть“.

— „И давно ты стоишь здѣсь?“

— „Не могу знать, а надо бы скоро смѣна подойдетъ“...

Что за штука такая? Никакихъ признаковъ не только поста, но и здраваго смысла для такого поста нѣтъ: открытая равнина съ далекимъ кругозоромъ по всѣмъ направленіямъ, изборожденная крѣпко замерзшими длинными грядками изъ-подъ гаоляна, запорошенныя тонкимъ слоемъ снѣга,—крѣпкій морозецъ, разгуливающій на свободѣ рѣжущій вѣтеръ, и... затерявшійся среди всего этого одинокій часовой.

А, можетъ быть, это сторожевой постъ какой нибудь,—промелькнуло у меня въ головѣ. Но какой же это будетъ постъ изъ единственнаго солдата? да и какіе же тутъ аванпосты *позади* линіи окоповъ?; притомъ же вправо и влѣво нигдѣ не видно никакихъ другихъ постовъ, о которыхъ я не могъ не знать, если бы они были.

Пошелъ назадъ въ Сыфонтай къ командиру баталіона, чтобы услышать отъ него разгадку этого ребуса. Оказалось, что командующій 3-мъ баталіономъ капитанъ Я—ій про постъ этотъ знаетъ, но что это за постъ онъ не знаетъ.

— „Что же васъ надоумило поставить постъ въ открытомъ полѣ?“

— „Я получилъ, г. полковникъ, этотъ постъ *въ сдачу* отъ командира баталіона 12-го полка, который стоялъ здѣсь въ Сыфонтаѣ до моего прихода, и распорядился, въ свою очередь, включить этотъ постъ въ нарядъ; но пока не успѣлъ еще узнать для какой цѣли этотъ постъ выставляется“...

Обратились къ ротному командиру, къ „господину взводному“, который „рукой махнулъ“ по направленію этого таинственнаго поста. Никто ничего не знаетъ. Вотъ оказія,—„военный секретъ“, да и только! А постъ принятъ *въ сдачу* отъ прежняго гарнизона;—какъ его упразднить и снять, когда я не могу даже войти въ оцѣнку потребности поста,—когда намъ неизвѣстна цѣль, для которой онъ выставленъ?

Не мало пришлось поѣздить, хлопотать, и только на слѣдующій день удалось выяснить—вѣрнѣе—догадаться—какимъ образомъ тутъ народился постъ. Оказалось слѣдующее: какой-то штабной офицеръ, изъ штаба важнаго, по собственному побужденію, или съ какимъ нибудь порученіемъ, пріѣзжалъ посмотрѣть окопы подъ Линшинпу; возвращаясь назадъ по открытому полю, онъ увидѣлъ, что японская шимоза ударилась въ землю и не разорвалась. Желая произвести „надлежащее изслѣдованіе“ снаряда, и не рискуя взять его руками, штабной адъютантъ завернулъ въ Сыфонтай и приказалъ начальнику гарнизона выставить постъ къ тому мѣсту, гдѣ ударилась шимоза,—впредь до присылки артиллеристовъ для „надлежащаго изслѣдованія“, или для того, можетъ быть, чтобы забрать и приложить шимозу, какъ вещественное доказательство къ своей реляціи.

Первый часовой установленъ былъ по непосредственному указанію адъютантомъ въ качествѣ разводящаго; а потомъ, для установки часового, взводный прямо издали „махалъ рукой“ по направленію поста.

По возвращеніи въ штабъ, господинъ адъютантъ, должно быть, забылъ про „надлежащее изслѣдованіе“ шимозы, или его реляціи повѣрили, можетъ быть, безъ вещественныхъ доказательствъ. А тѣмъ временемъ выпалъ снѣгъ, наступили морозы, вымерзли всѣ слѣды не только этой шимозы, но и другихъ многочисленныхъ шимозныхъ воронокъ. А постъ, принятый *въ сдачу*, охранялся свято и часовые молча мерзли во славу предполагавшагося „надлежащаго изслѣдованія“, хотя навѣрное далеко уклонились отъ святого мѣста, въ которое ударилась та знаменитая шимоза, которая угрожала драгоцѣнной жизни адъютанта.

Это кажется очень страннымъ и смѣшнымъ,— неправда ли? Но развѣ менѣе странно, когда мы видимъ понынѣ не на театрѣ войны, а въ театрахъ пару часовыхъ, стоящихъ неподвижно у пустыхъ ложъ? Здѣсь тоже постъ, принятый *въ сдачу* отъ временъ минувшихъ, и включенъ въ нарядъ, — точно такъ же, какъ тотъ постъ въ открытомъ полѣ на театрѣ войны.

Несмотря на исключительныя условія жизни въ землянкахъ, санитарное состояніе полка превосходное. Открыли околодокъ, обставленный роскошно—отличное помѣщеніе, чистое бѣлье, хорошая улучшенная пища—но нѣтъ ни одного паціента; нѣтъ и приходящихъ больныхъ на пріемѣ у врачей по утрамъ. Произведенный медицинскій осмотръ всему полку послѣ смѣны изъ Линшинпу показалъ, что всѣ здо-

ровы. Я любопытствовалъ знать каково санитарное состоянiе въ другихъ полкахъ нашей дивизiи и корпуса, и оказалось что не у меня только, но и въ другихъ частяхъ больныхъ также почти нѣтъ. Это прекрасное санитарное состоянiе войскъ, несмотря на тяжелыя условiя жизни и службы, представляющее собою благодѣтельную особенность этой войны, объясняется, во-первыхъ, щедрыми отпусками отъ казны на продовольствiе солдата; а главная причина—это чудныя климатическiя условiя Манчжурiи, въ особенности зимою.

Едва водворились „на отдыхъ", какъ начала одолѣвать канцелярiя со всевозможными отчетами и донесенiями. Хозяйственная часть давно уже не повѣрялась вовсе. Какъ не упрощено веденiе хозяйственной отчетности на войнѣ, а соблюдать все требуемое закономъ все же нѣтъ возможности. Хозяйственная часть со всей нестроевой ротой и обозомъ находятся гдѣ-то въ тылу и представляютъ собою совершенно самостоятельное царство подъ главенствомъ завѣдывающаго хозяйствомъ. Спасибо, что идетъ все складно—полкъ получаетъ все своевременно, сытъ и снабженъ всѣмъ; а это главное.

На довольствiи у насъ сейчасъ, къ 14 ноября, состоитъ 2706 нижн. чиновъ, а штыковъ боевыхъ 2301. За время пребыванiя въ окопахъ подъ Линшинпу, съ 19 октября по 12 ноября, у насъ выбыло убитыхъ 27 и раненыхъ 83 нижн. чиновъ,—въ среднемъ *пять человѣкъ въ день.*

Нигдѣ такъ, какъ на войнѣ, не видишь на каждомъ шагу перстъ Божiй надъ судьбой людей; примѣровъ такихъ роится въ памяти не мало, но мнѣ глубоко запалъ въ памяти слѣдующiй случай незадолго пе-

редъ смѣной изъ окоповъ: при обходѣ участка 2-го баталіона я пожелалъ передать какое-то распоряженіе ротнымъ командирамъ и приказалъ ихъ собрать около нашего „Малахова кургана“ (см. выше); стоя въ окопѣ, недалеко отъ норки командира 5 роты, я вижу какъ онъ вылѣзаетъ изъ своей кельи, а вслѣдъ затѣмъ туда ударяетъ, прямо въ точку, японская шимоза, разрываетъ вдребезги денщика и ранитъ смертельно еще двухъ нижнихъ чиновъ; я съ ужасомъ подумалъ о капитанѣ М—мъ, за спиной котораго большая семья, но онъ остался невредимымъ, хотя успѣлъ отойти лишь нѣсколько шаговъ отъ своего разрушеннаго логовища... Меня ласкало пріятное сознаніе, что, можетъ быть, черезъ меня Провидѣніе спасло эту жизнь.

Подвели итоги израсходованнымъ патронамъ, и оказалось слѣдующее:

1) За время стоянки полка въ Бенсиху, въ теченіи около одного мѣсяца (см. часть I-ю) полкъ израсходовалъ 90 тысячъ патроновъ.

2) Въ бою 20 августа, подъ Янтайскими копями, мы выпустили 110 тысячъ патроновъ.

3) Въ бою 26 сентября, подъ Кедегоу и Улитайцзы, 80 тысячъ патроновъ.

4) Въ бояхъ подъ Шилихе, 28 и 29 сентября, 568,200 патроновъ.

5) Въ бою 1 октября подъ Даліантунемъ 93 тыс. патроновъ.

6) За время сидѣнія въ окопахъ подъ Линшинпу было выпущено 230,400 патроновъ.

Всего слѣдовательно мы израсходовали 1.171,600 патроновъ. Такія цыфры даетъ отчетность завѣдывающаго оружіемъ. Полагаю, что необходимо тутъ

отбросить нѣкоторое количество, которое не разстрѣляно, а утеряно нижними чинами; но все же расходъ боевыхъ припасовъ въ нынѣшнихъ бояхъ, при скорострѣльной винтовкѣ, получается весьма внушительный. Если среднюю боевую численность полка въ этихъ бояхъ принять въ 2500—2800 человѣкъ и исключить боевые періоды въ Бенсиху и подъ Линшинпу, какъ своеобразные по обстановкѣ, то получимъ, что въ бояхъ подъ Янтаемъ, Кедегоу-Улитайцзы, Шилихе и Даліантунемъ *каждой винтовкой* израсходовано было, въ среднемъ, отъ 70 до 85 патроновъ. Это указываетъ на огромную интенсивность ружейнаго огня въ современномъ бою.

Послѣ Русско-Турецкой войны у насъ слышно было не мало нареканій на скупость въ отпускѣ боевыхъ припасовъ; наши солдаты съ завистью указывали на то, что при овладѣніи нами турецкими ложементами всюду находили цѣлыя горы ружейныхъ патроновъ, которые турецкій солдатъ могъ расходовать сколько душѣ угодно, въ противоположность нашимъ назойливымъ напоминаніямъ „беречь патроны". Въ настоящую войну въ Маньчжуріи патроновъ ружейныхъ и артиллерійскихъ отпускаютъ вдоволь; готовясь къ бою, стараются напихать солдату патроновъ всюду, гдѣ только возможно. Когда мы находились въ окопахъ подъ Линшинпу для патроновъ устроены были особыя ниши; такъ что солдатъ могъ расходовать оттуда патроны, не трогая своего боевого запаса; но когда солдатъ находился въ движеніи, а не сидѣлъ неподвижно, какъ подъ Линшинпу, ему, конечно, становилась въ тягость лишняя сотня—другая патроновъ, которыя старались ему всучить сверхъ положенныхъ 180. Сначала солдаты сами

охотно старались имѣть излишекъ патроновъ и не тяготились этимъ грузомъ; а затѣмъ, по мѣрѣ того какъ росли наши неудачи и одолѣвала все большая деморализація умовъ, солдаты стали выбрасывать излишки патроновъ.

Но въ чемъ сказалось вліяніе скорострѣльности, —такъ это въ нашей артиллеріи. Повидимому, наши артиллеристы еще не приноровились къ пользованію скорострѣльностью современной пушки. Иначе нельзя объяснить себѣ слѣдующаго факта: отъ Ляояна армія наша, по объясненію ген.-адъют. Куропаткина, вынуждена была отступить, между прочимъ, потому, что не хватило артиллерійскихъ патроновъ; а между тѣмъ къ этому сраженію долго вѣдь готовились и, значитъ, боевыхъ припасовъ, надо полагать, заготовлено было достаточное количество. Подавно уже, значитъ, старались обезпечить себя артиллерійскими запасами, когда 2—3 недѣли послѣ Ляояна предпринята была Шахейская операція. А между тѣмъ еще до исхода этой наступательной операціи, 2—3 октября, главнокомандующій оказался вынужденнымъ обратиться съ тревожными телеграммами ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ, „что ощущается недостатокъ артиллерійскихъ патроновъ,—что стрѣльба артиллеристовъ часто совершенно необоснованная, не оправдываемая ни поставленной цѣлью, ни обстановкой“*).

Мнѣ кажется, что это упрекъ справедливый. Конечно, артиллеристы наши пошли на войну почти совершенно не зная свойствъ своей новой пушки (см. часть 1-ю). Но, помимо этого, часто дѣйстви-

*) Цитирую по своей записной книжкѣ, гдѣ у меня отмѣчено лишь *содержаніе* упомянутой циркулярной депеши.

тельно пользовались скорострѣльностью пушки совершенно невпопадъ. Чтобы отбросить всякіе спорные вопросы о пользованіи скорострѣльностью въ бою, ограничусь указаніемъ на производившуюся у насъ часто артиллерійскую стрѣльбу по ночамъ, отъ которой едвали могло быть много пользы. Это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что японцы крайне—крайне рѣдко прибѣгали къ артиллерійской стрѣльбѣ ночью; а у насъ—чуть бывало въ окопахъ, съ просонокъ или со скуки, завяжется оживленная ружейная перестрѣлка—сейчасъ же пристраивается и артиллерія, сосѣди подхватятъ и... пошла писать губернія; а едвали знаютъ толкомъ по комъ и для чего стрѣляютъ. Это непростительно и стрѣлку, но еще менѣе понятно со стороны артиллеристовъ.

15 ноября. Зима все больше вступаетъ въ свои права. Морозы крѣпнутъ, холода по ночамъ до 15° R. Зато днемъ морозы умѣряются почти полнымъ безвѣтріемъ и постоянно яркимъ солнцемъ.

Обходя нашъ бивакъ, я наткнулся на тяжело раненаго китайца, у котораго оказались переломанными обѣ ноги и двѣ огнестрѣльныхъ раны въ бедро и руку; онъ неподвижно лежалъ на морозѣ у какого-то забора, покрытый слегка какими-то тряпками. Солдаты изъ сосѣдней землянки заявили мнѣ, что китаецъ тутъ валяется уже нѣсколько дней, и ему изъ жалости даютъ кто кусокъ хлѣба, кто кружку чаю и, такимъ образомъ, поддерживаютъ въ немъ остатки тлѣющейся жизни; но въ ранахъ у него завелись черви, несмотря на холодъ. Тоже жертва войны... Какъ онъ тутъ выжилъ нѣсколько дней, оставаясь на морозѣ подъ открытымъ небомъ—тайна законовъ борьбы жизни и смерти. Объяснить при

какахъ обстоятельствахъ его искалѣчили, китаецъ, конечно не могъ, а переводчика у насъ нѣтъ; мы уже давно обходимся безъ китайскихъ переводчиковъ, въ которыхъ нѣтъ и надобности, потому что около насъ давно уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какихъ-нибудь китайцевъ; ихъ и близко не подпускаютъ къ расположенію войскъ—не ближе линіи корпусныхъ штабовъ. А между тѣмъ у насъ все еще существуетъ какой-то паническій страхъ передъ китайскими шпіонами и махальщиками. На-дняхъ тоже отъ сосѣдняго начальника ночью примчался адъютантъ съ категорическимъ увѣреніемъ, что къ западу отъ насъ около 1—2 верстъ скрываются китайскіе шпіоны, которые по ночамъ сигнализируютъ японцамъ разноцвѣтными фонариками. Адъютантъ повелъ меня въ поле, чтобы показать, приблизительно, направленіе того пункта, откуда производится сигнализированіе.

— „Вотъ, вотъ опять, на томъ же мѣстѣ огоньки разнаго цвѣта", показалъ мнѣ адъютантъ на районъ расположенія войскъ 5-го сибирскаго корпуса въ разстояніи около одной версты къ западу отъ Уенченпу. Мнѣ показалось сомнительнымъ, чтобы шпіоны съ такимъ упорствомъ держались такъ наивно „кажинный разъ на этомъ мѣстѣ", сигнализируя каждый вечеръ съ одного пункта; тѣмъ не менѣе мы направились сейчасъ же на это мѣсто. Оказалось, что это перевязочный пунктъ одного изъ полковъ; днемъ онъ обозначается флагомъ Краснаго Креста, а ночью флага не видать, и маленькая фанзюрка видна въ темнотѣ ночной по фонарику, имѣющему два стекла красныхъ и два зеленыхъ. Подвѣшенный на концѣ длинной жердочки, укрѣпленной на крышѣ

фанзы, фонарикъ вѣтромъ раскачиваетъ во всѣ стороны, и когда тамъ горитъ ночью свѣчка—„сигнализація“ готова, въ особенности при пылкомъ воображеніи.

Словъ нѣтъ, необходимо зорко слѣдить за китайцами и возможностью передачи ими свѣдѣній нашимъ противникамъ; но, къ сожалѣнію, судя по примѣрамъ капитальнаго характера—японцы могли вѣрнѣйшимъ образомъ узнать наши сокровенные планы изъ распоряженій самого главнокомандующаго гораздо лучше чѣмъ изъ сигналовъ китайцевъ. Я упомянулъ объ этомъ выше, и мнѣ придется впослѣдствіи еще разъ коснуться этого жгучаго вопроса.

Вѣроятно, и этотъ израненый нищій китаецъ, о которомъ упомянулъ сейчасъ, былъ принятъ за шпіона. А впрочемъ, — можетъ быть изранили его за здорово живешь, — просто потому, что подвернулся подъ-руку. Были и такіе примѣры. Приказалъ запречь двуколку и отвезти китайца для сдачи на излеченіе въ санитарный поѣздъ Государыни Александры Θеодоровны, но тамъ отказали принять такого больного.

Это еще не вполнѣ удивительно, что не пожелали принять „грязнаго китайца“ въ такой привиллегированный санитарный поѣздъ—хотя говоритъ мало въ пользу человѣческихъ чувствъ персонала этого поѣзда; но вотъ странно, что раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по всеобщему отзыву, принимаютъ въ эти „бѣлые“ *) поѣзда съ большимъ разборомъ, и чтобы попасть туда требуется непремѣнно протекція.

*) Всѣ поѣзда санитарные имѣли вагоны обыкновеннаго цвѣта, а четыре санит. поѣзда—(двухъ Государынь и еще какихъ-то двухъ, носящихъ имя членовъ Импер. Фамиліи) были окрашены въ бѣлую краску.

Объ особенностяхъ и странностяхъ въ службѣ этихъ санитарныхъ поѣздовъ говорятъ не мало среди офицеровъ; многое мнѣ разсказала Н. А. Лухманова *), о быстро народившихся порядкахъ и традиціяхъ, установившихся въ этихъ бѣлыхъ поѣздахъ, и все это оправдываетъ ту репутацію, которая объ этихъ поѣздахъ циркулируетъ въ арміи. Объясняется это весьма просто: народилось четыре санитарныхъ поѣзда, которые съ ногъ до головы—отъ колесъ вагона до послѣдней рубашки въ инвентарѣ—все отличается отъ обыкновенныхъ санитарныхъ поѣздовъ; комплектованіе личнаго состава—почти исключительно изъ войскъ гвардіи; отпускъ на содержаніе больныхъ—вдвое противъ того, что расходуется въ другихъ поѣздахъ; кровати, бѣлье и все прочее—по своей роскоши не идетъ въ сравненіе съ обстановкой другихъ поѣздовъ. А чтобы нельзя было смѣшать такихъ избранниковъ судьбы съ обыкновенными санитарными поѣздами—ихъ покрасили въ бѣлый цвѣтъ, для того, чтобы издали видно было, что эти поѣзда „бѣлой кости", въ противоположность всѣмъ прочимъ.

Еще при отправленіи нѣкоторыхъ изъ этихъ санитарныхъ поѣздовъ на театръ войны, въ угоду власть имущимъ, былъ нарушенъ графикъ перевозки войскъ, и это, какъ говорили, вредно отразилось при сосредоточеніи войскъ въ періодъ сраженія подъ Вафангоу. Впослѣдствіи, во все время войны, эти санитарные поѣзда постоянно циркулировали въ Россію и обратно большей частью внѣ правилъ, или

*) Извѣстная писательница, пріѣхавшая на театръ войны сестрой милосердія.

вѣрнѣе—по правиламъ какимъ-то отличнымъ, отъ тѣхъ, которыя существовали для всѣхъ другихъ санитарныхъ поѣздовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что такимъ образомъ создалась *гвардія* и среди санитарныхъ поѣздовъ. Эти бѣлые поѣзда принимали раненыхъ съ разборомъ, и сдавали только въ дворянскій госпиталь. Зато за этими госпиталями установилась репутація, что оттуда всего легче попасть на эвакуацію въ Россію...

20 ноября. Сегодня меня посѣтили два старыхъ товарища по выпуску изъ академіи, командиръ Житомирскаго полка, полковникъ К—чъ, и командиръ Подольскаго полка, полковникъ Васильевъ (погибшій впослѣдствіи во время Мукденскаго отступленія смертью героя). Въ составѣ войскъ 8 арм. корпуса полки эти прибыли недавно на театръ войны, и отъ нихъ назначаются поочередно 1—2 баталіона въ окопы подъ Линшинпу „для ознакомленія съ условіями боевой службы“. Несмотря на то, что еще недѣли нѣтъ какъ 8 корпусъ сосредоточился на театръ войны—войска его, какъ меня увѣряли командиры полковъ, уже раздерганы во всѣ стороны: 15 дивизія направлена на позицію „къ востоку отъ 10-го корпуса“; 14 дивизія раздергана частію на постройку дорогъ въ тылу, частію по окопамъ, чтобы знакомиться съ условіями боевой службы, и т. п. Должно быть у насъ на театрѣ войны установилась прямо какая-то гибельная атмосфера, при которой цѣлые корпуса еще до сраженія таютъ уже, какъ только вступаютъ на этотъ театръ войны.

26 ноября. Сегодня Георгіевскій праздникъ, и мы участвовали въ общемъ парадѣ войскъ 17 корпуса, около расположенія штаба корпуса; для участія въ

парадѣ отъ каждаго полка назначены были георгіевскіе кавалеры, изъ которыхъ составлялись роты и баталіоны. Мнѣ весьма пріятно было видѣть, что во всемъ корпусѣ, за исключеніемъ лишь Зарайскаго полка, самое большое число георгіевскихъ кавалеровъ оказалось у меня въ полку—168 человѣкъ (въ Зарайскомъ полку 222). Если принять во вниманіе, что Зарайскій полкъ въ составѣ бригады 35 дивизіи былъ командированъ на Дальній Востокъ еще въ іюлѣ 1903 года, и въ военныхъ дѣйствіяхъ участвовалъ съ самаго начала войны, то выходитъ, что наибольшее, относительное (по времени), число боевыхъ наградъ досталось на долю Псковскаго полка.

Наша мирно-боевая жизнь въ Уенченпу наладилась такъ, что трудно желать лучшаго. Хотя живемъ подъ выстрѣлами, но все же есть возможность раздѣваться на-ночь, спать по человѣчески и отдохнуть какъ слѣдуетъ. Ружейная перестрѣлка подъ Линшинпу не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью: одиночные выстрѣлы слышны буквально круглые сутки. Единственно, когда наступаетъ затишье на $1/2$ часа—часъ, это послѣ заката солнца передъ высылкой секретовъ какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны. Съ нашей стороны, кромѣ того, почти изо-дня въ день производится и артиллерійская стрѣльба, какъ сказано, не стѣсняясь и темнотой ночи. Наносятъ ли этой стрѣльбой какой нибудь вредъ японцамъ—неизвѣстно; зато намъ самимъ эта ночная стрѣльба наноситъ иногда потери несомнѣнныя: на-дняхъ такой бѣшеной канонадой ночью ранили двухъ моихъ охотниковъ, которые лежали въ секретѣ около полотна желѣзной дороги; и вся эта кутерьма поднялась только потому, что ночью кому-то

показалось, что японцы обходятъ лѣвый флангъ 35 дивизіи.

Весьма печально, если въ разгаръ боя мы иногда несли потери отъ нашего собственнаго огня пѣхоты или артиллеріи; но если подобные случаи повторяются въ такое время, когда батарея въ полумирномъ положеніи, сравнительно спокойно, стоитъ на позиціи цѣлыми мѣсяцами, и отлично знаетъ гдѣ окопы наши,

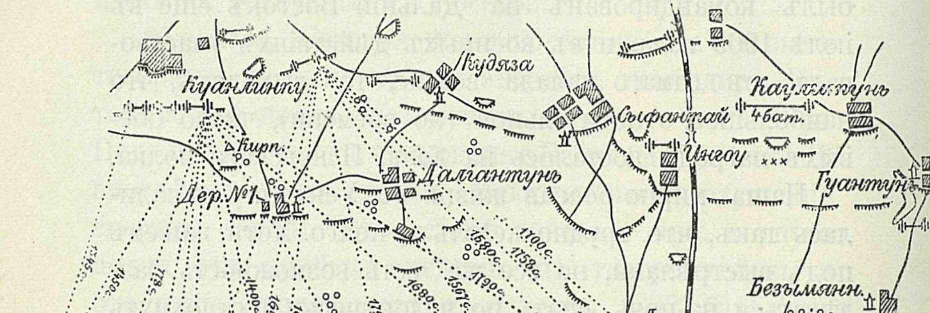

Схема направленій и дистанцій для стрѣльбы нашихъ батарей.

гдѣ японскіе—то для такихъ случаевъ нѣтъ оправданій. А между тѣмъ въ теоріи все прекрасно: вотъ „точныя" дистанціи отъ всѣхъ нашихъ батарей по всевозможнымъ цѣлямъ, къ которымъ пристрѣлялась наша артиллерія. Эти схемы имѣются на всѣхъ батареяхъ и разосланы даже намъ, начальникамъ участковъ, для руководства; и все-таки у насъ повторяются частые случаи пораненія въ окопахъ огнемъ нашей собственной артиллеріи. Слѣдовало бы запретить вовсе

производство артиллерійской стрѣльбы ночью. Но это — игра нервовъ. Какъ воспретить людямъ нервничать?

До чего мы измельчали, — просто совѣстно. Надняхъ, напримѣръ, получилось оффиціальное отношеніе сосѣдняго начальника дивизіи, который сообщаетъ, что войсками этой дивизіи, при нечаянномъ нападеніи охотниковъ, захваченъ 1 японецъ, и онъ (нач-къ дивизіи) проситъ разрѣшеніе провести этого плѣннаго по нашимъ бивакамъ съ цѣлью показать нашимъ войскамъ этотъ трофей. Не говоря про то, что это пріемъ весьма не выспренный, съ точки зрѣнія боевой этики — человѣку, повидимому, и въ голову не приходитъ, что такимъ пріемомъ въ глазахъ нашихъ же солдатъ будутъ достигнуты обратные результаты, когда одинъ несчастный плѣнный водится на-показъ какъ рѣдкая диковина.

Въ приходящихъ къ намъ изъ Россіи газетахъ такъ много пишутъ теперь о бытовой сторонѣ жизни войскъ на театрѣ войны, что до нѣкоторой степени обязательно откликнуться по этому вопросу. Началъ писать объ этомъ, какъ извѣстно, М. Меньшиковъ, увидѣвшій наши хозяйственныя неурядицы изъ прекраснаго далека; откликнулись цѣлымъ хоромъ корреспонденты съ театра войны, заглядывающіе въ нашу бытовую жизнь, конечно, мимоходомъ, со стороны. Необходимо, пожалуй даже и обязательно, сказать и намъ, строевымъ офицерамъ, то, что у насъ творится. Вѣдь давно прошло то время, когда на армію смотрѣли только какъ на пушечное мясо: теперь вѣдь это кость отъ кости самой родины, связанная съ нею такими жизненными артеріями, что тамъ, дома, не могутъ относиться равнодушно хотя бы даже и къ нашимъ житейскимъ мелочамъ, а ужъ

подавно къ такимъ капитальнымъ вопросамъ, какъ питаніе арміи и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ.

Все это въ порядкѣ вещей. И лично я, въ поднявшейся газетной тревогѣ о „холодѣ и голодѣ“ въ арміи, склоненъ видѣть скорѣй отрадное симптоматическое явленіе, знаменующее собою интересъ и участливое отношеніе общества къ вопросамъ, выходящимъ изъ микроскопическаго круга его мѣстныхъ интересовъ, и отказъ его, повидимому, отъ устарѣлаго правила „моя хата съ краю...“ А если при этомъ газеты хватили черезъ край, то это до нѣкоторой степени простительно: вѣдь во всѣ наши минувшія войны, до послѣдней турецкой включительно, наша интендантская часть хромала на обѣ ноги; весьма естественно, если теперь газеты забили тревогу по первому слуху.

На этотъ разъ тревогу слѣдуетъ признать ложной, за нѣкоторымъ исключеніемъ, о которомъ скажу ниже. Въ газетахъ было уже авторитетное разъясненіе главнаго интенданта, подкрѣпленное цѣлымъ рядомъ цифровыхъ данныхъ и документовъ; это однако — „часть распорядительная“, и въ обществѣ могутъ задать себѣ все-таки справедливый вопросъ: „А въ какомъ видѣ всѣ эти распоряженія осуществлены и дошли до солдата?“ Вотъ на этотъ вопросъ я и хочу дать посильный отвѣтъ.

Раньше всего необходимо засвидѣтельствовать, что въ нынѣшнюю войну на всѣ нужды войсковыя установились такіе обильные, даже слишкомъ щедрые, отпуски отъ казны, что не только у насъ, но едва ли въ какой-нибудь другой арміи сыпалось все въ войска когда-нибудь такъ широко и заботливо, какъ въ нынѣшнюю войну въ отношеніи нашей арміи.

Независимо отъ старательнаго отношенія интендантства къ потребностямъ войскъ, весьма важной причиной неизмѣримо лучшаго удовлетворенія всѣхъ войсковыхъ нуждъ въ эту войну, по сравненію, напримѣръ, съ послѣдней русско-турецкой войной, служитъ то, что, въ противоположность этой послѣдней, интендантство предоставляетъ теперь широкій починъ самодѣятельности самихъ войскъ, и въ этомъ, пожалуй, кроется корень успѣха. Теперь нѣтъ никакихъ продовольственныхъ кампаній въ родѣ недоброй памяти той, которая была во время турецкой войны: нѣтъ никакихъ иныхъ обязательныхъ для войскъ посредниковъ *) между интендантствомъ и войсками. Всѣ положенные по закону отпуски отъ казны отпускаются непосредственно войскамъ, и части войскъ подъ контролемъ, конечно, начальства ведутъ сами свое хозяйство.

Благодаря этой системѣ части войскъ оказываются не только своевременно обезпеченными всѣмъ необходимымъ, но и сумѣли накопить весьма значительные экономическіе капиталы, дающіе возможность командирамъ частей, по собственному усмотрѣнію, удовлетворять разныя экстренныя нужды, не обращаясь съ ходатайствами по начальству.

Обратимся теперь въ конкретномъ фактамъ, показывающимъ непосредственно, какъ живетъ здѣсь солдатъ и офицеръ на войнѣ. Полагаю нелишнимъ

*) Если не считать извѣстнаго еще со временъ средне-азіатскихъ экспедицій предпринимателя Гр—ва, законтрактованнаго для поставки скота въ армію; но войска обходятся безъ его услугъ, за крайне рѣдкими исключеніями, такъ что, если бы не было и этого контрагента интендантства, войска ни на минуту не испытали бы никакихъ неудобствъ. А обходится этотъ поставщикъ казнѣ не дешево.

напомнить, что касаюсь жизни войскъ, расположенныхъ на наиболѣе выдвинутыхъ впередъ передовыхъ позиціяхъ и поставленныхъ поэтому, разумѣется, въ наиболѣе тяжелыя условія.

Пища. Мяса отпускается на человѣка по фунту въ день, хлѣба $2^1/_2$ фунта, затѣмъ крупа, денежный отпускъ на приварочные припасы, чай и сахаръ въ ограниченномъ количествѣ (т. е. въ накладку пить не приходится); всего казна отпускаетъ здѣсь на пищу солдата, кромѣ хлѣба и крупы, по 21—27 коп. въ день на каждаго. На эти деньги по здѣшнимъ, даже возвышеннымъ, цѣнамъ вполнѣ возможно имѣть сытную, питательную пищу. Дай Богъ, чтобы нашъ крестьянинъ, хотя бы средней зажиточности, ѣлъ не хуже даже во всѣ праздничные дни. Горячая пища дается два раза въ день: въ 11—12 час. дня супъ съ $^3/_4$ ф. мяса и каша съ саломъ, а въ 6 час. супъ и крошонка съ $^1/_4$ ф. мяса; пробовали давать еще и третій разъ горячую пищу—кашицу, утромъ, но люди ѣдятъ утромъ (приходится вставать для этого раньше) неохотно, предпочитая чай. Чай пьютъ нѣсколько разъ въ день, потому что казеннаго отпуска чая вполнѣ достаточно, а сахара казеннаго хотя отпускаютъ немного, но этого продукта всегда перепадаетъ лишняя толика: то сахаръ жертвованный, то отъ полка, то солдатъ прикупаетъ изъ собственныхъ крохъ и т. п. Конечно, бываютъ случаи боевой обстановки, когда солдатъ остается день—другой безъ горячей пищи: при первыхъ атакахъ Линшинпу, отрѣзанное перекрестнымъ огнемъ отъ своего тыла, нѣкоторое количество нашихъ войскъ оставалось 5—6 дней безъ горячей пищи; но сѣтовать на такіе случаи можно лишь, сѣтуя на войну вообще.

На той же позиціи подъ Линшинпу теперь войска получаютъ горячую пищу, которая въ походныхъ кухняхъ подвозится ночью; кромѣ того въ окопахъ врыты котлы для каши, люди цѣлый день кипятятъ что-нибудь въ своихъ котелкахъ, — чай, супъ изъ выдаваемыхъ на руки продуктовъ—на днѣ окоповъ.

Повторяю, — такъ питаются люди на *передовыхъ позиціяхъ*, въ окопахъ. При расположеніи же въ землянкахъ, внѣ сферы ружейнаго огня противника, пища, конечно, не хуже и получается солдатомъ болѣе своевременно.

Одежда. Вся газетная тревога поднялась, какъ извѣстно, изъ-за теплой одежды, въ которой, какъ полагали, ощущается здѣсь недостатокъ. Въ дѣйствительности нашъ солдатъ, по моему мнѣнію, до нѣкоторой степени перегруженъ теплымъ платьемъ. Дома, въ деревнѣ, нашъ крестьянинъ прямо на рубашку надѣваетъ тулупчикъ, иногда со всѣхъ сторонъ продырявленный, и такъ выдерживаетъ даже наши жгучіе морозы; а тутъ онъ закутанъ въ фуфайку, поверхъ нея — ватная теплушка китайская, часто длинная до пятокъ, на теплушкѣ—полушубокъ, на полушубкѣ — шинель, поверхъ шароваръ тоже что-нибудь намотано, на шеѣ часто намотанъ шарфъ, поверхъ шарфа — башлыкъ, на головѣ нахлобучена несуразная и безобразная папаха; на ногахъ, за отсутствіемъ у большинства валенокъ, намотаны насапоги суконныя портянки... Посмотришь на солдата во всѣхъ этихъ доспѣхахъ и латахъ, и невольно подумаешь, что для передвиженія его надо ужъ и посадить на какого-нибудь россинанта, иначе—какъ же сохранить легкость ногъ и ходить въ атаку „скорымъ шагомъ“ такой кувалдой? И все это при зимѣ

южной Маньчжуріи, гдѣ морозы ночью хотя и доходятъ до—20° R., но днемъ уже бываетъ$\pm$5°R!

Все это говорю по непосредственному личному опыту: обходя вчера окопы подъ Линшинпу, въ день наиболѣе морозный, я чувствовалъ себя слишкомъ тепло одѣтымъ, будучи въ одномъ мѣховомъ сюртукѣ, да и ген. Каульбарсъ, несомнѣнно болѣе изнѣженный, чѣмъ нашъ солдатъ, объѣзжаетъ войска въ одномъ мѣховомъ сюртукѣ. Конечно, чтобы выстаивать цѣлыя ночи напролетъ въ окопахъ, недостаточно лишь мѣховаго сюртука; но даже и въ окопахъ есть рядомъ и костеръ, и землянка, хотя бы въ видѣ норы, гдѣ можно немного согрѣться. Не хватаетъ, правда, въ войскахъ теплой обуви—валенокъ, которыхъ имѣется приблизительно лишь на половину состава; но отнюдь нельзя сказать, что цѣлая половина людей мерзнетъ, потому что, предвидя недостатокъ валенокъ, части войскъ купили на собственныя средства разную теплую обувь: мѣховые носки, китайскія улы, лишнія теплыя портянки, наконецъ, имѣются еще отпущенныя интендантствомъ ватныя китайскія одѣяла, которыя на ночь вполнѣ предохраняютъ отъ обмораживанія ноги солдатскія при расположеніи на мѣстѣ, а при движеніи впередъ недолго разорвать эти одѣяла для обертыванія ногъ поверхъ сапогъ у кого нѣтъ валенокъ.

Позволю себѣ засвидѣтельствовать, что, напримѣръ, въ нашемъ полку, несмотря на его чисто боевую службу на передовой позиціи, за всю зиму не было ни одного случая обмораживанія ногъ, да и во многихъ другихъ полкахъ слышно было только про крайне рѣдкіе одиночные случаи обмораживанія конечностей,—вѣроятно совершенно независимо отъ валенокъ.

Скажу въ заключеніе, что солдатъ, конечно, долженъ быть всѣми мѣрами предохраненъ отъ зимней стужи; но и сохраненіе полной подвижости и свободы дѣйствій, легкости въ рукахъ и ногахъ—еще болѣе важно, хотя бы и съ рискомъ отмороженнаго пальца: вѣдь солдатъ—не ночной сторожъ, поставленный съ колотушкой на-ночь около лавокъ.

Вообще, въ отношеніи удобствъ житейскихъ и обезпеченій войскъ всѣмъ необходимымъ и сравнить нельзя съ минувшей русско-турецкой войной. Офицеры обставлены прямо обильно и роскошно всѣмъ, не только необходимымъ, но и многимъ такимъ, безъ чего и обойтись можно: испытывается рѣдко недостатокъ даже въ отношеніи вина, сыра, печенья, папиросъ и т. п. Есть у насъ и походная церковь, въ которой по праздникамъ можно и обѣдню служить.

Кромѣ того приказомъ по арміи установленъ отпускъ продуктовъ натурой безвозмездно отъ казны; каждому офицеру отпускается въ день фунтъ мяса и необходимое количество крупы и соли, достаточное дли варки обѣда на одного человѣка, а также чай, сахаръ и дрова на отопленіе землянки и на варку пищи.

На дрова установлены интендантствомъ какіе-то чудовищныя, по своимъ размѣрамъ, цѣны; такъ что „дровяныя деньги“ обратились въ замѣтную прибавку къ содержанію офицерскому и безъ того достаточному: на долю младшаго офицера въ ротѣ приходится что-то около 8—10 руб. въ мѣсяцъ. Словомъ, полкъ получаетъ въ мѣсяцъ около 2 — 3 тысячъ рублей на отопленіе и варку пищи (хлѣбъ получается печеный изъ интендантства), изъ которыхъ

едва-ли тратится и десятая доля; остальное идетъ въ экономическія суммы. Да и какъ тутъ тратить,— кому платить, когда мы тутъ вполнѣ сами хозяева и ни одного китайца не розыскать и днемъ съ огнемъ?

Такой же смыслъ имѣетъ установленный приказомъ по арміи внушительный отпускъ денегъ отъ казны на „наемъ“ (!) помѣщеній, устройство землянокъ для нижнихъ чиновъ и т. п. Давно уже нашъ полкъ—какъ вѣроятно и многіе другіе—размѣстились и устроились, истративъ на это какихъ нибудь нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей изъ полковыхъ суммъ. При всемъ желаніи, истратить больше и невозможно было бы: нуженъ лѣсъ, бревна, рамы— разбираютъ фанзу, рубятъ сосѣднее дерево; нуженъ кирпичъ — разбираютъ кумирню, канъ, кирпичныя стѣны, которыми окруженъ дворъ, и т. д. Платить за это некому, если бы у кого и было такое желаніе. И вотъ, когда мы устроились, размѣстились и осѣли — получается приказъ о новомъ отпускѣ денегъ отъ казны на основаніи какихъ-то сложныхъ расчетовъ по пролетамъ въ китайскихъ фанзахъ. Конечно, завѣдывающій хозяйствомъ составилъ длинную требовательную вѣдомость согласно всѣмъ пунктикамъ новаго приказа; въ результатѣ—полку причитается отъ казны около 6 — 9 тыс. рублей, невѣдомо за что и на что.

Пользуясь сравнительно спокойнымъ распоряженіемъ трехъ баталіоновъ около штаба полка въ Уенченпу, я пытался наладить какъ-нибудь общественную жизнь офицеровъ;—сначала дѣлалъ это посредствомъ общей офицерской кухни, но скоро убѣдился, что офицеры предпочитаютъ готовить себѣ

обѣдъ каждый въ отдѣльности и обѣдать у себя въ землянкѣ. Затѣмъ устроили офицерское собраніе въ просторной фанзѣ (въ которой, впрочемъ, уцѣлѣли только отчасти стѣны, отчасти крыша, но не было ни оконъ, ни дверей, роль которыхъ выполняли полотнища походныхъ палатокъ), гдѣ собирались офицеры по дѣламъ службы, или въ особыхъ случаяхъ—для проводовъ товарища, встрѣчи праздника и т. п. Въ такіе торжественные дни денщикъ мой, Юліянъ, развертывалъ свое искусство въ качествѣ повара и лакея, приготовляя свой шашлыкъ, который славился далеко за предѣлами не только полка, но и всей нашей дивизіи.

Иногда приходили ко мнѣ поиграть въ винтъ ютившіеся въ своихъ землянкахъ, по сосѣдству со мною, ближайшіе баталіонные и ротные командиры. Сыгравъ своихъ 3-4 робера (никогда не больше), мы закусывали свой шашлыкъ, или что нибудь другое, и этимъ довольствовались. Весьма часто къ мирнымъ заявленіямъ партнеровъ—„три пики“, „бубны“, „безъ козыря“—примѣшивались неожиданно *близкіе* разрывы японскихъ шимозъ и шрапнелей. Тогда мы старались другъ передъ другомъ щеголять своимъ хладнокровіемъ, продолжая игру, поглядывая минутами искоса на партнера, чтобы уловить на его лицѣ: что его больше занимаетъ въ эту минуту—шлэмъ у противника, или грохотъ только-что разорвавшейся шимозы, ударившей, повидимому, на сосѣдній дворъ 5-ой роты. Чаще, однако, приходилось прервать игру, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на бивакѣ.

Тутъ, кстати, по сосѣдству съ моимъ бивакомъ, Кубанская община Краснаго Креста устроила прекрасный перевязочный пунктъ, блиндированный на

рельсахъ, котораго не пробьютъ никакіе снаряды, даже и крупнаго колибра. Скоро, совершенно неожиданно, намъ пришлось искать убѣжище въ этомъ блиндажѣ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Пріѣхали ко мнѣ въ гости,—по моему приглашенію, пообѣдать—изъ главной квартиры ген.-м. К—во и полк. Г—ій. Было около 11 час. утра. Пока денщикъ мой суетился около обѣда, я предложилъ моимъ гостямъ осмотрѣть бивакъ и солдатскія землянки. Что тутъ больше показать гостямъ? Бивакъ примыкалъ непосредственно къ двору моей фанзы. Едва осмотрѣли мы бивакъ и направились къ перевяз. пункту, который находится въ 300—400 шаг. отъ бивака, какъ японцы открыли свою обычную, въ этотъ часъ дня, артиллерійскую стрѣльбу. Одна за другой двѣ шимозы со своимъ характернымъ шипѣніемъ пронеслись, какъ казалось, надъ нашими головами и разорвались надъ самыми землянками нижнихъ чиновъ. Слѣдующая пара шимозъ (замѣчено было неоднократно, что стрѣльбу шимозами японцы производили обыкновенно парами,—по взводно по нашему) ударилась влѣво отъ насъ, шагахъ въ 100-200 отъ насъ.

Мы были на полъ-пути между бивакомъ и блиндажомъ, въ открытомъ полѣ. Итти ли впередъ, ища убѣжища въ блиндажѣ, или повернуть назадъ—кстати, вѣроятно, и обѣдъ уже готовъ?.. Среди этого минутнаго раздумья, на ходу, ударила снова пара шимозъ, и... мы тогда рѣшительно участили шагъ по направленію къ блиндажу; а вслѣдъ затѣмъ новая пара шимозъ, разорвавшаяся совсѣмъ недалеко отъ насъ, подхлеснула насъ такъ горячо, что остатокъ разстоянія до блиндажа мы побѣжали какъ слѣдуетъ.

Запыхавшись, прибѣжали мы въ перевязочный пунктъ. Изъ моихъ гостей одинъ потерялъ калошу, второй вывихнулъ себѣ ногу. Скоро доставили въ блиндажъ двухъ раненыхъ сейчасъ нижнихъ чиновъ; одинъ изъ нихъ неосторожно сталъ при входномъ люкѣ въ землянку, чтобы посмотрѣть гдѣ рвутся японскіе снаряды, и получилъ широкую рваную рану въ лопатку осколкомъ шимозы. Вслѣдъ за раненными явился и мой денщикъ съ докладомъ, что обѣдъ готовъ. Мои гости заявили, однако, что у нихъ нѣтъ никакого аппетита.

—„Ну васъ къ Богу съ вашимъ обѣдомъ. Я вовсе не желаю погибнуть у васъ тутъ вольнымъ пассажиромъ; да мы и не обязаны по роду своей службы (мои гости были оба нестроевого элемента). Прикажите, пожалуйста, подать намъ сюда лошадей, и мы поѣдемъ домой“.

Подали лошадей, принесли намъ сюда и по стаканчику вина, послѣ чего я проводилъ своихъ гостей къ нимъ домой, въ тылъ. Впослѣдствіи я узналъ, что, уѣхавъ отъ меня безъ обѣда, съ вывихнутой ногой и потерей одной калоши, оба мои гостя получили въ воздаяніе за пережитую тревогу боевыя награды съ мечами,—потому что подлинно были на позиціяхъ „подъ огнемъ японцевъ“.

Вообще, японцы угощали своей порціей шрапнелей и шимозъ обыкновенно около полудни: а такъ какъ это совпадало со временемъ моего обѣда, то обѣдавшіе у меня—кто-нибудь изъ своихъ офицеровъ, или посторонніе—часто спрашивали:—„что же, у васъ сегодня третье блюдо будетъ?“,—если японцы запаздывали своей стрѣльбой. Въ одинъ прекрасный день судьбѣ угодно было на третье блюдо швыр-

нуть чуть ли не на самый столъ, за которымъ я обѣдалъ съ капитаномъ Я—мъ, обрывокъ конской шеи съ кускомъ гривы отъ разорванной подъ моимъ окномъ лошади.

Подъ этимъ окномъ, на дворѣ, была коновязь, на которой стояли четыре лошади, изъ нихъ одна японская лошадь—изъ числа отбитыхъ въ ночь съ 28 на 29 сентября подъ Шилихе, подаренная мною полковому адъютанту вмѣсто убитой подъ нимъ его собственной лошади. Надо же было, что японская шимоза ударила какъ-разъ въ самую спину японской лошади. Въ точкѣ удара разрушительное дѣйствіе шимозы весьма значительно: отъ лошади на мѣстѣ осталась только часть зада, все остальное было разнесено буквально въ дребезги: часть кишечника очутилась на деревѣ шагахъ въ 40 отъ коновязи, найдены клочья мяса и на сосѣдней крышѣ, а кусокъ гривы попалъ на канъ, на которомъ мы сидѣли за обѣдомъ. Ни одна изъ остальныхъ трехъ лошадей, стоявшихъ на коновязи, не была ранена; и всѣ онѣ, какъ и окно моей комнаты, были забрызганы и захлестаны кровью разорванной лошади.

Все же спасибо судьбѣ, что ей угодно было прислать мнѣ на третье блюдо неаппетитный кусокъ конской гривы, а не самую шимозу на столъ.

Среди многихъ мелочей жизни въ Уенченпу, которыхъ касаюсь въ этой главѣ, хочется упомянуть о моихъ домашнихъ друзьяхъ—*пѣтухѣ* и *кроликѣ*, которые стали моими сожителями, и совершенно приручились къ людямъ. Пожалуй, не много для потомства историческаго интереса въ пѣтухѣ и кроликѣ Псковскаго полка на театрѣ войны съ Японіей; но вѣдь я и не беру на себя роль только лѣтописца

историческихъ событій. Пѣтухъ и кроликъ часто забавляли меня, офицеровъ и состоявшихъ при мнѣ нижнихъ чиновъ, при такой обстановкѣ, которая служила рѣзкимъ контрастомъ, возможнымъ въ жизни людей; хочется, поэтому, упомянуть про эту идиллическую мелочь нашей жизни среди вороха смертоносной прозы и ужасовъ всякаго рода; а добродушные читатели простятъ мнѣ эту фривольную повѣсть о пѣтухѣ и кроликѣ,—въ особенности когда впослѣдствіи увидятъ, что этотъ пѣтухъ былъ, до нѣкоторой степени, косвенной причиной спасенія нашего обоза въ памятный день отступленія подъ Мукденомъ 25 февраля.

Пѣтухъ народился у меня очень просто. Еще при расположеніи нашемъ подъ Бенсиху я замѣтилъ, однажды, около моей палатки пѣтуха, который бѣгалъ за денщикомъ, какъ за курицей, а когда прикажутъ—взлеталъ къ нему и на плечо, возвѣщая объ этомъ двукратнымъ побѣдоноснымъ пѣніемъ. Среди многихъ талантовъ этого забавнаго пѣтуха ему ставили въ заслугу его всегдашнюю наклонность пѣть по заказу, чѣмъ выгодно отличался отъ салонныхъ пѣвицъ, всегда склонныхъ пожеманиться прежде чѣмъ согласиться спѣть что-нибудь; нашъ пѣтухъ пѣлъ, и ночью, и днемъ,—когда угодно. Въ особенности онъ непремѣнно запѣвалъ при пальбѣ артиллерійской, и, хотя-бы стрѣльба эта продолжалась цѣлый день и цѣлую ночь, пѣтухъ обязательно отвѣчалъ „кукареку“ на каждый выстрѣлъ—будь то нашъ, или японскій; причемъ отвѣчалъ такъ истово, съ такимъ усердіемъ, точно старался перекричать артиллерійскую канонаду. Какъ много говорило воображенію это пѣніе пѣтуха, чередовавшееся съ

артиллерійскими выстрѣлами! Очевидно, не встрѣчая вокругъ себя никакихъ товарищей, нашъ пѣтухъ, вѣроятно, принималъ артиллерійскіе выстрѣлы за пѣтушиные „кукареки“ скрывающихся противниковъ, и по мѣрѣ силъ старался ихъ перекричать.

Весьма естественно, что когда мнѣ, однажды, денщикъ доложилъ, что запасы всѣ кончились и надо рѣзать пѣтуха, то я запретилъ это дѣлать разъ-навсегда. Отнюдь не думая сохранить этого пѣтуха для потомства или для исторіи, мы все же стали бережно обходиться съ нимъ общими силами. Такимъ образомъ, нашъ пѣтухъ, оставаясь неразлучнымъ другомъ денщика, пережилъ съ нами мѣсяцъ боевой жизни подъ Бенсиху, пережилъ кровопролитный бой 20 августа подъ Янтайскими копями—когда весь обозъ вмѣстѣ съ пѣтухомъ едва не достались японцамъ; пережилъ затѣмъ Ляоянское отступленіе, періодъ нашей авангардной службы подъ Линшинпу; совершилъ съ нами наступательную операцію на Шахе, пережилъ всѣ послѣдовавшіе бои и сраженія, и проч.

Обыкновенно, когда наступали бои, я недѣлями не видалъ своего денщика съ двуколкой, которыхъ отправлялъ въ обозъ II разряда, довольствуясь тѣмъ, что я имѣлъ въ кабурахъ при сѣдлѣ; поэтому было всегда особенно пріятно видѣть возвращеніе своихъ вещей, и услышать ночью пѣніе пѣтуха,—что знаменовало собою наступленіе дней сравнительнаго покоя. Услышавъ хорошо знакомое всѣмъ пѣніе нашего пѣтуха, исполняемое имъ съ чувствомъ и особыми выкрутасами, каждый невольно восклицалъ:—„А! Живъ курилка!“...

Если пѣтухъ былъ неразлучнымъ другомъ денщика, то моимъ сожителемъ сталъ бѣлый кроликъ. Получилъ я этого кролика въ сдачу вмѣстѣ съ позиціей подъ Линшинпу, когда мы тамъ вступили въ окопные катакомбы, смѣнивъ полки Нѣжинскій и Моршанскій. Кроликъ былъ пойманъ солдатами Нѣжинскаго полка и доставленъ начальнику позиціи командиру Нѣжинскаго полка, полковнику Н. М. Ист—ну; а этотъ послѣдній, когда я его смѣнилъ 19 октября, оставилъ кролика при мнѣ. Съ тѣхъ поръ мы стали неразлучными друзьями; въ мое отсутствіе кроликъ, говорятъ, мечется во всѣ стороны, кричитъ и злится, успокаиваясь только при моемъ возвращеніи.

Заговоривъ о домочадцахъ, нельзя не упомянуть еще о двухъ домочадцахъ Псковскаго полка—Алешкѣ и Микишкѣ.

Первый изъ нихъ, племянникъ одного обознаго нестроевой роты, выступилъ вмѣстѣ съ полкомъ изъ Тулы и живетъ большей частью при штабѣ полка. У него вырабатывается превосходный теноръ, поетъ прекрасно, даже подъ артиллерійскимъ огнемъ японцевъ, и мы часто заслушиваемся его заунывныхъ мечтательныхъ пѣсенъ. Разумѣется, онъ состоитъ первой звѣздой въ нашемъ чудномъ хорѣ полковыхъ пѣсельниковъ, которые для хорошаго голоса, какъ извѣстно считаютъ обязательнымъ не упускать случаѣ выпить, когда есть возможность; поэтому пріучили уже и Алешку къ рюмочкѣ. Какъ ни борешься съ этимъ, а усмотрѣть трудно.

Микишка появился у насъ недавно въ началѣ октября. У него тоже нашелся „дяденька“ въ полку. Въ одинъ прекрасный день мнѣ доставили мальчу-

гана 11—12-лѣтняго возраста съ георгіевскимъ крестомъ, разыскивающаго, какъ говорятъ, Псковскій полкъ по всему театру войны.

— „Кого-жъ тебѣ нужно въ Псковскомъ полку?“

— „А тутъ у меня дяденька, я его и ищу“.

Старшій—Алешка, младшій—Микишка.

Оказалось, дѣйствительно, что дяденька въ полку былъ, но нашелъ себѣ вѣчный покой вмѣстѣ со многими другими, убитый въ бою 1 октября, не дождавшись, и едва-ли ожидая, увидѣть племянника на театрѣ войны. Чрезвычайно любопытны были разсказы Микишки, какъ онъ разыскивалъ и нашелъ

полкъ. Изъ своей Рязанской губерніи онъ на театръ войны добрался съ войсковыми эшелонами; затѣмъ переходилъ отъ одной войсковой части къ другой участвуя, по его словамъ, въ разныхъ бояхъ, всюду ища „дяденьку Псковскаго полка“; пробылъ даже около мѣсяца въ Харбинѣ мальчикомъ въ трактирѣ, разыскивая и тамъ дяденьку. Всего болтался около пяти мѣсяцевъ, пока добрался до Псковскаго полка.

— „А какимъ образомъ ты крестъ георгіевскій получилъ?“

— „А мнѣ Куропаткинъ-генералъ прицѣпили“.

— „За что же это?“

— „За то, что я апонца убилъ“.

— „Ну-ка, разскажи намъ, какъ это ты японца убилъ?“

— „Вижу я этта, значитъ, какъ наши всѣ назадъ пошли, остался одинъ я. А тутъ и апонцы. Спрятался я въ ямкѣ и лежу, тутъ и заснулъ. Проснулся, вижу этта, значитъ, апонецъ часовой стоитъ, на ружье облокотился. Я подкрался къ нему и изъ пистолета выстрѣлилъ въ него разъ, другой; а онъ все стоитъ; тогда взялъ этта, значитъ, я кинжалъ и пырнулъ его; тогда апонецъ упалъ“...

Мальчишка оказался порядочно испорченнымъ; а номеръ георгіевскаго креста, который онъ носилъ, полковой адъютантъ увидѣлъ, однажды, въ „объявленіи“ по арміи въ числѣ предметовъ утерянныхъ и найденныхъ.

А хоръ пѣвчихъ у насъ сформировался дѣйствительно на славу. Сформировался буквально самъ собою, потому что ни у кого не нашлось бы ни охоты, ни времени заниматься какими нибудь спѣвками и сколачиваніемъ хора. Но—въ полку военнаго состава

чего только не найдется! Нашлись пѣвцы архіерейскіе и оперные, хористы и солисты, и проч. Сами собою и постепенно, съ теченіемъ времени, сходились и пѣли, пѣли часто очень задушевно,—потому что въ пѣснѣ, какъ въ молитвѣ, находитъ себѣ выходъ настроеніе души; поэтому-то никогда не молишься такъ горячо и не поется такъ чувствительно, какъ на войнѣ, передъ лицомъ смерти. Главными заправилами были Скворцовъ (регентъ) и Кузнецовъ (первый теноръ). Не мало импонировало и то, что въ этомъ дивномъ хорѣ изъ 20—30 человѣкъ большая часть украшена была георгіевскими крестами, однимъ и двумя. Репертуаръ нашего хора былъ очень обширный, но особенно хорошо они выполняли „Вечерній звонъ, какъ много думъ наводитъ онъ“...

На-дняхъ я прочелъ въ газетахъ, что по непосредственному указанію Государя Императора память доблестнаго Василія Рябова увѣковѣчена учрежденіемъ школы его имени въ родной деревнѣ Рябова. Это маленькое извѣстіе вызвало у меня въ головѣ цѣлый рой мыслей—давно наболѣвшихъ и жгучихъ. Мнѣ суждено было сказать Рябову послѣднее напутствіе передъ пропускомъ его черезъ наши передовые посты къ японцамъ; и я позволяю себѣ, поэтому, высказать эти мысли здѣсь.

Мнѣ представляется въ высшей степени цѣлесообразнымъ и знаменательнымъ всемилостивѣйшее пожертвованіе Государя Императора изъ собственныхъ суммъ тысячи рублей на устройство школы, именно въ память рядового Василія Рябова, захваченнаго и разстрѣляннаго японцами. Это подсказываетъ многое и наводитъ на многія размышленія, въ особенности здѣсь, на театрѣ войны, гдѣ многіе,

обыкновенно молчаливые, дремлющіе, а то и вовсе непризнанные вопросы громко вопіютъ языкомъ удручающихъ потерь и недостигнутыхъ результатовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ окончаніемъ нынѣшней войны, какъ это всегда бываетъ послѣ сильной встряски, наступитъ періодъ реформъ въ дѣлѣ устройства, реорганизаціи и подготовки нашихъ вооруженныхъ силъ. Крайне важно, чтобы подъ напоромъ массы вопросовъ и недочетовъ, выдвинутыхъ указаніями переживаемаго нами кроваваго опыта, не остался забытымъ обыкновенно молчаливый, скрытый, но въ то же время важнѣйшій недугъ, таящійся въ самомъ сердцѣ нашей арміи, парализующій въ корнѣ наилучшія системы обученія и подготовки войскъ, примѣненія къ военному дѣлу новѣйшихъ усовершенствованій современной техники и т. п. Мы имѣемъ въ виду подавляющій процентъ безграмотныхъ и малограмотныхъ въ нашей арміи и связанную съ этимъ недугомъ ограниченность умственнаго кругозора огромнаго числа, чтобы не сказать большинства, нашихъ нижнихъ чиновъ, не исключая и начальствующихъ. Еще полвѣка тому назадъ, со времени Крымской войны, обученіе грамотности въ войскахъ признано было необходимымъ, какъ краеугольный камень въ дѣлѣ возрожденія и реформированія нашей арміи на новыхъ началахъ. На войсковые кадры стали смотрѣть не только какъ на школу военную, которая должна служить для подготовки обученыхъ боевыхъ защитниковъ своей родины, но и какъ на школу образовательную, долженствующую попутно, въ виду недостатка общеобразовательныхъ школъ, содѣйствовать распространенію въ массѣ населенія

грамотности путемъ обращенія ежегодныхъ контингентовъ новобранцевъ въ грамотныхъ солдатъ. Многіе увлеклись этой прекрасной идеей. Признано было обязательнымъ, независимо отъ ротныхъ школъ, обучать грамотности поголовно всѣхъ новобранцевъ. Всѣмъ извѣстно глубокое сознаніе, коренящееся въ каждомъ темномъ нашемъ простолюдинѣ, о пользѣ грамотности и его преклоненіе предъ образованіемъ. Съ первыхъ шаговъ службы новобранца пріятно поражало и радовало, что въ суровой военной школѣ, кромѣ чуждой ему строевой муштровки, онъ черпаетъ давно взлелѣянную грамотность и изъ неуча обращается въ человѣка грамотнаго. Отрадно было и учителю-офицеру сознавать, что онъ не только готовитъ развитыхъ бойцовъ для военнаго времени, но и въ мирное время служитъ святому дѣлу распространенія просвѣщенія въ массѣ народной. Широкой, живительной струей вливалась этимъ путемъ чрезъ войсковые кадры такъ необходимая всѣмъ грамотность въ наше деревенское захолустье. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что грамотность въ арміи необходима не только какъ цѣль сама по по себѣ, но и какъ средство для лучшаго усвоенія военной науки.

Къ сожалѣнію, не долго держалось у насъ въ арміи просвѣтительное теченіе и, попадая въ общее русло нашей жизни, держалось одного уже съ нимъ направленія, безсильно уступая всякимъ скрытымъ запрудамъ и подводнымъ препонамъ. Подъ предлогомъ, что войсковые кадры должны заниматься только своимъ войсковымъ дѣломъ, общее обученіе грамотности было изгнано изъ военной школы, и едва взошедшіе молодые побѣги культурнаго роста нашей

арміи отцвѣли быстро, не успѣвъ разцвѣсть. Въ то же время притокъ грамотныхъ людей изъ населенія въ войсковые кадры движется по хирѣющей прогрессіи, если принять во вниманіе нашу повальную безграмотность въ былое время. И вотъ,—мы въ настоящую войну стоимъ лицо къ лицу съ тѣмъ же жгучимъ, даже можно сказать постыднымъ для нашего вѣка, вопросомъ, какой всталъ передъ нами полвѣка тому назадъ, послѣ Крымской войны...

А между тѣмъ, въ современномъ военномъ дѣлѣ, даже въ предѣлахъ солдатскаго обихода, одной грамотности положительно недостаточно; требуется еще по крайней мѣрѣ хотя какая-нибудь образовательная подготовка. Чтобы артиллеристу работать сколько-нибудь осмысленно, онъ долженъ имѣть понятіе о химіи, механикѣ, ариѳметикѣ; каждый кавалеристъ долженъ обязательно быть пригоднымъ для развѣдочной службы, поэтому отъ него требуется умѣнье составить несложные кроки мѣстности, приложить какое-нибудь описаніе, а чтобы быть разумнымъ развѣдчикомъ, нужно, кромѣ того, умѣть понять, оцѣнить и передать то, что видишь; отъ пѣхотица, какъ отъ каждаго солдата вообще, еще нашъ безсмертный Суворовъ требовалъ, чтобы онъ „зналъ свой маневръ“, т. е. умѣлъ бы отдать себѣ отчетъ хотя бы въ общихъ чертахъ о томъ, что дѣлается у него передъ глазами, и тогда онъ будетъ относиться осмысленно къ обстановкѣ, не будетъ изображать изъ себя Панургова стада при потерѣ начальниковъ. Словомъ, отъ солдата требуется въ наше время столько, что усвоеніе солдатской науки безъ твердой грамотности, безъ надлежащей умственной подготовки, невозможно; усиленное же вдалбливаніе и

старательное внѣдреніе этой науки въ отношеніи человѣка, непривычнаго къ умственнымъ занятіямъ, пріобрѣтаютъ неминуемо характеръ дрессировки, при помощи которой можно получить прекрасныхъ автоматовъ временъ Фридриха Великаго, но никакъ не осмысленныхъ воиновъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ.

И никакая разумная система воинскаго образованія, хотя бы она была приноровлена ко всѣмъ фибрамъ человѣческой природы, не можетъ выполнить собою той степени индивидуальности и образовательной подготовки, которыя даются хотя бы элементарной сельской школой.

Какъ сильно чувствуется этотъ вопіющій недостатокъ въ дѣлѣ подготовки нашего солдата, въ особенности здѣсь, на театрѣ войны, когда встаютъ на каждомъ шагу запросы острые и жгучіе, предъявляющіе къ исполнителю требованія разумнаго отношенія къ дѣлу, обусловливающіе помимо всякихъ душевныхъ качествъ еще извѣстный уровень умственный и образовательный! Въ дѣйствительности мы въ каждомъ нашемъ солдатѣ встрѣчаемъ самоотверженную готовность во всякую минуту умереть за Вѣру, Царя и Отечество, какъ это сдѣлалъ доблестный рядовой Василій Рябовъ. Но благотворныхъ результатовъ для успѣха дѣла, къ несчастью, мы въ этомъ случаѣ не могли бы ожидать, — не только отъ смерти бѣднаго Рябова, но и тогда, если бы даже онъ возвратился благополучно обратно.

Вспоминаю случай съ Рябовымъ по тому именно, что онъ до нѣкоторой степени встаетъ укоромъ и моей совѣсти. Это было около середины сентября, когда, находясь на передовыхъ постахъ на линіи р.

Шахе, около желѣзной дороги, ко мнѣ привели солдата чужой части, который, по его словамъ, „идетъ къ японцамъ“. Этотъ нижній чинъ былъ одѣтъ въ форменной солдатской шинели, при винтовкѣ, и единственнымъ наивнымъ отличіемъ этого „шпіона“ была войлочная китайская шапочка на головѣ, вмѣсто форменной солдатской фуражки. Необычайное заявленіе нижняго чина, что онъ идетъ къ японцамъ, показалось, конечно, диковинымъ, и его чрезъ аванпосты не пропустили и представили ко мнѣ. На вопросъ мой: „Куда идешь? Зачѣмъ? Кто тебя послалъ?“—простодушный солдатикъ, назвавшійся Рябовымъ, предъявилъ мнѣ засаленную записку за подписью, сколько помню, завѣдующаго охотничьей командой; въ запискѣ сказано было, что предъявитель посылается на развѣдки... Такая „развѣдка“ мнѣ показалась очень странной: посылается нижній чинъ, какъ можно было понять изъ его словъ, на развѣдку дальнюю, посылается въ единственномъ числѣ, безъ всякой оріентировки, безъ способности и возможности для него оріентироваться даже и при посторонней помощи, потому что карты у него нѣтъ, а если бы и была, то она для него все равно была бы закрытой книгой; мѣстнаго языка онъ не знаетъ, о какихъ бы то ни было признакахъ устройства войскъ противника онъ понятія не имѣетъ, а воспринять, оцѣнить и передать что нибудь изъ того, что онъ увидитъ въ районѣ расположенія японцевъ, даже въ томъ случаѣ, если бы удалось вернуться благополучно назадъ,—нечего было и думать. Спрашиваю Рябова: „Куда же ты, братъ, пойдешь?“ — „А вонъ, туда, прямо“,—показывая на югъ.—„Тутъ рельсы, съ дороги не собьюсь, такъ, прямо къ японцамъ и пойду“...

Я далекъ отъ мысли упрекать тѣхъ, кто послалъ покойнаго Рябова въ такую развѣдку: я склоненъ думать, что тутъ была большая доля увлеченія со стороны самаго Рябова, а увлеченія такого рода на войнѣ мы обязаны поощрять, а не расхолаживать *). Но досадно и больно, что такіе подвиги самопожертвованія пропадаютъ даромъ, безъ пользы для дѣла, и не могутъ быть использованы, только благодаря нашей безграмотности и отсутствію какой-нибудь образовательной подготовки въ массѣ нижнихъ чиновъ.

Приведенный случай съ Рябовымъ сталъ, однако, знаменательнымъ лишь въ виду трагической смерти этого доблестнаго воина, а также и потому, что тутъ рельефно выступили рядомъ большія силы душевныя о-бокъ съ полнымъ безсиліемъ ума въ смыслѣ утилитарномъ для нашего военнаго дѣла. Но какъ часто намъ приходится — увы! — считаться съ этимъ стихійнымъ тормазомъ! Не могу умолчать и про тотъ случай, при переходѣ нашемъ въ наступленіе 22-го сентября, о которомъ упомянуто выше — когда никто изъ казаковъ, и даже самъ начальникъ заставы, не знали названія деревни, въ которой они стояли уже около двухъ недѣль, а между тѣмъ изъ заставы вѣдь посылались разъѣзды, донесенія; это вѣдь былъ центръ сбора свѣдѣній о противникѣ...

*) Кстати—за что японцы казнили бѣднаго Рябова? Развѣ солдатъ въ солдатской шинели и съ винтовкой можетъ быть признанъ шпіономъ, хотя бы и въ китайской шапкѣ? Возможно, что онъ перерядился въ китайское платье, пройдя уже линію нашихъ аванпостовъ, но для чего же онъ въ такомъ случаѣ бралъ съ собою винтовку? Почему онъ не переодѣлся въ китайское платье, съ мѣста, чтобы не такъ легко было его выслѣдить? Да и какой это „китаецъ“, не знающій ни звука по-китайски!..

Объясняется это очень просто тѣмъ, что карты на заставѣ никогда не было, да и начальникъ заставы понятія не имѣлъ о чтеніи карты, такъ какъ и грамотность его хромала на обѣ ноги. Но, спрашивается, какое довѣріе можно питать къ свѣдѣніямъ, доставляемымъ такимъ развѣдочнымъ органомъ? Къ сожалѣнію, подобные примѣры — отнюдь не рѣдкость. Очень часто, получая донесеніе отъ драгуна, посланнаго для связи къ сосѣдней части войскъ, нельзя добиться отъ посланнаго, какую именно часть *нашихъ* войскъ онъ видѣлъ: какъ для человѣка неграмотнаго для него часто чужды вопросы, хотя бы вполнѣ пустые, разъ они выходятъ изъ ограниченнаго круга обыденныхъ впечатлѣній.

А рядомъ съ этимъ мы у японскихъ кавалеристовъ находимъ порядочныя карты, японско-русскіе словари; у многихъ рядовыхъ въ пѣхотѣ мнѣ пришлось находить, какъ сказано выше, маленькіе карманные компасы, повидимому, гуртоваго казеннаго изготовленія, положенные, кажется, по одному на каждые шесть человѣкъ; у большинства японскихъ плѣнныхъ и раненыхъ находимъ дневники и пр.

Конечно, при короткихъ срокахъ дѣйствительной службы въ кадрахъ очень трудно удѣлять много времени на обученіе солдатъ грамотности; да и одной голой грамотности недостаточно. Слѣдовательно, рѣшеніе этого вопроса обусловливается степенью образовательной подготовки сырого матеріала, поступающаго въ кадры для обработки.

И нынѣшняя война представляетъ для насъ въ этомъ отношеніи много назидательнаго. Намъ нужна не безплодная самоотверженная смерть доблестныхъ сыновъ нашей родины, а мы должны побѣдить врага.

Нашъ солдатъ всегда служилъ, служитъ и теперь предметомъ удивленія всего міра своей стойкостью и готовностью умереть во всякое время за Вѣру, Царя и Отечество. Но для побѣды въ наше время одной этой готовности недостаточно: требуется еще, помимо стойкости и всякаго усовершенствованнаго оружія, чтобы армія *въ массѣ своей* была еще вооружена силой ума и образовательной подготовки.

Дай Богъ побольше образовательныхъ школъ именно въ память покойнаго Рябова, который является такимъ вѣрнымъ олицетвореніемъ нашего солдата...

ГЛАВА V.

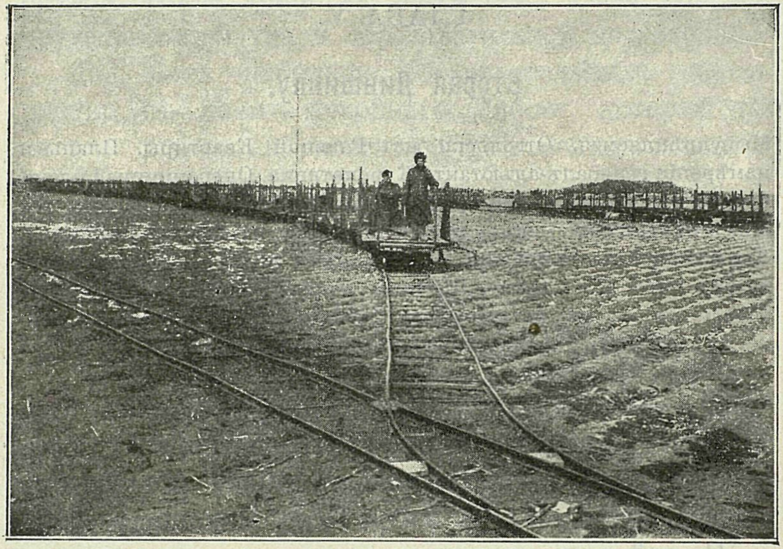
Вторая Линшинпу.

Мы укрѣпляемся. Отголоски изъ Главной Квартиры. Планы и намѣренія генералъ-адъютанта Куропаткина. Операціонный планъ новаго наступленія. Симмулированіе войны. Дѣятельность нашихъ охотничьихъ командъ. Наши ночные поиски въ Линшинпу. Характеристика сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Музыкальный вечеръ подъ Линшинпу. Ночные поиски японцевъ. Прибытіе запасныхъ на укомплектованіе. Сочельникъ. Японскія прокламаціи. Смѣна и возвращеніе въ Уенченпу.

1 декабря. Мы не успѣли оглянуться, какъ промчались двѣ недѣли нашего кратковременнаго отдыха въ Уенченпу, и опять нашему полку объявляютъ очередь вступленія въ окопы подъ Линшинпу.

На сей разъ участки окоповъ размежеваны такъ, что на мою долю достается лишь западная половина всей позиціи подъ Линшинпу, которую мы занимали раньше, а вторую, восточную половину, занимаетъ 12-й Великолуцкій полкъ; границей между нами служитъ „Малаховъ курганъ“. Для занятія окоповъ назначенъ былъ 4-й баталіонъ; 2 и 3 баталіоны перешли въ Сыфонтай, 1 баталіонъ остался при штабѣ полка въ Уенченпу, гдѣ и мнѣ приказано было имѣть пребываніе. Начальникъ восточнаго участка, полковникъ Де-Виттъ, поселился въ желѣзнодорожномъ („моемъ“) домикѣ.

Несмотря на ожесточенную зиму—морозъ доходитъ по утрамъ до 18°R—мы безъ устали продолжаемъ земляныя работы, возводимъ редуты, разныя новыя укрѣпленія, совершенствуемъ старыя, строятся всевозможныя искусственныя препятствія. Устроена цѣлая сѣть узко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ для

Узкоколейная желѣзная дорога около Уенченпу.

установки осадной артиллеріи и пр. Цѣлыя части войскъ, полки и дивизіи, вновь прибывающія на театръ войны, заняты возведеніемъ окоповъ и укрѣпленій.

Трудно уяснить себѣ хорошенько конечную цѣль нашихъ муравьиныхъ занятій: вѣдь и безъ того фронтъ нашей арміи давно уже достаточно укрѣпленъ и прикрытъ отъ возможности всякой попытки нечаяннаго захвата со стороны японцевъ какихъ-нибудь участковъ нашей позиціи; для какой же цѣли

служатъ эти новыя и новыя безконечныя укрѣпленія? Неужели мы собираемся сидѣть вѣчно за этими укрѣпленіями? Мнѣ часто кажется, что всѣ эти наши хлопотливые труды и заботы по укрѣпленію позицій— ни что иное какъ психическая потребность чѣмъ нибудь занять себя. Третій мѣсяцъ неподвижно стоимъ на мѣстѣ, ничего не предпринимая; а мучаетъ сознаніе, что вѣдь это театръ *войны*, гдѣ жизнь и смерть должны бить безпрерывнымъ ключомъ,—гдѣ предполагается дѣятельность чрезвычайная и напряженная, для которой мѣсяцъ иногда засчитывается за годъ. Но для подлинной войны, для наступленія и атаки, не хватаетъ нравственнаго импульса. Вотъ мы и стараемся заполнить чѣмъ нибудь свое бездѣліе, и, по примѣру Пахомія Отшельника, перетаскиваемъ камни съ мѣста на мѣсто—копаемся и трудимся надъ возведеніемъ безконечныхъ укрѣпленій; но психическая подкладка нашихъ работъ аналогична съ тою, когда рота, идущая въ атаку, зацѣпляется за „выгодную“ позицію, съ которой начинаетъ шумную стрѣльбу. Мнѣ понятно, что японцы укрѣпляютъ каждый свой шагъ впередъ: вѣдь они захватили уже всю южную Маньчжурію, а для насъ продолженіе войны имѣетъ смыслъ только при условіи нашего перехода въ наступленіе, съ цѣлью выбить ихъ изъ занятой территоріи, поэтому чѣмъ сильнѣе они укрѣпляютъ свои позиціи, тѣмъ они больше упрочиваютъ свое положеніе въ занятыхъ областяхъ; но для нашей арміи укрѣпленіе позиціи послѣ отступленія—если мы не отказываемся отъ мысли перехода въ наступленіе—должно измѣряться только необходимостью прикрыть армію на первыхъ порахъ отъ преслѣдованія и отъ возможности неча-

яннаго захвата какихъ нибудь участковъ нашей позиціи.

Вдумываясь часто въ растянутое кордонное расположеніе нашей арміи, на протяженіи около 100 верстъ, съ безконечнымъ лабиринтомъ укрѣпленій на фронтѣ, мнѣ кажется, что японцы весьма легко могутъ прорвать нашъ центръ, потому что, несмотря на всю импозантность этихъ укрѣпленій, трудно представить себѣ болѣе слабое занятіе позиціи,—когда войска растянуты длинной тонкой прерывчатой линіей стрѣлковъ, запрятанныхъ съ головой въ глубокіе окопы, узкіе какъ щели. Каково будетъ положеніе стрѣлковъ на всемъ фронтѣ, если непріятельская рота—баталіонъ облюбуетъ участокъ окопа и ворвется туда ночью; какъ ихъ выжить оттуда? А если непріятель черезъ такія ворота пуститъ дальше баталіонъ за баталіономъ? При нашемъ кордонно-оборонительно-растянутомъ положеніи такой прорывъ представляется вполнѣ возможнымъ.

7 декабря. Сегодня нашу позицію объѣзжалъ прибывшій на театръ войны новый командующій III-ей арміей, генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Каульбарсъ. Производитъ прекрасное впечатлѣніе чарующимъ обращеніемъ и импонирующей внѣшностью.

Но вотъ что наводило на размышленіе, глядя на генерала Каульбарса и на нашего солдата: первый одѣтъ весьма *легко*—не говоря уже, конечно, про щеголеватость, за которой солдату не угнаться за командующимъ арміей; но генералъ одѣтъ въ мѣховой сюртукъ (морозъ сейчасъ 9—12°R) и только; поэтому въ отношеніи костюма не встрѣтилъ бы помѣхи, если бы даже ему понадобилось хотя бы съ винтовкой въ рукахъ броситься въ атаку черезъ валы

и рвы. Солдатъ же нашъ пялитъ на себя теплыя вещи безъ конца, и обратился въ форменную кувалду. Чего на немъ нѣтъ:—на тѣлѣ какая нибудь фуфайка, затѣмъ мундиръ, поверхъ мундира—полушубокъ длинный, потомъ шинель; на головѣ безобразнѣйшая лохматая папаха, въ которой накопился соръ и остатки со всѣхъ биваковъ и землянокъ, гдѣ ей приходилось валяться. Затѣмъ, тяжелый башлыкъ, намотанный на шеѣ, или—въ видѣ чалмы—поверхъ папахи. Этого мало: интендантству представился случай пріобрѣсть ватныя китайскія одѣяла, которыя роздали затѣмъ въ войска; казалось бы, эти одѣяла солдату совершенно не нужны, но онъ умудряется примѣнить и эти одѣяла, обматывая ими сапоги, или поверхъ шароваръ. Прислали намъ изъ Россіи пожертвованныя сердобольными барынями предлинные вязанные шарфы, какіе-то напульсники и наушники—солдатъ и ихъ напялилъ и намоталъ куда-то.

Словомъ, вмѣсто солдата получилась какая-то куча ходячая всевозможнаго теплаго тряпья. Прямо подумать жалко, что въ такомъ видѣ солдатъ нашъ долженъ выступить на турниръ для *джіу-джитсу*.

Выходитъ, слѣдовательно, что ген. Каульбарсъ—который могъ бы во время боя сидѣть въ каретѣ, такъ какъ ему совсѣмъ не требуется проворство рукъ и ногъ—одѣтъ такъ, чтобы въ атаку ходить; а солдатъ нашъ, которому можетъ встрѣтиться надобность перепрыгивать черезъ валы и рвы и пользоваться всей ловкостью рукъ и ногъ, одѣтъ такъ, что даже для передвиженія ему хоть карету подавай.

А начальство прямо замучиваетъ своими напоминаніями о тепломъ платьѣ, сосредоточивъ, повиди-

мому, въ этой заботливости всю мощь своего полководческаго генія.

9 декабря. Неожиданно забрели ко мнѣ случайные путники, имѣвшіе ко мнѣ разныя служебныя порученія, и къ обѣду у меня сегодня составилась хотя и немноголюдная, но интересная компанія. Кто-то заикнулся вопросомъ:

— „А будетъ ли сегодня у васъ третье блюдо?"

— „Вотъ чего захотѣлъ", отвѣтилъ за меня командиръ Подольскаго полка полков. А. В. Васильевъ;— „сладенькое хочетъ; видно, что въ большомъ штабѣ питается".

— „Да нѣтъ", возразилъ штабной; „въ этомъ домѣ, говорятъ, третье блюдо присылаютъ всегда японцы".

Гости мои, однако, не претендовали на отсутствіе третьяго блюда. Всѣ такъ были увлечены безконечными спорами о нашемъ положеніи и о будущихъ планахъ, что вполнѣ довольствовались шашлыкомъ, обильно подправленнымъ цѣлымъ ворохомъ интересныхъ откровеній, которыя намъ выложилъ представитель штаба главнокомандующаго.

— „Отчего вы не скажете тамъ, что пора намъ, наконецъ, перейти въ наступленіе?", шутя приставалъ къ штабному полковникъ Васильевъ. „Ждали все прибытія 8-го корпуса. Вотъ и мы пришли. Теперь ждутъ сосредоточенія 16-го корпуса, а когда 16 корпусъ прибудетъ, захочется дождаться прибытія стрѣлковыхъ бригадъ, и такъ безъ конца. А если японцы вдругъ не захотятъ дожидаться, да опять инціативу—цапъ! въ свои руки, и опять перейдутъ въ наступленіе, не спрашивая насъ—кончили ли мы свое сосредоточеніе, укрѣпленіе позицій..."

— „Ахъ, это безконечное рытье въ мерзломъ грунтѣ!“ воспламенился снова Васильевъ, котораго мы еще въ академіи, за стратегическій пылъ и за своеобразную „наполеоновскую“ стойку, называли Наполеономъ. — „Да что же мы на театръ войны прибыли въ качествѣ землекоповъ, что ли? Чортъ знаетъ что такое,—кроты, а не воины!“

— „Постойте, голубчикъ, не горячитесь. Скоро, очень скоро, и мы перейдемъ въ наступленіе“, таинственно замѣтилъ штабной.

— „Но когда же наступитъ это „скоро“. Вѣдь этимъ „терпѣніемъ“ кормятъ насъ чуть ли не годъ. Самъ я, положимъ, недавно прибылъ на театръ войны. Но вѣдь и послѣ Шахейской операціи тутъ цѣлая армія уже третій мѣсяцъ стоитъ на мѣстѣ, взрывая подъ собою землю, какъ конь ретивый, а главнокомандующій только то и дѣлаетъ, что поводъ натягиваетъ, да назадъ поглядываетъ“.

— „Я могу вамъ на это сказать слѣдующее“, возразилъ штабной.—„О переходѣ въ наступленіе главнокомандующій подумывалъ сейчасъ-же послѣ окончанія Шахейской операціи. Побѣда на Путиловской сопкѣ должна была послужить первымъ толчкомъ для этого наступленія. Выработанъ былъ уже цѣлый операціонный планъ. Но, когда мы начинали подсчитывать наши силы, оказалось, что паровъ не хватаетъ. Вотъ что у насъ оставалось въ рядахъ по окончаніи Шахейской операціи“. При этихъ словахъ нашъ собесѣдникъ вынулъ записную книжку, изъ которой прочиталъ намъ слѣдующія цифры:

	штыковъ.
1-й Сибирскій корпусъ: 9 Восточно-Сибирская стр. дивизія	9,400

2-й Сибир. корп. 19 и 20-й полки .	3,300
4-й Сибир. корп.: Иркутскій и Томскій полки	3,100
3 Сибир. дивизія	7,100
Въ 10 бат-нахъ 5 сибир. корп. . .	4,000
Въ трехъ полкахъ 6 сибир. корп. .	7,500
Въ четырехъ полкахъ 72 дивизіи (6-го сиб. к.)	11,300
Въ 1-мъ арм. корпусѣ	11,800
„ 10-мъ „ „	10,700
„ 17-мъ „ „	12,200

— „Какъ видите, не очень густо. Въ Западномъ отрядѣ ген. Бильдерлинга, включая и отрядъ ген. Дембовскаго, всего лишь 102 баталіона, численностью въ 48,000 штыковъ. Баталіоны слабенькіе— въ среднемъ всего лишь 340 штыковъ. Орловскій полкъ насчитываетъ только 866 штыковъ, Сѣвскій 1,024, Брянскій 1,080; вашей дивизіи 9-й Ингерманландскій 1,040 штыковъ“...

— „А у тебя сколько уцѣлѣло тогда послѣ Шахе?“—обратился ко мнѣ Васильевъ.

— „У меня оставалось 2.416 штыковъ“...

— „Какъ же это такъ? Ты, значитъ, съ полкомъ на печкѣ лежалъ?“

— „Давать тебѣ поясненія на эту тему мнѣ лично не подобаетъ, потому что это значило бы распространяться о щекотливомъ вопросѣ какъ я былъ хорошъ, хорошо распоряжался и полкъ сохранилъ“.

— „Ну ругай себя, если хочешь; намъ это безразлично. Только все же любопытно знать,—какъ это въ одномъ бою, на одной и той же позиціи, одинъ полкъ несетъ потери вдвое противъ своего сосѣда“.

— „Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго“, отвѣтилъ за меня представитель штаба; „на войнѣ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявляется всемогущество счастья, всесильная власть рока. Мы говоримъ часто, что это лотерея; но это ничего не выражаетъ, а по моему мнѣнію—если есть Богъ или Божество какое нибудь, то только ему и мѣсто на войнѣ. Тутъ-то и можно сводить счеты съ людьми, перебирать мѣченныхъ. При мирной жизни судьбѣ требуется Богъ знаетъ какая сложная механика, чтобы подвести мину для какого нибудь проштрафовавшагося грѣшника въ жизни; а на войнѣ все готово: перебѣгаетъ цѣлая цѣпь, а изъ нее шальная пуля выбираетъ какого нибудь одного Тяпкина-Ляпкина. Вотъ ихъ четыре— шесть полковъ бились на одной позиціи; Псковскій полкъ потерялъ двѣсти человѣкъ, а Ингерманладскій пять разъ двѣсти“.

— „Позвольте, сударь“, — вмѣшался я въ свою очередь — „если такъ, то почему же у насъ начальство такъ слѣпо измѣряетъ все числомъ убитыхъ и раненыхъ,—если вмѣсто насъ распоряжается только глупое счастье, или слѣпой рокъ?“

— „А чѣмъ же иначе измѣрять стойкость войскъ при оборонѣ?“

— „Да, для упрощенія отчетности это самый простой пріемъ: — сравнить цифры потерь и—кончено. Что можетъ быть проще! Но такой пріемъ оцѣнки боевыхъ качествъ войскъ напоминаетъ мнѣ мудрую сентенцію тѣхъ начальниковъ, которые на смотрахъ не находятъ ничего иного какъ кричать— „я битыхъ мордъ не вижу!“, объясняя этимъ и плохое равненіе, плохое примѣненіе къ мѣстности и проч.“

— „Чѣмъ же, однако, ты это объясняешь?“, опять присталъ ко мнѣ Васильевъ.

— „Не берусь самъ вдаваться въ объясненія. Но случай, который указываетъ вотъ Н. Н., сравнивая потери моего полка и Ингерманландскаго, освѣщенъ имъ неправильно. Собственно при оборонѣ позиціи всѣ мы понесли потери болѣе или менѣе *одинаковыя*; но при отступленіи Ингерманландскій полкъ буквально разстрѣляли какъ куропатокъ, а я выдвинулъ на тыловую позицію 7-ю батарею 35 бригады, которая остановила японцевъ съ перваго ихъ шага, какъ только они пустились насъ преслѣдовать; весьма естественно, что они бросились тогда въ сторону наименьшаго сопротивленія, и я, при отступленіи, потерялъ всего лишь нѣсколько человѣкъ“.

— „Однако, мы отвлеклись отъ главнаго предмета. Почему мы не наступаемъ? Чего мы ждемъ?“, кипятился Васильевъ. Вотъ намъ недавно объявляли оффиціально о значительномъ процентѣ больныхъ и раненыхъ у японцевъ, что противникъ страдаетъ отъ повальныхъ болѣзней, и отъ холода. Отчего-жъ бы намъ не воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами?“

— „Я могу вамъ засвидѣтельствовать, что главнокомандующій порывался наступать сразу, едва лишь окончилась Шахейская операція; тогда уже генералъ-адъютантъ Куропаткинъ телеграфировалъ всѣмъ войсковымъ начальникамъ, что наша побѣда на Путиловской сопкѣ „произвела на японцевъ потрясающее впечатлѣніе, что надо разъяснить войскамъ, что мы должны для выручки Артура сдѣлать новыя усилія, дабы не дать врагу времени усилиться и пополнить ряды и т. п.“

— „Но вѣдь прошло уже послѣ этого свыше двухъ мѣсяцевъ, войскамъ уже разъяснено все; никто не оспариваетъ необходимости выручить Артуръ. Врагу не хотѣли дать времени, а все же дали два мѣсяца, чтобы усилиться и пополнить ряды.

— „Положимъ и у насъ время не пропало даромъ. Мы усилились настолько, что главнокомандующій на-дняхъ телеграфировалъ Государю—*„о наступленіи японцы теперь не мечтаютъ“*...

— „Это подлинныя слова?“

— „Да подлинное выраженіе“.

— „Признаюсь, на меня всѣ эти выраженія „надо разъяснить войскамъ“, что мы должны наступать,— что „нельзя дать времени японцамъ усилиться“, а еще лучше—вотъ это выраженіе, что „японцы о наступленіи не мечтаютъ“—все это производитъ отталкивающее впечатлѣніе, какъ выраженіе собственной скудости моральной, граничащей иногда съ наивностью мысли, чисто ребяческой. Скажите, ради Бога, откуда главнокомандующій знаетъ о чемъ японцы мечтаютъ? Дѣльно ли о такихъ своихъ бредняхъ упоминать въ телеграммѣ своему Государю? „Надо разъяснять“, „надо не давать“...—Да вмѣсто словъ возьмитесь за дѣло, и сразу всѣ поймутъ безъ лишнихъ словъ“.

Представитель штаба началъ сильно огрызаться въ свою очередь—настолько, что споръ началъ обостряться, и мнѣ пришлось въ видѣ громоотвода всунуть спорящимъ въ руки по стакану горячаго чаю.

Планъ новаго наступленія *).

Въ общихъ чертахъ планъ нашего новаго наступленія, какъ я узналъ впослѣдствіи, заключался въ слѣдующемъ.

Силы и расположеніе противника. Силы японцевъ въ южной Маньчжуріи приняты были въ 180—208 баталіоновъ; причемъ, составъ баталіоновъ японскихъ, судя по количеству укомплектованій, которыя прошли черезъ Инкоу, поддерживался постоянно на уровнѣ установленнаго штата военнаго времени, т. е. 800 штыковъ; такъ что общая числительность составляетъ всего лишь *144—166 тыс. штыковъ.*

Эти силы японцевъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) около 148 баталіоновъ сосредоточено на правомъ флангѣ (см. схемы) Хунлинпу-Чанлинпу-Янсинтунь, перехватывая пути, соединявшіе Ляоянъ и Мукденъ. Изъ этой массы войскъ армія Оку, около 88 баталіоновъ, группируется вдоль желѣзной дороги и Мандаринской, на фронтѣ Хунлинпу-Хоутхай; армія Нодзу, 32 баталіона, сосредоточена въ районѣ Пуцаова-Тунванхо, а 36 баталіоновъ арміи Куроки въ районѣ Янсинтунь-Даутотуань. Кромѣ того, до 24 баталіоновъ арміи Куроки, занимаетъ районъ Бенсиху-Бяньяпуза-Іогу, на путяхъ выводящихъ въ обходъ Мукденскихъ позицій съ востока.

Силы и расположеніе Маньчжурской арміи. Къ началу ноября у насъ сосредоточено было около 300 баталіоновъ, числительностью въ 150.000 штыковъ. Главная масса этихъ войскъ, около 252 бата-

*) Пріуроченъ къ началу ноября.

ліоновъ, расположены были на фронтѣ Шоуялинза-Каутулинскій перевалъ, протяженіемъ въ 50 верстъ; причемъ 200 баталіоновъ, числительностью въ 118 тыс. штыковъ, сосредоточены на узкомъ фронтѣ Шоуялинза-Хоуди (22 версты), прикрывая Мукденъ со стороны Ляояна. Такимъ образомъ, силы сторонъ должны быть признаны болѣе или менѣе одинаковы.

Планъ наступленія. Основнымъ положеніемъ задуманной операціи въ штабѣ главнокомандующаго принято было, какъ sine qua non, что въ случаѣ перехода противника въ наступленіе онъ изберетъ неминуемо своимъ операціоннымъ направленіемъ линію Ляоянъ-Мукденъ. Въ проектѣ операціоннаго плана высказывается вполнѣ категорически,—что ожидать со стороны японцевъ дальнихъ обходовъ едва-ли возможно, такъ какъ такіе обходы привели бы къ раздѣленію силъ—весьма опасному, вслѣдствіе почти одинаковой числительности нашей и японской арміи“.

Но, признавая для японцевъ неизбѣжнымъ направленіе ихъ главныхъ силъ съ фронта, въ планѣ допускается возможность соединенія этого удара съ фронта на Мукденъ съ обходомъ нашего лѣваго фланга со стороны Бенсиху-Бяньяпузы. Увы!, впослѣдствіи событія совершенно не считались съ этими предположеніями и розыгрались наперекоръ соображеніямъ и предсказаніямъ, взятымъ въ основу задуманной операціи.

Подвергая затѣмъ критической оцѣнкѣ подступы къ фронту японской арміи и стратегическія выгоды, сопряженныя съ наступленіемъ того или другого нашего фланга, авторъ операціоннаго плана (исходившаго и на сей разъ, по примѣру плана Шахейской

наступательной операціи, не изъ головы самаго ген.-адъют. Куропаткина) останавливается на рѣшеніи, что наиболѣе выгоднымъ для насъ представляется наступленіе нашимъ правымъ флангомъ, такъ какъ войска лѣваго фланга, при наступленіи на Бенсиху, могли бы снова завязнуть въ дебряхъ горъ этого раіона. Атака съ фронта не обѣщала успѣха, въ виду того, что позиціи японцевъ были укрѣплены весьма сильно. Оставалось, такимъ образомъ, одно—перейти въ наступленіе войсками нашего праваго фланга съ цѣлью атаковать лѣвый флангъ японцевъ, такъ какъ „лѣвый флангъ японцевъ представляется наиболѣе подверженнымъ обходу“.

Разсужденія эти, конечно, совершенно правильны. Но онѣ были столь же умѣстны и правильны въ концѣ сентября, такъ какъ относительная численность и расположеніе воюющихъ сторонъ въ то время мало чѣмъ отличалось отъ описываемаго періода; а между тѣмъ планъ нашей наступательной операціи въ сентябрѣ разыгрался какъ-разъ наоборотъ: главный ударъ тогда рѣшено было нанести войсками лѣваго фланга. Въ оправданіе принятаго тогда рѣшенія — главную массу войскъ направить черезъ гористыя дебри на Бенсиху—приводятъ иногда соображеніе такого рода, что нашъ лѣвый флангъ—гдѣ японцы висѣли на кратчайшемъ обходномъ направленіи на Мукденъ черезъ Фушунъ—былъ для насъ, будто-бы больнымъ мѣстомъ и, переходя въ наступленіе войсками нашего лѣваго фланга, мы тѣмъ самымъ улучшаемъ наше положеніе. Но это явная натяжка, не выдерживающая никакой критики: во-первыхъ, въ сентябрѣ арміи воюющихъ сторонъ были настолько удалены другъ отъ друга, что ни-

что не мѣшало выравнить войска нашего лѣваго фланга,—если это требовалось обстановкой; во-вторыхъ, если даже почему нибудь этого сдѣлать нельзя было, то — развѣ такому привходящему обстоятельству можетъ быть подчинена основная идея задуманной операціи, наперекоръ самымъ элементарнымъ требованіямъ здраваго смысла, вопреки обстановкѣ (условія мѣстности, группировка войскъ)?...

Остановившись на мысли атаковать лѣвый флангъ японцевъ противъ нашего фронта Чанляпу-Линшинпу-Ламатунь, предположено было распредѣлить роли между нашими корпусами слѣдующимъ образомъ: 17 корпусъ атакуетъ Ламатунь и участокъ къ западу, до желѣзной дороги; 6 корпусъ атакуетъ Линшинпу и участокъ къ востоку, до желѣзной дороги; 5 сибирскій корпусъ атакуетъ Чанляпу и участокъ къ востоку, до дер. Линшинпу. Общій резервъ, изъ 1 сибирскаго и 8 арм. корпусовъ, направляются за правымъ флангомъ 5 сиб. корпуса. Иниціатива атаки должна принадлежать 5 сиб. корпусу; причемъ, принималось какъ безспорная истина, что японцы непремѣнно очистятъ всѣ позиціи, какъ только 5-мъ корпусомъ будетъ обойденъ ихъ лѣвый флангъ; даже въ голову не приходитъ хотя бы такая условная возможность, что японцы могутъ отвѣтить атакой въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на обходъ фланга. Очевидно, мы крѣпко вѣрили, что японцы примутъ за образецъ наши дѣйствія подъ Ляояномъ, при обходѣ нашего лѣваго фланга арміей Куроки...

Остальные корпуса—1 и 10 армейскіе, 2 и 4 сибирскіе — дѣйствуютъ демонстративно, оставаясь на мѣстѣ и удерживая занимаемыя ими позиціи.

Какъ и въ предыдущихъ операціонныхъ планахъ и проектахъ, такъ и въ только-что упомянутомъ, самъ главнокомандующій отъ себя внесъ очень мало, или—вѣрнѣе сказать — *ничего*. Я ужъ отмѣтилъ это явленіе выше. Такая важнѣйшая творческая работа, какъ составленіе операціоннаго плана, проходила, повидимому, обычный канцелярскій рутинный путь и преподносилась ген.-адъют. Куропаткину „для разсмотрѣнія“, а онъ клалъ на нихъ свою резолюцію.

Какъ извѣстно, расписывать кудреватые стратегическіе вензеля есть всегда много охотниковъ, поэтому сохранились цѣлые вороха всевозможныхъ операціонныхъ плановъ; но нигдѣ мы не найдемъ не только ни одного плана, принадлежащаго самому главнокомандующему, но ни одной, хотя-бы ясно выраженной, идеи, принятой въ основаніе какого нибудь плана. Зато ген.-адъют. Куропаткинъ написалъ множество *указаній*—какъ слѣдуетъ дѣйствовать всѣмъ, до ротнаго командира включительно...

Приведенный мною сейчасъ операціонный планъ принадлежитъ генералъ-квартирмейстеру (имъ, по крайней мѣрѣ, подписанъ); но рядомъ съ этимъ планомъ существовали многіе другіе, принадлежавшіе всѣмъ командующимъ арміямъ, начальникамъ разныхъ штабовъ—до дѣлопроизводителей и старшихъ адъютантовъ главной квартиры, включительно.

9 декабря. Тѣмъ временемъ боевая дѣятельность у насъ, якобы, не умолкаетъ ни на одинъ день. Говорю *якобы*, потому что, вдумываясь хорошенько въ эту дѣятельность съ точки зрѣнія основныхъ истинъ военной науки, получается, собственно говоря, симулированіе войны: мы ежедневно предпринимаемъ все-

возможные поиски и рекогносцировки, каждый день уноситъ убитыхъ и раненыхъ, навѣрное имѣются убитые и раненые также и у японцевъ, ружейная трескотня не умолкаетъ днемъ и ночью; словомъ,—все по положенію, какъ должно быть на войнѣ. Но развѣ это война? развѣ это можетъ служить цѣлью боевыхъ дѣйствій? Вѣдь такъ можно стоять и воевать до второго пришествія! Очевидно, вся наша боевая дѣятельность съ этими постоянными поисками совершается, главнымъ образомъ, для того, чтобы гипнотизировать нашу подлинную бездѣятельность,—„шумимъ, братцы, шумимъ“...

Поиски охотниковъ. Если кто, дѣйствительно, является теперь воюющей стороной—по крайней мѣрѣ съ нашей стороны—такъ это охотничьи команды.

Прекрасный институтъ—эти наши охотничьи команды, учрежденныя въ нашей арміи въ 1887 г. Вызванныя въ жизнь непосредственными указаніями опыта послѣдней русско-турецкой войны, охотничьи команды получили прочную организацію въ упомянутомъ выше приказѣ 1887 г., и уже въ 1900 г., во время подавленія боксерскаго возстанія, сослужили огромную службу, выказавъ выдающуюся подвижность и лихость. Въ настоящую войну съ Японіей наши охотники положительно не даютъ противнику покоя, причиняя ему безпрерывныя тревоги. Особенно проняли японцевъ въ с. Линшинпу охотники Псковскаго полка въ началѣ декабря, устраивая и придумывая непріятелю всевозможные сюрпризы изо-дня въ день. Чрезмѣрно близкое сосѣдство воюющихъ сторонъ въ этомъ селеніи заставляетъ противниковъ быть особенно бдительными и изощряться всѣми мѣрами изводить своихъ сосѣдей тѣмъ или инымъ путемъ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е декабря пять охотниковъ возъимѣли желаніе „сходить въ гости къ японцамъ“. Получивъ напутствіе начальства и выждавъ наступленія полной темноты, охотники одинъ за другимъ, ползкомъ и крадучись, начали пробираться къ намѣченнымъ фанзамъ, занятымъ японцами, стараясь пробраться какъ-нибудь въ тылъ, такъ, чтобы выставленный впереди фанзъ японскій часовой не замѣтилъ и не предупредилъ своихъ. Но японцы, повидимому, чуткимъ ухомъ уловили шорохъ и, впившись глазами въ окружающую темноту, замѣтили скоро и силуэты подкрадывающихся охотниковъ, по которымъ открыли стрѣльбу. Охотники наши притаились и замерли, но японцы успѣли уже выскочить изъ фанзъ. Выждавъ, пока японскій часовой и его товарищи успокоились и прекратили стрѣльбу, охотники опять начали пробираться окольнымъ путемъ къ фанзамъ, въ которыхъ снова скрылись японцы, чтобы продолжать, вѣроятно, прерванный сонъ. Двое смѣльчаковъ-охотниковъ, незамѣченные часовымъ, подкрались къ крайней фанзѣ и зажгли ее. Японцы быстро выскочили изъ сосѣднихъ трехъ фанзъ, отступили въ ближайшій окопъ и открыли оттуда губительный огонь по тому мѣсту, гдѣ имъ чудились подкравшіеся наши охотники, а также и по всему пути, по которому предстояло нашимъ смѣльчакамъ возвратиться восвояси.

Огонь японцевъ не остался, конечно, безъ отвѣта съ нашей стороны, и скоро завязалась оживленная перестрѣлка почти по всей линіи нашихъ окоповъ. Охотники очутились въ незавидномъ положеніи: перекрестный огонь изъ нашихъ окоповъ и японскихъ дѣлаетъ невозможнымъ возвращеніе къ своимъ, а

зарево пылающихъ фанзъ освѣтило окружающую мѣстность и не даетъ возможности укрыться и выждать, пока уляжется вся эта тревога. Прошло нѣсколько жгучихъ часовъ, пока стрѣлки съ обѣихъ сторонъ постепенно успокоились и охотники наши, лавируя на каждомъ шагу между жизнью и смертью, ползкомъ, съ большими остановками, укрываясь за ничтожными складками мѣстности, съ трудомъ и невѣроятными усиліями чудеснымъ образомъ ускользнули изъ когтей смерти, довольные тѣмъ, что „лишили японцевъ теплой квартиры“, и въ то же время „унесли свою душу на покаяніе“.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ уничтоженными фанзами осталось, однако, еще съ десятокъ другихъ фанзъ, занятыхъ японцами. Подъ крышами этихъ фанзъ ютятся отборные стрѣлки японскіе съ постоянно нацѣленными винтовками, зорко слѣдя за каждымъ неосторожнымъ движеніемъ нашихъ людей въ окопахъ, или въ крытыхъ ходахъ сообщенія въ нашемъ тылу, похищая у насъ жертвы почти ежедневно. Давно уже назрѣла необходимость уничтожить какъ-нибудь это смертоносное логовище непріятельское. Задумали мы уничтожить эти фанзы при помощи пироксилина. Вызвалось 12 смѣльчаковъ-охотниковъ и семь саперовъ спеціалистовъ по части взрывовъ, подъ общимъ начальствомъ Псковскаго полка штабсъ-капитана Вервеціоти.

Собравшись темной ночью въ условленномъ мѣстѣ, наши охотники и саперы, подъ предводительствомъ своего энергичнаго начальника, двинулись около 2-хъ часовъ пополуночи въ свой опасный путь. Минута была благопріятная: какъ у насъ, такъ и у японцевъ царила мертвая тишина, не нарушаемая съ обѣихъ

сторонъ ни единымъ выстрѣломъ. На нашей кровавой позиціи у Линшинпу, полной непрестанныхъ тревогъ и жгучихъ опасностей, выпадаютъ иногда и минуты затишья, которыя кажутся здѣсь столь неумѣстными, что эта неестественная тишина въ такомъ мѣстѣ становится жуткой сама по себѣ.

На этотъ разъ, однако, мирная пауза сослужила нашимъ охотникамъ огромную службу. Подъ покровомъ непроглядной тьмы, не тревожимые смертоносными пулями съ обѣихъ сторонъ, наши охотники быстро подкрались къ намѣченнымъ фанзамъ, изъ которыхъ двѣ оказались въ эту минуту занятыми японцами, а одна—пустая. Быстро саперы заложили пироксилиновыя шашки въ подходящія гнѣзда, пока охотники съ винтовками на-готовѣ стерегли выходы изъ фанзъ. Едва успѣли отбѣжать саперы и охотники на надлежащее разстояніе, какъ одинъ за другимъ раздались потрясающіе взрывы, заглушившіе собою крики и гомонъ японцевъ, успѣвшихъ, вѣроятно, частію, выскочить благовременно. Эти оглушительные взрывы, такъ внезапно прервавшіе предшествующую непродолжительную тишину, послужили точно сигналомъ для обѣихъ сторонъ: возгорѣлась оживленная перестрѣлка, продолжавшаяся около часа; наши изъ окоповъ преслѣдовали огнемъ японцевъ, убѣгавшихъ въ свои окопы, а японцы обстрѣливали путь, по которому должны были отступить наши охотники. Мало-по-малу перестрѣлка улеглась, и охотники возвратились сравнительно благополучно, отдѣлавшись однимъ раненымъ товарищемъ. Зато мы на другой же день оцѣнили благотворные результаты нашего ночного поиска, когда убѣдились, что назойливые японскіе стрѣлки не скрываются уже больше

въ своихъ воробьиныхъ гнѣздахъ и не занимаются тамъ больше своимъ смертоноснымъ дѣломъ.

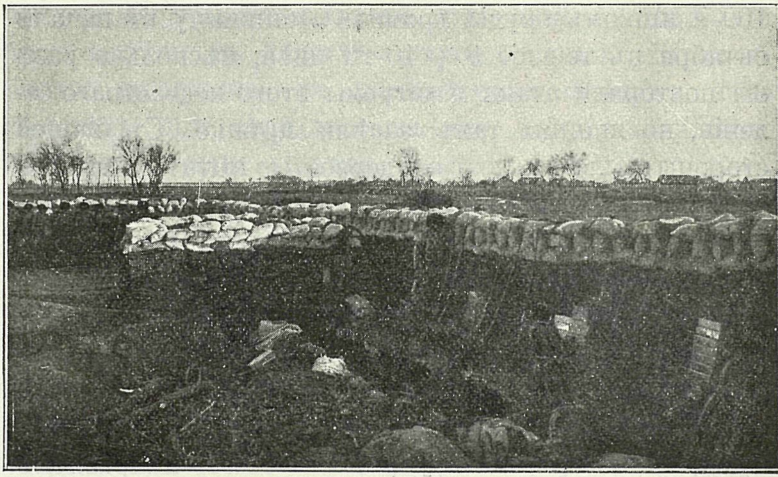
Успѣхи первыхъ нашихъ поисковъ поощрили насъ къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ въ Линшинпу, въ болѣе крупномъ масштабѣ. Почти три мѣсяца „живемъ“ съ японцами въ Линшинпу, бокъ-о-бокъ, въ самомъ близкомъ, тѣсномъ сосѣдствѣ, испытавъ уже всѣ мѣры и способы выжить ихъ оттуда; 100 слишкомъ орудій громили Линшинпу въ началѣ октября въ теченіе 8 — 10-ти дней; нѣсколько разъ мы повторяли атаки и штурмы этого несчастнаго селенія, но японцы тамъ засѣли крѣпко. Съ нашей стороны было бы поэтому дерзостью пытаться выбить японцевъ изъ Линшинпу собственными силами нашего Псковскаго полка, въ особенности принимая во вниманіе безпрерывныя работы японцевъ за три мѣсяца по укрѣпленію занятаго ими положенія.

Но отчего не попытаться потѣснить японцевъ шагъ за шагомъ, исподволь и безъ штурма?

Съ этой цѣлью въ ночь съ 11-го на 12-е декабря капитанъ Г—ъ съ $1^1/_2$ ротами былъ направленъ по заранѣе высмотрѣнному и изученному пути для атаки внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ группы фанзъ, занятыхъ, какъ намъ казалось, японцами, потому что они постоянно изъ бойницъ обстрѣливали впереди лежащую мѣстность. Ночное нападеніе наше удалось вполнѣ: однимъ ударомъ японцы были выбиты изъ фанзъ, которыя очутились въ нашихъ рукахъ и были заняты однимъ взводомъ. Но тутъ насъ постигло нѣкоторое разочарованіе: оказалось, что въ этихъ фанзахъ уцѣлѣли только сѣверныя стѣнки, т. е. обращенныя къ намъ, въ которыхъ имѣются и бойницы; съ южной же стороны, обра-

щенной къ японцамъ, стѣны разрушены до основанія, и внутренность фанзъ обстрѣливается убійственнымъ огнемъ изъ позади лежащихъ окоповъ съ дистанціи 50-ти шаговъ.

Какъ только наши молодцы ворвались въ фанзы, японцы, успѣвшіе своевременно отступить въ окопы, открыли губительный огонь, и въ первую же минуту

Усиленіе стѣнокъ кладкой земляныхъ мѣшковъ.

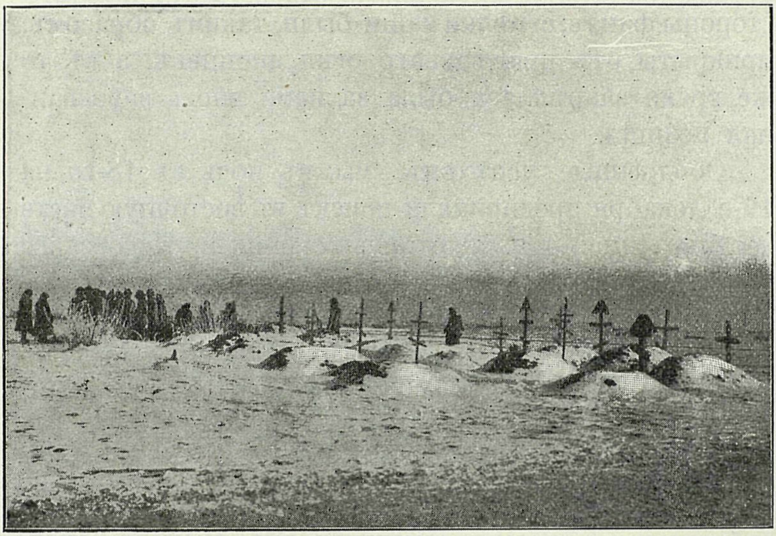
ранили у насъ семь нижнихъ чиновъ. Пришлось покинуть эти ловушки и примоститься за уцѣлѣвшими стѣнками. Японцы яростно продолжали обстрѣливать эти стѣнки, которыя были скоро обращены въ рѣшето, настолько, что даже перестали служить закрытіемъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Не довольствуясь этимъ, японскіе стрѣлки умудрялись еще поражать нашихъ защитниковъ за стѣнками косыми выстрѣлами. Тѣмъ не менѣе мы цѣпко держались на вновь завоеванной позиціи и не отступали ни на шагъ;

хотя положеніе укрывшихся за стѣнкой было поистинѣ ужасное: малѣйшая неосторожность, забывчивость—сейчасъ же наказывались жестокимъ огнемъ японцевъ. Дождавшись наступленія слѣдующей ночи, мы быстро занялись улучшеніемъ закрытій, и для этого перетащили заготовленные днемъ мѣшки, наполненные землей и вывели брустверъ съ южной стороны фанзъ; стрѣлки наши были, такимъ образомъ, прикрыты отъ прицѣльнаго огня японцевъ, а въ то же время закрѣплена была за нами вновь завоеванная позиція.

Ободренные успѣхомъ, мы въ ночь съ 18-го на 19-е декабря предприняли поискъ въ восточную часть селенія Линшинпу. Охотничья команда Псковскаго полка, подъ начальствомъ браваго подпоручика Георгіевскаго, вытѣснила изъ селенія японцевъ и преслѣдовала ихъ до р. Шахе, и даже далѣе, по ту сторону рѣки. За три почти мѣсяца обороны нами позиціи у Линшинпу мы въ своихъ развѣдкахъ и набѣгахъ впервые перекинули въ эту ночь свои дѣйствія на противоположный берегъ Шахе; встрѣченные тамъ губительнымъ огнемъ японцевъ изъ окоповъ, охотники наши отошли назадъ, предавъ по дорогѣ огню нѣсколько фанзъ, въ которыхъ укрывались всегда японцы.

Морозы все крѣпнутъ; но они мало стражаются на нашей жизни въ окопныхъ катакомбахъ. Въ общемъ, жизнь—если такъ можно называть наше подземное прозябаніе—протекаетъ у насъ съ тѣмъ же убійственнымъ однообразіемъ, какъ въ первое наше сидѣніе подъ Линшинпу. На театрѣ войны стоитъ какъ будто затишье, но у насъ это „затишье“ выражается ежедневно нѣкоторыми часами выжиданія,

пока японцы откроютъ по насъ огонь, или до той поры, когда намъ самимъ надоѣстъ выжидать и мы первые открываемъ стрѣльбу, вызывая, конечно, сейчасъ же отвѣтный огонь противника. Каково положеніе наше въ окопахъ-катакомбахъ въ эти часы выжидательнаго затишья, можно судить по тому, что

Ихъ же имена Ты, Господи, вѣси...

человѣкъ не можетъ буквально высунуть голову изъ-за бруствера: сейчасъ же съ разныхъ сторонъ устремляется туда нѣсколько пуль непріятеля, и каждый день уноситъ у насъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными; больше, къ сожалѣнію, убитыхъ—свыше 70%, потому что пораженія наносятся въ голову. Съ наступленіемъ темноты населеніе на нашей передовой позиціи нѣсколько „оживаетъ“; оживаетъ столько же, сколько тяжко больной въ первые дни по минованіи болѣзненнаго кризиса: кто

посмѣлѣе высовываетъ голову изъ окопа, оглядываясь съ опаской, потому что съ обѣихъ сторонъ—у насъ и у японцевъ—дежуритъ половина людей у бойницъ съ ружьями наготовѣ, поддерживая перестрѣлку всю ночь; подальше, въ тылу, гдѣ кончаются наши крытые ходы сообщенія, солдаты вылѣзаютъ на поверхность земли и расползаются—однако лишь поодиночкѣ и небольшими группами, чтобы не вызвать огня японцевъ—въ ближайшія окрестности, въ поискѣ за водой и топливомъ.

Сообщеніе окоповъ подъ Линшинпу со своимъ тыломъ производится слѣдующимъ образомъ: изъ Уенченпу до Сыфонтая сообщеніе идетъ *поверхъ* земной поверхности, подъ угрозой лишь артиллерійскаго огня; далѣе, на югѣ отъ Сыфонтая, на протяженіи около 100—200 шаговъ, кратчайшій путь въ Линшинпу перехватывается большимъ прудомъ, который въ настоящее время (декабрь) представляетъ собою гладкую ледяную поверхность. Здѣсь, въ этомъ районѣ, днемъ и ночью, почти безпрерывно, визжатъ и завываютъ одиночныя японскія пули, прорѣзывающія воздухъ по всѣмъ направленіямъ; а между тѣмъ, это пространство приходится пробѣжать *поверхъ* земли, такъ какъ прорывать подземный ходъ сообщенія—въ виду упомянутаго пруда—не было возможности. Такимъ образомъ, съ южной окраины Сыфонтая приходится бѣгомъ пробѣжать шаговъ 200, до начала подземнаго хода сообщенія, который ведетъ въ Линшинпу.

Насколько японскіе застрѣльщики со своихъ вышекъ въ Линшинпу слѣдятъ зорко даже за одиночными людьми, появляющимися изъ Сыфонтая, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: въ сопро-

вожденіи одного нижняго чина изъ пѣшей охотничьей команды я пробѣжалъ, однажды—по обыкновенію—изъ Сыфонтая до хода сообщенія, гдѣ быстро нырнули въ окопъ, по дну котораго зигзагами пошли далѣе замедленнымъ ходомъ. Къ моему удивленію, я замѣтилъ, что *одна* какая-то шальная пуля точно слѣдитъ за нами,—хотя мы двигаемся невидимо для наблюдателя, находящагося на горизонтѣ (глубина хода сообщенія скрывала почти весь ростъ человѣка): эта пуля, по крайней мѣрѣ, съ визгомъ пересѣкала направленіе хода сообщенія, подвигаясь, повидимому, вмѣстѣ съ нами; когда мы останавливались для отдыха—начинались учащенныя завыванія пуль именно около того мѣста, гдѣ стоимъ... Значитъ, это не случайность. Оказалось, что охотникъ несетъ винтовку „на-плечо"; штыкъ, играя на солнцѣ, виденъ былъ *надъ* ходомъ сообщенія! И этого уже достаточно было, чтобы привлечь вниманіе стрѣлковъ, которые, видимо, уже слѣдили за нами, чтобы подстеречь когда мы вынырнемъ изъ хода сообщенія.

Вотъ этотъ выходъ на поверхность часто кончался переходомъ въ лучшій міръ... Дѣло въ томъ, что ходъ сообщенія изъ Сыфонтая кончался вблизи группы сосенъ изъ десятка деревьевъ, гдѣ находилась землянка баталіоннаго командира, начальника участка подъ Линшинпу; всего лишь 15—20 шаговъ надо было пробѣжать изъ головы хода сообщенія (который уходилъ здѣсь въ другую сторону) до землянки, и это весьма часто стоило крови. Не даромъ эта группа деревьевъ и окружающая мѣстность получили у насъ названіе „*долины смерти*".

Ночью половина людей въ окопахъ отдыхаетъ и спитъ, конечно, настолько, сколько отдыхъ и сонъ

возможны при такомъ тѣсномъ соприкосновеніи жизни и смерти, при постоянномъ крайнемъ напряженіи нервовъ. Вторая половина бодрствуетъ. Охотничьи же команды бодрствуютъ почти поголовно: для нихъ вся жизнедѣятельность и служба начинаются лишь съ наступленіемъ темноты. И что это

„Сосенки"—или „долина смерти".

за молодцы, наши охотники! Всякіе поиски и развѣдки, требующіе сноровки, удали и смѣтливости, осуществляются, главнымъ образомъ, при помощи охотниковъ. Послѣ описанныхъ выше поисковъ и взрывовъ фанзъ въ японской части Линшинпу наши охотники придумали донимать японцевъ пожарами въ Линшинпу: и вотъ уже третій разъ въ періодъ занятія этой позиціи Псковскимъ полкомъ какъ наши молодцы-охотники подкрадываются ночью къ фанзамъ, занятымъ японцами, и поджигаютъ; это, конечно, вызываетъ переполохъ и тревогу, которыми пользуется другая часть охотниковъ, залегшихъ по со-

сѣдству въ окопахъ, откуда открываютъ усиленный ружейный огонь; зарево помогаетъ и тыловымъ окопамъ, освѣщая выбѣгающихъ японцевъ, подвергающихся нашему огню. Кромѣ того наши охотники всякими иными способами тревожатъ непріятеля по ночамъ: подкрадываются и зажигаютъ сигнальныя вѣхи японцевъ и т. п. Вообще, при убійственномъ однообразіи службы войскъ на передовой позиціи, въ окопныхъ катакомбахъ—умирать или убивать, стоя неподвижно на мѣстѣ,—боевая служба охотниковъ полна всевозможныхъ приключеній.

Въ послѣдніе дни наступили морозы, доходящіе по ночамъ до 10—12°R. Грознымъ призракомъ встаетъ все болѣе и болѣе усиливающаяся потребность въ топливѣ. Всюду кругомъ деревни разрушены, частью безпрерывной артиллерійской канонадой, частью нашими же солдатами, которые еще лѣтомъ и осенью растаскали бревна на топливо для котелковъ приваркѣ чая. Лѣсовъ въ Мукденской провинціи нигдѣ нѣтъ, а небольшія группы деревьевъ, которыя встрѣчались кой-гдѣ, вырублены въ послѣднее время для устройства блиндажей, землянокъ, мостовъ. Во многихъ селеніяхъ сохранились еще фанзы, но онѣ теперь зорко оберегаются для жилья. Въ Мукденѣ дрова продаются по $1^1/_2$ р. пудъ,—ясно, что никакихъ денежныхъ отпусковъ отъ казны не хватитъ, чтобы снабдить войска топливомъ въ достаточномъ количествѣ на всѣ потребности; да и это топливо изсякнетъ сразу. Китайцы обыкновенно употребляютъ для топлива гаоляновые корешки, не говоря уже про самые стебли; мы имѣли въ своемъ распоряженіи необозримыя поля созрѣвшаго уже гаоляна; но войскамъ ли, при жгучей подчасъ боевой обстановкѣ,

заниматься мирнымъ трудомъ собиранія зерна въ житницы? Въ видахъ боевыхъ всѣ эти дремучіе лѣса гаоляна были срѣзаны, стебли и зерна большей частью сгнили. Корешки, однако, еще сидятъ въ землѣ, и, строго говоря, этихъ корешковъ хватило бы съ избыткомъ на топливо для арміи на всю зиму. Но эти корешки надо вытаскивать изъ земли, сушить на солнцѣ, послѣ чего они годны лишь на слѣдующую зиму; на все это требуется копотливый трудъ и стойкое терпѣніе китайцевъ. Словомъ, вопросъ съ топливомъ теперь—вопросъ острый,—пока однако лишь въ виду грядущаго недостатка; нѣкоторое время мы еще располагаемъ небольшими запасами, и люди даже въ окопахъ имѣютъ возможность сварить себѣ чай, согрѣть окоченѣвшіе члены.

Наступившіе холода и морозы не только по ночамъ, но часто и днемъ, дѣйствуютъ до нѣкоторой степени парализующимъ образомъ на войска и ихъ операціи, сковывая энергію обѣихъ сторонъ. Впрочемъ, въ окопахъ подъ Линшинпу морозы мало мѣшаютъ боевымъ вспышкамъ:—тутъ соприкосновеніе такое тѣсное и жгучее, что не можетъ быть охлаждено никакими морозами; дежурные часовые не могутъ отказаться отъ соблазна выстрѣлить хотя бы по единичной фуражкѣ, которая неосторожно показалось надъ брустверомъ, противникъ начинаетъ „мстить“ не только ружейнымъ, но иногда артиллерійскимъ огнемъ, и перестрѣлка завязывается съ обѣихъ сторонъ по всей линіи. Ночью предпринимаются спеціальныя вылазки съ цѣлью тревожить непріятеля, и для этого высылаются небольшія команды въ 20—30 человѣкъ; но въ ночномъ мракѣ небольшая надвигающаяся команда представляется

большой опасностью, и опять бой загорается по всей линіи. Недовольствуясь невинной цѣлью тревожить насъ возможно чаще, японцы нѣсколько разъ пытались атаковать насъ во время нашего вторичнаго сидѣнья подъ Линшинпу, повторивъ съ совершенной точностью программу ночныхъ атакъ, которыя производились ими въ октябрѣ и ноябрѣ.

Около 8-ми часовъ вечера, въ непроглядной тьмѣ, загорѣлась неожиданно жаркая перестрѣлка на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Со стороны желѣзнодорожнаго моста на рѣкѣ Шахе и со стороны сел. Ламатунь, окутаннныя ночной темнотой, надвигались темныя массы непріятеля, которыя среди таинственнаго мрака казались сначала грозными, стихійными и многочисленными. Оживленный огонь съ нашей стороны заставилъ японцевъ частью залечь подъ прикрытіемъ желѣзнодорожнаго полотна, а частью свернуть съ принятаго ими направленія, повернуть вдоль по руслу рѣки Шахе и, прикрываясь мертвымъ пространствомъ, двинуться отъ моста къ сел. Линшинпу. Въ то же время,—очевидно, согласно заранѣе выработанному плану, — японцы произвели вылазку изъ деревни Линшинпу и ринулись въ атаку на наши ближайшіе окопы, откуда сразу грянули залпы нашихъ стрѣлковъ со всѣхъ бойницъ. Въ теченіе получаса огонь охватилъ всю линію нашихъ окоповъ. Японцы двигались безъ выстрѣла, прикрываясь, гдѣ можно, складками мѣстности. Губительный огонь приготовившихся уже нашихъ войскъ, скрытыхъ въ окопахъ, дѣлалъ, однако, свое дѣло и въ ночной темнотѣ. Двигаться при такихъ условіяхъ безъ выстрѣла—задача нелегкая: дрогнули японцы, открыли тоже стрѣльбу. Ружейная трескотня слилась въ общій ад-

скій гулъ, среди котораго иногда прорывается сухой трескъ небольшихъ залповъ, направленныхъ противъ кучки отчаянныхъ головъ, пытающихся наперекоръ смерти ворваться къ намъ въ окопы. Но... смерть неумолима, и властной рукой подкашиваетъ храбрецовъ почти у самой цѣли. Около двухъ-трехъ часовъ неумолчно трещала жестокая перестрѣлка; но уже очевидно было, что атака японцевъ сорвана; дѣло ими проиграно, и они въ оглушающей, совершенно безвредной для насъ перестрѣлкѣ—потому что наши войска стрѣляютъ черезъ бойницы окоповъ—просто „выпускаютъ пары". Мало-по-малу перестрѣлка затихаетъ по всей линіи, и лишь кое-гдѣ прорываются залпы, которыми наши стрѣлки преслѣдуютъ отступающихъ въ темнотѣ японцевъ.

Прошло нѣсколько дней. Бдительность японцевъ притупилась, мы завладѣли постепенно оружіемъ, которое валялось около убитыхъ японцевъ, а затѣмъ перетащили и часть труповъ, которые предали землѣ; три—четыре дня послѣ испытанной ночной тревоги, намъ опять суждено было пережить нѣсколько тревожныхъ жгучихъ часовъ. На этотъ разъ тревогу мы вызвали сами, но неожиданно для насъ самихъ она приняла такіе обширные размѣры, что мы очутились передъ грознымъ вопросомъ, — чѣмъ это кончится?

Еще днемъ 14 декабря мы задумали произвести поискъ, чтобы потревожить японцевъ и поджечь фанзу, намѣченную въ предшествовавшіе дни, занятую японскою заставой. Для этой цѣли съ наступленіемъ темноты одна часть нашихъ охотниковъ должна была затѣять стрѣльбу съ японцами съ одной стороны, а въ то же время другіе охотники должны

были окольнымъ путемъ пробраться къ фанзѣ и поджечь ее. Едва лишь стемнѣло, на обоихъ флангахъ нашей позиціи, т. е. къ западу отъ сел. Линшинпу и со стороны сел. Ламатунь, послышались почти одновременно одиночные лѣнивые выстрѣлы, которые гулко пронеслись въ равниной дали на обоихъ берегахъ Шахе: это—обычные вечерніе выстрѣлы, которыми обмѣниваются наши и японскіе „секреты“, высылаемые на ночную службу; оповѣстили такимъ образомъ противники другъ друга, что заняли свои мѣста, еще разъ обмѣнялись выстрѣлами, наконецъ, все смолкло, и водворилась полная тишина, слившаяся съ непроглядною темнотой ночи.

Эта временная тишина, наступающая у насъ на передовой позиціи послѣ высылки „секретовъ“—тоже одно изъ характерныхъ явленій, повторяющихся ежедневно въ опредѣленное время, отъ 6-ти до 8-ми час. вечера, приблизительно. Обыкновенно, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, ружейная перестрѣлка, хотя бы одиночными выстрѣлами, поддерживается безпрерывно цѣлый день и всю ночь; но около 6 — 8-ми час. вечера, послѣ наступленія темноты и высылки секретовъ, водворяется временное затишье, поддерживаемое, точно по взаимному соглашенію, съ обѣихъ сторонъ: у насъ въ это время подвозятся походныя кухни, и люди обѣдаютъ; вѣроятно, и японцы въ эти часы заняты какимъ нибудь домашнимъ дѣломъ. Конечно, всѣ домашнія дѣла отходятъ на задній планъ, когда приходитъ „господинъ бой“ хотя бы въ неурочное время.

Такъ было и на этотъ разъ.

Едва лишь замерло въ темной дали раскатистое эхо вечернихъ выстрѣловъ нашихъ секретовъ, какъ

со стороны сел. Линшинпу раздались сухіе отрывистые залпы, которые быстро слились съ частой оживленной трескотней изъ сосѣднихъ окоповъ. Ясно было, что наши охотники пробираются къ японцамъ, а послѣдніе встрѣтили огнемъ. Охотники притаились и залегли. Прошло нѣсколько часовъ тревожнаго затишья, изрѣдка прерываемаго одиночными рѣдкими выстрѣлами. Вдругъ со стороны Линшинпу опять полилась учащенная трескотня, которая крѣпла все больше и больше, медленно распространяясь по всей линіи, на западъ и востокъ отъ Линшинпу. Чутко прислушиваясь къ шумливому говору неумолкаемой трескотни и стараясь опредѣлить, кому принадлежитъ большая часть выстрѣловъ, угадать,— „мы ли пишемъ, или намъ пишутъ", мы неожиданно поражены были совершенно необычайнымъ зрѣлищемъ: японцы точно по заказу, повторили все то же самое, что происходило во время ночныхъ атакъ въ концѣ октября и началѣ ноября — опять тѣ же ракеты, загорѣлись сигнальныя вѣхи. Японцы, очевидно, приняли поискъ нашихъ охотниковъ за общее наступленіе и забили тревогу. Но въ тоже время можно было допустить и такое предположеніе, что японцы сами переходятъ въ наступленіе, — хотя съ такимъ предположеніемъ трудно было согласовать всю эту обстановку съ ракетами и зажженными сигнальными вѣхами. Неугодно ли рѣшить эту отвѣтственную жгучую дилемму, когда все кругомъ охвачено непроницаемымъ мракомъ совершенно темной ночи, когда въ разстояніи 2 — 3-хъ шаговъ никого и ничего не видать, и лишь вдали на горизонтѣ огненными жезлами, горятъ осмоленныя японскія вѣхи, озаряющія небольшіе круги на темномъ небо-

склонѣ вверху и какіе-то силуеты не то построекъ, не то отдѣльныхъ деревьевъ, тонущихъ въ полумракѣ ближайшихъ окрестностей, освѣщенныхъ пылающими вѣхами. Единственнымъ оріентировочнымъ признакомъ въ такихъ ночныхъ бояхъ,—признакомъ, конечно, очень проблематичнымъ, — служитъ интенсивность ружейной трескотни: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваешься къ глухому гулу сливающейся перестрѣлки, стараясь уловить и отличить звуки выстрѣловъ изъ японскихъ винтовокъ и нашихъ, пытаясь по этимъ крайне шаткимъ даннымъ угадать: стоятъ ли японцы на мѣстѣ, или наступаютъ, прикрываясь ночной темнотой.

А впрочемъ, возможность оріентированія въ видахъ управленія боемъ, а также и самое управленіе боемъ, при нынѣшнихъ условіяхъ затрудняется до крайности, даже днемъ, вслѣдствіи убійственной силы современнаго огня, какъ ружейнаго, такъ и артиллерійскаго: подводить теперь резервы во время боя къ тому или иному пункту съ цѣлью подкрѣпленія, или отпарированія, удара представляется въ настоящее время задачей иногда не выполнимой; и такъ во многомъ другомъ. Вообще, нынѣшняя война должна кореннымъ образомъ измѣнить многіе установившіеся у насъ тактическіе пріемы; всѣ мы предвидѣли необходимость нѣкоторыхъ коррективовъ въ тактикѣ современнаго боя послѣ введенія оружія ручнаго и артиллерійскаго, стрѣляющаго малодымнымъ порохомъ; но всѣ мы скептически относились къ силѣ и губительности этого огня. Вотъ почему въ нынѣшнюю войну съ обѣихъ сторонъ прибѣгаютъ къ ночнымъ дѣйствіямъ, примиряясь со всѣми неудобствами и рискованностью операцій ночью.

На этотъ разъ японцы отлично облегчили намъ отвѣтственную задачу по управленію боемъ ночью и пребольно сами себя высѣкли. Принявъ отважный поискъ нашихъ охотниковъ въ Линшинпу какъ начало общаго наступленія съ нашей стороны, японцы подняли тревогу по всей линіи и пустили въ ходъ всѣ свои тревожные сигналы. Встрепенулись, конечно, и наши всѣ стрѣлки, заняли свои мѣста въ окопахъ, прильнули къ бойницамъ. Готовясь отразить наше воображаемое наступленіе, японцы сами вышли изъ своихъ окоповъ, желая встрѣтить атаку атакой; даже артиллерія японская открыла огонь вдоль своего фронта по направленію отъ сел. Ламатунь къ дер. Линшинпу, не смущаясь стрѣльбой вслѣпую, темной ночью, что съ японцами рѣдко бываетъ.

Яркій свѣтъ прожекторовъ наилучшимъ образомъ помогъ нашимъ стрѣлкамъ оріентироваться въ ночночной темнотѣ. Замѣтивъ темные силуэты японскихъ стрѣлковыхъ цѣпей, выползающихъ изъ окоповъ и двинувшихся въ наступленіе, наши войска, надежно прикрытыя въ окопахъ отъ огня японцевъ, открыли губительный огонь по двигающимся цѣпямъ японцевъ, освѣщеннымъ ихъ собственными прожекторами. Огонь нашъ былъ, несомнѣнно, очень чувствительнымъ для японцевъ. Противникъ быстро сообразилъ свой промахъ и поспѣшилъ потушить прожекторы; но было уже поздно: наши стрѣлки уже взяли направленіе и продолжали неистовый огонь, не переставая сыпать смертоносный градъ пуль на все пространство впереди японскихъ окоповъ. Притомъ же, прожекторы потушить было нетрудно, но зажженныя японцами фанзы они потушить не могли, и яркое зарево трехъ горѣвшихъ фанзъ въ теченіе часа успѣш-

но боролось на довольно значительномъ пространствѣ съ окружающей мглой, способствуя дѣйствительности нашего огня.

Убѣдившись въ своей ошибкѣ, видя, что наши не наступаютъ, японцы готовы были скрыться опять въ окопахъ; но отходить назадъ, пока еще горятъ фанзы, японцы, повидимому, не рѣшались, поэтому залегли и открыли бѣшеную, но безвредную для насъ трескотню. На протяженіи около 2—3-хъ верстъ по фронту нашей позиціи равнинныя окрестности впереди и въ тылу были покрыты неумолкаемымъ гуломъ ужасной трескотни, съ обѣихъ сторонъ, слившейся точно въ одинъ общій стонъ. Около 3-хъ часовъ ночи перестрѣлка стала затихать, и, наконецъ, смолкла.

Не довольствуясь этимъ поискомъ, японцы на слѣдующій день полѣзли въ атаку на нашъ правый флангъ: имъ хотѣлось выбить насъ изъ окоповъ, которые мы въ предшествовавшую ночь выдвинули впередъ, совершенно для нихъ неожиданно. „Висячій" флангъ этихъ окоповъ, т. е. ничѣмъ, повидимому, не прикрытый, казался непріятелю соблазнительной легкой добычей, но японцы не обратили вниманія на рядъ окоповъ, расположенныхъ уступомъ... Губительный огонь изъ этихъ окоповъ, открытый своевременно благодаря нашимъ „секретамъ", обнаружившимъ сразу наступленіе противника, заставилъ его остановиться и залечь. Нѣсколько часовъ спустя японцы повторили попытку; но, опять встрѣченные губительнымъ огнемъ, вынуждены были отступить и скрыться въ Линщинпу.

Въ серединѣ декабря прибыли давно ожидаемыя укомплектованія изъ Европейской Россіи—все боро-

дачи, пожилые, болѣзненные... Предвѣстниками прибытія на театръ войны этихъ запасныхъ служили настойчивые слухи о всевозможныхъ безпорядкахъ, погромахъ и убійствахъ, которые чинили эти воины у себа дома на родинѣ. Ко мнѣ въ полкъ прибыли двѣ партіи: первая изъ малороссійскихъ губерній въ 370 чел., и вторая изъ Тверской губерніи — 538 запасныхъ.

Скоро мы почувствовали боевыя качества этихъ запасныхъ: появились среди раненныхъ членовредители. Хотѣлось бы не упоминать вовсе объ этомъ позорнѣйшемъ фактѣ въ исторіи минувшей войны; но такъ какъ объ этомъ существуетъ гласный приказъ главнокомандующаго, то замалчивать этотъ фактъ совершенно безполезно, а потому коснусь его безъ излишнихъ подробностей, въ самыхъ общихъ чертахъ, для того лишь, чтобы показать—изъ какихъ мелочныхъ обстоятельствъ въ солдатскомъ мірѣ зарождаются иногда явленія крупнаго масштаба. Находясь, однажды, за такъ называемой „глинянной стѣнкой" подъ Линшинпу, я видѣлъ какъ солдатъ былъ раненъ черезъ бойницу. Черезъ минуту отдѣленный начальникъ подводитъ этого раненнаго къ стоявшему со мною ротному командиру.

—„Вонъ, Вашбродь, Ахроменку ранило въ руку. Прикажете отправить?"

Ротный командиръ вопросительно взглянулъ на меня, а самъ „херой" стоялъ тутъ-же какъ мокрая курица съ окровавленной правой рукой. Оказалось, что пуля какими-то судьбами ударила въ указательный палецъ правой руки и почти оторвала два сустава, которые повисли на нѣсколькихъ ниткахъ покрововъ.

— „Э, братъ; да тебѣ ужъ въ строю служить нельзя будетъ. Отправить его на перевязочный пунктъ“.

Мои слова подѣйствовали на раненнаго, какъ цѣлительный бальзамъ; онъ сразу ожилъ. Весело озирался онъ кругомъ, на своихъ товарищей, стоящихъ у бойницъ, и, проходя мимо нихъ, шлепая отстрѣленнымъ указательнымъ пальцемъ, весело приговаривалъ:

— „Вотъ-те *въ чистую!* Пра, братцы. Самъ камандеръ сейчасъ сказывалъ“...

Всѣ прочіе и безъ того видѣли эту сцену, и нѣкоторые изъ запасныхъ, пожалуй, смекнули, что это все „оченно просто“,—что лучше разстаться съ парой суставовъ на пальцѣ, чѣмъ всей головой.

Мнѣ, однако, и въ голову не приходили какія нибудь подозрѣнія, когда въ послѣдующіе дни у насъ участились случаи пораненій указательнаго пальца правой руки, такъ какъ собственными глазами видѣлъ какъ черезъ бойницы ранило въ палецъ. Но когда баталіонный командиръ мнѣ передалъ по телефону о своихъ наблюденіяхъ, то меня сразу огорошилъ фактъ участившихся случаевъ весьма странныхъ однообразныхъ ранъ. Я приказалъ такихъ раненныхъ непремѣнно направлять сначала ко мнѣ. Послѣ перваго же допроса я убѣдился, что это членовредители, и предупредилъ о своихъ подозрѣніяхъ перевязочный пунктъ и дивизіонный лазаретъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ такіе раненные не появлялись больше.

Крайне горько было бы сознаться въ обнаруженіи въ полку такого возмутительнаго явленія. Скоро, однако, оказалось, что это зло широко распростра-

ненное среди запасныхъ, прибывшихъ на укомплектованіе арміи, — настолько, что появился приказъ главнокомандующаго.

Такъ вотъ какіе, запасные прибыли къ намъ на укомплектованіе! И безъ того ихъ боевыя качества весьма сомнительнаго свойства. Притомъ еще они на родинѣ были уже отравлены до мозга костей охватившими тогда всю Россію новыми толками... Да,— если эти запасные чѣмъ нибудь укомплектовали наши ряды, то скорѣе вотъ этимъ новымъ ядомъ, привезеннымъ ими изъ Россіи...

Лучше бы ужъ вовсе безъ этого укомплектованія...

Музыкальный вечеръ. Когда-то, во время минувшей русско-турецкой войны, покойный М. Д. Скобелевъ придумалъ, однажды, для своей дивизіи своеобразную боевую тренировку,—продѣлать строевыя ученья подъ огнемъ турокъ. Нѣчто аналогичное примѣнено было и у насъ на передовой позиціи, въ Линшинпу, но въ гораздо болѣе мягкой и, такъ сказать, поэтической формѣ,—именно устроили своего рода „музыкальный вечеръ“ подъ выстрѣлами, съ цѣлью не столько услаждать слухъ обитателей въ окопахъ, сколько притупить мысли, отвратить ихъ отъ жгучей дѣйствительности, которая неминуемо рисуется тѣмъ суровѣе и фатальнѣе, чѣмъ больше одолѣваютъ неотвязчивыя думы. Конечно, строевыя ученья для военнаго дѣла имѣютъ гораздо болѣе утилитарный смыслъ, чѣмъ музыка; но при губительномъ дѣйствіи современнаго оружія не можетъ быть и рѣчи о такой щеголеватой тренировкѣ, подобной скобелевской, которая еще возможна была четверть вѣка тому назадъ; притомъ же строевыя ученья не могутъ служить такой дико-

винной забавой какъ музыка, которая какъ ни какъ, а все-же шевелитъ сокровенныя струнки въ человѣческой душѣ, хотя бы и затопленной кровью и недобрыми страстями.

Еще въ октябрѣ мы имѣли случай убѣдиться въ меломаніи японцевъ вмѣстѣ съ ихъ галантностью. Соскучившись убійственнымъ однообразіемъ времяпрепровожденія въ окопахъ подъ Линшинпу, гдѣ приходится только посылать смерть, принимать смерть и толковать о смерти—одинъ изъ нашихъ жизнерадостнѣйшихъ офицеровъ П. А. П—й, обладающій весьма симпатичнымъ теноромъ, затянулъ пѣсню. Прекрасная лунная ночь и мертвенная тишина, царящая кругомъ, жадно подхватывала звонкое раскатистое пѣніе, разнося его далеко кругомъ по ближнимъ и дальнимъ окрестностямъ. Замолкло даже и рѣдкое жужжаніе пуль, и... „внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры“; а когда пѣвецъ кончилъ свою арію, послышалось даже со стороны ближайшихъ окоповъ японцевъ щелканье, въ видѣ апплодисментовъ, и крики „бляво, бляво!“ Упомянутый пѣвецъ затѣмъ часто забавлялся своимъ голосомъ, услаждая пѣніемъ своихъ товарищей и солдатиковъ въ окопахъ и потѣшаясь одобреніемъ японцевъ.

То же самое мы осуществили вчера, устроивъ „музыкальный вечеръ“ въ самомъ жестокомъ мѣстѣ нашей позиціи, гдѣ ежедневно, даже при вполнѣ „мирномъ“ положеніи, есть все-таки нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненныхъ. Съ этой цѣлью полковой адъютантъ по углубленнымъ „ходамъ сообщенія“ провелъ оркестръ военной музыки,—конечно, ночью,—въ занятую нами часть Линшинпу, перестроенную въ „редутъ Воскресенскаго. Здѣсь музыка

прежде всего ударила зарю съ церемоніей; потомъ, по обыкновенію, исполнили „Коль Славенъ“, „Боже, Царя храни“; люди оставались за бойницами и держа ружья на-готовѣ, пропѣли хоромъ „Отче нашъ“ и „Спаси Господи“. Потомъ, какъ водится, музыка сы-

Нашъ „Малаховъ курганъ“,—или „редутъ Воскресенскаго“.

грала маршъ, подъ звуки котораго роты, обыкновенно—когда полкъ стоитъ на бивакѣ въ Уенченпу—расходятся послѣ вечерней переклички по землянкамъ.

Все это, повидимому, произвело сильный эффектъ среди японцевъ, которые громко кричали „Хоросо, русска! Русска, хоросо!“, а когда музыка кончила играть нашъ народный гимнъ, то японцы даже кричали „ула“, „ула“.. Тутъ, главнымъ образомъ, соль заключается вотъ въ чемъ: въ послѣднее время

японцы старательно присылаютъ намъ въ окопы разныя посланія на русскомъ языкѣ, заключающія въ себѣ выписки изъ иностранныхъ газетъ о печальныхъ событіяхъ у насъ на родинѣ. Японцы, конечно, пребываютъ въ глубокой увѣренности, что армія наша въ Маньчжуріи ничего не знаетъ и знать не можетъ про все то, что дѣлается у насъ дома; и что стоитъ только оповѣстить объ этихъ событіяхъ, и всѣ войска русскія не пожелаютъ воевать и перейдутъ къ противнику, какъ они убѣдительно и увѣщеваютъ въ своихъ прокламаціяхъ. Вотъ почему и сыгранный нашей музыкой „Боже, Царя храни“, и японское „ула“ пріобрѣтаютъ совсѣмъ особый, сокровенный смыслъ. Замѣчательно, какъ галантно держатъ себя японцы въ подобныхъ случаяхъ: сначала, когда музыка наша начала играть, слышалось еще кругомъ завываніе японскихъ пуль; нѣсколько пуль направлено было, повидимому, прямо по адресу оркестра музыки; можетъ-быть, это были обычныя, шальныя пули, гуляющія по обширному простору кругомъ, но, можетъ-быть, это были пули, направленныя прямо на звуки музыки. Какъ бы то ни было, а ихъ было лишь нѣсколько, послѣ чего японцы прекратили стрѣльбу по всему фронту и слушали музыку, которая сыграла поэтому нѣсколько лишнихъ нумеровъ.

Сильно понравилось это развлеченіе и нашимъ солдатамъ, истиннымъ страстотерпцамъ, обитателямъ окоповъ и редута. Точно живительной струей вливались музыкальные звуки въ смертельное однообразіе жизни въ окопахъ. А въ эти дни это такъ необходимо было!.. Когда начались попытки наступленія на правомъ флангѣ, это сейчасъ же отрази-

лось трепетнымъ пульсированіемъ боя раньше всего въ Линшинпу, гдѣ воюющія стороны цѣпко держатъ другъ-друга въ кровавыхъ объятіяхъ.

Вездѣ, на всемъ нашемъ фронтѣ, поддерживалось еще напряженное спокойствіе, а въ Линшинпу обычный мирный бой оживился сейчасъ же настолько сильно, что число ежедневныхъ жертвъ у насъ стало доходить до 30-ти человѣкъ убитыми и ранеными. Продолжалось это учащенное біеніе пульса въ Линшинпу три—четыре дня, но на нижнихъ чиновъ произвело, до нѣкоторой степени, угнетающее впечатлѣніе: нѣтъ хуже такихъ положеній, когда несешь потери какъ въ жестокомъ бою, а считается это все-таки не боемъ, а просто „сидѣніемъ" въ окопахъ. Забавно, до чего при этомъ разыгрывается воображеніе: приходитъ на перевязочный пунктъ въ Сыфонтай солдатъ изъ запасныхъ, раненый легко въ палецъ; отъ боли срамно реветъ безъ удержу, суетъ доктору палецъ, не переставая стонать. Спрашиваетъ докторъ:

— Что, какъ тамъ въ редутѣ, раненныхъ много?

— Страсть... много... Идутъ... все идутъ...

— А убитыхъ какъ, много?

— Страсть... много... Ляжать, все ляжать...

— Какъ же тамъ у васъ? Что дѣлается?

— Да что... все побросали... бягутъ...

Заволновался нашъ докторъ; необходимо, думаетъ, принять мѣры поскорѣе, чтобы приготовиться и встрѣтить большой наплывъ раненныхъ. Приготовился и ждетъ. Запросилъ по телефону, и оказывается, что набралось всего-на-всего трое раненыхъ, да двое убитыхъ.

Какъ бы то ни было, а такіе музыкальные ве-

чера подъ выстрѣлами имѣютъ нѣкоторое воспитательное значеніе, поднимая настроеніе и у слушателей, и у музыкантовъ.

Среди нижнихъ чиновъ циркулируютъ какіе-то упорные толки, что 6 декабря, въ 6 час. дня, будетъ непремѣнно заключенъ миръ; а когда 6 декабря прошло—солдаты увѣряютъ, что „отложено до Ро-

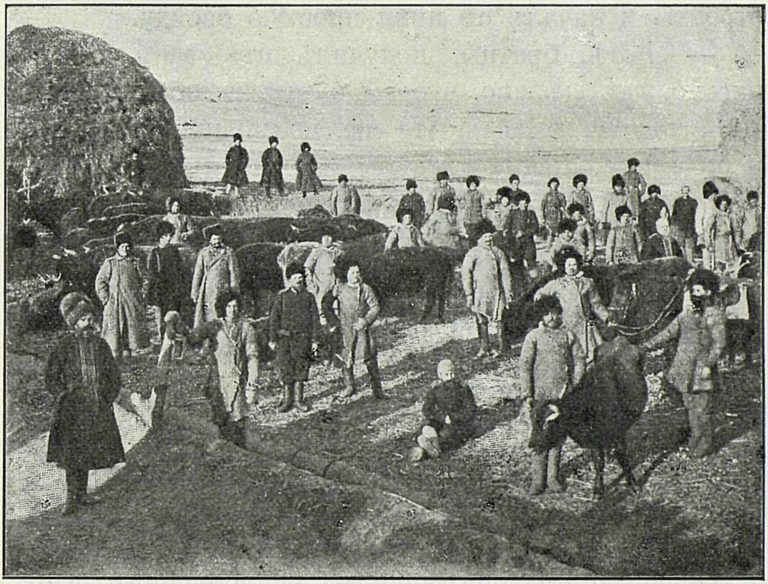
Братское кладбище.

ждества“. А почему до Рождества? „Потому, значитъ, такъ по разницѣ часовъ выходитъ“... Эти слухи, навѣрное, исходятъ отъ запасныхъ „стариковъ“.

Сегодня получилъ отъ старичковъ—запасныхъ, выступившихъ еще съ полкомъ по мобилизаціи, анонимное письмо, въ которомъ Христомъ-Богомъ взывали о справедливости, указывая на то, что „мы уже старики многосемейные, гдѣ же намъ воевать; силенки наши надорваны, пробѣжимъ въ цѣпи сто

шаговъ и запыхаемся, завалишься такъ, что и встать тяжело. А вотъ на скотномъ дворѣ, въ обозѣ, въ тылу, лошадьми погоняютъ „молодые; имъ бы воевать, а намъ бы „старикамъ“ въ обозѣ службу царскую служить“...

Признаться сказать, мысль мнѣ показалась вполнѣ

„Скотный дворъ“ при нестроевой ротѣ подъ Мукденомъ.

справедливой. Это слѣдовало, конечно, имѣть въ виду при разбивкѣ запасныхъ во время мобилизаціи; но, вступивъ въ командованіе полкомъ на походѣ (см. часть 1-ю) и завертѣвшись затѣмъ въ безпрерывномъ вихрѣ кровавыхъ событій, я лишенъ былъ физической возможности подумать объ этомъ, когда я и обоза-то своего видѣлъ только разъ, и то—мелькомъ, на полъ-часа.

Однако, совѣстно было исполнить желаніе „стариковъ,“ обращающихся съ анонимными письмами. Нѣкоторое время спустя все же приказалъ собрать по полку свѣдѣнія: сколько состоитъ налицо этихъ „стариковъ“ срока службы 1887 года; оказалось 48 нижнихъ чиновъ. Пропустилъ еще нѣсколько дней, и затѣмъ приказалъ этихъ стариковъ собрать и построить, и началъ съ ними простую бесѣду.

— „Вотъ, братцы, получилъ отъ васъ тайное письмо, гдѣ сказано, что вы, будто, въ обозъ проситесь, потому, дескать, что мы, молъ, многосемейные и болѣзные, а молодымъ бы служить вмѣсто насъ. Понятно, что кто нибудь изъ васъ это писалъ. Подумывалъ я и самъ завести такую очередь; но вамъ то зазорно этого желать. Что же,—мы будемъ воевать, а вы на печкѣ лежать? Развѣ на это присягали? Не совѣстно вамъ будетъ передъ товарищами?“

Говорилъ это я языкомъ, но въ сердцѣ у меня самаго, глядя на этихъ „старичковъ“, поднимался протестующій голосъ: какіе это воины? Тульскіе заводскіе рабочіе, у которыхъ еще дома, при каторжномъ заводскомъ трудѣ, давно уже слетѣла съ лица краска жизни; а теперь—хилые, болѣзненные, надломленные непосильнымъ трудомъ... Конечно, ихъ надо будетъ пристроить въ обозѣ. Что съ того, что самъ я не додумался, что мнѣ это подсказано анонимнымъ письмомъ...

— „Ну выходи впередъ, кто холостой, али вдовый“...

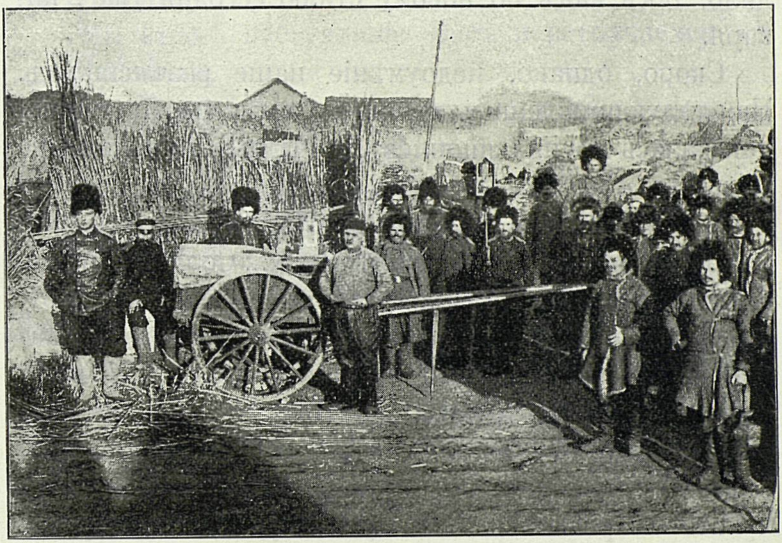
Не выходитъ никто.

— „Что же, значитъ,—безпремѣнно у каждаго жена есть?“

— „Такъ точно, Вашесокоблагородіе, семейные мы, жена—дѣтки“, отвѣчаютъ нерѣшительно изъ различныхъ мѣстъ фронта.

Поговорилъ еще съ ними и распустилъ съ миромъ; даже стыдить ихъ сильно было совѣстно. Объявилъ имъ, что тотъ, кто писалъ письмо избралъ путь воровской и незаконный.

Черезъ нѣсколько дней отправился посмотрѣть жизнь и службу нестроевой роты и обоза II разряда,

Нестроевая рота (обозъ) подъ Мукденомъ.

расположенныхъ подъ Мукденомъ на правомъ берегу Хуньхе. Я увидѣлъ здѣсь совершенно противоположную картину тому какъ живется у насъ въ окопахъ, между жизнью и смертью, или даже въ подземельяхъ, также подверженныхъ артиллерійскому огню.

Приказалъ намѣтить очередь постепенной замѣны обозныхъ и скотниковъ „старичками“ 1887 года.

20 декабря. Сегодня, поздно вечеромъ, въ окопахъ

подъ Линшинпу замѣтно было, что у японцевъ творится что-то необычайное: виднѣются флаги, слышны пѣсни, крики „банзай“. Гадалъ и гадалъ,— что бы это значило; и рѣшилъ, что вѣдь это новый годъ у японцевъ, придерживающихся западноевропейскаго новаго стиля—хотя на день не выходило, такъ какъ по новому стилю сегодня уже 2 января.

Скоро, однако, недоумѣніе наше разъяснилось. На слѣдующій день у крайней фанзы въ Линшинпу показалась группа японцевъ, начали махать чѣмъ-то бѣлымъ; обычная ружейная перестрѣлка немного стихла на нашемъ фронтѣ; выбѣжалъ впередъ японецъ шаговъ на 50, воткнулъ палку... Солдаты крайне заинтересовались и прекратили совершенно стрѣльбу. А японецъ сталъ быстро привязывать къ палкѣ какой-то предметъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ понеслась плохая ракетка и что-то шлепнулось въ разстояніи около сотни шаговъ отъ нашего окопа. Солдаты до такой степени забылись, что съ разныхъ пунктовъ бросились къ тому мѣсту, гдѣ шлепнулась ракетка, оставивъ даже винтовки на своихъ мѣстахъ. Во все это время съ обѣихъ сторонъ, точно по взаимному соглашенію, перестрѣлка совершенно прекратилась. Едва лишь солдаты схватили брошенный предметъ и добѣжали до окопа, какъ снова затрещала перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ.

Оказалось, что ракетой японцы бросили намъ коробку изъ рыбныхъ консервовъ, въ которой находилась пачка открытокъ, на которыхъ изображено, какъ наши офицеры проводятъ хорошо время въ плѣну, а также особая прокламація слѣдующаго содержанія.

„Милостивые Государи.

„Честь имѣетъ извѣстить о томъ что вчера все Портъ-Артуръ папалъ къ нашей рукѣ и ген. Стессель уже сдался къ намъ.“ „Такъ какъ мы думали, что Вы будете разочарвться“. Если имѣете храбрость который желать сраженіе, то когда нибудь затѣвайте наступленіе.

„Мы ждемъ наступленіе Васъ и встрѣчаемся съ вдовльствіемъ.

„Въ концѣ желаемъ Вашихъ здоровія дѣйствующая японская армія“.

Января 2 1905 года.

Декабря 20 1994 года.

Итакъ, значитъ,—пѣсни, крики „банзай“ и оживленіе, которыя доносились къ намъ со стороны японцевъ, были вызваны паденіемъ Портъ-Артура. Замѣчательно тутъ вотъ-что: сколько извѣстно, капитуляція о сдачѣ Портъ-Артура была подписана *около полудни* 20-го, а *къ вечеру того же дня* объ этомъ событіи зналъ уже послѣдній солдатъ японскій въ наиболѣе отдаленныхъ передовыхъ окопахъ. А между тѣмъ, у насъ самъ главнокомандующій бывалъ иногда плохо освѣдомленъ о томъ, что дѣлается въ боевыхъ линіяхъ, въ то время, когда самъ онъ находился тутъ же, въ близкомъ сосѣдствѣ, на линіи резервовъ.

Вмѣстѣ съ вѣстью о паденіи Артура появились признаки тревожнаго настроенія въ нашихъ ближайшихъ тыловыхъ учрежденіяхъ, которыя до сего времени находились внѣ сферы артиллерійскаго огня, а теперь въ перспективѣ сталъ рисоваться грозный призракъ японской дальнобойной осадной артиллеріи.

Это тревожное настроеніе замѣтно сквозило въ различныхъ, письменныхъ даже, распоряженіяхъ, въ которыхъ похоронными memento звучала погребальная фраза „въ виду паденія Артура и скораго появленія у японцевъ противъ нашего фронта 11 дюймовой осадной артиллеріи“... и т. д. Непонятно, къ чему нужны были эти напоминанія для тыла, когда тамъ и безъ того немножко нервничали, именно въ виду этихъ 11 дюймовокъ:—„Вѣдь отъ этихъ чудовищъ никуда не укроешься“, твердили въ штабахъ, напоминая случай съ Р. И. Кондратенко, котораго 11 дюймовая бомба настигла черезъ толстые цементные своды каземата...

22 декабря. Приближаются рождественскіе праздники, а въ то же время подошло время нашей смѣны изъ окоповъ подъ Линшинпу. Доблестно и весьма дѣятельно отбылъ Псковскій полкъ своею вторую 3-хъ недѣльную очередь подъ Линшинпу. За это время въ полку у меня появилось новыхъ 19 георгіевскихъ кавалеровъ, досталось и офицерамъ 8 боевыхъ наградъ. А самое главное—это то, что за эти три недѣли псковцы подъ Линшинпу завоевали новую позицію въ самомъ селеніи, оттѣснивъ японцевъ на самую южную окраину селенія.

22-го декабря мы были смѣнены 9-мъ Ингерманландскимъ полкомъ, вышли изъ окоповъ-катакомбъ на свѣтъ Божій и перешли въ землянки подъ с. Уенченпу, гдѣ начали готовиться къ встрѣчѣ рождественскихъ праздниковъ,—занялись даже устройствомъ солдатскаго спектакля. Репетиціи и спектакль разыгрываются ежедневно подъ аккомпаниментъ артиллерійской перестрѣлки, подчасъ довольно жестокой, причемъ японскія бризантныя гранаты рвутся

иногда въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ нашего театра-шатра...

Такъ-то мы и живемъ между великимъ и смѣшнымъ.

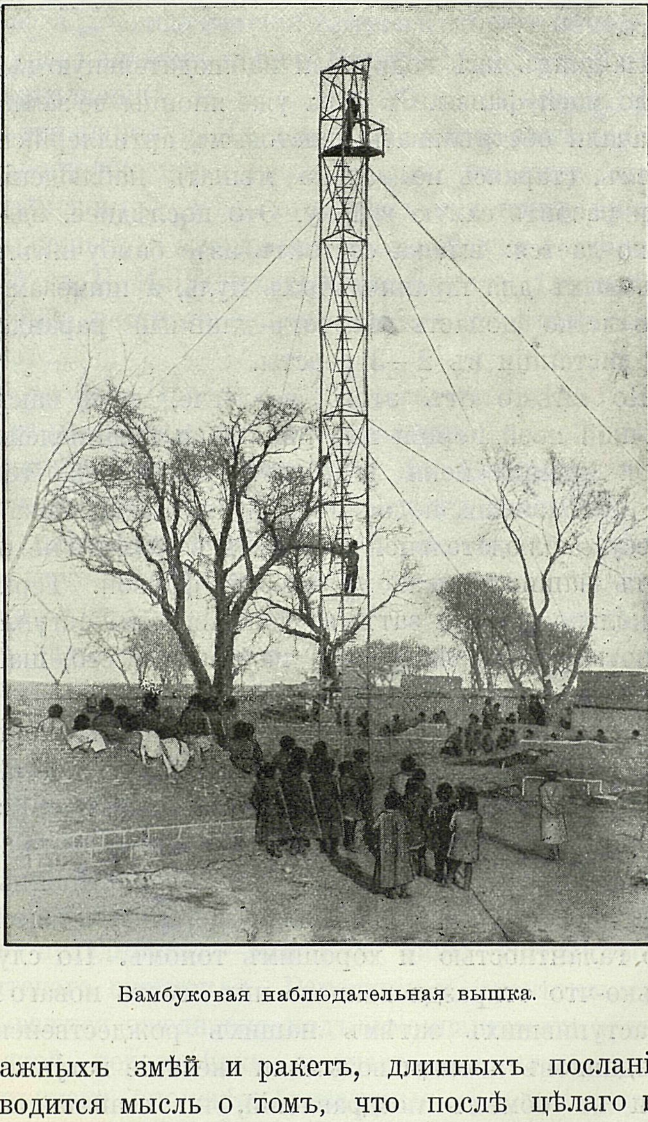
На-дняхъ мнѣ водрузили наблюдательную вышку около моей фанзы. Съ утра уже японцы ее замѣтили и начали обстрѣливать неистовымъ артиллерійскимъ огнемъ, стараясь не только мѣшать наблюденіямъ, но и разбить самую вышку. Это послѣднее, однако, плохо дается: вышка состоитъ изъ бамбучинъ, неуязвимыхъ для шрапнельныхъ пуль, а шимозами не такъ легко попасть въ этотъ длинный карандашъ, при дистанціи въ 2—3 версты.

Но мнѣ-то отъ этого не легче, такъ какъ къ обычной моей порціи изъ шимозъ и шрапнелей, которой японцы меня угощаютъ ежедневно, теперь еще прибавилась новая порція, предназначаемая по адресу наблюдательной вышки: всѣ промахи не брезгаютъ нашимъ бивакомъ и моей фанзой. Терпѣлъ нѣсколько дней, а затѣмъ, дождавшись наступленія темноты, перенесли вышку на новое мѣсто, шагахъ въ 100—150 отъ нашего бивака.

На слѣдующій день, однако, появилась еще одна наша вышка, чугунная складная, которую поставили между Уенченпу и Кудязой; такъ что и съ этой стороны перелеты попадаютъ на нашъ бивакъ...

Передъ праздникомъ подъ Линшинпу. Японцы въ послѣднее время положительно щеголяютъ изысканною галантностью и хорошимъ тономъ. По случаю только-что отпразднованнаго ими своего новаго года и наступившихъ затѣмъ нашихъ рождественскихъ праздниковъ японцы возымѣли желаніе вступить съ нами въ обмѣнъ поздравленій, но взаимности съ

нашей стороны не встрѣтили. Въ брошенныхъ намъ на передовой позиціи подъ Липшинпу, посредствомъ

Бамбуковая наблюдательная вышка.

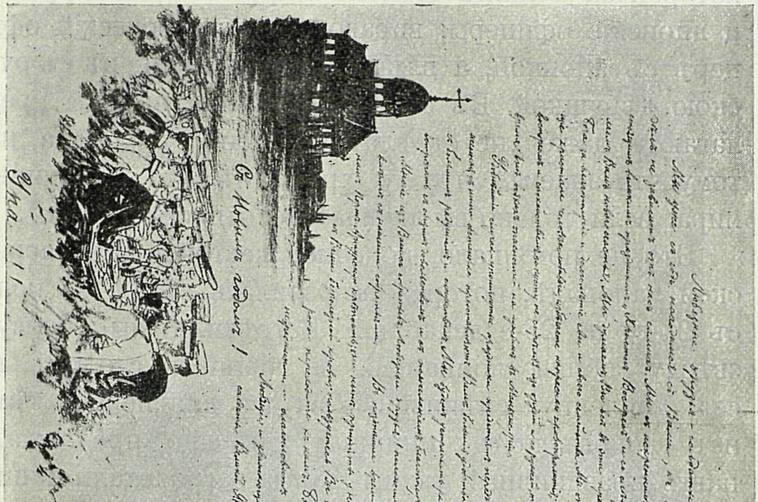
бумажныхъ змѣй и ракетъ, длинныхъ посланіяхъ проводится мысль о томъ, что послѣ цѣлаго года

войны пора заключить миръ, а потому... „сдайтесь вы нашей арміи“. Русско-японское сближеніе изображено аллегорически такъ: нарисована елка, около которой за общимъ столомъ пируютъ вмѣстѣ русскіе и японскіе офицеры; вправо танцуютъ русскій офицеръ съ японкой, а влѣво японскій офицеръ съ русскою дѣвушкой. Въ своемъ посланіи японцы предлагаютъ даже „не стрѣлять въ день Рождества, потому что знаемъ, что у христіанъ это праздникъ мира, если только вы первые не откроете огонь“.

Это не помѣшало, конечно, жестокой артиллерійской канонадѣ, которая разразилась въ ту же ночь, съ 24-го на 25-е декабря... Встрѣтили мы „первую звѣзду“ общею компаніей, за общимъ столомъ въ сел. Уенченпу, смѣнившись за два дня передъ тѣмъ изъ окоповъ подъ Линшинпу; мы еще продолжали нашъ праздничный ужинъ, когда загрохотали пушки на нашемъ лѣвомъ и правомъ флангахъ. Откликнулась и ружейная перестрѣлка на нашемъ лѣвомъ флангѣ, распространяясь дальше на востокъ и югъ. Хотя мы уже достаточно привыкли,—даже и при нашемъ „мирномъ“ положеніи,—къ почти неумолкаемой ружейной и частой артиллерійской перестрѣлкѣ, но разразившаяся неожиданно въ ночную пору грозная артиллерійская пальба, точно въ насмѣшку сентиментальному предложенію японцевъ, вселяла невольно тревожныя опасенія: а вдругъ японцы избрали именно эту ночь для своего наступленія, зная, что наша бдительность можетъ быть до нѣкоторой степени парализована праздничнымъ настроеніемъ...

Ужинъ свой мы все-таки кончили по положенію, и затѣмъ вышли за ворота нашей фанзы, гдѣ вдали.

среди непроглядной тьмы, безпрерывно вылетали въ мѣстахъ расположенія нашей артиллеріи огненные

Снимокъ съ японской прокламаціи.

шары, тонувшіе тутъ же въ густомъ мракѣ, разсыпаясь на сторонѣ японцевъ мелькавшими огненными змѣйками шрапнельныхъ разрывовъ. Недолго про-

должалась эта стрѣльба, болѣе грозное по картинности зрѣлище въ темную ночь, чѣмъ по своему разрушительному дѣйствію. На нашъ огонь японцы почти не отвѣчали вовсе, и скоро вся эта грозная канонада, постепенно затихая, замолкла окончательно около полуночи.

На повѣрку оказалось, что всю эту тревогу натворилъ подпоручикъ П—въ, который со взводомъ горныхъ пушекъ поставленъ въ такъ называемомъ капонирѣ, передѣланномъ изъ кирпичеобжигательной печки: ночью ему померещилось въ темнотѣ „наступленіе японцевъ“, и онъ открылъ пальбу изъ своихъ пушекъ, которую, какъ водится, сейчасъ-же поддержали дежурныя батареи справа и слѣва; и разлилась тревога по всей линіи. Но, какъ мнѣ кажется,— японская артиллерія на нашемъ фронтѣ въ эту ночь положительно не стрѣляла: въ виду присланной прокламаціи я изъ любопытства сосредоточилъ на это обстоятельство особенное вниманіе. А впрочемъ, японцы, вообще, прибѣгали крайне рѣдко къ артиллерійской стрѣльбѣ ночью.

Вообще, въ послѣднее время обѣ стороны проявляютъ нѣкоторую нервозность, относясь съ недовѣріемъ къ установившемуся затишью, взаимно ожидая нападенія со стороны противника. Это и понятно, если вспомнить, что это затишье,—вѣрнѣе сказать отсутствіе всеобщихъ крупныхъ боевъ,—продолжается уже почти 2½ мѣс., а наступившіе теплые дни манятъ, соблазняютъ перейти къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ.

Шумно и весело отпраздновали мы Рождественскіе праздники, а затѣмъ и наступившій Новый Годъ, глубоко вѣруя въ наступленіе и для насъ новыхъ лучшихъ дней,—послѣ пережитого длиннаго ряда горькихъ испытаній и жестокихъ ударовъ судьбы.

ГЛАВА VI.

Третья Линшинпу, Инкоу, Сандепу.

Набѣгъ на Инкоу. Подготовка новаго наступленія. Что значитъ защитный цвѣтъ. Свѣдѣнія о противникѣ. Приказъ по III арміи какъ характеристика умственной слѣпоты нашего солдата. Характеристика и видъ японскихъ позицій съ воздушнаго шара. Тактическіе пріемы японцевъ. *Сраженіе у Сандепу*: идея новаго наступленія; положеніе II арміи передъ наступленіемъ; числительность сторонъ; планъ атаки; поддержка этой атаки нашимъ артиллерійскимъ огнемъ; неумѣстная организація подчиненности артиллеріи; моя вольная развѣдка Сандепу; ходъ сраженія; печальный результатъ; оффиціальное объясненіе причинъ новой неудачи. Смѣна и возвращеніе въ Уенченпу.

Начало второго года войны ознаменовалось горькими для насъ разочарованіями въ виду неудавшейся важной операціи — набѣга ген.-адъют. Мищенко на Инкоу.

Въ чемъ дѣло, никто толкомъ не зналъ въ первое время; лишь къ первыхъ числахъ января извѣстно стало, что предпринимался грандіозный кавалерійскій набѣгъ на тылъ японцевъ, въ Инкоу, но вся эта операція закончилась мыльнымъ пузыремъ,— если не считать сотню-другую убитыхъ и раненыхъ, да горькое сознаніе, что самая обыкновенная задача кавалерійскаго набѣга оказалась не по силамъ для

нашей боевой подготовки,—несмотря на подавляющее превосходство по числительности нашей конницы, и несмотря на массу другихъ обстоятельствъ, которыя, повидимому, складывались вполнѣ благопріятно для нашего успѣха.

Въ дѣйствительности, однако, вся затѣя кончилась ничѣмъ, и—„гора родила мышь“.

Самъ я въ набѣгѣ на Инкоу не участвовалъ; поэтому не буду входить въ подробности описанія этой операціи, а упомяну лишь о томъ, что въ этомъ рейдѣ коснулось моего полка, и что я внесъ въ свой дневникъ со словъ участниковъ, дѣлившихся со мною своими впечатлѣніями, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ этого печальнаго „наполза“,—какъ въ шутку нѣкоторые остряки назвали медленно поспѣшавшій набѣгъ на Инкоу.

Какъ сказано, вся задуманная операція съ набѣгомъ на Инкоу держалась въ строгомъ секретѣ. Тѣмъ не менѣе, еще во время Рождественскихъ праздниковъ до меня доходили смутные слухи о предпринимающемся рейдѣ въ тылъ японцевъ, со стороны нашего праваго фланга. Упоминаю объ этихъ слухахъ лишь для того, чтобы констатировать, что даже при такой операціи, которая должна имѣть характеръ *вспышки*, гдѣ успѣхъ обусловливается прежде всего быстротой и неожиданностью — намъ все же плохо удавалось сохраненіе въ тайнѣ задуманной операціи. Смутные слухи о набѣгѣ докатились до меня,—хотя я вѣдь никого не разспрашивалъ; значитъ возможно, что слухи эти дошли и до другихъ; возможно также, что узнали и китайцы о собирающемся конномъ отрядѣ въ *восемдесятъ* сотенъ и эскадроновъ; а тогда и для японцевъ не много потре-

буется сообразительности, чтобы догадаться о цѣли сосредоточенія такой массы кавалеріи.

Впрочемъ, теперь уже извѣстно, что рейдомъ ген.-адъют. Мищенко японцы были застигнуты совершенно врасплохъ; но—можетъ быть не потому, что японцы прозѣвали сборъ и приготовленіе коннаго отряда для набѣга, а потому, что, видя огромные таборы кавалеріи съ тысячами неуклюжихъ вьюковъ,—ни одному кавалеристу не могло прійти въ голову, что это готовится молніеносный набѣгъ на глубокій тылъ противника...

Еще въ ноябрѣ главнокомандующему была подана записка о своевременности произвести набѣгъ на тылъ японцевъ, чтобы хоть какъ нибудь использовать наше огромное превосходство въ численности кавалеріи. Какъ водится, записка была, въ концѣ-концовъ, пришита къ дѣлу, дополненная надписью „читалъ". Послѣ паденія Портъ-Артура поступила новая записка ген.-м. Флуга о необходимости произвести набѣгъ, съ цѣлью взорвать желѣзнодорожный мостъ у Хайчена и, такимъ образомъ, замедлить присоединеніе арміи Ноги и подвозъ осадныхъ орудій изъ-подъ Артура для усиленія японскихъ армій, дѣйствовавшихъ на Шахе.

Вмѣсто того, чтобы безъ лишнихъ разсужденій бросить на-легкѣ нѣсколько сотенъ по указанному направленію, началась переписка — безъ этого, конечно, никакъ нельзя; потомъ сборы, потому что не надѣялись, вѣроятно, на искусство, и хотѣлось успѣхъ дѣла обезпечить *массой*: собрали отрядъ въ *69 сотенъ и эскадроновъ, 4 конно-охотничьихъ команды и 22 орудія*. Мало того, отряду придали еще грандіозный таборъ въ *полторы тысячи* вьюковъ, не-

смотря на то, что предстояло движеніе по мѣстности весьма густо населенной и чрезвычайно богатой запасами всякаго рода.

Несмотря на собственныя внушительныя силы этого отряда, 28 или 29 декабря потребовали еще отъ нашего корпуса высылки конно-охотничьихъ командъ, навстрѣчу возвращающемуся отряду ген.-адъют. Мищенко, — чтобы принять его на себя, въ случаѣ преслѣдованія противника.

Завѣдывающій охотничьей командой Псковскаго полка Шт.-кап. В—и назначенъ былъ начальникомъ сводной команды отъ дивизіи, которой (т. е. командѣ) указано было присоединиться къ Ляохейскому отряду ген.-м. Коссаговскаго.

Впослѣдствіи оказалось, что весь этотъ отрядъ, самъ по себѣ достаточно сильный, располагавшій 11 сотнями и 4 ор., показался все-таки главнокомандующему не вполнѣ надежнымъ, чтобы принять на себя отрядъ ген. Мищенко, и былъ поэтому усиленъ еще восемью охотничьими командами.

Получилось слѣдующее: отступаетъ сильный отрядъ ген. Мищенко *въ 7 тысячъ* челов., которому никто не угрожаетъ; но для принятія его выдвигается подстава изъ отряда ген. Коссаговскаго, а сему послѣднему еще подстава изъ 8 охотничьихъ командъ...

Словомъ, приготовленій и антуража около этого набѣга было—тьма, а результаты оказались крайне микроскопичными.

Ограничиваюсь этими нѣсколькими строками, о выходящемъ изъ ряда вонъ—по своимъ отрицательнымъ качествамъ—кавалерійскомъ набѣгѣ, не желая вдаваться въ подробное изслѣдованіе причинъ постигшей насъ новой неудачи. Обиднѣе всего то, что

лихостью и беззавѣтной удалью—главныя условія, необходимыя для успѣха подобныхъ набѣговъ—преисполнены были всѣ участники этой операціи; начальникъ отряда, ген.-адъют. Мищенко, всѣмъ своимъ боевымъ curriculum vitae доказалъ, что онъ внѣ какихъ бы то ни было упрековъ въ нерѣшительности характера, или недостаткѣ отваги (—банальны и наивны объясненія этой неудачи тѣмъ, что ген. Мищенко „не кавалеристъ“: если бы все дѣло сводилось только къ краснымъ рейтузамъ, тогда задачу кавалерійскихъ набѣговъ можно было бы признать вполнѣ несложной). А все же насъ постигла неудача, притомъ въ такомъ предпріятіи, гдѣ все намъ благопріятствовало и обѣщало успѣхъ.

Какъ бы то ни было, а вотъ что напрашивается на сопоставленіе: въ началѣ 80-хъ годовъ мы съ храброй рѣшительностью мирнаго времени однимъ махомъ похерили всю нашу кавалерію, обративъ всѣхъ въ драгуны и основавъ идею всей обороны нашей западной границы на „наводненіи“ всей Германіи нашими драгунами и казаками, съ цѣлью помѣшать мобилизаціи и стратегическому развертыванію германской арміи. Если эта задача оказалась не по плечу нашей кавалеріи на широкомъ просторѣ въ Маньчжуріи—гдѣ намъ не мѣшали ни мѣстность, ни населеніе, ни войска противника,—которыя почти совершенно отсутствовали въ районѣ набѣга,—то въ какомъ положеніи очутились бы наши драгуны и казаки при своемъ набѣгѣ въ Германіи, покрытой густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній, испещренной укрѣпленными пунктами и наводненной собственной кавалеріей и другими войсками?...

Мы хорошо сдѣлали, что хоть теперь, четверть вѣка спустя, отказались отъ химеричной фантасмагоріи, и воскресили прежнюю кавалерію.

Подготовка новаго наступленія. 5 января я былъ вызванъ въ штабъ дивизіи; причемъ мнѣ объявлено было подъ строгимъ секретомъ, что 12 января II-я армія переходитъ въ наступленіе, а вслѣдъ затѣмъ начнетъ наступленіе и III-я армія. На этомъ основаніи мнѣ приказывается занять съ полкомъ окопы подъ Линшинпу, и смѣнить 9 Ингерманландскій полкъ; хотя очередь и не намъ теперь для занятія окоповъ, но—въ виду того, что мы считались лучше другихъ оріентированными въ районѣ Линшинпу,—признавалось болѣе соотвѣтствующимъ при переходѣ въ наступленіе, имѣть Псковскій полкъ въ первой линіи.

Согласно диспозиціи, при предстоящемъ наступленіи, я съ 6 баталіонами (4 б-на Псковскаго и 2 б-на Новоингерманландскаго полка) долженъ аттаковать Линшинпу, а также японское укрѣпленіе № 5 и рядъ окоповъ между ними, къ западу отъ Линшинпу. Въ тотъ же день я отправился въ окопы, чтобы разсмотрѣть хорошенько японскія позиціи и всю зону нашего движенія въ атаку. Все это, конечно, не разъ уже разсматривалось въ бинокль; но теперь предстояло разсматривать это не въ качествѣ наблюдателя вообще, а съ вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія.

Однако, японцы тоже не такъ просты: какъ только я вылѣзалъ изъ окопа и брался за планшетъ, чтобы зарисовать то, что видѣлъ впереди — сейчасъ же около меня и находившагося со мною полковаго адъютанта, Пор. К—о, начинали завывать пули, близко-

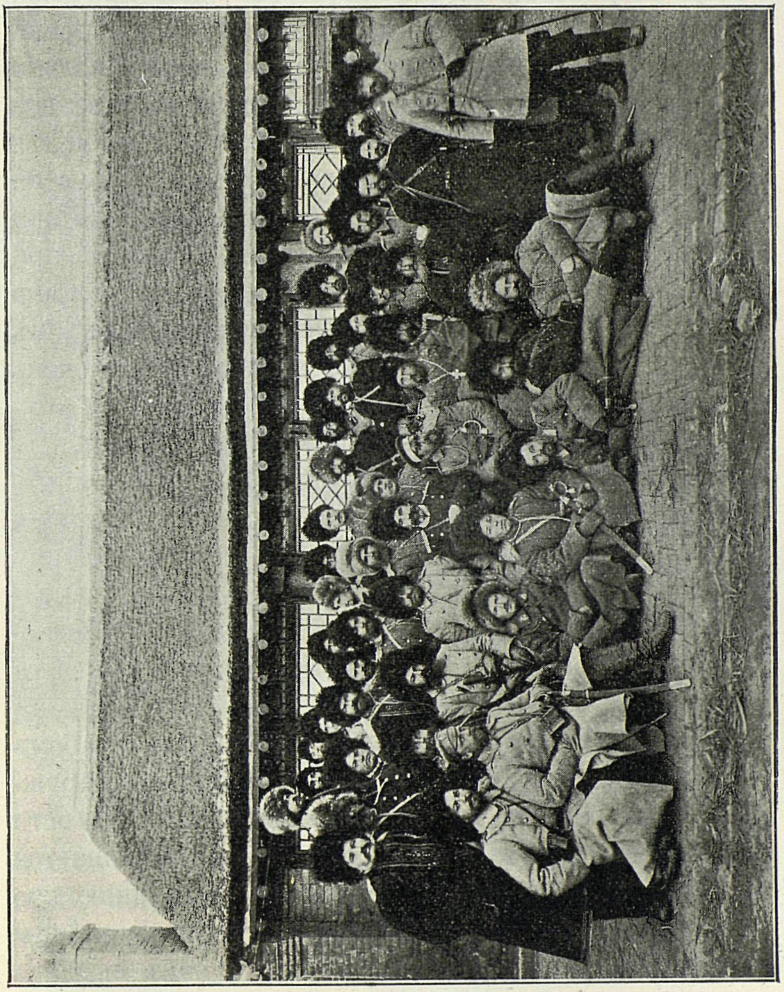
близко—очевидно, спеціально по нашему адресу, и приходилось соскакивать опять въ окопъ и довольствоваться биноклемъ черезъ бойницу, или высовываніемъ глазъ поверхъ гребня окопа.

Офицеры объясняли эту наблюдательность японскую моей черной папахой и, въ особенности, чернымъ (мѣховымъ) сюртукомъ, который обрисовывался весьма рѣзко при яркомъ солнцѣ на свѣтло-сѣромъ фонѣ равнины, отчасти запорошенной снѣгомъ. Слѣдуя добрымъ совѣтамъ товарищей, и убѣдившись по собственному опыту въ томъ, что моя папаха и черный сюртукъ являются отличной мишенью для японскихъ стрѣлковъ, я съ того дня замѣнилъ черный сюртукъ шинелью изъ солдатскаго сукна, предоставленной мнѣ Подполковникомъ С—мъ.

11 января. Опять мы въ окопахъ подъ Линшинпу, — хорошо знакомыя мѣста, такъ сильно увлажненныя нашей кровью... На сей разъ я уже знаю—какъ мнѣ сообщено начальствомъ, что на-дняхъ, или даже завтра, мы переходимъ въ наступленіе. Значитъ, возврата назадъ—нѣтъ, а впередъ и впередъ. На этомъ основаніи, наканунѣ вступленія въ окопы, мы отслужили молебенъ и снялись общей группой. За истекшія 2—3 недѣли люди отдохнули изрядно—насколько это возможно подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ. Были у насъ даже и театральныя развлеченія для нижнихъ чиновъ, оборудованныя солдатской труппой-любителей; театръ поставили вблизи бивака, а декораціи, костюмы и проч. были добыты и устроены нижними чинами и офицерами.

Вступивъ въ окопы, я принялся энергично за устройство блиндажа на днѣ окопа для меня лично;

этотъ блиндажъ долженъ служить мнѣ штабъ-квартирой, откуда я долженъ распоряжаться и руково-

Общая группа офицеровъ Псковскаго полка, послѣ укомплектованія офицерами, прибывшими изъ Россіи.

дить наступленіемъ ввѣренныхъ мнѣ частей. Такъ приказало начальство. Но какъ это будетъ на самомъ дѣлѣ я себѣ и представить не могу заранѣе.

Что я увижу, сидя въ блиндажѣ на днѣ окопа, т. е.—буквально въ завязанномъ мѣшкѣ?

12 января. Морозы крѣпнутъ со дня на день. Ночью доходитъ до—16°R; при этомъ еще, вопреки обыкновенію, морозъ часто сопровождается довольно сильнымъ вѣтромъ, играющимъ выпавшимъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ снѣгомъ. Тѣмъ не менѣе въ окопахъ морозъ, снѣгъ и вѣтеръ даютъ себя знать очень слабо. Но наступать намъ придется при трудныхъ условіяхъ. Намъ приказано принять при всѣхъ расчетахъ за норму, что къ пунктамъ атаки дойдетъ только *половина* войскъ, назначенныхъ въ атаку; и такой расчетъ нельзя признать даже очень осторожнымъ, такъ какъ, предполагаю, что будетъ очень хорошо, если на длину штыка дойдетъ къ противнику хоть одна четверть атакующихъ войскъ. Дѣйствительно: районъ нашего наступленія представляетъ собою гладкую, какъ столъ, равнину безъ малѣйшихъ закрытій; грунтъ мерзлый, неподдающійся для кирокъ и мотыгъ; такъ что расчитывать на устройство какихъ нибудь окоповъ, нечего и думать.

Изъ свѣдѣній о противникѣ, собранныхъ штабомъ главнокомандующаго, извѣстно, что японцы наружные скаты холмовъ на своихъ позиціяхъ и отлогости брустверовъ поливаютъ водою, которая обращается въ скользкую ледяную покатость, затрудняющую эскаладированіе. Подступы къ позиціямъ японцы устилаютъ сухой соломой, которая шумомъ выдаетъ движеніе по ней ночью.

Вообще, со стороны японцевъ видны безпрерывный трудъ, заботливость и вниманіе даже въ мелочахъ. А у насъ,—сколько понуканій требуется, что-

бы заставить людей поработать надъ углубленіемъ своихъ окоповъ, — что для самихъ нижнихъ чиновъ имѣетъ значеніе жизни и смерти. Начальникъ дивизіи по этому случаю весьма мѣтко охарактеризовалъ нашего солдата: — „даже смертельная опасность не заставитъ нашего солдата встрепенуться отъ лѣни и

„Театръ" подъ выстрѣлами. Въ первой линіи генералъ отъ кав. Бильдерлингъ, Н. А. Лухманова, ген.-м. Орловъ и др.

апатіи; не трогайте его, и онъ будетъ лежать апатично подъ пулями, пока убьютъ; но самъ онъ не подумаетъ сдѣлать что нужно для улучшенія своего положенія".

Но наилучшей характеристикой для умственной слѣпоты нашего солдата служитъ слѣдующій приказъ по Ш-ей арміи отъ 14 января за № 16, объявленный въ приказѣ по 17-му арм. корп., отъ 15 января за № 14.

„Нижніе чины не имѣютъ понятія о значеніи телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ и кабелей, преступно повреждая ихъ и прерывая тѣмъ сообщеніе между штабами и частями войскъ. Находили снопы гаоляна перевязанные телеграфнымъ кабелемъ. Необходимо разъяснить нижнимъ чинамъ, особенно находящимся въ обозахъ и различныхъ тыловыхъ учрежденіяхъ, какой вредъ причиняютъ они порчей телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ. Надлежитъ предупредить, что за порчу проводовъ по закону виновные подвергаются отвѣтственности весьма тяжкой“.

Вотъ ужасъ положенія! Наши собственные христолюбивые воины, наша надежда и опора, — они сами, въ критическую минуту, прерываютъ сообщенія и предаютъ насъ врагу! Не англичане, или американцы тамъ помогаютъ японцамъ, какъ пишутъ наши газеты, а наша умственная слѣпота и повальная неграмотность.

Повидимому, случаи вырѣзыванія телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ стали повторяться очень часто, если потребовалось объявить въ приказѣ по арміи. Командующій арміей пораженъ этимъ явленіемъ,—что „нижніе чины не имѣютъ понятія“ о такихъ вещахъ; но откуда имъ знать это, когда они также понятія не имѣютъ о томъ, что такое грамотность,—т. е. то, что для современнаго человѣка составляетъ такую же потребность въ жизни, какъ пища и воздухъ?

Никому, конечно, въ голову не придетъ, что солдатъ вырѣзываетъ провода со злымъ умысломъ. Еще задолго до этого приказа, въ началѣ октября, я самъ наткнулся въ полѣ, между Уенченпу и Кудязой,

на солдата, подвязывавшаго отвалившуюся рванную подметку къ рванному сапогу посредствомъ телефоннаго провода. Тутъ же, недалеко на деревѣ, болтался оборванный конецъ нашего телефоннаго провода, идущаго на осадную батарею. Въ первую минуту я такъ былъ пораженъ этимъ явленіемъ, что не могъ совладать съ собою. Но сейчасъ же убѣдился, что предо мною просто умственно-слѣпой человѣкъ, который не вѣдаетъ, что творитъ. Вспоминается разсказъ А. П. Чехова: темному мужичку понадобился болтъ, и онъ вывинчиваетъ его изъ рельса на сосѣдней желѣзной дорогѣ, вызывая крушеніе поѣзда; и затѣмъ недоумѣваетъ при допросѣ слѣдователя— въ чемъ его вина, что онъ взялъ болтъ на дорогѣ.

Да! Мы въ эту войну пожинаемъ то, что посѣяли...

Попавшіеся къ намъ въ послѣднее время японскіе плѣнные производятъ отличное впечатлѣніе—одѣты легко, и тепло; плащъ — изъ сѣраго верблюжьяго сукна чрезвычайно мягкой выдѣлки, а по вѣсу потребуется, по крайней мѣрѣ, *пять* такихъ плащей, чтобы составить вѣсъ одной нашей шинели. Одинъ изъ японскихъ плѣнныхъ, унтеръ-офицеръ пѣхотнаго полка, на вопросъ о томъ — желаетъ ли онъ вернуться къ своему полку, отвѣтилъ: „съ удовольствіемъ готовъ принять предложеніе, и еще разъ въ бою жертвовать жизнью за свое отечество. Со своей семьей я распрощался и погибъ для нея; моя жизнь всецѣло принадлежитъ отечеству, и сейчасъ очень несчастливъ тѣмъ, что я остался живъ“... поэтому просилъ дать ему возможность покончить жизнь самоубійствомъ.

По ночамъ японцы освѣщаютъ наши позиціи про-

жекторами, ожидая, повидимому, нашего перехода въ наступленіе.

Пристально всматриваясь и изучая японскія передовыя позиціи, которыя у насъ передъ глазами вотъ уже четвертый мѣсяцъ, нетрудно было уяснить себѣ общій характеръ и особенности занятія японцами впереди лежащихъ опорныхъ пунктовъ. Необходимо замѣтить, вообще, что вся мѣстность на нашемъ западномъ фронтѣ, отъ Мандаринской дороги до рѣки Хуньхе, отличается совершенно открытымъ, ровнымъ характеромъ. При обиліи здѣсь солнечныхъ дней зимой, и при яркости солнца, для глаза открывается обширный кругозоръ на далекомъ пространствѣ, значительно превышающемъ сферу дальняго орудійнаго выстрѣла даже современной дальнобойной артиллеріи. Не только то, что дѣлается на передовыхъ позиціяхъ, но и то, что происходитъ въ тылу, доступно наблюденію простымъ глазомъ; а при помощи хорошаго бинокля, и въ особенности съ наблюдательныхъ пунктовъ, можно заглянуть и въ глубокій тылъ. Такова обстановка, по крайней мѣрѣ у насъ, на участкѣ рѣки Шахе, къ западу отъ Мандаринской дороги.

При такихъ условіяхъ вся боевая жизнедѣятельность обѣихъ сторонъ протекаетъ или подъ покровомъ ночи, или въ нѣдрахъ земли, въ крытыхъ ходахъ сообщенія; малѣйшая оплошность или безпечность, — движеніе какой-нибудь части войскъ, обозовъ, хотя бы далеко въ тылу позицій, открыто при полномъ свѣтѣ,—сейчасъ же привлекаютъ вниманіе, а часто и огонь противника. Этой обстановкой и обусловливается характеръ расположенія японцевъ на передовыхъ позиціяхъ, въ томъ видѣ, какъ это

представляется намъ по крайней мѣрѣ: сознавая необходимость дать войскамъ отдыхъ въ виду мирнаго положенія въ теченіе продолжительной зимы, японцы отодвинули главную массу войскъ въ глубокій тылъ, занявъ передовыя позиціи сравнительно слабыми отрядами; а чтобы обезпечить себя отъ всякихъ случайностей и выиграть время для приближенія резервовъ, окружили свои окопы и опорные пункты нѣсколькими рядами искусственныхъ препятствій, среди которыхъ преобладаютъ, главнымъ образомъ, проволочныя сѣти и засѣки изъ срубленныхъ деревьевъ, обращенныхъ заостренными вѣтвями къ сторонѣ противника. Этими загражденіями прикрываются передовые окопы, составляющіе первую линію, отъ которой направляются ходы сообщенія къ ближайшимъ опорнымъ пунктамъ — селеніямъ, приведеннымъ въ оборонительное состояніе, полевымъ укрѣпленіямъ и т. п. На линіи этихъ опорныхъ пунктовъ располагаются и батарейные ложементы.

Судя по наблюденіямъ, такихъ батарейныхъ гнѣздъ у японцевъ нарыто много; можетъ показаться съ перваго взгляда, что и батарей у японцевъ понаставлено много; но въ дѣйствительности японцы держатъ въ первой линіи крайне ограниченное число орудій: одна и таже батарея, или даже полубатарея, перекочевываетъ изъ одного ложемента въ другой, являясь, такимъ образомъ, представительницей артиллерійскаго вооруженія обширнаго фронта, имѣя задачей нащупывать нашу артиллерію, или слѣдить за появленіемъ какихъ-нибудь новыхъ цѣлей. Особенно рѣзко это сказалось въ послѣдніе дни: ежедневно, обыкновенно послѣ полудня, пользуясь наиболѣе выгоднымъ для себя солнечнымъ освѣщеніемъ на-

шихъ позицій, японцы выпускаютъ по десятку выстрѣловъ по различнымъ, иногда удаленнымъ другъ отъ друга, направленіямъ, стараясь, очевидно, вызвать огонь и опредѣлить, такимъ образомъ, мѣсто нашихъ батарей.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, расположеніе японцевъ обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ: непосредственно передъ нами — небольшіе окопики на 10—15 человѣкъ каждый, въ которыхъ скрываются „секреты"; за ними, въ 200-400 шагахъ, — линіи окоповъ передовыхъ частей, прикрытыхъ искусственными препятствіями въ нѣсколько рядовъ; за этими окопами идетъ линія опорныхъ пунктовъ вперемежку съ окопами, батареями и укрѣпленіями, соединенными съ окопами передовыхъ частей крытыми ходами сообщенія. Все это вмѣстѣ образуетъ *первую* линію, представляющую собой, такъ сказать, передовую позицію, за которой слѣдуетъ рядъ другихъ позицій, служащихъ пріютомъ главныхъ силъ...

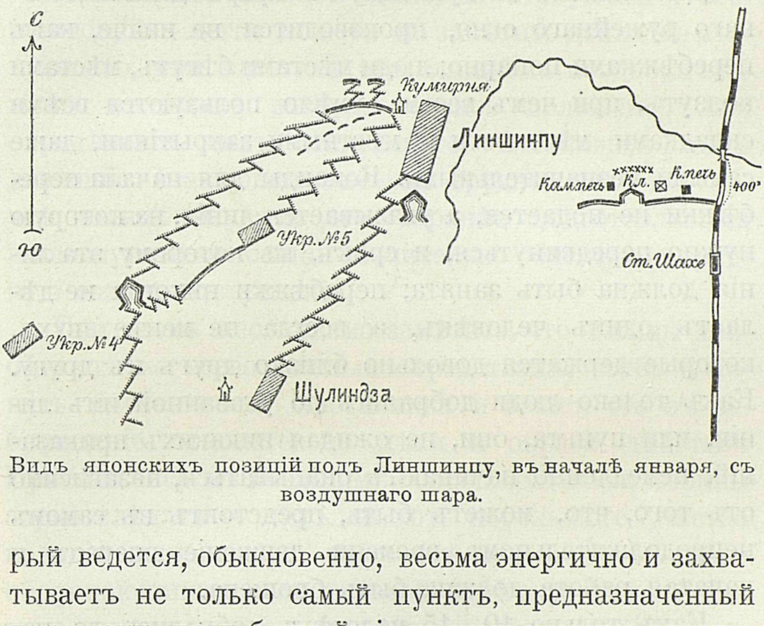
Атака такихъ позицій, принимая во вниманіе совершенно ровный, открытый характеръ мѣстности, будетъ неминуемо сопряжена съ огромными потерями. Не говоря уже про то, что самое движеніе впередъ по мѣстности, на которой нѣтъ ни лощинки, ни бугорка, на виду у противника, скрытаго и пристрѣлявшагося, повлечетъ за собой большія потери, — главное затрудненіе будетъ заключаться въ томъ, что при мерзломъ грунтѣ нѣтъ возможности укрыться отъ огня даже и послѣ достиженія цѣлей атаки. Впрочемъ, нѣтъ такого яда, противъ котораго не имѣлось бы противоядія...

Мы упражняемся ежедневно въ способахъ преодолѣнія искусственныхъ препятствій, въ рѣзаніи

проволочныхъ загражденій, бросаніи ручныхъ гранатъ и т. п.

Тактическіе пріемы японцевъ. Готовясь къ наступленію, мы старательно изучаемъ тактическіе пріемы нашего противника, которые, въ общемъ, заключаются въ слѣдующемъ *).

Выбравъ пунктъ для атаки, японцы приступаютъ къ подготовкѣ атаки артиллерійскимъ огнемъ, кото-

Видъ японскихъ позицій подъ Линшинпу, въ началѣ января, съ воздушнаго шара.

рый ведется, обыкновенно, весьма энергично и захватываетъ не только самый пунктъ, предназначенный для атаки, но и ближайшіе къ нему опорные пункты. Иногда артиллерійская подготовка ведется почти безъ перерывовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и огонь достигаетъ страшной силы, сметая на своемъ пути все живое и разрушая закрытія, за которыми укрываются защитники атакуемаго пункта.

*) Эти тактическіе пріемы были частію указаны изъ штаба главнокомандующаго.

Войска, предназначенныя для атаки, сосредоточиваются скрытно и, по возможности, ближе къ атакуемому пункту.

Наступленіе, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, производится безостановочно до дистанціи 1500—2000 шаговъ отъ атакуемаго пункта. Здѣсь боевой порядокъ останавливается, и резервы размѣщаются укрыто; цѣпь открываетъ огонь.

Дальнѣйшее наступленіе, въ сферѣ дѣйствительнаго ружейнаго огня, производится не иначе, какъ перебѣжками попарно; люди мѣстами бѣгутъ, мѣстами ползутъ, при чемъ весьма умѣло пользуются всѣми складками мѣстности и мѣстными закрытіями, даже самыми незначительными. Команды для начала перебѣжки не подается, а указывается линія, на которую нужно передвинуться, и срокъ, къ которому эта линія должна быть занята; перебѣжки никогда не дѣлаетъ одинъ человѣкъ, а всегда не менѣе двухъ, которые держатся довольно близко другъ къ другу. Какъ только люди добрались до указанной имъ линіи, или пункта, они, не ожидая никакихъ приказаній, немедленно начинаютъ окапываться, независимо отъ того, что, можетъ быть, предстоитъ въ самомъ непродолжительномъ времени движеніе впередъ и начатая работа должна быть брошена.

Какъ только 10—15 человѣкъ добрались до назначенной для занятія линіи и немного окопались на ней, сейчасъ же туда переносится ручной пулеметъ, и линія оказывается уже занятой довольно прочно, такъ что выбить оттуда противника — дѣло далеко не легкое. Такимъ образомъ, почти незамѣтно для обороняющагося, атакующій, цѣпляясь за каждую складку мѣстности, за каждый мѣстный предметъ,

шагъ за шагомъ продвигается впередъ; при чемъ главное вниманіе обращается на скрытность движенія и на прочное занятіе каждой пяди земли отнимаемой у обороняющагося; скорость движенія играетъ второстепенную роль. Иногда для прохожденія пространства въ 1500 — 2000 шаговъ употребляется 3—4 дня, при чемъ передвиженіе впередъ совершаются преимущественно ночью.

При такомъ способѣ дѣйствій атакующаго, обороняющійся легко можетъ не замѣтить движенія атакующаго, или замѣтитъ его слишкомъ поздно, и ставится въ самое затруднительное положеніе, при опредѣленіи силъ атакующаго. Остановить такое движеніе атакующаго весьма трудно; даже въ случаѣ полной неудачи его, заранѣе подготовленныя промежуточныя позиціи значительно облегчаютъ трудную задачу отступленія.

При этомъ необходимо замѣтить, что японцы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы обмануть бдительность противника и ввести его въ заблужденіе относительно цѣли и образа дѣйствій. Приближаясь къ позиціямъ обороняющагося, японцы зорко слѣдятъ — нѣтъ ли хоть небольшого участка позиціи или какого либо ложемента, не занятаго обороняющимся; если таковой замѣченъ ими, то они тихо переползаютъ, ставятъ пулеметы и возможно скорѣе стараются укрѣпиться тамъ и прочно засѣсть. Выбить ихъ изъ занятаго ими пункта бываетъ, обыкновенно, очень трудно и сопряжено это съ большими потерями.

Въ виду этого, какъ бы сильно ни обстрѣливался какой либо пунктъ или участокъ позиціи обороняющагося — его нельзя очищать, съ цѣлью занять,

когда огонь атакующаго ослабѣетъ, а необходимо оставлять хотя слабыя части для занятія этого обстрѣливаемаго участка, иначе онъ немедленно будетъ занятъ японцами, и выбить ихъ оттуда будетъ очень трудно.

При атакѣ, японцы не прекращаютъ обстрѣливаніе атакованнаго пункта артиллерійскимъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока тамъ не будетъ выставленъ японскій флагъ; при этомъ иногда снаряды попадаютъ въ свои атакующія войска, но на это никто не обращаетъ особеннаго вниманія.

Наиболѣе излюбленное японцами время для атаки — передъ разсвѣтомъ, ночью они подводятъ резервы и стараются продвинуться возможно ближе къ атакуемому пункту, а съ разсвѣтомъ открываютъ сильный артиллерійскій огонь и начинаютъ атаку.

Въ случаѣ ночныхъ атакъ, впереди штурмовой колонны идутъ три человѣка, хорошо изучившіе мѣстность, съ привязанными назади къ поясу фонарями.

Во всѣхъ бояхъ съ японцами у насъ былъ слишкомъ большой % убыли офицеровъ; для ослабленія этого зла признавалось необходимымъ, чтобы офицеры по костюму весьма мало отличались отъ нижнихъ чиновъ. У японцевъ офицеры, кромѣ сабли, отличаются отъ нижнихъ чиновъ только нашивками на околышѣ фуражки, что издали совершенно незамѣтно.

Для укрѣпленія позицій японцами обыкновенно вечеромъ подводились войска изъ ближайшихъ деревень, гдѣ они были расквартированы, размѣщались по траншеямъ и съ наступленіемъ темноты они приступали къ работамъ; съ разсвѣтомъ работы прекра-

щались и войска, работавшія ночью, отводились на отдыхъ въ деревни, гдѣ они были расквартированы; въ траншеяхъ оставалось сравнительно немного войскъ, но вполнѣ достаточно, однако, для обезпеченія ихъ отъ внезапнаго захвата обороняющимся.

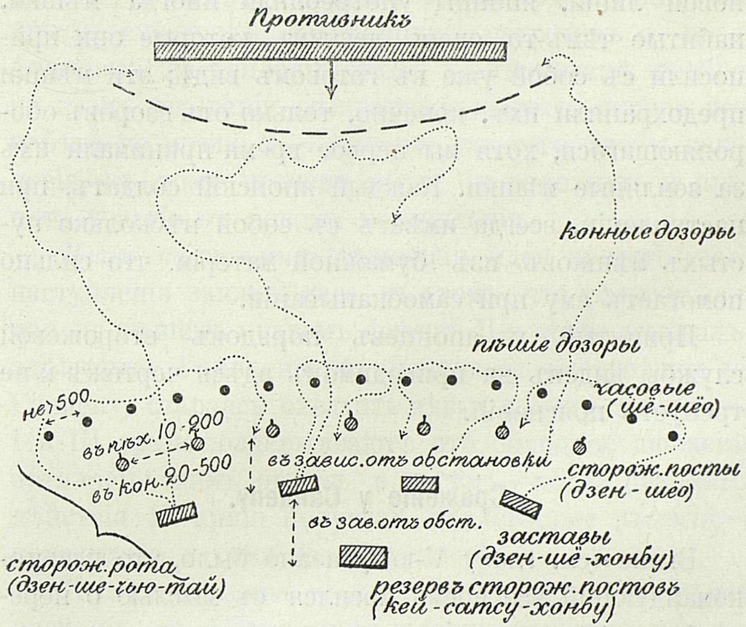

Схема сторожевой службы у японцевъ.

Успѣхъ работъ у японцевъ—поразительный; всѣ работы выполняются съ удивительною тщательностью и даже щеголеватостью; по тщательности отдѣлки многія работы напоминали учебныя постройки нашихъ саперъ во время лагерныхъ сборовъ. Вообще, саперное и войсковое окопное дѣло прекрасно поставлено въ японской арміи; любой солдатъ работаетъ не хуже нашего сапера.

Японцы, кромѣ обыкновенныхъ, употребляли еще

мѣшки изъ рогожи, сдѣланной изъ особаго сорта морской травы; мѣшки эти очень легки, прочны и по цвѣту совершенно не выдѣляются на фонѣ укрѣпленія.

Для маскировки своихъ работъ на какой либо новой линіи, японцы употребляли иногда мѣшки, набитые чѣмъ-то очень легкимъ, которые они приносили съ собой уже въ готовомъ видѣ; эти мѣшки предохраняли ихъ, конечно, только отъ взоровъ обороняющагося, хотя мы первое время принимали ихъ за земляные мѣшки. Каждый японскій солдатъ, при наступленіи, всегда имѣетъ съ собой нѣсколько пустыхъ мѣшковъ изъ бумажной матеріи, что сильно помогаетъ ему при самоокапываніи.

Принятый у японцевъ порядокъ сторожевой службы виденъ на приводимомъ здѣсь чертежѣ и не требуетъ поясненій.

Сраженіе у Сандепу.

Выше (см. главу V-ю) указано было, что главнокомандующій все время носился съ мыслью о переходѣ въ наступленіе противъ японцевъ: еще въ ноябрѣ получились разныя письменныя распоряженія главнокомандующаго, которыя часто начинались обѣщаніемъ: — „Въ виду предстоящаго перехода въ наступленіе“ и т. д.; причемъ, этотъ „предстоящій переходъ“ предполагался не когда-нибудь, а именно со дня—на день. Въ декабрѣ уже предписанія ген.-адъют. Куропаткина начинались часто фразой—„*при предстоящемъ* наступательномъ движеніи маньчжурскихъ армій“... и т. д.,—что указывало на еще большую близость наступленія. Тѣмъ не менѣе прошелъ

ноябрь, прошелъ декабрь, а мы все еще собирались только наступать.

Впрочемъ, въ концѣ декабря планъ новаго наступленія, повидимому, назрѣлъ окончательно—настолько, что, посылая ген.-адъютанта Мищенко въ набѣгъ на тылъ японцевъ, главнокомандующій открылъ ему подъ величайшимъ секретомъ о предстоящемъ наступленіи около 8—10 января, требуя, на этомъ основаніи, возвращенія коннаго отряда изъ набѣга не позже 2—3 января, для того, чтобы кавалерія къ тому времени могла бы отдохнуть и принять участіе въ новомъ наступленіи.

Планъ наступленія. Основная идея предстоящаго наступленія заключалась въ томъ, что расположенная на нашемъ правомъ флангѣ II-я армія генералъ-адъютанта Гриппенберга начинаетъ наступленіе на Сандепу, стараясь охватить лѣвый флангъ японцевъ; I и III армія поддерживаютъ это обходное движеніе артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ—когда обходныя дѣйствія II арміи получатъ надлежащее развитіе—переходятъ и сами въ наступленіе.

Такимъ образомъ — какъ и при наступательной операціи на Шахе — въ основу предстоящаго новаго наступленія вложена была крупная органическая ошибка: какъ при сентябрьскомъ наступленіи поддержка операцій Восточнаго отряда исчерпывалась только слабыми демонстративными дѣйствіями Западнаго отряда, такъ теперь—еще хуже того—предстояло наступленіе одной арміи, а другія двѣ должны были оставаться безучастными зрителями, ограничиваясь артиллерійскимъ огнемъ,—т. е. обычнымъ нашимъ времяпрепровожденіемъ.

Сраженіе подъ Сандепу не коснулось меня лично

и моего полка; но, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ райономъ дѣйствія подъ Сандепу, мы рефлексивнымъ образомъ испытали на себѣ, если можно такъ выразиться, конвульсивныя движенія этого кровопролитнаго сраженія. На моемъ участкѣ напряженность положенія давала себя чувствовать лихорадочностью оживленной перестрѣлки и увеличившимся числомъ ежедневной убыли убитыхъ и раненыхъ: были дни, когда, находясь въ окопахъ подъ Линшинпу — на мирномъ, такъ сказать, положеніи — у меня выбывало до 50—60 челов. убитыхъ и раненыхъ. И—это только благодаря участившемуся біенію боевого пульса въ близкомъ сосѣдствѣ.

Положеніе II-й арміи. 11 января закончилось развертываніе частей войскъ II-й арміи съ цѣлью занять исходное положеніе для предстоящихъ боевъ. Войска эти заняли слѣдующее положеніе: 10 арм. корпусъ расположенъ былъ на укрѣпленной позиціи отъ Гуцзяцзы до праваго фланга V Сиб. корпуса; на правомъ флангѣ 10 корпуса, до р. Хуньхе, расположена была 15 дивизія (8 корпуса); далѣе, на правомъ берегу р. Хуньхе, около Чжантаня, расположена была, 14 дивизія, поддерживавшая связь съ расположеннымъ по сосѣдству въ дер. Сыфантай, Ляохейскимъ отрядомъ. Конный отрядъ ген.-адъют. Мищенко находился у Тахуанчинпу; 1 сибирскій корпусъ, прибывшій лишь за два дня передъ тѣмъ изъ состава I арміи, находился у дер. Цьюто. Кромѣ того, въ резервѣ имѣлся еще сводно-стрѣлковый корпусъ, который расположенъ былъ у дер. Тиндя-Тяхе.

Всего, въ распоряженіи командующаго II арміей ген.-адъютанта Гриппенберга, имѣлось 120 баталіо-

новъ, 92 сотенъ и эскадроновъ и 440 орудій, численностью около 90.000 штыковъ и сабель.

Съ этими силами ген.-адъют. Гриппенбергъ долженъ былъ прежде всего овладѣть Сандепу — важный узелъ путей въ этомъ районѣ — и выиграть флангъ противника.

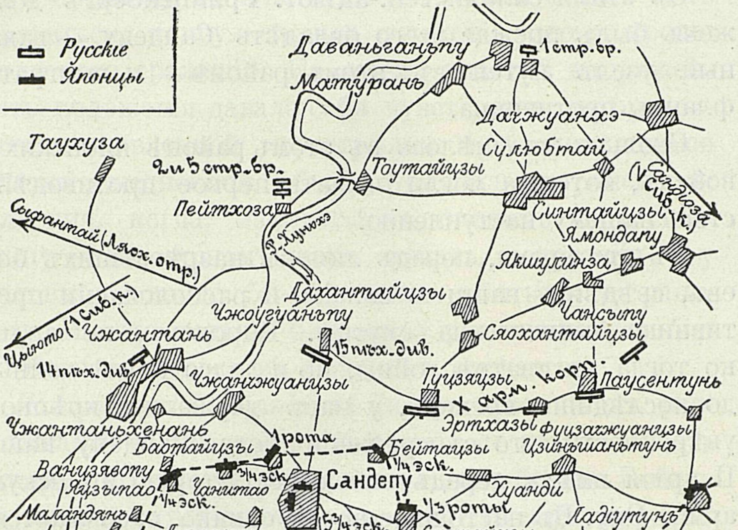
Сколько же имѣлось въ этомъ районѣ японскихъ войскъ, которыя могли оказать первое противодѣйствіе нашему наступленію?

Въ это время, передъ лицомъ назрѣвавшихъ боевъ, свѣдѣнія наши о силахъ и расположеніи противника были весьма смутны. Впрочемъ, не только тогда, на театрѣ войны, но и долго послѣ войны, до послѣдняго времени, у насъ держались крѣпкой увѣренности, что въ сраженіи подъ Сандепу наша II армія имѣла передъ собою всю вторую японскую армію Оку. Въ настоящее время, однако, оказывается, что къ полудню 13 января,—т. е. ко времени развитія наступательной операціи II арміи,—въ Сандепу и ближайшихъ селеніяхъ японскихъ войскъ имѣлось всего только: $4^2/_3$ *роты*, $7^3/_4$ *эскадроновъ*, *6 орудій*— *6 пулеметовъ*... *). Расположеніе этихъ войскъ приведено на помѣщаемой здѣсь схемѣ.

Согласно диспозиціи ген.-адъют. Гриппенберга ближайшей задачей наступленія было—„утверждаться первоначально въ районѣ между лѣвымъ берегомъ р. Хуньхе и дд. Бейтацзы, Хегоутай и Сяотайцзы". Для достиженія этой цѣли 1 сибирскій корпусъ, при со-

*) Согласно оффиціальнымъ японскимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ В. Ѳ. Новицкимъ изъ японскаго источника (См. брошюру В. Ѳ. Новицкаго—„Японцы о бояхъ у Сандепу"). Свѣдѣнія эти, однако, не согласуются съ другими оффиц. свѣдѣніями изъ японскаго же источника. (См. The Russo-Japanese war—official reports—vol. II, p. 50—55).

дѣйствіи коннаго отряда ген.-адъют. Мищенко и 14 пѣх. дивизіи долженъ атаковать японцевъ на фронтѣ

Положеніе сторонъ 11—13 января.

по линіи Чжантань-Хуаннотоцзы; 18 арм. корпусъ, совмѣстно съ 15 дивизіей, содѣйствуютъ этой атакѣ, поддерживая демонстративный артиллерійскій огонь (какая

тонкая демонстрація!) на фронтѣ Сандіоза-Чжаугуаньпу. Сводно-стрѣлковый корпусъ остается въ резервѣ.

Какъ уже сказано было, отъ сосѣднихъ войскъ III арміи требовалось оказать артиллерійскимъ огнемъ поддержку наступательнымъ дѣйствіямъ II арміи. Между тѣмъ, къ моему крайнему удивленію, когда я съ разсвѣтомъ 12 января выѣхалъ въ Кудяза, чтобы издали слѣдить за боемъ подъ Сандепу—у насъ по всему фронту была совершенная тишина; артиллерія наша безмолвствовала, несмотря на то, что на нашемъ правомъ флангѣ грохотала неумолкаемая канонада, указывавшая на начавшееся наступленіе войскъ II-й арміи. До сихъ поръ для меня остается необъяснимымъ — почему наша многочисленная артиллерія на фронтѣ 17 и 5 корпусовъ скромно молчала въ эти часы, когда должна была даже по собственному почину поддерживать наступленіе сосѣднихъ войскъ; а тѣмъ болѣе—когда этотъ огонь входилъ въ программу и указанъ былъ начальствомъ.

Тутъ сказалось нераціональное распоряженіе главнокомандующаго о подчиненности артиллеріи, которое намъ было объявлено дня за два передъ тѣмъ. До того времени артиллерія подчинялась обыкновенно начальникамъ участковъ, на которыхъ были расположены батареи. Подчиненіе это было, конечно, вполнѣ номинальное и заключалось лишь въ томъ, что если у противника неожиданно покажется выгодная цѣль, или потребуется подавить огонь какой нибудь назойливой японской батареи, причиняющей намъ потери, — то начальникъ участка предлагаетъ командиру батареи открыть огонъ по опредѣленной цѣли и съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. На моемъ участкѣ, такимъ образомъ, мнѣ подвѣдом-

ственны двѣ полевыхъ батареи; осадная батарея, хотя и расположена была на моемъ участкѣ, мнѣ подчинена не была, и огнемъ ея я могъ пользоваться не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника дивизіи. Все это совершенно понятно и цѣлесообразно, не требуя никакихъ поясненій.

Вдругъ, около 10 — 12 января, послѣдовало довольно странное распоряженіе: вся артиллерія, не исключая и полевой, изъята изъ вѣдѣнія начальниковъ участковъ и подчиняется единолично ген. Холодовскому (кажется), который одинъ только можетъ распоряжаться огнемъ артиллеріи. На фронтѣ въ 100 слишкомъ верстъ будетъ, такъ сказать, *одинъ* наводчикъ! Неудобство положенія сказалось, разумѣется, сейчасъ же: толпа японцевъ показалась среди бѣлаго дня на какихъ-то работахъ около укрѣпленія № 5, а наша батарея, пристрѣлявшаяся въ этомъ направленіи къ любой точкѣ, вынуждена молчать. Зазвонили мы во всѣ телефоны, разыскивая невидимаго начальника артиллеріи, чтобы онъ разрѣшилъ открыть огонь, — но гдѣ его найдешь? Да если бы и нашли — что онъ увидитъ черезъ телефонъ? А цѣль, конечно, давно уже скрылась. Такихъ возмутительныхъ казусовъ въ теченіе двухъ дней было нѣсколько. Должно быть по всему фронту начальники участковъ—какъ и я въ томъ числѣ—завопили неистово, и главнокомандующій поспѣшилъ отмѣнить это распоряженіе.

Тѣмъ не менѣе, свою долю вреда это распоряженіе принести успѣло: 12 января утромъ, когда артиллерія должна была стрѣлять — она безмолвствовала.

Такъ какъ самъ я не могъ удалиться дальше Кудязы, а хотѣлось знать какъ идетъ наше наступле-

ніе на Сандепу, то охотно согласился на просьбу двухъ моихъ офицеровъ, завѣд. охотничьей командой Шт.-Кап. В—и и Пор. Т—а, которые вызвались поѣхать на мѣсто боя добровольными корреспондентами. А чтобы они могли быть вполнѣ въ курсѣ всѣхъ событій, я предоставилъ имъ отъ моего имени обращаться къ командирамъ полковъ Житомирскаго и Подольскаго, полковникамъ К—чу и В—у, двумъ моимъ близкимъ товарищамъ, которые по диспозиціи должны были принять дѣятельное участіе въ наступленіи. Такимъ образомъ, я—точно собственными глазами—могъ слѣдить за ходомъ событій, происходившихъ на нашемъ правомъ флангѣ.

Общій ходъ сраженія. Не останавливаясь на подробностяхъ боевъ 12 января, ограничусь указаніемъ, что результаты этого дня оказались вполнѣ ничтожными: несмотря на слабое сопротивленіе, которое войска наши встрѣтили при наступленіи, II армія продвинулась своимъ правымъ флангомъ всего лишь на 3—4 версты. Благодаря такому вялому наступленію, японцы выигрывали время и начали энергичное сосредоточеніе войскъ къ угрожаемому району.

Съ такой же апатіей и вялостью велись наступательныя дѣйствія 13 января.

Войска наши въ это время занимали подъ Сандепу положеніе, показанное, приблизительно, на приводимой здѣсь схемѣ.

Къ югу еще находился конный отрядъ ген.-м. Мищенко. Сандепу, такимъ образомъ, было охвачено почти со всѣхъ сторонъ. Но почему-то никакъ не рѣшались на штурмъ этой деревни, несмотря на огромное превосходство въ силахъ. Увѣряли со всѣхъ сторонъ, что Сандепу страшно сильно укрѣплено; но

кто видѣлъ эти укрѣпленія? Что полки 14 дивизіи наткнулись на сильное сопротивленіе и понесли чувствительныя потери — да развѣ въ этомъ есть что нибудь неожиданное? Развѣ предполагали на войнѣ

Положеніе вечеромъ 13 января.

имѣть дѣло только съ обозначеннымъ противникомъ, какъ на маневрахъ?

Но приказано отступить, собраться съ новыми си-

лами и заняться подготовкой для новой атаки Сандепу. А пока... приказано отступить.

Поздно ночью вернулся мой лихой корреспондентъ, Шт.-Кап. В—и, и доложилъ мнѣ, между прочимъ, что по его наблюденіямъ на артиллерійскихъ позиціяхъ командиры батарей были совершенно не оріентированы относительно окружающихъ пунктовъ: одинъ батарейный командиръ, усердно обстрѣливая дер. Бейтацзы, увѣрялъ В—и, что онъ обстрѣливаетъ Сандепу. Покидая мѣсто боя, В—и видѣлъ, что Сандепу горитъ, что части 14 пѣх. дивизіи, занявшія было уже окраину Сандепу, опять очистили деревню. Я счелъ необходимымъ это послѣднее извѣстіе передать по телефону въ штабъ дивизіи, гдѣ въ это время находился и генералъ Бильдерлингъ. Сколько мнѣ извѣстно, свѣдѣніе это было передано, кажется, далѣе—въ штабъ главнокомандующаго. Тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, главнокомандующій былъ введенъ въ заблужденіе относительно взятія Сандепу, и 13 вечеромъ послалъ телеграмму Государю, что Сандепу взято; только на слѣдующій день, 14 января, ген.-ад. Куропаткинъ узналъ дѣйствительную обстановку, и долженъ былъ послать другую телеграмму Государю Императору съ опроверженіемъ собственнаго донесенія.

Фактъ этотъ достоинъ вниманія: командиръ полка, изъ другой арміи, вдали отъ мѣста сраженія, организовавъ развѣдку по вольному любопытству—въ критическую минуту, и по капитальному вопросу, былъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ самъ главнокомандующій.

Наступленіе кончилось. Съ 14 января наступательная операція уже пошла на убыль, а 15 января перешли уже къ отступленію и оборонѣ.

14 января. Морозы наступили убійственные,—притомъ еще при сильномъ вѣтрѣ. По ночамъ морозы доходятъ до 20° R. Войска II арміи сильно страдаютъ отъ холода. Грунтъ сковало какъ камень, и нѣтъ возможности укрыться какъ нибудь отъ убійственнаго огня японцевъ. Въ особенности страдаютъ отъ мороза раненые, которыхъ, какъ мнѣ передаютъ, появилось сразу очень много; а во II арміи санитарное начальство оказалось не на высотѣ задачи по эвакуаціи раненыхъ съ поля сраженія. Было много случаевъ замерзанія сравнительно легко раненыхъ, которые не могли собственными силами добраться до перевязочнаго пункта. Даже офицеръ одинъ, раненый не очень сильно въ обѣ ноги, замерзъ въ открытомъ полѣ, потому что его не успѣли убрать своевременно, а когда санитары вернулись къ нему—онъ оказался обобраннымъ, раздѣтымъ и замерзшимъ.

По всеобщимъ увѣреніямъ, у насъ подъ Сандепу замерзло до 800 человѣкъ. Впослѣдствіи, когда мы готовились къ сраженію подъ Мукденомъ, у насъ были приняты энергичныя мѣры къ оборудованію эвакуаціи раненыхъ вагонетками и теплыми вещами; но, къ несчастью, все это въ благоустроенномъ видѣ досталось японцамъ, и намъ пользоваться этимъ не пришлось.

Въ результатѣ у насъ подъ Сандепу 12,436 убитыхъ и раненыхъ, т. е. чуть ли не въ 5 — 6 разъ больше, по числительности, чѣмъ всѣ силы японцевъ, которыя мы имѣли передъ собою въ районѣ Сандепу около полудня 13-го января, въ разгаръ нашего наступленія!..

Что же это такое? Какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ нами въ эту злосчастную войну!..

Въ чемъ же причины нашихъ пораженій? Вотъ оффиціальное объясненіе — своего рода извиненіе — за постигшую насъ неудачу, которое было разослано въ войска вслѣдъ за окончаніемъ печальной операціи подъ Сандепу.

„Опытъ овладѣнія даже такимъ незначительнымъ пунктомъ какъ Хегоутай указалъ, что овладѣніе Сандепу можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если оно будетъ всесторонне подготовлено. Есть предѣлъ всякому геройству. Овладѣть безъ должной подготовки редюитомъ, въ которомъ высокая стѣна съ бойницами, глубокій ровъ и три ряда загражденій, нельзя, если противникъ храбро защищаетъ, имѣетъ хорошую эксипланаду, массу патроновъ, пулеметовъ и проч.

Прежде всего надо знать силу противника, ихъ расположеніе, дабы давать и своимъ войскамъ посильныя задачи.

Затѣмъ, чѣмъ противникъ сильнѣе укрѣпился и располагаетъ большимъ запасомъ техническихъ средствъ, тѣмъ большее превосходство въ силахъ мы должны имѣть для той или другой операціи. Но одного превосходства силъ мало: надо, чтобы мы собрали техническія силы и средства достаточныя, чтобы помочь войскамъ.

Войска должны знать, что отъ нихъ требуютъ, должны знать мѣстность, окружающую опорный пунктъ, подлежащій взятію, и имѣть планы опорнаго пункта. Для сего должны знать, какія препятствія встрѣтятъ и какія надлежитъ собрать средства для преодолѣнія этихъ препятствій.

Требуется не разрушеніе редюита, а систематическая подготовка путей для штурмующихъ колоннъ. Требуется пробитіе брешей, безъ этого штурмовать

нельзя безъ штурмовыхъ лѣстницъ. Надо готовить и эти лѣстницы, какъ подготовительное средство.

Надо для пробитія брешей и разрушенія препятствій сблизить нашу артиллерію съ цѣлью. За 6 верстъ 6 дм. снарядами можно пробить брешь случайно.

Русло ручья между Хуньхе и Бейтацзы, повидимому, можетъ служить ходомъ сообщенія. Надо, повидимому, на линіи Чжаньчжуанцза-Бейтацзы устроить опорный пунктъ и вооружить его орудіями (поршневыми и полевыми мортирами для пробитія брешей, для разрушенія мѣстныхъ загражденій, засыпки стѣнками рва и проч.). Мортиры, кажется, можно ставить прямо въ оврагѣ, приспособивъ таковой.

Для разрушенія проволочныхъ загражденій, повидимому, надо воспользоваться шестами съ привязанными къ нимъ пироксилиновыми шашками (до 20 фун.).

Войска, штурмующія, должны быть взяты изъ наиболѣе надежныхъ. Впереди — саперы, охотники. Масса вспомогательныхъ средствъ. Много гаоляна для засыпки рвовъ, надо скорѣе готовить больше мантелетовъ для прикрытія рабочихъ, кои будутъ разрушать препятствія.

Хороши и передвижные щиты. Каждый шагъ, который продвинемся, надо, продолжая продвигаться впередъ, закрѣплять за нами.

Противникъ храбръ и многочисленъ. Контръ-атаки будутъ отчаянныя. Наступленіе должно имѣть извѣстный фронтъ. Нельзя лѣзть корпусами на одно сел. Сандепу. Казалось бы, взятіе ранѣе или одновременно Сяотайцзы необходимо; на правомъ флангѣ, повидимому, слѣдуетъ взять Вайцявопу. Штурмъ дол-

женъ вестись отнюдь не въ лобъ. Какъ обстрѣлъ, такъ сильный штурмъ должны вестись, кромѣ фронта еще и во флангъ.

Могутъ быть заложены мины; надо принять это во вниманіе. Часъ для штурма дѣло важное. Всѣ войска, въ особенности войсковые начальники, должны быть хорошо отдохнувши.

Ошибки наиболѣе рельефныя при штурмѣ Сандепу, оказались слѣдующія: 1) 14-я дивизія, назначенная для штурма, не спала уже три ночи и была крайне утомлена. 2) Начальство 14-й дивизіи и войска не знали, что они встрѣтятъ; не знали о существованіи редюита. 3) Подготовка атаки обстрѣливаніемъ редюита огнемъ осадныхъ орудій, мортиръ, поршневыхъ батарей сдѣлана не была. 4) Занявъ селеніе и столкнувшись съ редюитомъ, войска не проявили должнаго упорства и отошли на свои позиціи, вмѣсто того, чтобы твердо удержаться въ занятой части, провезти поршневыя орудія, мортиры и продолжать бой шагъ за шагомъ. 5) Вслѣдствіе полученныхъ донесеній о взятіи Сандепу осадныя орудія, мортиры и поршневыя орудія были отосланы въ 10-й корпусъ. Было потеряно для начала подготовки атаки двое сутокъ и въ это время противникъ ввелъ значительныя подкрѣпленія. Надѣяться взять 16-го и 17-го штурмомъ Сандепу безъ артиллерійской подготовки, нельзя было. Даже и теперь, при самой тщательной подготовкѣ, штурмъ представитъ много случайностей.

Надо намъ подготовиться къ сему трудному дѣлу, напречь усилія Генеральнаго Штаба, инженеровъ, артиллеристовъ, чтобы выработать планъ дѣйствій, выполнимый для войскъ и ведущій къ успѣху. Надо

всѣ силы приложить, чтобы всесторонняя подготовка была исполнена возможно быстро.

Надо ждать, что противникъ попробуетъ овладѣть линіей, нами теперь занятой. Надо встрѣтить его грозно.

Надо помнить, что пока грунтъ промерзъ, всѣ саперныя работы крайне трудны. Но все же ихъ надо вести.

Надо помнить, что лучшая часть, положенная на голомъ полѣ (цѣпи, поддержки) и разстрѣливаемая противникомъ, будетъ нести огромныя потери и не удержится, пойдетъ впередъ, а чаще назадъ.

Такую же тщательную подготовку надо дѣлать и по отношенію къ Лидіутуню, и дѣлать немедленно.

Приспособиться немедленно втаскивать пулеметы и поршневыя орудія въ занятую часть Сандепу".

Въ дѣйствительности всѣ приведенныя выше мудрыя сентенціи были написаны такъ, какъ при чистописаніи пишутся прописныя истины: потому что черезъ нѣсколько дней оставлена была и мысль о повтореніи атаки на Сандепу. Писалось просто, для очистки совѣсти...

16—20 января. Наступило затишье. Замолкла канонада не только на правомъ флангѣ, но и у насъ, въ центрѣ. Продолжалось, однако, это затишье очень недолго, и затѣмъ возобновилось съ новой силой.

Около 10-ти час. утра 16 янв. начали доноситься орудійные выстрѣлы со стороны нашего лѣваго фланга, примѣрно къ востоку отъ Мандаринской дороги, или съ самой дороги. Канонада съ лѣваго фланга все усиливается и усиливается, обращаясь временами въ сплошной ревъ и грохотъ... Не намѣреваются ли японцы повторить свой осенній маневръ съ цѣлью

поставить теперь нашъ правый флангъ въ то же положеніе, въ какомъ тогда очутился лѣвый нашъ флангъ? (восточный отрядъ Штакельберга)... Въ настоящую минуту такой маневръ со стороны японцевъ представляется не только вѣроятнымъ, но какъ-будто неизбѣжнымъ. И мы ждемъ,—ждемъ съ часу на часъ стремительныхъ атакъ японцевъ на нашъ центръ; съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдимъ за развитіемъ боя на нашемъ правомъ флангѣ; бинокль поминутно устремляется по направленію къ Чанлинпу, сильно укрѣпленному японцами, который наши войска должны атаковать не сегодня — завтра. Въ то же время съ особенной чуткостью прислушиваешься къ тому, что дѣлается въ нашемъ центрѣ со стороны Линшинпу. А центръ молчитъ, молчитъ тревожно. Это— затишье не то послѣ, не то передъ надвигающейся бурей.

Какая, однако, адская выдержка со стороны японцевъ! На пламенный огонь нашей артиллеріи они отвѣчаютъ очень слабо, видимо, не желая обнаруживать мѣста своихъ батарей, приберегая ихъ для встрѣчи нашей атаки. Сколько нужно выдержки и терпѣнія, чтобы хладнокровно принимать удары и не отвѣчать на нихъ, спокойно выжидая своей очереди!..

Вообще, со стороны японцевъ наблюдается въ настоящую минуту какое-то сосредоточенное молчаніе: прекратился даже обычный отпускъ шимозъ и шрапнелей, который японцы въ послѣднее время посылали намъ въ Сыфантай, Уенченпу и желѣзнодорожную казарму. Замѣтно лишь производство усиленныхъ саперныхъ работъ со стороны японцевъ съ такимъ упорствомъ, что не прерываютъ даже свои работы подъ нашимъ ружейнымъ огнемъ.

Въ теченіе послѣднихъ дней, несмотря на то, что у насъ никакихъ боевъ не было, у меня изъ двухъ баталіоновъ, находящихся въ окопахъ, убыло убитыхъ и раненыхъ 4 офицера и 117 нижнихъ чиновъ — только благодаря напряженному положенію на правомъ флангѣ во II арміи. Это, что называется, въ чужомъ пиру похмѣлье.

Тяжелымъ камнемъ лежитъ у меня на душѣ такъ называемая наша „глиняная стѣнка“, выдвинутая на разстояніи какихъ нибудь 80—100 шаговъ отъ японскаго окопа, въ самую средину развалинъ Линшинпу. Стѣнка захвачена была нами еще въ декабрѣ во время „второй Линшинпу“ (см. выше, гл. V-я). Въ настоящее время она до такой степени продырявлена и полуразрушена ружейнымъ огнемъ, что пробивается пулями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, японцы стали поражать нашихъ стрѣлковъ за стѣнкой косымъ огнемъ, который достаетъ насъ несмотря на то, что почти каждый срѣлокъ отдѣленъ отъ сосѣда небольшимъ траверсомъ изъ земляныхъ мѣшковъ. Въ среднемъ, стѣнка похищаетъ у насъ ежедневно 5—8 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Я обратился за разрѣшеніемъ бросить эту стѣнку, удержаніе которой не обусловливалось соображеніями необходимости въ какомъ бы то ни было отношеніи, а между тѣмъ стоило намъ ежедневныхъ жертвъ, совершенно напрасныхъ.

Мнѣ разрѣшили бросить стѣнку, что мы и сдѣлали, предварительно разрушивъ ее. Располагавшіеся за стѣнкой днемъ 20—25 охотниковъ были отведены въ позади находившійся окопъ. 2 февраля насъ смѣнилъ въ окопахъ подъ Линшинпу 9-й полкъ, и мы снова возвратились на свой бивакъ подъ Уенченпу.

Итакъ, этотъ переходъ въ наступленіе, для котораго мы въ окопы подъ Линшинпу вступили на нѣсколько дней ранѣе очереди — опять былъ отложенъ на неопредѣленное время.

ГЛАВА VII.

Сраженіе подъ Мукденомъ.

Подготовка наступленія японцевъ. Обстрѣливаніе нашего фронта. Военный совѣтъ 8 февраля о переходѣ въ наступленіе. Нашъ планъ дѣйствій. Положеніе воюющихъ сторонъ въ срединѣ февраля. Силы нашихъ и японскихъ армій. Наша кордонная система. Атаки японцевъ на Цинхенченъ. Непосредственныя впечатлѣнія. Обходъ японцевъ. Приключеніе нашихъ охотниковъ. *Бой у Ланшаньпу 19 февраля.* Начало отступленія. *Схематическій очеркъ сраженія подъ Мукденомъ.* Программа нашихъ отвѣтныхъ демонстрацій; попытки перехода въ наступленіе. *Памятное отступленіе.* Прибытіе въ Илу. Арьергардныя стычки совмѣстно съ войсками I арміи. Критическое положеніе относительно продовольствія. Дальнѣйшее отступленіе на сѣверъ. Соединеніе съ войсками дивизіи и продолженіе отступленія. Остановка на Сыпингайской позиціи.

2 февраля, какъ упомянуто было выше, мы смѣнились изъ окоповъ подъ Линшинпу, и вернулись въ наши подземелья подъ Уенченпу.

Опять потекла скучнѣйшая жизнь подъ артиллерійскимъ огнемъ при томительномъ бездѣліи.

Неудивительно, что при общей праздности и безконечномъ ничегонедѣланіи получили широкое развитіе карты, иногда выпивка, а пуще всего—сплетни всякаго рода. Богатой пищей для сплетенъ послужилъ отъѣздъ изъ арміи ген.-адъют. Гриппенберга, послѣ печальнаго исхода сраженія подъ Сандепу.

Это возмутительное нарушеніе воинской дисциплины, почти на глазахъ всей арміи—небывалое въ лѣтописяхъ русской арміи—явилось яркимъ показателемъ упадка воинскихъ доблестей на верхахъ командного состава. Мыслимо ли ожидать побѣды и успѣха при такомъ отношеніи высшаго начальника къ своимъ священнѣйшимъ обязанностямъ.

Удивительно, что покойный М. И. Драгомировъ пытался оправдать ген. Гриппенберга въ бѣгствѣ съ поля сраженія, передъ лицомъ противника.

Впрочемъ, сплетнями о бѣгствѣ ген. Гриппенберга интересовались больше въ тыловыхъ штабахъ и учрежденіяхъ; а на боевыхъ позиціяхъ офицеры отъ нечего дѣлать, стали интересоваться картами Увы! мнѣ суждено было горькое разочарованіе, когда я, однажды, у себя въ полку открылъ совершенно случайно игру въ штоссъ,—въ то время, когда я глубоко вѣрилъ, что въ Псковскомъ полку въ азартныя игры не играютъ. Пришлось утѣшиться тѣмъ, что случай игры въ штоссъ, на который я наткнулся, представлялъ собою у насъ явленіе весьма рѣдкое, какъ увѣряли меня офицеры,—въ противоположность другимъ частямъ, гдѣ играютъ, будто-бы, гораздо больше.

Не успѣли мы оглянуться послѣ возвращенія на бивакъ подъ Уенченпу, какъ день-ото-дня сталъ усиливаться артиллерійскій огонь японцевъ; причемъ противникъ стрѣлялъ артиллеріей болѣе крупныхъ калибровъ, преимущественно изъ 42 линейныхъ гаубицъ. Обстрѣливаніе ведется, повидимому, вполнѣ систематически: одна или двѣ батареи обстрѣливаютъ ежедневно, съ 10—11 час. утра, нашъ бивакъ и его тылъ до дд. Тацзыинъ и Сяокіишинпу, гдѣ находится

штабъ нашей дивизіи; тогда какъ *до* 7 февраля, когда началось это систематическое обстрѣливаніе, упомянутые пункты оставались внѣ артиллерійскаго огня японцевъ.

Ежедневно собираю обширныя коллекціи осколковъ артиллерійскихъ снарядовъ. По увѣреніямъ штаба 35 дивизіи, гдѣ занимались спеціальнымъ изслѣдованіемъ этихъ осколковъ, обнаружены, будто бы, осколки снарядовъ съ русскими клеймами. Значитъ, японцы пользуются снарядами, которые достались имъ въ П. Артурѣ. Можно ли этому повѣрить, если японцы овладѣли крѣпостью, какъ говорятъ, именно потому, что тамъ не было снарядовъ и нечѣмъ было обороняться.

Что обстрѣливаніе нашего бивака и моей фанзы ведется систематически изъ особо назначенной для этой цѣли батареи мы убѣдились не только зрѣніемъ—наблюдая эту батарею съ нашей вышки—но и слухомъ: по звуку выстрѣла, сидя у себя на кровати, отлично различаешь какая батарея стрѣляетъ—противъ Уенченпу, или противъ Кудязы, на фронтѣ 5-го корпуса, и куда полетитъ снарядъ; причемъ, пока летитъ снарядъ оказывается достаточно времени, чтобы выскочить изъ фанзы, посмотрѣть куда ударитъ снарядъ и въ то же время стать въ безопасное мѣсто.

9 февраля. На-дняхъ у главнокомандующаго происходилъ „военный совѣтъ". Въ который уже это разъ? На совѣщаніи были командующіе арміями и нѣкоторые командиры корпусовъ. Совѣтовались о томъ—переходить или не переходить въ наступленіе. Рѣшено „немедленно" перейти въ общее наступленіе.

Какъ извѣстно стало впослѣдствіи, арміи наши

должны были тронуться 12 февраля, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ печальной памяти наступленія II-й арміи подъ Сандепу. Цѣлый мѣсяцъ снова разсуждали, готовились и собирались наступать,—все не рѣшаясь перейти отъ совѣщаній къ дѣлу. Какъ сейчасъ увидимъ, не суждено было и на этотъ разъ осуществиться нашему наступленію, несмотря на принятое окончательное рѣшеніе захватить, наконецъ, инціативу въ свои руки и волей-неволей заставить капризную фортуну повернуться лицомъ въ нашу сторону.

Дѣло въ томъ, что какъ только мы собрались наступать, предполагая повести главный ударъ нашимъ правымъ флангомъ на лѣвый флангъ японцевъ, послѣдніе сами повели наступленіе на отрядъ ген.-лейт. Алексѣева, расположенный на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ у Цинхенчена. Впослѣдствіи извѣстно стало, что наступательныя дѣйствія японцевъ противъ Цинхенчена имѣли демонстративный характеръ, съ цѣлью заставить ген.-адъют. Куропаткина притянуть туда свои резервы и, такимъ образомъ, облегчить себѣ задуманный обходъ нашего праваго фланга арміей Ноги.

И этотъ планъ удался японцамъ вполнѣ. Какимъ младенцемъ оказался нашъ полководецъ! Ойяма не только изъ-подъ носа выхватилъ у насъ неуловимую инціативу, но, спутавъ весь разложенный ген. Куропаткинымъ стратегическій пасьянсъ, выхватилъ у него *планъ дѣйствій;* такъ что нашъ главнокомандующій и наши арміи дѣйствовали въ мукденской операціи *безъ всякаго плана.*

Хуже всего, однако, то, что въ этой позорной трагедіи, пережитой нашей арміей подъ Мукденомъ,

врагу удалось вырвать изъ рукъ нашихъ бездарныхъ вождей не только иниціативу и планъ дѣйствій, но освященную вѣками былую славу нашихъ знаменъ. До боли стыдно при воспоминаніи какъ ничтожные разъѣзды японскіе вселяли панику и смятеніе въ отступавшихъ войскахъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что во все время несчастнаго сраженія подъ Мукденомъ войска наши бились какъ Панургово стадо, надломленныя и измученныя нерѣшительными, растерявшимися и робкими начальниками. При такихъ условіяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ ген. Гамильтонъ, „не трудно и армію львовъ обратить въ толпу зайцевъ“.

Постараюсь, хотя-бы въ общихъ чертахъ, изложить ходъ нашихъ злоключеній въ эти незабвенные дни подъ Мукденомъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ совѣщанія командующихъ арміями 8 февраля, высказавшихся единодушно за немедленный переходъ въ наступленіе, войскамъ передано было предписаніе главнокомандующаго въ которомъ, между прочимъ, указано было слѣдующее: „Признавая подготовительныя дѣйствія для перехода къ наступательнымъ операціямъ законченными, предлагаю арміямъ атаковать противника, руководствуясь директивой моей, изложенной въ предписаніи 6 января. Атаку начинаетъ II-я армія. Первымъ днемъ наступленія назначаю 12 февраля“.

Слѣдовательно, операціонный планъ новаго наступленія оставался неизмѣннымъ въ томъ видѣ, какъ онъ начатъ былъ 12 января и законченъ былъ такъ печально подъ Сандепу. Въ директивѣ, на которую главнокомандующій ссылается въ своемъ предписаніи, цѣлью дѣйствій II-й арміи, ставилось

оттѣсненіе японскихъ армій за р. Тайцзыхе съ нанесеніемъ имъ возможнаго пораженія.

Трудно сказать, насколько этотъ планъ дѣйствій— можетъ быть умѣстный въ началѣ января, когда на лѣвомъ флангѣ японцевъ, въ районѣ Сандепу, имѣлся только ничтожный отрядъ Акіяма въ $4^{2}/_{3}$ ротъ, $7^{3}/_{4}$ эск., 6 орудій и 6 пулеметовъ—соотвѣтствовалъ обстановкѣ и положенію сторонъ въ срединѣ февраля, когда, по собственному увѣренію ген.-адъют. Куропаткина, японцы на мѣсто отряда Акіяма успѣли сосредоточить *100—125 тысячъ*. Но такъ какъ этому старому наступательному плану не суждено было вовсе подвергнуться вторичному испытанію, то нельзя судить о его цѣлесообразности. Событія начали сразу разыгрываться помимо нашего операціоннаго плана.

Положеніе воюющихъ сторонъ въ это время представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Силы сторонъ.

А. Численность нашихъ армій подъ Мукденомъ.

I армія.

К-щій ген. Линевичъ.

	б-въ.	сот.	о-ій.	пулем.
1) 3-й Сиб. корпусъ	15	3	66	8.
2) 2-й „ „	20	3	68	8.
3) 1-й арм. „	34	3	94	1.
4) 4-й Сиб. „	32	4	94	1.
5) Кромѣ того, въ составъ этой арміи входили:				
а) Отрядъ ген.-лейт. Алексѣева у Цинхенчена	17	18	30	8.

	б-въ.	сот.	о-ій.	пулем.
б) Синцзинтинскій отрядъ ген.-м. Маслова	4	2	2	—
в) Летучій отрядъ полк. Мадритова	1	5	4	—
г) Резервъ к-го арміей . . .	4	3	3	—
Всего . .	128	53	360	24.

Кромѣ того, на фронтѣ I арміи имѣлось еще 24 осадныхъ орудій, расположенныхъ на участкахъ 1 армейскаго, 2 и 4 сибирскихъ корпусовъ.

II армія.

К-щій ген. Каульбарсъ.

	б-въ.	сот.	о-ій.	пулем.
1) 1 сиб. корпусъ	30	6	64	4.
2) 8 арм. „	32	4	104	8.
3) 10 арм. „	32	2	104	8.
4) Сводный стрѣлков. корпусъ .	24	2	72	8.
5) Кромѣ того, въ составъ этой арміи входили:				
а) Конный отрядъ ген. Ренненкампфа	—	26	18	—
б) Ляохейскій отрядъ	8	10	14	—
Всего . .	126	50	376	28.

Кромѣ того, на фронтѣ арміи имѣлась весьма сильная артиллерія изъ 118 осадныхъ орудій, расположенныхъ на участкахъ 8, 10 и сводного стрѣлковаго корпусовъ.

III армія.

К-щій ген. Бильдерлингъ.

		б-въ.	сот.	о-ій.	пулем.
1) 5 сиб. корпусъ		24	4	88	—
2) 6 „ „		16	3	48	—
3) 7 арм. „		32	12	96	—
	Всего . .	72	19	222	—

Кромѣ того, на фронтѣ корпуса имѣлось 18 полевыхъ мортиръ.

Въ общемъ резервѣ, въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго, оставались: 16 арм. корпусъ, 72 пѣх. дивизія и 146 царицынскій полкъ; всего 44 баталіона при 120 орудіяхъ и 16 пулеметахъ.

Всего, слѣдовательно, къ срединѣ февраля, т. е. къ развитію дѣйствій мукденской операціи, ген.-адъютантъ Куропаткинъ располагалъ 370 б-нами, 122 эск. и сот., 1088 ор., 68 пулеметами и 158 ор. большихъ калибровъ.

Б. Численность и составъ японскихъ армій.

Согласно свѣдѣніямъ о противникѣ, имѣвшимся въ штабѣ главнокомандующаго, въ началѣ февраля численность японскихъ армій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) I армія, *ген. Куроки,* состояла изъ дивизій—2, 12 и гвардейской, а также изъ соотвѣтствующихъ резервныхъ бригадъ, и насчитывала всего отъ 60 до 70 баталіоновъ, 156—170 орудій и 12 эскадроновъ.

б) II армія, *ген. Оку,* изъ 4 и 5 дивизій, съ соотвѣтствующими резервными бригадами; всего 30—40 баталіоновъ, около 96 орудій и 10 эскадроновъ.

в) III армія, *ген. Ноги,* незадолго передъ тѣмъ при-

бывшая изъ-подъ Артура—состояла изъ 1-й, 78 и 9 дивизій, насчитывая около 48 батал., около 200 ор. и 6 эскадроновъ.

г) IV армія, *ген. Нодзу*, изъ 6 и 10 дивизій, съ резервными частями, имѣла около 50 батал., 100—200 орудій и 7 эскадроновъ.

д) V армія, или Ялучжанская, подъ начальствомъ *ген. Камимуры*, была сформирована незадолго передъ тѣмъ для дѣйствій на крайнемъ правомъ флангѣ японскаго фронта и состояла изъ 20—30 баталіон., около 70 орудій и 6 эскадроновъ.

Такимъ образомъ, общій составъ японскихъ армій подъ Мукденомъ можно принять въ 208—238 баталіоновъ, при 622—736 орудіяхъ и 41 эск. Сравнивая эти силы съ нашими—370 батал., 122 эск. и сот. и около 1200 орудій—надо признать, что превосходство силъ было, безусловно, на нашей сторонѣ, такъ какъ въ декабрѣ и январѣ мы получили полное укомплектованіе нижними чинами и офицерами. Кромѣ того, у насъ имѣлась еще многочисленная конница, превосходившая японскую въ пять разъ, многочисленная артиллерія, превосходившая японскую почти въ два раза по количеству и еще больше по своей матерьяльной части,—какъ болѣе новая, и болѣе усовершенствованная.

Расположеніе армій противниковъ передъ началомъ операціи было слѣдующее:

I армія занимала фронтъ по линіи Каутулинскаго перевала—Эрдагоу—Шанланцза; II армія—на правомъ флангѣ, по линіи дд. Сыфонтай-Чжантань-Холянтай; III армія—въ центрѣ, по линіи дд. Холянтай-Линшинпу-Сахепу-Шанланцза.

Кромѣ того, на флангахъ общаго фронта армій

растянутаго на протяженіи около 100 верстъ, расположены были отдѣльные отряды: на лѣвомъ флангѣ— ген.-м. Алексѣева у Цинхенчена, полковника Мадритова у Мацзядяна, ген.-м. Маслова у Синцзинтина; на правомъ флангѣ—конный отрядъ ген. лейт. Ренненкампфа около дер. Убанюлу. Стратегическій резервъ главнокомандующаго расположенъ былъ за центромъ III арміи, около Мандаринской дороги.

Изъ приведеннаго выше состава и распредѣленія нашихъ силъ видно, что главнокомандующій никакъ не могъ отрѣшиться отъ своей кордонной системы— стремленія прикрыть все, растягивая войска тонкими линіями. По мѣрѣ того, какъ ген.-адъют. Куропаткинъ получалъ въ своемъ распоряженіи новые корпуса, онъ становился не сильнѣе, а слабѣе,—потому что увеличеніемъ числительности войскъ пользовался только для удлиненія своею фронта, увеличивая, такимъ образомъ, число уязвимыхъ пунктовъ, и оставаясь неизбѣжно одинаково слабымъ по всему фронту. Подъ Ляояномъ, располагая *одной арміей* въ нѣсколько корпусовъ, ген. Куропаткинъ могъ ею маневрировать и собрать въ одномъ пунктѣ внушительный кулакъ, когда это требовалось. Во время Шахейской операціи ген.-адъют. Куропаткинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи уже *двѣ* арміи (Восточный и Западный отряды) въ 9 корпусовъ, и онъ уже не могъ удержаться отъ соблазна, даже *при наступленіи*, увеличить длину фронта вдвое противъ Ляояна, растянувъ свои войска по фронту на 80 верстъ. Когда ген.-адъют. Куропаткину дали еще третью армію—онъ не могъ придумать ничего лучше, какъ выдвинуть ее на общій фронтъ: тамъ, гдѣ при Шахейской операціи, на нашемъ правомъ флангѣ, у

насъ былъ пустырь, прикрытый отрядомъ ген.-лейт. Дембовскаго,—тамъ признано было необходимымъ выдвинуть всю II армію въ 70 тыс. человѣкъ. Такъ что эта II армія, лишнія 70 тыс., увеличили только длину нашего больного фронта. Называю его *больнымъ*, потому, что при одной коммуникаціонной линіи, связывающей нашу дѣйствующую армію съ Россіей посредствомъ единственной артеріи, въ видѣ одной желѣзной дороги—стратегическій фронтъ нашъ имѣлъ, такъ сказать, прирожденную слабость; поэтому чѣмъ длиннѣе фронтъ—чѣмъ болѣе удалены фланги отъ питающей ихъ артеріи, тѣмъ положеніе ихъ становится болѣе опаснымъ—не говоря уже о многихъ иныхъ вѣскихъ соображеніяхъ, напримѣръ—свобода маневрированія. Трудно себѣ представить какимъ образомъ ген.-адъют. Куропаткинъ могъ бы воспользоваться своими силами—если бы вздумалъ предпринять какія-нибудь активныя дѣйствія—когда всѣ корпуса вытянуты тонкой линіей по длинному фронту, прикрывая все какіе-то важные пути и пункты. Совершенно непонятна при этой кордонной системѣ роль главнокомандующаго и даже командующихъ арміями: для чего они нужны, когда распоряжаться ротами въ окопахъ по всей линіи могутъ и ротные командиры?

Сознавалась и въ штабѣ главнокомандующаго опасность положенія нашихъ армій, растянутыхъ длиннымъ фронтомъ по одной линіи. По крайней мѣрѣ, въ началѣ февраля существовало предположеніе отвести II армію къ Угольному разъѣзду, гдѣ расположенъ былъ 16-й корпусъ и, такимъ образомъ, создать въ рукахъ главнокомандующаго сильный резервъ въ 100 слишкомъ, баталіоновъ.

Тутъ сказалась вполнѣ въѣвшаяся у насъ въ плоть и кровь бюрократическая система: повидимому, ген.-адъют. Куропаткинъ понималъ цѣлесообразность этого предложенія, но... предпочелъ послать этотъ вопросъ „на заключеніе“ командующему II арміей, согласно заведенному разъ-навсегда канцелярскому порядку. Если бы ген. Каульбарсъ одобрилъ тогда этотъ проектъ, ген.-адъют. Куропаткинъ имѣлъ бы въ рукахъ при обходѣ Ноги 114 баталіоновъ и 420 орудій въ самомъ близкомъ разстояніи отъ линіи обхода. Ясно, какой оборотъ могли бы принять событія при такомъ положеніи. Къ нечастью, ген. Каульбарсу неугодно было одобрить это предложеніе: жаль стало нарытыхъ окоповъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, столько копались и укрѣплялись и—все это бросить...

А ген.-адъют. Куропаткинъ не только самъ первый не додумался до этихъ простыхъ вещей, но даже и тогда, когда это другіе подсказали, и самъ онъ съ этимъ вполнѣ соглашался—у него не хватило рѣшимости осуществить это на дѣлѣ. Событія съ поражающей наглядностью незамедлили показать гибельность нашей кордонной системы.

Уже 5—6 февраля японцы начали наступательныя дѣйствія противъ Цнихенченскаго отряда и атаковали оба авангарда, выдвинутые впередъ на разстояніи 1—2 верстъ отъ главной укрѣпленной позиціи. Авангарды наши были сбиты и вынуждены отступить. Это не смутило ген.-лейт. Алексѣева, и онъ, сосредоточивъ силы своего отряда, собирался самъ перейти въ наступленіе 10 февраля, но все же не успѣлъ предупредить японцевъ, которые 11 февраля снова перешли въ наступленіе и атаковали

укрѣпленную позицію главныхъ силъ отряда. Теперь уже извѣстно, что со стороны противника это были дѣйствія демонстративныя, съ цѣлью приковать наши силы и вниманіе къ лѣвому флангу, и въ то же время броситься въ обходъ нашего праваго фланга съ арміей Ноги. Зато этими демонстраціями японцы показали намъ,—какъ надо вести боевыя дѣйствія подобнаго рода: въ противоположность нашимъ демонстраціямъ во время Шахейскаго наступленія—когда войска Западнаго отряда, исполняя приказаніе свыше, дѣлали демонстративно шагъ впередъ и два назадъ—японцы подъ Цинхенченомъ повели бѣшеныя атаки на укрѣпленную позицію, съ явной цѣлью прорваться на Фушунъ.

Достаточно было этихъ энергичныхъ дѣйствій сравнительно небольшихъ силъ противника, чтобы парализовать всѣ намѣренія и замыслы нашего главнокомандующаго. Онъ сейчасъ же отказывается отъ наступательныхъ дѣйствій на своемъ правомъ флангѣ и думаетъ лишь объ оборонѣ лѣваго фланга. Немедленно туда направленъ былъ 1 сибирскій корпусъ, а 13-го (кажется) февраля ген.-адъют. Куропаткинъ устремляется и самъ къ угрожаемому лѣвому флангу. Ойяма блистательно и рѣшительно достигъ своей цѣли съ перваго же шага.

Да,—скажутъ,—легко это разсуждать *теперь*, когда событія уже разыгрались и намѣренія противника вполнѣ выяснены. Но каково это было главнокомандующему *тогда*, подъ грохотъ канонады на нашемъ лѣвомъ флангѣ, когда Цинхенченскій отрядъ сбитъ, и японцы висятъ на кратчайшемъ направленіи въ обходъ Мукдена, черезъ Фушунъ.

Въ отвѣтъ на это можно указать на собственныя

„документальныя“ свѣдѣнія ген.-адъют. Куропаткина, который 11 февраля, въ день бѣшенныхъ атакъ японцевъ на нашъ лѣвый флангъ, указывалъ командующему II арміей, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ японцы сосредоточили на своемъ лѣвомъ флангѣ около 125 тысячъ при 340 орудіяхъ. Значитъ, главный ударъ надо было все же ожидать съ этой стороны, противъ нашего праваго фланга, тогда какъ уже 5—8 февраля выяснилось вполнѣ, что противъ Цинхенченскаго отряда дѣйствуютъ всего лишь 12 японскихъ баталіоновъ при 20 орудіяхъ.

Да это въ дѣйствительности зналъ и чувствовалъ ген.-адъют. Куропаткинъ. Онъ въ душѣ, повидимому, чуялъ, что противъ нашего лѣваго фланга ведутся лишь демонстративныя дѣйствія. Онъ и не отказывается поэтому отъ принятаго рѣшенія—немедленно перейти въ наступленіе II арміей, но... передаетъ этотъ вопросъ „на усмотрѣніе“ ген. Каульбарса — пусть, молъ, это другіе рѣшаютъ за меня, и... въ то же время лелѣя въ душѣ надежду, что и командующій II арміей не рѣшится взять на себя отвѣтственность перехода въ наступленіе, когда главнокомандующій предупреждаетъ, что противъ него сосредоточены огромныя силы, что японцы ждутъ этого наступленія въ полной готовности, „точно зная день нашего наступленія“,—когда, сверхъ всего, обнаружено наступленіе противника на противоположный нашъ флангъ...

Ген. Каульбарсъ пошелъ навстрѣчу сокровеннымъ желаніямъ ген.-адъют. Куропаткина, и предпочелъ отказаться отъ наступленія...

Обратимся, однако, къ описанію всего пережитаго въ эти жгучіе дни по тѣмъ непосредственнымъ

впечатлѣніямъ, которыя воспринимались отъ событій, происходившихъ на моихъ глазахъ.

12 февраля. Японское обстрѣливаніе нашихъ биваковъ растетъ изо-дня въ день, а у насъ опять начались какія то неурядицы съ управленіемъ огня нашей артиллеріи: вмѣсто одного хозяина, ген. Холодовскаго, теперь есть еще одинъ ген.-лейтенантъ Ивановъ.

Сегодня, между прочимъ, мнѣ попалъ въ руки № 8 газеты „Русскія Вѣдомости", гдѣ, къ крайнему моему удивленію, нашелъ перепечатку изъ „Berliner Tageblatt" съ весьма важными свѣдѣніями, касающимися расположенія нашихъ армій, намѣреній и плановъ ген.-адъют. Куропаткина; въ этой перепечаткѣ, на основаніи телеграммы изъ Лондона, сообщается *о рѣшеніи главнокомандующаго 8 января перейти въ наступленіе арміей ген. Гриппенберга...* Мы знаемъ уже (см. выше, гл. VII), что это совершенно вѣрно. Значитъ, то, что мнѣ сообщено было подъ величайшимъ секретомъ—и то потому только, что я съ полкомъ имѣлъ опредѣленную задачу при этомъ наступленіи—оказывается въ тотъ же день переданнымъ по телеграфу изъ Лондона въ Берлинъ!..

Какъ извѣстно, японцы не воспользовались (да и не могли воспользоваться въ теченіе 2—3 дней) свѣдѣніями этой телеграммы, такъ какъ наша II армія подъ Сандепу встрѣтила въ дѣйствительности лишь ничтожный отрядъ Акіяма. Но — все же это странное совпаденіе. Допустимъ также, что корреспондентъ просто отгадывалъ намѣренія главнокомандующаго о переходѣ въ наступленіе: дѣйствительно, вѣдь мы постоянно носились съ намѣреніями о „немедленномъ" переходѣ въ наступленіе. Все же

это странное совпаденіе въ отношеніи *дня*, назначеннаго для наступленія. А затѣмъ,—эти свѣдѣнія о расположеніи нашихъ армій, сообщаемыя въ той же телеграммѣ...

14—18 февраля. Постепенно мы начали свыкаться и съ артиллерійской подготовкой японцевъ, и жизнь мало-по-малу стала прилаживаться къ новымъ условіямъ: замѣтивъ, что японская артиллерія избрала себѣ цѣлью излюбленные районы на нашемъ бивакѣ, мы старались всегда вывести оттуда людей заблаговременно; пришлось перенести часъ обѣда, потому что японцы упорно подгоняли къ этому часу открытіе огня, иногда, впрочемъ, съ такими отклоненіями, что зайти въ фанзу пообѣдать можно было рискнуть лишь съ наступленіемъ темноты, потому что японцы держали нашъ бивакъ подъ непрерывнымъ огнемъ въ теченіе цѣлаго дня.

Съ 15-го февраля артиллерійскій огонь японцевъ перекинулся, однако, на нашъ правый флангъ, противъ 2-й арміи, и частью противъ 5-го корпуса.

Китайскіе развѣдчики увѣряли еще въ январѣ, что японцы подготовляютъ обходъ нашего *праваго* фланга съ цѣлью захвата Мукдена. Но чего только не разсказываютъ часто китайскіе развѣдчики! Надежнѣе, конечно, дожидаться опредѣленныхъ свѣдѣній о противникѣ отъ нашего спеціальнаго развѣдывательнаго органа, — массы нашей кавалеріи, которая, совершенно кстати по топографическимъ условіямъ мѣстности, въ это время „висѣла“ гдѣ-то какъ разъ на нашемъ правомъ флангѣ.

Тѣмъ временемъ артиллерійскій огонь правѣе насъ разгорается все сильнѣе и сильнѣе. На нашемъ фронтѣ японцы ограничиваются сейчасъ огнемъ

только тяжелыхъ орудій; полевыя батареи, вѣроятно, направлены вмѣстѣ съ обходящими войсками арміи Ноги.

Пристально наблюдя, въ теченіи нѣсколькихъ дней, за дѣйствіемъ огня тяжелыхъ орудій, я убѣдился, что матеріальный вредъ, причиняемый этимъ огнемъ, положительно ничтожный, и нисколько не искупается тратой снарядовъ. Все дѣло только въ моральномъ эффектѣ, и ничего больше.

Взять, напримѣръ, полетъ чудовищныхъ 11 дюймовыхъ бомбъ: снарядъ летитъ настолько медленно, что онъ почти видимъ въ воздухѣ; поэтому есть всегда возможность принять мѣры предосторожности, если слѣдить за огнемъ,—можно успѣть резервъ отвести въ сторону, шаговъ за 100, отъ видимаго мѣста паденія. Но если даже подвергнуться обстрѣливанію 11-дюймовыми бомбами ночью, и неожиданно, то вѣроятность большихъ потерь небольшая, потому что разрушительная сила огромная только въ точкѣ попаданія, но сфера разрушенія (какъ и отъ шимозъ) весьма ограниченная.

На фронтѣ, доступномъ моему непосредственному наблюденію—частью 17, частью 5 корпусовъ—я съ 2 часовъ дня 15-го до вечера 16-го февраля насчиталъ 37 разрывовъ 11 дюймовыхъ бомбъ; а потери, нанесенныя ими, исчисляются никакъ не болѣе 4—5 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 1 фельдфебель и 2 рядовыхъ, сидѣвшіе въ землянкѣ, были разорваны въ клочки одной бомбой, попавшей въ самую землянку; значитъ, на долю остальныхъ 36 бомбъ остаются 1—2 убитыхъ нижнихъ чиновъ и нѣкоторыя разрушенія въ желѣзнодорожномъ домикѣ и сосѣднемъ редутѣ, нанесенныя осколками этихъ

бомбъ. При массовой стрѣльбѣ обыкновенными шимозами японцы наносили куда болѣе чувствительныя потери.

Причины ничтожныхъ результатовъ этой грозной въ теоріи стрѣльбы заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что японцы стрѣляли, повидимому, на огромныхъ дистанціяхъ; а во-вторыхъ, какъ сказано, медленный полетъ снаряда даетъ возможность принять своевременно мѣры предосторожности. Солдаты то и дѣло выкликали:—„Берегись, вонъ парасенокъ какой летитъ"... Въ точкѣ удара при разрывѣ поднимался огромный столбъ чернаго и темно-зеленаго дыма. Осколки получались такого вѣса, что два дюжихъ артиллериста съ трудомъ притащили ко мнѣ въ фанзу кусокъ днища (около одной трети) и примыкающей части стѣнки бомбы...

Обходъ. Около 4—5 часовъ пополудни 17-го февраля наступило минутное затишье, точно нарочно для того, чтобы оттѣнить потрясающее впечатлѣніе, которое въ это время свалилось намъ буквально какъ снѣгъ на голову. Небольшой группой офицеровъ стояли мы, по обыкновенію, за невысокимъ брустверомъ вблизи воротъ нашей фанзы, пристально слѣдя съ биноклями въ рукахъ за всѣмъ происходившимъ впереди насъ въ окопахъ и на ближайшихъ флангахъ въ 5-мъ и 10-мъ корпусахъ. Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, раздались раскаты орудійныхъ выстрѣловъ у насъ *въ тылу*... Всѣ переглянулись и молча направились къ противоположнымъ сѣвернымъ воротамъ нашего обширнаго двора, чтобы посмотрѣть, что сей сонъ значитъ; тутъ же, у сѣверныхъ воротъ, расположенъ нашъ бивакъ. Я еще не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на-

встрѣчу мнѣ поспѣшно приближались нѣсколько офицеровъ и даже одинъ—два нижнихъ чина съ сообщеніемъ объ этомъ важномъ событіи, стараясь сохранить наружное спокойствіе, которое, однако, видимо тушевалось передъ выступавшей внутренней тревогой.

Бивакъ нашъ, съ его 4-хъ тысячнымъ населеніемъ, кишащимъ около землянокъ, представлялъ собою въ эту минуту поразительную картину: этотъ обычный муравейникъ точно замеръ и застылъ. Кто высунулъ голову изъ землянки и тревожно прислушивается къ зловѣщей канонадѣ; стоятъ неподвижно группы людей, не рѣшаясь проронить звука, даже для обмѣна впечатлѣній; всѣ тревожно и молча только переглядываются между собою, обращаясь поминутно глазами „къ Мукдену", откуда, какъ казалось людямъ, доносились выстрѣлы. Я уже сказалъ, что на всемъ фронтѣ *впереди*, въ центрѣ и на флангахъ, наступила тишина, какъ бы для того, чтобы мы безъ помѣхи могли увидѣть начало этой трагедіи у насъ *въ тылу*. Мертвая тишина сковала и весь бивакъ нашъ. Такая тишина бываетъ среди присутствующихъ у одра умирающаго.

Конечно, еще безсмертный Суворовъ училъ своихъ чудо-богатырей, что у солдата долженъ быть всюду фронтъ. Но не угодно ли перевернуть у массы людей ошеломившее ихъ впечатлѣніе!

Прошли первыя жгучія минуты. Всѣ понемногу овладѣли собою. Начали толковать и разсуждать. Скоро разобрались и оріентировались въ обстановкѣ: ясно стало, что орудійная пальба доносится не изъ Мукдена, а со стороны Мадяпу—Сухудяпу; отъ этого, положимъ, не легче; все же не изъ Мукдена. Чтобы

болѣе достовѣрно убѣдиться въ значеніи и размѣрахъ обрушившихся событій, отъ насъ немедленно отправились два офицера „на выстрѣлы“, для подробной развѣдки, и скоро получились уже основательныя свѣдѣнія, что „насъ обошли“. Свѣдѣнія сопровождались цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ фактовъ и слуховъ, достовѣрныхъ и фантастическихъ.

На другой день мы получили опредѣленныя свѣдѣнія изъ нашего собственнаго тыла, изъ обоза 2-го разряда, расположеннаго вблизи Мукдена, гдѣ небольшія партіи нашихъ конныхъ охотниковъ неожиданно очутились подъ ударами японцевъ и спаслись отъ нихъ только... благодаря содѣйствію и участливому отношенію китайцевъ. Случилось это вотъ какъ. Не подозрѣвая никакихъ обходовъ, три конныхъ охотника нашихъ отправились 17-го февраля, по обыкновенію, за покупкой фуража, верстахъ въ 12—15-ти къ западу отъ Мукдена, по Синминтинской дорогѣ. Мирно закончили наши охотники свои торговыя операціи и безмятежно попивали себѣ чаекъ, бесѣдуя съ китайцами при помощи само собою выработавшейся мимики и своеобразнаго русско-китайскаго жаргона, — какъ вдругъ влетаютъ китайцы съ криками: „Япенъ, япенъ! Шипеко много япенъ!“ Переполохъ общій. Нашимъ охотникамъ 9-го, 10-го и 11-го полковъ грозила неминуемая гибель; но выручили китайцы, попрятавъ ихъ наскоро въ погребахъ и ямахъ; одному охотнику наскоро обрили голову, прицѣпили косу, одѣли во все китайское, посадили его на арбу съ другими китайцами и отправили въ Мукденъ. Выпутавшись благополучно изъ рукъ японцевъ, нашъ „китаецъ“ едва не по-

гибъ отъ нашихъ казаковъ: не успѣла арба отъѣхать нѣсколько верстъ отъ деревни, занятой японцами, какъ встрѣтилась съ казачьимъ разъѣздомъ, который быстро завладѣлъ фальшивой косой, и не сразу повѣрилъ разсказу коннаго охотника. Всѣ другіе охотники, попрятанные китайцами, были тоже благополучно доставлены ими въ свои части. Большое спасибо китайцамъ за спасеніе нашихъ охотниковъ, но и спасибо охотникамъ за то, что они, повидимому, никогда не обижали китайцевъ, иначе, конечно, не выручили бы; примѣръ на-лицо: находившійся у насъ изъ главной квартиры казачій офицеръ послалъ казака „купить“ курицу, и казакъ пропалъ.

Ночью 18-го февраля весь сѣверо-западный горизонтъ запылалъ зловѣщими заревами: жгли мы сами наши собственные запасы. Поспѣшно отступали (еще днемъ) обозы 2-й арміи, обстрѣливаемые японской артиллеріей. Цѣлый день 18-го вывозилась наша тяжелая артиллерія съ праваго фланга при помощи конно-желѣзной дороги, часто подъ артиллерійскимъ огнемъ японцевъ. Приказано было убрать осадную артиллерію и на нашемъ фронтѣ, въ центрѣ; на мѣстѣ каждой батареи оставлено было по одному орудію, которое всю ночь съ 17-го на 18-е февраля выпускало по выстрѣлу каждыя 10 минутъ, очевидно для маскировки; но — маскировки, надо признать, очень наивной. Зато, при мертвой ночной тишинѣ на нашемъ фронтѣ, эти методическіе выстрѣлы, гулко раздававшіеся въ непроглядной тьмѣ, дѣйствовали на всѣхъ какъ погребальный звонъ.

Никакъ нельзя было осилить гнетущаго настроенія. Уже 18-го февраля японцы повели бѣшеныя

атаки на Мадяпу, гдѣ старый желѣзнодорожный мостъ на Хуньхэ; обнаружился тогда же обходъ гораздо глубже, т. е. сѣвернѣе даже Синминтинской дороги; нѣсколько полковъ и батарей вызвано было изъ нашего центра для образованія стратегическаго резерва около императорскихъ могилъ, къ западу отъ Мукдена.

Обстановка развертывавшагося генеральнаго сраженія подъ Мукденомъ выяснилась вполнѣ, — выяснилась не только по характеру и интенсивности боевъ на всѣхъ фронтахъ за предшествовавшіе дни, но достаточно достовѣрное указаніе о распредѣленіи японскихъ силъ можно было получить изъ карты, найденной при убитомъ японскомъ офицерѣ генеральнаго штаба; на этой картѣ показано было: противъ нашей I-й арміи *пять* дивизій, противъ всего нашего центра *двѣ* дивизіи; затѣмъ *всѣ* прочія силы показаны были стрѣлкой въ обходъ Мукдена прямо на Тѣлинъ...

Обстановка требовала немедленнаго энергичнаго рѣшенія.

А между тѣмъ, мы въ центрѣ неподвижно стоимъ какими-то посторонними зрителями въ отношеніи потрясающихъ жгучихъ событій, совершающихся у насъ въ близкомъ сосѣдствѣ, на правомъ флангѣ и въ тылу. Японцы по всему фронту, доступному нашему наблюденію, выкачали, повидимому, всѣ свои силы, направивъ ихъ по одному направленію, въ точку главнаго удара, т. е. въ обходъ нашего праваго фланга; а мы тутъ стоимъ, точно завороженные и прикованные къ опустѣвшему фронту. Даже обычная артиллерійская стрѣльба японцевъ значительно притихла. А вѣдь батареи не замолкли въ такую

минуту для отдыха. Значитъ онѣ убраны съ нашего фронта и направлены туда, гдѣ онѣ болѣе необходимы въ эту минуту.

У насъ тоже приступили къ уборкѣ мортиръ и осадныхъ батарей; но не для того, чтобы перемѣстить орудія къ угрожаемымъ пунктамъ,—не для дѣйствія изъ нихъ вообще, а для того, чтобы увести подальше, изъ опасенія, что при отступленіи онѣ достанутся японцамъ. Повторяется та же исторія, какъ съ выставленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ (см. выше, гл. II): войска распыливаются на отдѣльные отряды, чтобы прикрыть все и обнять необъятное; а когда наступаетъ критическая минута—являются опасенія за исходъ риска, и отряды убираются какъ-разъ въ ту минуту, для которой онѣ были выставлены. Такъ и съ осадными батареями сейчасъ: съ огромными затрудненіями доставили ихъ сюда за тридевять земель, проложили конно-желѣзные пути, устроили укрѣпленія и проч.; и когда все это готово,—когда остается, наконецъ, открыть огонь—батареи снимаются и увозятся подальше въ тылъ.

А между тѣмъ,—еслибы ринуться въ атаку на фронтѣ 5-го и 17-го корпусовъ, какъ-разъ въ перерѣзъ наступленію арміи Ноги, пользуясь могущественной поддержкой около 200 орудій тяжелыхъ калибровъ! Подумать только, что это за сила,—почти 200 осадныхъ орудій новѣйшихъ образцовъ! Когда заполучишь въ руки такую силу въ полевой войнѣ? При умѣломъ управленіи такой артиллеріей всѣ нарытыя японскія укрѣпленія со всѣми проволочными сѣтями должны быть смыты въ одинъ день.

Японцы, повидимому, сильно опасаются нашего наступленія въ центрѣ, потому что каждый день, съ

наступленіемъ темноты, весь фронтъ освѣщается безпрерывно прожекторомъ, во всю ночь до утра; и какъ только изъ нашихъ окоповъ покажется какой-нибудь патруль, японцы сейчасъ-же открываютъ лихорадочную стрѣльбу. Но по этой стрѣльбѣ видно, что у нихъ тамъ осталось очень мало,—слышны лишь горячечные перебои, безъ обычной густоты ружейной трескотни.

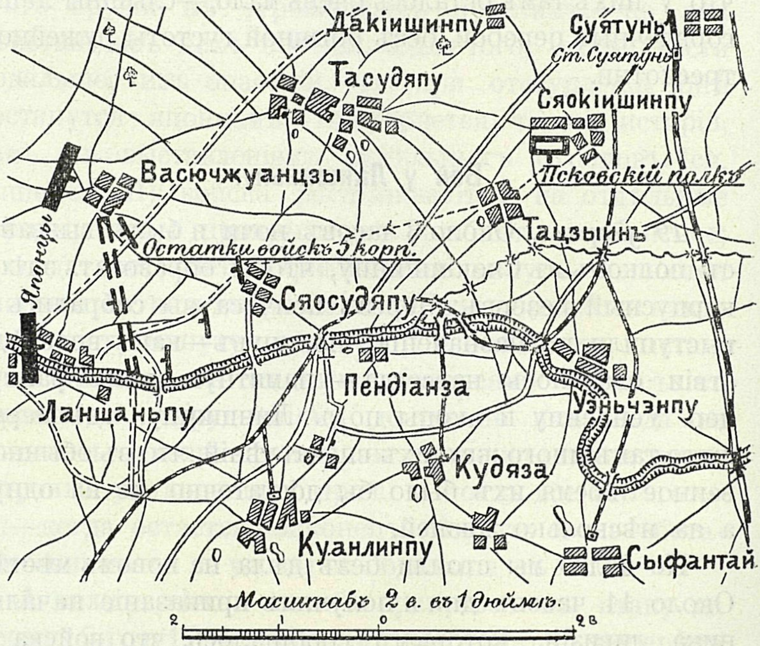
Бой у Ланшаньпу.

19 февраля. Около 3 часовъ ночи я былъ вызванъ съ полкомъ въ Сяокіишинпу, чтобы образовать здѣсь корпусный резервъ. Черезъ полчаса мы собрались и выступили по назначенію, покинувъ—какъ впослѣдствіи оказалось навсегда — памятную намъ фанзу, дер. Уенченпу и окопы подъ Линшинпу, гдѣ пережито такъ много жгучихъ впечатлѣній, что въ обыкновенное время ихъ было бы достаточно не на одну, а на нѣсколько жизней.

Не долго мы стояли безъ дѣла на новомъ мѣстѣ. Около 11 часовъ дня я получилъ приказаніе начальника дивизіи, которымъ сообщалось, что войска 5 корпуса, оборонявшіе западный фронтъ по линіи дд. Ланшаньпу—Васючжуанцы, разбиты и отступаютъ на Востокъ, т. е. къ Суятуню. Мнѣ предписывается поспѣшить на выручку къ войскамъ 5 корпуса, причемъ указывается, что время имѣетъ тутъ важное значеніе. Дѣйствительно, положеніе было весьма щекотливое: разъ опрокинуты войска 5 корпуса, то японцамъ открыта широкая брешь на Суятунь, т. е. къ тылу всего нашего центра...

Къ этому времени у меня оставались только 1 и

2 баталіоны, потому что 3-й баталіонъ съ утра командированъ былъ въ штабъ корпуса. Быстро бросились мы по указанному направленію, двигаясь частью шагомъ, частью бѣгомъ. Усталые и измучен-

ные прибѣжали мы въ дер. Тасудяпу [1]). Оказалось, что къ угрожаемому фронту направлены подкрѣпленія также изъ другихъ источниковъ: ожидалось при-

[1]) Пунктиръ на помѣщаемомъ здѣсь чертежѣ показанъ *ошибочно* черезъ Сяосудяпу: въ дѣйствительности мы изъ Сяокіишинпу направились черезъ Тасудяпу, гдѣ былъ штабъ 5 корпуса.

бытіе 2—3 баталіоновъ Златоустовскаго полка, 7 ротъ Сѣвскаго полка и другія части.

Оріентировавшись по пути, наскоро, въ штабѣ корпуса, относительно обстановки, мы направились изъ Тасудяпу, гдѣ былъ штабъ 5 корпуса, въ юго-западномъ направленіи. Не успѣли удалиться отъ деревни на 1/2—1-й версты, какъ насъ встрѣтили жестокимъ шрапнельнымъ огнемъ изъ Ланшаньпу, и ружейнымъ—изъ окоповъ къ западу отъ Васючжуанцзы. Дѣло въ томъ, что мѣстность въ районѣ дд. Тасудяпу представляетъ собою холмистое возвышеніе, на восточномъ склонѣ котораго расположено Тасудяпу; но какъ только мы двинулись на западъ, и показались во весь ростъ на западномъ склонѣ, японцы сейчасъ же взяли насъ на прицѣлъ.

Мы пріостановились на нѣсколько минутъ, чтобы перевести духъ. Безъ лишнихъ словъ серьезность нашего положенія отлично понималась не только офицерами, но и нижними чинами. Какъ тутъ не понимать, когда впереди, подъ Линшинпу, мирно сидятъ въ окопахъ 9 и 10 полки, ничего не подозрѣвая, а тутъ, въ тылу, японцы протягиваютъ руки уже къ Суятуню. Пользуясь минутной остановкой, нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ торопливо и съ сосредоточенными лицами переодѣваютъ чистое бѣлье, иные истово молятся. Завѣдывающій пѣшей охотничьей командой пор. Ш—въ подходитъ ко мнѣ, выразивъ желаніе сдѣлать какія-то предсмертныя распоряженія, находясь, очевидно, подъ предчувствіемъ, что онъ будетъ убитъ въ этомъ бою. Находившійся по сосѣдству поручикъ П—въ вышутилъ товарища, крикнувъ ему—„кому завѣщаешь свою пашню, что на Сухаревой башнѣ?“ Предчувствіе на

этотъ разъ обмануло обоихъ: ожидавшій смерти пор. Ш—въ остался живъ, а ничего не ожидавшій пор. П—въ былъ убитъ.

Послѣ небольшой передышки, перейдя въ строй по-ротно, я направилъ 1 баталіонъ на Ланшаньпу, а второй вправо, имѣя въ виду необходимость прикрыть нашу атаку на Ланшаньпу въ случаѣ дѣйствій японцевъ на нашъ флангъ со стороны Васючжуанцзы.

Намъ предстояло пробѣжать обширную гладкую равнину, на которой никуда нельзя было укрыться отъ огня японцевъ. Едва только роты разсыпались и двинулись впередъ, какъ сейчасъ же были охвачены смертельнымъ огнемъ — артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ. Спѣшившись съ коня, я взобрался на глинобитную стѣнку одинокой фанзы, слѣдя оттуда за движеніемъ нацѣленныхъ ротъ. Мужественно и энергично роты двигались впередъ и впередъ, а навстрѣчу имъ неслись цѣлыя тучи характерныхъ дымковъ шрапнельныхъ разрывовъ, подъ ногами поминутно поднимались столбы дыма и пыли отъ взрывающихся шимозъ. Сердце кровью обливалось, глядя на эту картину,—какимъ смертоноснымъ ураганомъ врывалась смерть въ наши ряды.

Къ несчастью, солнце начало клониться къ закату и своимъ вечернимъ заревомъ ярко освѣтило для японцевъ наше наступленіе; такъ что у нихъ, навѣрное, виденъ былъ каждый одиночный солдатъ.

Среди этой потрясающей картины страданій и смерти ворвалась и нотка комизма, показавшая мнѣ, между прочимъ, ничтожную сферу разрушенія шимозъ: находясь на флангѣ наступленія баталіоновъ, я вижу какъ барабанщикъ одной изъ ротъ 2-го ба-

таліона отсталъ отъ своей роты, и лѣниво плетется сзади, о чемъ-то замечтавшись. Въ эту минуту шимоза ударила, какъ мнѣ показалось, буквально въ самый барабанъ, мѣдная поверхность котораго искрилась минутами на лучахъ заходящаго солнца. На мѣстѣ барабанщика поднялся большой столбъ земли, пыли, дыма и осколковъ. Я подумалъ въ первую минуту, что едвали отъ барабанщика осталось хоть что-нибудь; но вслѣдъ затѣмъ вижу, что изъ этого грознаго столба смерти—точно встрепанный выскочилъ барабанщикъ, наскоро отмахиваясь въ воздухѣ барабанными палками, отплевываясь отъ забившейся въ ротъ грязи, и какъ подстрѣленный пустился впередъ догонять свою роту, продолжая неистово отмахиваться палками...

А роты безостановочно и лихо несутся впередъ, несмотря на то, что неумолимая смерть напираетъ спереди; ряды таютъ, люди падаютъ поминутно; объ уборкѣ раненыхъ нечего и думать. Къ несчастью, и артиллеріи у насъ нѣтъ. Мы ее не только не видимъ, но съ нашей стороны не слышно ни одного артиллерійскаго выстрѣла; мы наступаемъ подъ губительнымъ огнемъ непріятеля безъ малѣйшей поддержки нашей артиллеріи.

Со стороны штабныхъ 5 корпуса, наблюдавшихъ это наступленіе Псковскаго полка, мнѣ пришлось слышать затѣмъ не мало лестныхъ отзывовъ по адресу неустрашимаго наступленія нашихъ ротъ, подъ губительнымъ огнемъ, въ дивномъ порядкѣ, точно на маневрахъ противъ обозначеннаго противника. Но это стоило намъ жестокихъ жертвъ: менѣе чѣмъ въ одинъ часъ, до остановки ротъ почти передъ самой окраиной Ланшаньпу, у насъ выбыло

изъ двухъ баталіоновъ убитыми и ранеными 6 офицеровъ и 258 нижнихъ чиновъ.

Въ 6-й ротѣ выбыло, такъ сказать, одинъ за другимъ *три командира:* раненъ былъ шт.-кап. Долухановъ, передалъ командованіе поручику Хохолькову; вслѣдъ затѣмъ раненъ и выбылъ поручикъ Хохольковъ, передавъ командованіе фельдфебелю Родіонову; едва вступилъ въ командованіе Родіоновъ,—какъ тоже былъ раненъ и выбылъ... Рота осталась безъ командира... и безъ патроновъ, когда залегли подъ Ланшаньпу. Пока доставили патроны изъ другихъ ротъ,—вызвался лихой барабанщикъ, еврей, собирать патроны съ убитыхъ. Объ этомъ барабанщикѣ солдаты передавали восторженные разсказы о его неустрашимости, лихости и прочихъ воинскихъ добродѣтеляхъ.

Начало уже темнѣть, когда роты наши залегли подъ Ланшаньпу. Атаковать сейчасъ-же деревню, приведенную въ оборонительное состояніе, безъ артиллеріи, съ голыми руками, нечего было и думать. Удивительно, съ какой быстротой японцы укрѣпили деревню и притащили сюда пулеметы. Вѣдь мы дорвались сюда на неостывшія еще, такъ сказать, мѣста, которыя занимались Инсаровскимъ полкомъ и другими частями 5 корпуса. Разбитыя цѣпи инсаровцевъ и златоусцевъ отступали намъ навстрѣчу изъ Ланшаньпу еще во время нашего наступленія. А между тѣмъ, когда мы дорвались до деревни, тамъ не только плотно сидѣли уже японцы, но и стѣнки оказались уже съ бойницами, черезъ которыя выглядывали уже пулеметы, вдали слышно было тарахтѣніе артиллеріи—можетъ быть та самая артиллерія, которая обстрѣливала насъ полъ-часа тому

назадъ—которая, очевидно, тоже подбиралась уже въ Ланшаньпу.

Видя невозможность штурмовать деревню, я приказалъ немедленно окопаться. Это не легко было въ мерзломъ грунтѣ, и прошелъ добрый часъ, пока, пользуясь темнотой, подвезли на осликахъ кирки, мотыги и другой шанцевый инструментъ,—а также, между прочимъ, патроны, въ которыхъ ощущался большой недостатокъ.

Поздно ночью изъ какого-то рва подъ стѣнами Ланшаньпу ползкомъ добрался къ намъ капитанъ и 2 нижнихъ чина Инсаровскаго (кажется) полка; оказалось, что этотъ доблестный командиръ, шестой (кажется) роты ринулся впередъ на японцевъ во главѣ доблестной роты, и ихъ осталось по его словамъ лишь нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ командиръ и два нижн. чина застряли во рву, и тамъ притаились; а затѣмъ, пользуясь темнотой, подползли къ намъ.

Около полуночи меня вызвали въ штабъ 5 корпуса, гдѣ оказались въ сборѣ всѣ наличные начальники. Намъ объявили о полученномъ приказаніи очистить наши позиціи на Шахе и отступить къ укрѣпленіямъ подъ Мукденомъ. Такое рѣшеніе положительно подрывало вѣру въ благополучный исходъ развертывающихся событій: потому что и ребенку ясно было, что назрѣваетъ катастрофа, которую можемъ обернуть въ другую сторону только ринувшись впередъ для прорыва обходящихъ насъ войскъ.

А тѣмъ временемъ не умолкаетъ адская кононада по направленію къ западу отъ Мукдена, несмотря на непроглядную темную ночь; причемъ канонада временами все больше и больше удаляется на сѣ-

веръ,—что указываетъ на то, что обходъ идетъ все глубже, что японцы все подвигаются впередъ. А вѣдь разъ мы стоимъ на мѣстѣ, ни на что не рѣшаясь, каждый шагъ непріятеля впередъ готовитъ намъ гибель.

Не долго продолжалось наше печальное совѣщаніе въ штабѣ корпуса. На лицахъ всѣхъ мрачное уныніе и усталость физическая, отражающая не то апатію, не то глубокое отчаяніе. Роли, наконецъ, распредѣлены, и я въ крайне подавленномъ настроеніи возвращался на нашу позицію, пробираясь верхомъ сквозь непроглядную тьму. Лошадь поминутно пугливо настораживается, натыкаясь въ проулкахъ деревни на одиночныхъ людей, раненыхъ или здоровыхъ, лежащихъ у самой дороги.

Временами, чуть ли не подъ самымъ носомъ, вспыхиваетъ, какъ будто, ружейная перестрѣлка, и мимо ушей жалобнымъ воемъ проносится характерное завываніе пуль. Оказывается, нижніе чины цѣлыми пачками бросаютъ патроны въ костры,—не то шутки ради, не то со злости. Я обратился съ упрекомъ къ толпѣ нижнихъ чиновъ Инсаровскаго полка,—отчего не слѣдятъ за такими мерзавцами, которые жгутъ наши патроны. Мнѣ ничего не отвѣтили, а только вскинули на меня хмурые взгляды изподлобья. Повидимому, начинаются уже признаки деморализаціи,—пока еще робкіе, а впослѣдствіи проявившіеся при отступленіи полнымъ нравственнымъ разложеніемъ. Да и ничего нѣтъ удивительнаго: обстановка кругомъ такая, что можетъ и у стойкаго человѣка убить всякую бодрость духа. Весь горизонтъ на Западѣ пылаетъ зловѣщими заревами: это мы сами жгемъ наши запасы. Эти пожары кругомъ дѣйствуютъ

удручающимъ образомъ на всѣхъ, а въ особенности на нижнихъ чиновъ, которые видятъ тутъ на дѣлѣ, что положеніе печальное, когда приходится жечь собственное добро.

Около 4 час. утра началось отступленіе. Японцы все время,—на протяженіи, по крайней мѣрѣ, около 2—3 верстъ—держатъ насъ подъ снопомъ свѣта отъ прожектора, но не обстрѣливаютъ насъ, а только слѣдятъ за нашимъ движеніемъ—видимо довольны, что мы отступаемъ, а не наступаемъ.

20—22 февраля. Рано утромъ мы прибыли въ Сахэтунь, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ была ставка главнокомандующаго, а теперь здѣсь находился командующій III арміей и его штабъ. Меня потребовали къ начальству. Знакомые штабные товарищи прямо ужаснулись моимъ видомъ, который, вѣроятно, былъ не очень презентабельный. Зато какимъ заманчивымъ раемъ показался мнѣ теплый вагонъ, освѣщенный электричествомъ, съ остатками недопитаго чая въ стаканахъ... Къ сожалѣнію, я могъ только скользнуть взглядомъ на это блаженство, (въ дѣйствительности, впрочемъ, столь же обманчивое, какъ все земное, потому что и тутъ люди невыразимо страдали отъ всего, что творилось кругомъ), такъ какъ я долженъ былъ сейчасъ-же итти къ полку, чтобы отвести людей на бивакъ. Полку назначено было стать бивакомъ при штабѣ III арміи, образуя собою армейскій резервъ.

Какую печальную картину представлялъ собою Сахэтунь,—этотъ до того времени чистенькій уголокъ, служившій пріютомъ для главной квартиры. Остались только бѣлоснѣжныя фанзы съ огромными черными надписями разныхъ штабовъ и тыловыхъ

учрежденій, но оконныя рамы и двери уже мѣстами выбиты; на улицахъ цѣлыя горы всевозможнаго добра. Чего тутъ только нѣтъ: прелестныя чугунныя печки, ящики стекла, телефонные аппараты, разные оконные и дверные приборы, разнообразный строительный матерьялъ. Масса начатыхъ и неоконченныхъ постройкой прелестныхъ деревянныхъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ. Повидимому, ген.-адъют. Куропаткинъ собирался здѣсь зимовать не только въ этотъ годъ, но и въ слѣдующій. Забавно и то, что во всѣхъ этихъ хозяйственныхъ замыслахъ существованіе противника совсѣмъ игнорировалось; устраивались основательно, а въ то же время стремительно обращались вспять, какъ только зашевелятся японцы. Слѣдуетъ еще отмѣтить вотъ что: всѣ эти дома строились для зимы, но поспѣли какъ разъ весною, чтобы достаться японцамъ.

Пользуясь остановкой въ Сахэтуни, я разослалъ въ разныя стороны развѣдчиковъ, чтобы узнать,—что у насъ дѣлается по сосѣдству, и какія тамъ дѣйствуютъ войска. Приходится объ этомъ заботиться самому, потому что отъ начальства можно надѣяться получить какія-нибудь оріентировочныя свѣдѣнія когда время спокойное, и тихо-мирно кругомъ: тогда работаютъ штабы и канцеляріи, и съ разными исходящими обращаются внимательно. Но въ такое время какъ сейчасъ, не только не вспомнятъ о присылкѣ оріентировочныхъ свѣдѣній, но буквально забываютъ о существованіи цѣлыхъ частей войскъ, какъ это случилось 21 февраля съ 1-мъ Восточно-Сиб. стр. полкомъ, который *трое сутокъ* оставался у дер. Кинтянтюня, совершенно забытый начальствомъ — тогда, когда каждый штыкъ долженъ былъ быть на учетѣ.

Отъ моихъ развѣдчиковъ я получилъ замѣчательно обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось къ югу и къ западу отъ Сахэтуня по линіи дд. Бейтанцзыинъ — Бейтацзы — Эльтхайза — Худяпу—Мадяпу.

Непосредственно около Сахэтуня огромное пространство занято сплошь березовыми и сосновыми дровами, заготовленными для желѣзной дороги, когда не надѣялись получить въ достаточномъ количествѣ каменный уголь изъ Фушунскихъ копей. Но эти дрова охраняются дневальными желѣзнодорожной или пограничной стражи, которые близко не подпускаютъ нашихъ солдатъ воспользоваться полѣномъ, чтобы разложить костеръ и согрѣться сколько нибудь. И смѣшно, и больно: стоятъ лютые морозы, доходящіе до 20° R; мы уже вторые сутки мотаемся въ бою, замучены холодомъ и голодомъ; и тутъ-же около насъ, безъ преувеличенія, *десятки тысячъ* сажень дровъ, которые не сегодня-завтра сами поджигать будемъ, а нельзя взять оттуда полѣна, ибо приставленъ *часовой*, котораго мы обязаны щадить какъ лицо неприкосновенное. Очевидно, это часовые *забытые*, потому что „тылъ“, со всѣми его учрежденіями и начальниками, давно испарился изъ этихъ мѣстъ; убрались на сѣверъ и тѣ, которые ставили этихъ часовыхъ къ дровамъ, но дрова остались, а о часовыхъ забыли. Я ужъ рѣшилъ было снять часовыхъ, когда увидѣлъ, что наши солдаты сами нашли способъ, что называется, и невинность соблюсти и дрова пріобрѣсти: подходятъ къ часовому одинъ-два солдата, и начинаютъ ему зубы заговаривать насчетъ „страженія“, какое у насъ было вчера; а тѣмъ временемъ десятокъ молодцовъ съ

другого конца таскаютъ огромныя охапки дровъ. Черезъ полчаса нашъ бивакъ запылалъ многочисленными кострами, на виду часовыхъ, которые оставались неприкосновенными на своихъ постахъ.

23 февраля. Приказано отступить прямо къ Мукдену и стать около южныхъ воротъ города. Безконечные стапеля дровъ мѣстами поливаютъ керосиномъ и поджигаютъ. Но это „исполненіе номера", не больше: потому что, чтобы уничтожить пожаромъ эту массу дровъ нужны *недѣли*, а японцы уже въ Суятунѣ, черезъ 2—3 часа они будутъ здѣсь и потушатъ начинающійся пожаръ; обгоритъ какой-нибудь десятокъ саженъ, не больше. Такъ эта исторія повторяется не только съ дровами, но и съ бунтами зерна и всякими иными запасами: зажгемъ и уйдемъ, утѣшая себя мыслью, что предано огню, а не досталось врагу; но это самообманъ, къ сожалѣнію, неизбѣжный при отступленіи,—такъ какъ поджигаютъ вѣдь въ послѣднюю минуту.

Едва лишь я вышелъ изъ лачужки, въ которой провелъ ночь, какъ и она запылала яркимъ трескучимъ пламенемъ... Какимъ образомъ? Кто поджегъ? Откликнулся полковой адъютантъ А. П. К—во, ночевавшій тутъ вмѣстѣ со мною.—„А это я поджегъ, г. полковникъ, чтобы не досталось японцамъ"...

Это вѣдь неизбѣжная логика при отступленіи, когда по пятамъ идетъ врагъ, который становится здѣсь хозяиномъ и воспользуется всѣмъ, что останется.

Тронулись въ походъ. На каждомъ шагу натыкаемся на грустные эпизоды, неразлучные съ отступленіями... жгутъ интендантскіе склады; и интендантскіе чиновники сами подзываютъ нижнихъ чи-

новъ, предлагая имъ взять все, что угодно—сахаръ, чай, печенье, не говоря уже объ обычныхъ предметахъ солдатскаго довольствія.

Къ сожалѣнію, солдаты не дожидаются иногда приглашенія, и сами бросаются къ пожарищамъ, видя, что пламя охватываетъ и лижетъ что-нибудь лакомое или цѣнное, и стараются набить себѣ карманы совсѣмъ ненужными предметами. А между тѣмъ,—одинъ видъ такихъ картинокъ дѣйствуетъ на солдата опьяняющимъ образомъ а собственное его участіе въ этомъ развалѣ неминуемо отравляетъ совѣсть и подкашиваетъ моральную стойкость. Но, двигаясь длинной колонной, нѣтъ возможности усмотрѣть за всѣми,—смотришь кто-нибудь выбѣжитъ къ пылающему вблизи дороги интендантскому складу, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь.

Около р. Хуньхе остановились на привалѣ. Къ счастью, подвезли намъ на встрѣчу походныя кухни, и явилась возможность накормить людей горячей пищей, которую давно не видѣли. Во время остановки подполковникъ К—въ подходитъ ко мнѣ и, многозначительно улыбаясь, показываетъ мнѣ что-то таинственно подъ полой полушубка: оказываются новехонькіе генеральскіе погоны...

— „Откуда добыли такую штуку?“

— „А это, г. полковникъ, я сохраню непремѣнно для васъ“.

— „Ну, цыплятъ по осени считаютъ. Но откуда вы добыли новые погоны?“

— „Это солдаты поживились тутъ при поджогѣ интендантскаго склада. Капитану Х. достался прелестный бинокль Цейса, подпоручику N новое одѣяло, врачу Z новый генеральскій полушубокъ. Мнѣ до-

стались вотъ эти чоботы,—при этомъ подполковникъ К—въ, развернувъ полы полушубка, показалъ мнѣ весьма дорогіе мѣховые сапоги, тоже новехонькіе. „А это вотъ“—прибавилъ подполк. К—въ, указавъ на погоны—„это я пріобрѣлъ для васъ, чтобы мои погоны были первые“.

— „Но скажите, пожалуйста, неужели офицеры сами добывали эти вещи?“

— „Боже упаси! Офицеры пріобрѣли вещи за деньги у нижнихъ чиновъ. Интендантскіе чиновники кликнули нижнимъ чинамъ:—подходите, молъ, берите что хотите; приказано все въ мигъ-секунду либо вывезти, либо жечь; вывозить не на чемъ; такъ что жечь будутъ. Вотъ и разобрали что было. А офицеры купили у нижнихъ чиновъ. Я вотъ за сапоги и погоны далъ 3 руб., за бинокль заплатили тоже 3 или 5 руб.“...

— „Вѣдь это нехорошо“,—скажутъ, пожалуй, ригористы морали. Но какъ тутъ судить строго, когда все рушится, все тонетъ въ общемъ горѣ. Гдѣ-жъ тутъ до этики! Не до жиру—быть бы живу.

Съ этими генеральскими вещами неизвѣстнаго генерала попавшими въ Псковскій полкъ обнаружилась слѣдующая замѣчательная игра судьбы: по маленькой печаткѣ, найденной въ карманѣ полушубка, извѣстно стало, что вещи эти принадлежатъ весьма близкому къ Псковскому полку—бывшему командиру 12 Великолуцкаго полка ген.-м. Луганину...

Начало уже темнѣть, когда мы прибыли на назначенный намъ бивакъ, къ юго-востоку отъ Мукдена, около небольшой деревушки Чинуанфанъ. Всѣ окресности этой деревни, на обширное пространство кругомъ, были запружены огромнымъ арбянымъ тран-

спортомъ, съ возницами—китайцами, стадами скота, бунтами зерна, около которыхъ лихорадочно копошились и суетились разные фурштаты. Настоящій татарскій таборъ временъ Батыя!... Тутъ-же безпомощно топтался на мѣстѣ начальникъ транспорта, какой-то подполковникъ, дряхлый старикашка, выглядывавшій лѣтъ 60—70, который слезливо плакался на судьбу, повторяя поминутно — „Боже мой! съ транспортомъ попалъ вдругъ въ передовыя линіи. А тутъ, говорятъ, и японцы уже близки. Развѣ это порядокъ? Запрягайте ребятушки скорѣй-скорѣй, торопитесь". „Нѣтъ! не выберемся отсюда. Насталъ мой послѣдній часъ"...

Старикъ бился и причитывалъ, а его утѣшала... обворожительнѣйшая молоденькая женщина, которая бросала зажигательные взгляды въ сторону нашихъ молодыхъ офицеровъ. Эти послѣдніе тоже воспрянули духомъ, очарованные несказанной прелестью нашего бивака, и на минуту забыли и о японцахъ, и о нашемъ печальномъ отступленіи, увлекшись подкручиваніемъ усовъ и молніеносными взглядами...

Черезъ часъ—другой, однако, транспортъ вытянулся по дорогѣ. Кряхтя и причитывая, престарѣлый начальникъ транспорта влѣзъ въ кибитку, а наша молодежь десяткой рукъ подсаживала туда промелькнувшую на нашемъ бивакѣ свѣтлымъ метеоромъ обворожительную фею, обмѣниваясь съ нею долгими сочувствующими взглядами, которые безъ словъ говорили такъ много о молодости и любви—предметахъ живучихъ и клокочущихъ даже передъ лицомъ смерти.

Я воспользовался свободной минутой и расположеніемъ моего бивака около Мукдена, и отправился на то мѣсто на берегу Хуньхе, гдѣ всю зиму рас-

положенъ былъ нашъ обозъ II разряда, и гдѣ былъ хозяйственный складочный пунктъ полка. Обозы давно уже, около недѣли тому назадъ, угнаны далеко къ сѣверу отъ Мукдена. Вездѣ и всюду жгутъ теперь оставленное имущество. Хотѣлось посмотрѣть —что достанется японцамъ отъ Псковскаго полка.

Къ чести моей хозяйственной части надо сказать, что у насъ оказались предусмотрительнѣе и заботливѣе, по сравненію съ тѣмъ, что я увидѣлъ въ другихъ полкахъ. Обозы II разряда и все хозяйство частей 17 корпуса были всю зиму расположены на правомъ берегу Хуньхе на участкѣ между Мандаринской и желѣзной дорогами. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ обозъ Псковскаго полка, я нашелъ брошенными нѣсколько круговъ бобовыхъ жмыховъ и семь солдатскихъ посылокъ, принадлежавшихъ нижнимъ чинамъ, выбывшимъ изъ полка; и только.

На мѣстахъ стоянокъ другихъ полковъ оставлены были горы фуража и всякаго иного добра, которое, очевидно, не въ силахъ были поднять. Были даже и брошенныя винтовки,—можетъ быть поврежденныя.

Посылки мы забрали съ собою, и, по возвращеніи на бивакъ устроилъ сейчасъ-же аукціонъ содержавшимся въ нихъ вещамъ между офицерами и нижними чинами. Оказались вещи нужныя, за которыя выручено было 38 руб. съ копейками, впослѣдствіи отосланныя родственникамъ убитыхъ.

Утромъ 24 февраля начался ужаснѣйшій ураганъ. Ничего подобнаго никогда въ жизни не видѣлъ. Непроницаемая желтая пыль съ невѣроятной силой кружилась и носилась съ запада, наполняя все пространство такой мглой, что на разстояніи шага нельзя было разглядѣть что-нибудь, несмотря

ни на какое напряженіе зрѣнія. И тутъ природа вооружилась противъ насъ: ураганъ носился съ запада на востокъ, т. е. японцамъ попутный, а намъ бьетъ навстрѣчу; да съ такой силой, что съ ногъ валитъ; требовалось порядочное усиліе, чтобы удержаться на ногахъ.

Около 2 часовъ дня я услышалъ разсказы офицеровъ и нижнихъ чиновъ, что японскую кавалерію будто-бы, видѣли въ Мукденѣ. Я старался разъяснить, что этого быть не можетъ, такъ какъ вся наша многочисленная кавалерія находится именно на правомъ флангѣ, къ западу отъ Мукдена. Но, чтобы положить конецъ всѣмъ толкамъ, я приказалъ начальнику конно-охотн. команды шт.-кап. В—и съѣздить въ Мукденъ и разузнать основательно. Оказалось, какъ увѣряли въ Мукденѣ, что 8 японскихъ кавалеристовъ, одѣтые въ нашихъ шинеляхъ, пользуясь ураганомъ, пронеслись, будто-бы, черезъ весь городъ, ворвавшись въ западныя ворота и исчезнувъ черезъ южныя. Не берусь судить насколько въ этихъ толкахъ было истины: вполнѣ возможно, что распаленное воображеніе, въ связи съ необычайнымъ ураганомъ, породили еще всевозможные другіе фантастическіе призраки.

Замѣчательно, что по разсказамъ В—и чиновникъ или управляющій русско-китайскаго банка въ Мукденѣ, съ которымъ онъ говорилъ около 2-хъ часовъ дня, выражалъ недоумѣніе, что до сихъ поръ нѣтъ распоряженія главнокомандующаго о вывозѣ капиталовъ банка изъ Мукдена. Дѣйствительно странно: неужели банковскіе капиталы нужны въ боевой линіи для успѣха нашихъ операцій? А вѣдь по увѣренію чиновника, въ банкѣ имѣются десятки милліоновъ казенныхъ денегъ.

Китайцы въ Мукденѣ наглѣютъ все больше. По разсказамъ В—и поймано много китайцевъ, сигнализировавшихъ японцамъ съ крышъ разныхъ зданій.

Не долго пришлось намъ стоять на нашемъ бивакѣ. Около полуночи меня потребовали въ штабъ Ш арміи, гдѣ передали о полученномъ приказаніи главнокомандующаго отступить на сѣверъ, къ Тѣлину...

Я изложилъ до сихъ поръ то, что пережито было мною лично и моимъ полкомъ во время развертывавшейся потрясающей драмы подъ Мукденомъ. Но, чтобы дать сколько нибудь осмысленное повѣствованіе о постигшемъ насъ позорномъ отступленіи отъ Мукдена и о послѣдовавшихъ событіяхъ, считаю себя обязаннымъ дать хотя-бы схематическій очеркъ общаго хода сраженія подъ Мукденомъ, — такъ какъ только при этомъ условіи можно уяснить себѣ обстановку, которая окружала насъ самихъ, а также и общую печальную картину этого чудовищнаго побоища.

Схематическій очеркъ сраженія подъ Мукденомъ.

Выше указано было съ какой энергіей японцы повели демонстративныя дѣйствія противъ нашего лѣваго фланга, обрушившись неистовыми атаками на Цинхенченскій отрядъ. Не довольствуясь дѣйствіями противъ нашего крайняго лѣваго фланга японцы повели атаки и на сопредѣльный съ нимъ фронтъ 3 и 4-го сибирскихъ корпусовъ, а частію также и на фронтъ 1 армейскаго корпуса.

Въ отвѣтъ на эти демонстративныя дѣйствія японцевъ предприняты были и съ нашей стороны

попытки демонстрацій на фронтѣ 17 корпуса, но не съ какой-нибудь самостоятельной цѣлью, а просто реагируя на атаки японцевъ, надѣясь нашими демонстраціями въ центрѣ притянуть туда вниманіе противника. Но и эта цѣль не могла быть достигнута, такъ какъ наши демонстраціи, какъ и при Шахейской наступательной операціи, представляли собою покушеніе съ негодными средствами. Вотъ дословная программа демонстративныхъ дѣйствій нашего центра въ эти дни, которую мы получили 12 февраля.

„*12 февраля, съ 6 час. вечера:* обстрѣливаніе дальнобойными полевыми орудіями раіона Ламатунь-Линшинпу—5 очередей въ 1 часъ времени.

Огонь можетъ быть открываемъ и всѣми батареями, но по указанію начальниковъ участковъ, дабы не обнаружить позицій батарей.

Ночью войсками должна быть усилена бдительность на позиціи.

13 февраля: а) Съ утра: обстрѣливаніе бомбами изъ мортиръ и 6-ти дюймовыхъ орудій головы моста на р. Шахе, Сосновой (черной) рощи и печей-редюитовъ. Для этого назначается 230 мортирныхъ бомбъ и 48 бомбъ для 6-ти дюйм. осадн. орудій. Огонь открывается и распредѣляется по усмотрѣнію начальника 3-ей пѣх. дивизіи.

б) Съ 6 час. вечера: обстрѣливаніе полевыми скорострѣльными батареями Линшинпу и раіона къ западу отъ нея, Ламатуни и раіоновъ къ востоку, югу и юго-востоку.

Въ ночь съ 13-го на 14-ое февраля: атака охотниками 10-го и 12-го полковъ головы моста, съ поддержкою ротъ 10-го полка, по усмотрѣнію начальника 3-ей пѣх. дивизіи.

Атака охотниками частей 35-ой пѣх. дивизіи, съ поддержкой одной или 2-хъ ротъ Моршанскаго полка, Сосновой рощи, по распоряженію нач—ка 35-ой пѣх. дивизіи; часъ атаки будетъ опредѣленъ особо. Атака поддерживается скорострѣльной артиллеріей, обстрѣливающей этотъ участокъ между Ламатунемъ и Линшинпу шкалою впередъ.

Огонь артиллеріи открыть по усмотрѣнію нач. дивизій.

Овладѣвши головой моста и Сосновой рощей укрѣпиться въ нихъ; дальнѣйшая ружейная огневая поддержка по усмотрѣнію начальниковъ дивизій“.

Какъ это все предусмотрительно размѣрено и взвѣшено, и какъ эти демонстраціи отличаются отъ демонстративныхъ штурмовъ японцевъ на нашу укрѣпленную позицію, вынудившихъ отрядъ ген.-лейт. Алексѣева очистить Цинхенченъ и отступить къ Далину.

Ген.-адъют. Куропаткинъ вполнѣ дался обману, и все, что могъ, направилъ на усиленіе I-й арміи: 11 февраля, какъ замѣчено выше, туда съ крайняго праваго фланга передвинутъ былъ 1 сиб. корпусъ, составлявшій резервъ II арміи; вслѣдъ затѣмъ двинута оттуда же, въ Фушунъ, бригада 6 Вост.-Сиб. стрѣлк. дивизіи, бригада 72 пѣх. дивизіи, 146 Царицынскій полкъ и другія части. Всего на усиленіе I-й арміи главнокомандующій собралъ и двинулъ 42 баталіона и 128 орудій.

Тѣмъ временемъ, пока ген.-адъют. Куропаткинъ урывалъ все что могъ со своего праваго фланга, японцы, подъ шумъ атакъ на Цинхенченъ, сосредоточивали свои силы на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ для обхода II-й арміи...

Къ несчастью, именно въ это время (12 февраля) расформированъ былъ находившійся здѣсь Ляохейскій отрядъ. Пять съ половиною мѣсяцевъ, *почти полъ-года*, этотъ отрядъ болтался здѣсь совершенно безъ всякаго дѣла, отвлекая непроизводительно довольно значительныя силы (6—8 батал., 9—10 эск. и сот. и 16 орудій); и какъ-разъ къ серединѣ февраля, когда начался роковой для насъ обходъ японцевъ, Ляохейскій отрядъ былъ расформированъ. Сдѣлать это, положимъ, нужно было уже давно. Но надо же, на бѣду, чтобы это расформированіе было произведено именно въ это время!...

Какъ тутъ не сказать, что насъ въ эту злосчастную войну преслѣдуетъ и злой Рокъ, помимо нашихъ собственныхъ благоглупостей и оплошностей!..

Впрочемъ, правый флангъ нашъ не оставался безъ наблюденія. Здѣсь находился многочисленный конный отрядъ ген.-адъют. Мищенко, которымъ командовалъ ген.-лейт. Реннекампфъ съ 14 января (когда раненъ былъ ген.-а. Мищенко) до 14 февраля; въ этотъ день ген.-лейт. Реннекампфъ отозванъ былъ главнокомандующимъ и направленъ къ Цинхенченскому отряду, на мѣсто устраненнаго отъ командованія ген.-лейт. Алексѣева. Затѣмъ, на правомъ флангѣ находился еще конный отрядъ ген.-м. Грекова. Этимъ послѣднимъ обнаружено было 14 февраля, что значительныя силы японцевъ сосредоточиваются противъ нашего праваго фланга, гдѣ они заняли уже дд. Калямa и Талантоцзы,... служившія долгое время центромъ расположенія Ляохейскаго отряда.

15 февраля ген.-м. Грековъ доносилъ командующему II арміей: „На линіи Талантоцзы—Сидятурлъ—Нандятурлъ столкнулись съ передовыми частями

японцевъ. Пѣхота ихъ оттѣснена нами съ этой линіи. За передовыми частями японцевъ проходятъ колонны съ юга на сѣверъ. Пока насчиталъ два полка. Изъ Калямы пѣхота дебушировала на сѣверъ; къ Калянѣ подходитъ дивизія пѣхоты съ артиллеріей; вслѣдъ двигается другая колонна съ юга. Обѣ колонны наступаютъ лѣвымъ берегомъ Ляохе. Силы японцевъ отъ Калямы наблюдаются нашими разъѣздами. Силы противника на линіи Талантоцзы видны намъ. Колонны противника обстрѣливаю артиллерійскимъ огнемъ. Противникъ безостановочно двигается на сѣверъ".

Ясно было, что противъ праваго фланга японцы предпринимаютъ что-то серьезное. Представляется замѣчательнымъ тактическій пріемъ японцевъ, которымъ они искусно маскируютъ свои намѣренія: противъ Цинхенченской позиціи—гдѣ ведется собственно демонстрація—они бьются на-смерть, а противъ нашего праваго фланга—гдѣ готовится настоящій ударъ—они на первыхъ порахъ напираютъ слабо, и даютъ себя оттѣснить съ линіи Талантоцзы—Нандятурлъ. Этимъ путемъ они все больше и больше укрѣпляли засѣвшую въ головѣ ген.-адъют. Куропаткина мысль,—что японцы ведутъ настоящую атаку на I-ю армію съ цѣлью прорваться на Фушунъ.

Все же главнокомандующій нисходитъ къ увѣщаніямъ штаба II-й арміи, и рѣшается на полумѣру: 15 февраля онъ направляетъ въ Каулитунь бригаду пѣхоты съ тремя батареями, подъ начальствомъ ген.-лейт. Биргера, чтобы „остановить"(!) наступленіе японцевъ. Что могла сдѣлать тамъ бригада, когда на глазахъ отряда ген. Грекова пробралась уже на сѣверъ по меньшей мѣрѣ цѣлая дивизія? Кончилось

тѣмъ, что бригада ген. Биргера оказалась отрѣзанной отъ Мукдена, и спаслась отъ гибели кружнымъ путемъ послѣ всевозможныхъ мытарствъ, направившись, по указанію главнокомандующаго на Хушитай „для охраны желѣзной дороги"; только нѣсколько ротъ, оторвавшись отъ бригады, пробрались въ Мукденъ.

Съ часу на часъ, начиная съ 15 февраля, обстановка выяснялась съ убійственной очевидностью:— что врагъ не задумалъ только, но выполняетъ уже, на нашихъ глазахъ, дьявольскій планъ для нашей гибели; а главнокомандующій все еще стоитъ—точно завороженный дѣйствіями на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и ни на что не рѣшается, въ то время, когда петля уже нависла надъ нами, когда каждая минута приближала насъ къ гибели. Предполагалось сначала наступать II арміей, правымъ флангомъ; но, когда японцы зашевелились противъ Цинхенчена, сейчасъ-же отказались отъ этой мысли. Рѣшено было тогда перейти въ наступленіе I арміей, лѣвымъ флангомъ; но и отъ этого намѣренія отказались, когда ген. Линевичъ не обнаружилъ въ достаточной мѣрѣ наступательнаго импульса.

А событія, тѣмъ временемъ, развертывались своимъ чередомъ; съ каждымъ часомъ становилось извѣстнымъ, что японцы подвигаются все далѣе впередъ, на сѣверъ, захватывая нашъ тылъ все глубже и глубже. Тогда главнокомандующій сталъ вырывать войска изъ длинной кордонной кишки нашего фронта и формировать отдѣльные импровизированные отряды (сѣверный—ген. Лауницъ, резервъ де-Витта и друг.), которые направлялись къ западу отъ Мукдена, чтобы парировать обходъ японцевъ. Каша полу-

чилась невѣроятная. Были отряды, которые утромъ сформированы, а къ вечеру расформированы—таяли и испарялись не отъ потерь, а отъ безалаберщины, отъ общей растерянности, которая, повидимому, совсѣмъ парализовала верхи нашей арміи.

17 февраля дѣлается жалкая попытка перехода въ наступленіе частью II арміи; но послѣ перваго же столкновенія у Санлинпу командующій арміей рѣшаетъ отступить. Тогда ген.-адъют. Куропаткинъ рѣшилъ сосредоточить II армію на правомъ берегу Хуньхе,—все еще не разставаясь съ мыслью о переходѣ въ наступленіе, но все не рѣшаясь перейти отъ мысли къ дѣлу: въ своей директивѣ отъ 18 февраля главнокомандующій указываетъ о сосредоточеніи II арміи на правомъ берегу Хуньхе и напоминаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ зависимости отъ успѣшнаго сбора войскъ на указанныхъ имъ мѣстахъ, если мы сами не будемъ сегодня атакованы противникомъ, завтра или послѣ завтра (!!) намъ надлежитъ перейти въ энергичное наступленіе противъ обходящихъ нашъ правый флангъ японцевъ“. При этомъ главнокомандующій запрещаетъ „частичный переходъ въ наступленіе войскъ, собранныхъ противъ Санлинпу, пока мы не двинемся всѣми силами“. Но японцамъ при данной обстановкѣ важны были выигрышъ пространства и времени,—что имъ прекрасно давалось при нашей неподвижности и нерѣшительности; вечеромъ 18 февраля японцамъ удалось захватить и Сухудяпу, получивъ, благодаря этому, возможность наносить удары не только во флангъ, но и въ тылъ III-й арміи.

20 февраля II армія собралась, наконецъ, перейти въ наступленіе. Но къ этому времени обходъ Ноги

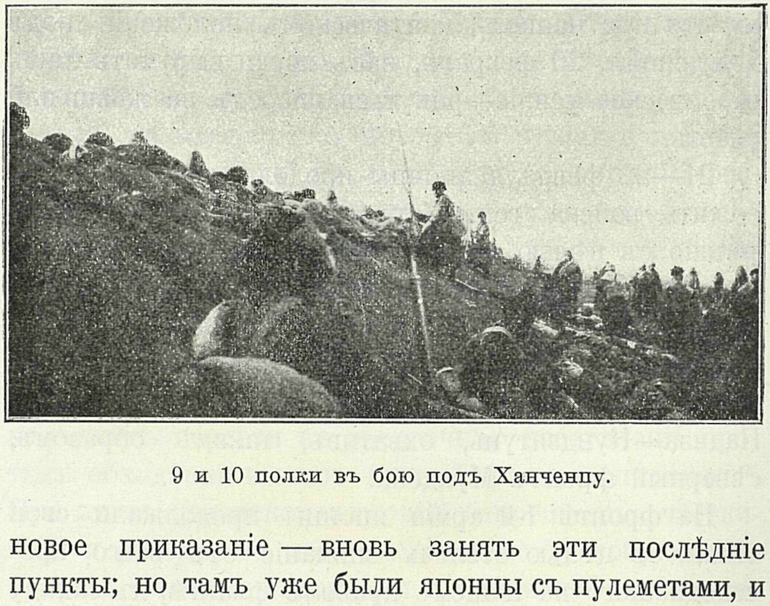
развился и упрочился настолько, что японцамъ самимъ представилась минута удобная для атаки нашихъ войскъ. Встрѣчное наступленіе съ обѣихъ сторонъ, въ районѣ дд. Мадяпу—Сяохентунь, при вялыхъ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны, кончилось тѣмъ, что наша попытка перехода въ наступленіе была парализована въ самомъ началѣ. А это для насъ было равносильно гибели: потому что при нашемъ критическомъ положеніи подъ Мукденомъ, 20 февраля, насъ могло выручить лишь героическое усиліе—ринуться впередъ на жизнь или смерть.

21—22 февраля японцы продолжали слегка тревожить войска ген. Каульбарса; но это дѣлалось только съ цѣлью маскировать происходившее въ это время, за спиною выставленныхъ заслоновъ, фланговое движеніе частей 9-й японской дивизіи на сѣверъ. Совершивъ ночной фланговый маршъ, эта дивизія къ вечеру 22 февраля заняла фронтъ по линіи дд. Падяза—Кундзятунь, охвативъ, такимъ образомъ, сѣверный фронтъ Мукдена.

На фронтѣ I-й арміи японцы продолжали свои атаки, съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ всего происходившаго на нашемъ правомъ флангѣ, къ западу отъ Мукдена. На фронтѣ III-й арміи японцы ограничивались наблюденіемъ и стрѣльбой изъ тяжелыхъ орудій.

Послѣ упомянутыхъ выше жалкихъ попытокъ перехода въ наступленіе II-й арміей, главнокомандующій отказывается совершенно отъ активныхъ дѣйствій и приказалъ I и III арміямъ бросить свои позиціи на Шахе и отступить къ Мукдену, гдѣ занять укрѣпленія на обоихъ берегахъ Хуньхе. Нѣкоторымъ

полкамъ нашей дивизіи пришлось тутъ испытать въ районѣ дд. Ханченпу—Сыфонтай то же самое, что мнѣ пришлось наблюдать съ разсвѣтомъ 20 февраля около дер. Тасудяпу: когда 9 и 10 полки очистили столь памятные намъ окопы подъ Линшинпу, а вслѣдъ затѣмъ оставили также (неизвѣстно по чьему приказанію) и дд. Сыфонтай и Ингоа — получилось

9 и 10 полки въ бою подъ Ханченпу.

новое приказаніе — вновь занять эти послѣдніе пункты; но тамъ уже были японцы съ пулеметами, и вырвать у нихъ эти деревни, которыя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ были въ нашихъ рукахъ, оказалось не такъ легко. Трудно сказать, кто тутъ виноватъ; но въ результатѣ, отъ 9 и 10 полковъ полегло безъ всякой пользы и безъ успѣха свыше 700 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ—при штурмѣ деревень, которыя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ отданы были нами японцамъ безъ боя.

То же самое повторилось и около дер. Тасудяпу;

то же самое было, вѣроятно, и съ нѣкоторыми другими пунктами. При растерянности сверху, и при повальныхъ неудачахъ на каждомъ шагу, такая безтолочь является совершенно неизбѣжной.

Отступленіе I и III армій дало возможность Ойямѣ направить на усиленіе обходящей арміи Ноги все, что дѣйствовало противъ нашего центра—главнымъ образомъ армію Оку. Такимъ образомъ, на критическомъ фронтѣ, къ сѣверо-западу отъ Мукдена, японцы еще болѣе усилились. Главнокомандующій тогда только увидѣлъ серьезность положенія, и вечеромъ 24 февраля рѣшаетъ немедленно предпринять отступленіе всѣми силами и обозами.

Катастрофа была неизбѣжна.

Памятное отступленіе.

Какъ упомянуто было выше, около часа-двухъ ночи я получилъ приказаніе объ отступленіи. Въ переданномъ намъ устномъ приказаніи упоминалась ссылка на какой-то стародавній приказъ, въ которомъ, повидимому, указывалось распредѣленіе этапныхъ путей между арміями и корпусами:—отступленіе указывалось совершить въ томъ порядкѣ и по тѣмъ путямъ, которые указаны въ такомъ-то приказѣ *). Ясно было, что это форменная штабная

*) Придерживаясь своего дневника, привожу здѣсь впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ онѣ отмѣчены на мѣстѣ; приказъ, къ сожалѣнію, въ дневникѣ не приведенъ. Все указанное здѣсь происходило при огаркѣ въ какой-то фанзѣ, и видно было, что едва ли кто думалъ разыскивать приказъ, на который дѣлалась ссылка. А между тѣмъ, все это имѣло огромное значеніе при отступленіи.

отписка: приказъ свыше, очевидно, писался въ настроенiи тревожномъ, перечислить и указать распредѣленiе путей—некогда, а потому ограничились простой ссылкой.

25 февраля. Порядокъ и начало движенiя указаны были намъ на словахъ. Вмѣстѣ съ тремя баталiонами *) я долженъ былъ двигаться въ общей колоннѣ армейскаго резерва III армiи, который состоялъ изъ баталiона Самарскаго полка, баталiона Прагскаго полка, баталiона Юхновскаго полка, 2—3 баталiоновъ Белебеевскаго полка и какой-то поршневой батареи. Мѣсто въ колоннѣ мнѣ указано было послѣ батареи. На обширномъ бивакѣ, запруженномъ всевозможными обозами, кипѣла уже зловѣщая лихорадочная суета.

Все это происходило около 2—3 часовъ ночи. Кругомъ—тьма кромѣшная; но атмосфера буквально насыщена тревогой, суетой и руганью. Предчувствуя, что наше отступленiе не будетъ обыкновеннымъ отступательнымъ маршемъ, я, сдѣлавъ необходимыя распоряженiя, подвелъ командира 4-го баталiона подполк. К—ва и командира 15 роты шт.-кап. М—ча къ батареѣ, за которой мы должны были слѣдовать въ колоннѣ, приказалъ имъ „сидѣть верхомъ“ на самой батареѣ, и не позволить никому прервать колонну. Но едва лишь мы тронулись въ глубокой темнотѣ, и я успѣлъ, насколько позволяла темнота, нащупать голову и хвостъ моей колонны, — какъ меня взяло сомнѣнiе относительно направленiя нашего движенiя. Пробравшись съ трудомъ опять къ

*) 3-й баталiонъ былъ командированъ въ распоряженiе к-ра 6 сиб. корпуса.

головѣ колонны, чтобы удостовѣриться относительно положенія другихъ частей войскъ, я обратился съ вопросомъ къ моимъ колонновожатымъ, подполковнику К—ву и шт.-кап. М—чу:

— „А пушки гдѣ, которыя я вамъ сдалъ?“

— „Пушки? пушки тутъ; вотъ онѣ“,—отвѣтили мнѣ изъ темноты.

Всмотрѣвшись впотьмахъ въ эти пушки, я увидѣлъ, что пушки-то есть, но не поршневыя, а полевыя... Оказалось, что съ перваго же шага въ нашу колонну врѣзалась какая-то полевая батарея; а мои колонновожатые, нащупавъ въ темнотѣ какія-то пушки, на этомъ успокоились, и, цѣпко держась за хвостъ чужой батареи, потянули и колонну не туда, куда слѣдовало.

Такимъ образомъ, съ самаго начала движенія получилась уже каша. Двигалась сплошь какая-то лавина изъ войскъ, обозовъ и транспортовъ. Я предполагалъ было задержаться и выждать разсвѣта, чтобы оріентироваться, но тревожила мысль, что мы оторвались отъ общей колонны армейскаго резерва, въ которомъ мы состояли.

Начало уже свѣтать, когда мы, обогнувъ восточный фасъ Мукдена, подходили къ началу Мандаринской дороги, отходящей въ Тѣлинъ. Въ это время въ тылу у насъ послышались тревожные выстрѣлы, а вслѣдъ затѣмъ въ предразсвѣтной мглѣ понеслись бѣглецы, пѣшіе и конные; бѣгутъ и кричатъ, что „японская кавалерія въ тылу“. Несутся верхомъ въ паническомъ страхѣ и ѣздовые какой-то батареи, позвякивая желѣзомъ постромокъ... Значитъ, бросили уже пушки, или зарядные ящики.

Я повернулъ полкъ кругомъ и двинулся навстрѣчу

бѣгущимъ, а въ то же время приказалъ конноохотничьей командѣ двинуться рысью впередъ и выяснить въ чемъ дѣло,—хотя и безъ того было ясно, что тамъ ничего и быть не можетъ, а это только шалые выстрѣлы. Это наше обратное движеніе, навстрѣчу бѣгущимъ, подѣйствовало на нихъ отрезвляющимъ образомъ, лучше всякихъ увѣщаній. Бѣгство сейчасъ же прекратилось, а черезъ нѣсколько минутъ неслись обратно и ѣздовые — дѣйствительно, какъ оказалось, къ брошеннымъ уже было пушкамъ.

При обратномъ движеніи къ Мукдену мы опять наткнулись на знакомый намъ арбяной транспортъ. При наступившемъ уже свѣтѣ дня мы узнали этотъ транспортъ по стоявшей у дороги распряженной кибиткѣ, которая такъ недавно увезла отъ увивавшихся нашихъ офицеровъ волшебную нимфу... Она и сейчасъ безмятежно спала въ кибиткѣ, рядомъ съ сидѣвшимъ около нея дряхлымъ начальникомъ транспорта. За $1^1/_2$ сутки этотъ транспортъ отмахалъ 5 верстъ!...

— „Должно быть достанемся японцамъ", — изрекалъ старикъ съ тупымъ отчаяніемъ.

Больше ужъ мы не встрѣчались; мнѣ такъ и осталось неизвѣстнымъ,—дѣйствительно ли достались японцамъ отъ насъ и такія трофеи какъ вотъ эта парочка. Присутствіе обѣихъ этихъ половинъ на театрѣ войны—и этого дряхлаго старика, при исполненіи отвѣтственныхъ обязанностей начальника транспорта, и этой молоденькой женщины, тоже для исполненія своихъ обязанностей услажденія жизни на войнѣ—служитъ лучшимъ показателемъ служебной распущенности и нравственнаго разложенія нашихъ былыхъ воинскихъ доблестей.

Около 9 часовъ утра мы подошли къ дер. Эртайцзы, все еще не находя никакихъ признаковъ движенія другихъ частей нашей колонны армейскаго резерва. Я очутился совершенно одинъ, предоставленный самому себѣ. Картина около насъ, при свѣтѣ дня, развернулась потрясающая. Вся необозримая равнина къ сѣверу отъ Мукдена слегка всхолмленная на западномъ горизонтѣ, была покрыта какимъ-то гигантскимъ роемъ людей, животныхъ и повозокъ. И все это лихорадочно и неудержимо стремилось впередъ и впередъ, подальше отъ Мукдена. Чего тутъ только не было! Даже безконечный обозъ съ понтонами! Это къ концу зимы, когда рѣки давно покрыты льдомъ. Неужели и эти понтоны нужно было держать въ Мукденѣ, не было времени отправить ихъ въ тылъ? Одинъ понтонъ опрокинулся и закупорилъ дорогу всѣмъ обозамъ. Съ большимъ трудомъ, отрядивъ цѣлую роту, удалось намъ спровадить понтоны, послѣ чего обозы двинулись дальше.

Едва лишь мы тронулить отъ Эртайцзы, какъ съ востока, со стороны Фулина, насъ начали обстрѣливать ружейнымъ огнемъ.

Обозы, парки и все, что двигалось по Мандаринской дорогѣ и къ востоку отъ нея, шарахнулось въ сторону, къ западу отъ дороги. Перестрѣлка усилилась и приближалась къ намъ. Пришлось остановиться и развернуть боевой порядокъ; первый баталіонъ выслалъ цѣпи, которыми мы заняли холмы шагахъ въ 500 къ востоку отъ дороги. Вскорѣ показались отступавшія въ безпорядкѣ какія-то цѣпи, одной или двухъ ротъ, которыхъ преслѣдовали японцы, обходя нашъ лѣвый флангъ. Надо было удлинить цѣпь; для этой цѣли я вызвалъ 4-й ба-

Схема памятнаго отступленія отъ Мукдена.

таліонъ, который занялъ позицію влѣво отъ 1-го баталіона. Оживленный огонь нашихъ цѣпей остановилъ наступленіе противника. Завязалась длительная, вялая перестрѣлка.

Было около 11 часовъ дня. Подъ прикрытіемъ нашихъ цѣпей отступленіе обозовъ, парковъ и всевозможныхъ командъ пошло безостановочно широкимъ безпрерывнымъ потокомъ. Точно гигантскій разливъ, откуда-то выступившій изъ береговъ, залилъ необозримую равнину цѣлымъ моремъ мчащихся батарей, обозовъ, командъ, одиночныхъ людей.

Ко мнѣ подъѣхалъ въ цѣпь какой-то саперный офицеръ и обратился съ вопросомъ—какъ ему пробраться въ дер. Тава, такъ какъ карты у него нѣтъ, а ему приказано спѣшить туда и устроить переправу на рѣчкѣ, гдѣ предвидится столпленіе обозовъ... Подумали благовременно, нечего сказать.

— „Съ кѣмъ же, изъ какого матерьяла будете тамъ строить мостъ?“

— „Ничего не знаю. Я вотъ одинъ, какъ перстъ“...

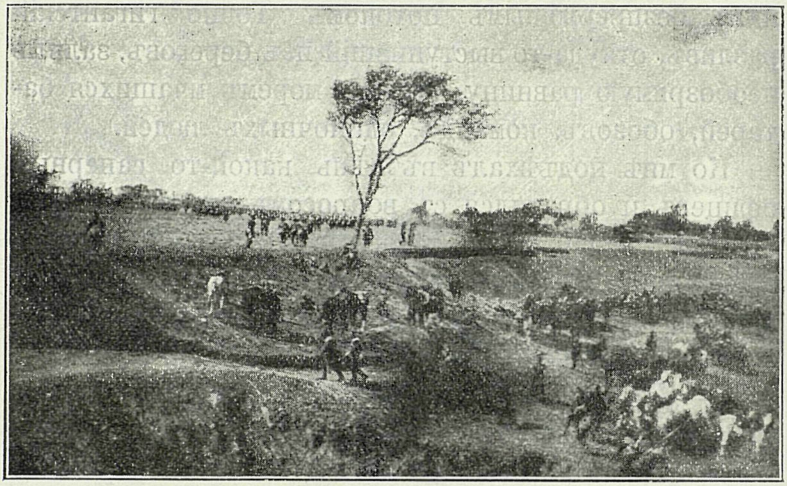
Въ это время гдѣ-то по сосѣдству... запѣлъ пѣтухъ. Ба! Да вѣдь это что-то пѣтухъ знакомый...

— „Вашескоблагородіе! Никакъ нашъ пѣтухъ“, подтвердилъ мнѣ и мой ординарецъ Чесноковъ.

Значитъ, это нашъ обозъ тутъ торчитъ. Какъ это они попали сюда, когда мы ихъ не видѣли уже около 10 дней, когда говорили, что нашъ обозъ давно уже находится около Сантайцзы?

Видя общую кашу кругомъ, что дѣлается съ обозами, когда на каждомъ шагу встрѣчаются уже палыя лошади, поломанныя и брошенныя повозки, я поскакалъ сейчасъ-же къ обозу, которымъ управляли три энергичныхъ офицера. Я объяснилъ имъ,

что они сгинутъ вмѣстѣ съ обозомъ, если не употребятъ чрезмѣрныя усилія, чтобы вырваться скорѣе впередъ изъ этого ада; а прежде всего,—чтобы не позволить оторваться ни одной повозкѣ. Меня поняли съ перваго слова, повторять не пришлось. Капитанъ Б—нъ сталъ въ головѣ обозной колонны,

Отступленіе подъ Мукденомъ.

пор. Б—въ въ рединѣ и капитанъ М—въ въ хвостѣ. Такимъ образомъ, обозъ держали въ тройныхъ клещахъ и, какъ увидимъ ниже, благодаря этому порядку, обозъ Псковскаго полка—кажется одинъ изъ очень немногихъ частей, если не единственный—вышелъ цѣлымъ и почти совершенно невредимымъ изъ Мукденскаго отступленія...

Въ 2—3 верстахъ къ сѣверу отъ Тавы намъ опять пришлось развернуть боевой порядокъ къ востоку отъ Мандаринской дороги. Безпорядокъ кругомъ все увеличивался и обращался въ стихійное бѣдствіе,

которое, къ счастью, касалось только обозовъ, но не строевыхъ войскъ. Наша боевая линія, подъ начальствомъ доблестнаго капитана Гарбуза, нерушимо стояла на своемъ мѣстѣ, сдерживая натискъ японцевъ. Какое счастье имѣть въ полку такихъ столповъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться въ критическую минуту! Полковое знамя я сдалъ изъ рукъ въ руки надежному ротному командиру, шт.-кап. Леонтьеву-Орлову, пояснивъ ему серьезность положенія и приказавъ ни подъ какимъ видомъ не расходовать людей изъ роты, держа ее въ рукахъ при знамени. Не прошло, однако, и часа послѣ моего распоряженія, какъ я узналъ, что и послѣдняя рота Леонтьева-Орлова тоже разсыпана въ цѣпь по категорическому приказанію ген.-лейт. Дембовскаго, которое ротный командиръ, одиноко стоявшій съ ротой въ видѣ резерва, въ разстояніи около полуверсты отъ нашихъ цѣпей, не могъ не исполнить; а гдѣ, и при комъ, оставлено знамя—никто не знаетъ. Я тогда сейчасъ-же отправился къ тому мѣсту, гдѣ расположена была 8 рота со знаменемъ, въ сопровожденіи полкового адъют. шт.-кап. К—о и пор. Т—ха. Но не успѣли мы отъѣхать и сотню сажень къ западу отъ Мандаринской дороги, какъ поднялась ужасная паника среди обозовъ и парковъ, вслѣдствіе японскихъ шимозъ, попавшихъ въ самую гущу обозовъ.

Трудно передать, что тутъ происходило: въ одну минуту наша группа изъ 6—7 всадниковъ была смята и разметана въ разныя стороны. Одна шимоза ударила, какъ мнѣ показалось, въ мое правое стремя. Лошадь взвилась на дыбы. Въ глаза, ротъ и уши впились огонь, дымъ, грязь. Все сразу помутнѣло

передъ глазами. Лошадь опрокинулась вмѣстѣ со мною, и мнѣ показалось, что падаю куда-то въ пропасть...

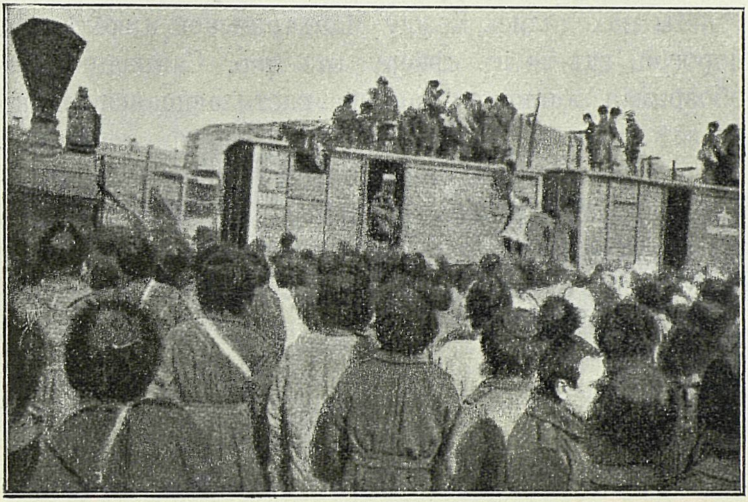
Я очнулся нѣсколько, когда почувствовалъ, что меня волокутъ куда-то по землѣ. Меня навѣрное обратили-бы въ кашу, если-бы этотъ, безвѣстный для меня понынѣ, добрый генiй не оттащилъ бы меня нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, гдѣ я упалъ, приволокнувъ къ какой-то фанзѣ, гдѣ я опять былъ брошенъ въ безпомощномъ состоянiи...

Начало темнѣть, когда я немного пришелъ въ себя отъ приступа сильнѣйшей рвоты. Около меня возились мои ординарцы, Чесноковъ и Татариновъ, которые поспѣшили порадовать меня, что... лошадь мою поймали. Оказалось, что когда при разрывѣ шимозы лошадь меня сбросила и помчалась,—мои преданные тѣлохранители, вмѣсто того, чтобы оказать мнѣ какую нибудь помощь, бросились прежде всего за умчавшейся лошадью...

Съ большимъ трудомъ разыскали и привели какого-то фельдшера, у котораго имѣлась и фельдшерская сумка. Скоро я имѣлъ удовольствiе увидѣть и пор. Т—ха; но не могъ добиться никакихъ свѣдѣнiй относительно Леонтьева-Орлова, и гдѣ, при комъ, находится наше знамя. Къ несчастью, некого было и послать на розыски, такъ какъ имѣлись на лицо только два ординарца. Вскорѣ на насъ набрели поручикъ Р—нъ со взводомъ конныхъ охотниковъ, которыми можно было воспользоваться наилучшимъ образомъ. Я разослалъ охотниковъ во всѣ стороны разыскивать знамя, и что есть Псковскаго полка направлять къ этому мѣсту, гдѣ я находился. Чувствовалъ себя ужасно. Съ трудомъ держался на но-

гахъ; поминутно испытывалъ головокруженіе и приступы рвоты. Приписывая это спертому воздуху въ фанзѣ, выбрался на открытый воздухъ и легъ на откосѣ желѣзнодорожной насыпи.

Нѣтъ силъ, нѣтъ и желанія, описывать все то, что тутъ дѣлалось кругомъ. Нервы не выдержали,

Поѣзда, проходившіе въ Тѣлинъ. (Снимокъ заимствованъ изъ альбома С. М. Прокудинъ-Горскаго, изданнаго при штабѣ главнокомандующаго).

и слезы вырвались противъ воли—отчасти отъ личнаго потрясенія, отчасти отъ этой удручающей картины стыда и позора, которая давила и угнетала и безъ того истомленную душу.....

26 февраля. Стало уже свѣтать, когда я увидѣлъ знаменщика со знаменемъ... Опять нервы дрогнули, хотя во всю жизнь, а также и во все время этой войны, не могъ пожаловаться на нервы, о существо-

ванiи которыхъ никогда не подозрѣвалъ, считая ихъ достоянiемъ лишь капризныхъ дамъ.

Скоро около знамени собрались уже 2—3 роты. Къ 7 часамъ утра явился капитанъ Гарбузъ съ $2^1/_2$ ротами. Около 10—11 часовъ утра изъ трехъ баталiоновъ, съ которыми выступилъ я изъ Мукдена, у меня были уже въ рукахъ около $2^1/_2$ баталiоновъ.

Мы находились между Мандаринской и желѣзной дорогой, гдѣ-то къ сѣверу отъ дер. Санцзяцы. Необозримая обширная равнина, растилающаяся далеко во всѣ стороны, на которой такъ недавно клокотала судорожная жизнь отступающей армiи, теперь совершенно опустѣла и вымерла. Въ теченiи ночи все схлынуло и пронеслось на сѣверъ. Только изрѣдка встрѣчались одиночные люди, бродившiе затерянными среди пустынной жуткой тишины безбрежной равнины—не то отсталые, не то хищные шакалы, переворачивавшiе и обнюхивавшiе все, что попадалось. А попадалось брошеннаго добра не мало... Самое дорогое для насъ было то, что люди находили брошенные сухарные мѣшки съ сухарями, сахаръ, чай; наткнулись и на кучу сухарей безъ мѣшковъ; нашли по дорогѣ и мясную тушу, брошенную въ канаву. Все это крайне пригодилось, потому что люди были измотаны и замучены до крайности.

Узнавъ еще ночью отъ какого-то офицера генеральнаго штаба, что штабъ III армiи долженъ быть въ Илу, мы направились туда, куда и прибыли настолько оправившiеся отъ всего пережитого, что музыка, по моему приказанiю, дѣлала даже попытку играть, но не могла извлечь никакихъ звуковъ изъ инструментовъ, забитыхъ пылью и грязью; тогда многiе изъ нижнихъ чиновъ затянули пѣсню—хотя и недружную,

кислую, но все же бодрящую, дѣйствовавшую отрезвляющимъ образомъ и на остальныхъ.

Въ дер. Илу я примкнулъ къ отряду ген.-м. Шилейко, принадлежавшему къ составу I арміи. Это первыя части войскъ, которыя я увидѣлъ въ благо-

Подъ Мукденомъ послѣ отступленія. (Снимокъ заимствованъ изъ альбома С. М. Прокудинъ-Горскаго, изданнаго при штабѣ главнокомандующаго).

устроенномъ компактномъ видѣ за все время истекшихъ сутокъ.

Недолго намъ пришлось оставаться въ Илу: едва лишь мы составили ружья, и люди начали кипятить котелки, чтобы подкрѣпить себя чаемъ, какъ обнаружилось наступленіе японцевъ, которые открыли артиллерійскій огонь по сѣверной окраинѣ деревни, т. е. взяли подъ огнемъ сразу нашъ путь отступленія. Такъ какъ вся окружающая мѣстность

около дер. Илу расположена въ котловинѣ, обстрѣливаемой со всѣхъ сторонъ съ окружающихъ высотъ, то намъ приказано было продолжать отступленіе къ Тафанхэ, гдѣ расположиться для обороны.

Японцы замѣтили первые же шаги нашей колонны, какъ только она начала вытягиваться изъ деревни по Мандаринской дорогѣ, благодаря цѣлымъ тучамъ пыли, которыя поднялись при нашемъ движеніи, и начали обстрѣливать шимозами одновременно хвостъ и голову колонны. Находившійся по сосѣдству ген.-лейт. Д. потребовалъ меня къ себѣ, и далъ довольно странное порученіе:—передать какому-то генералу (фамилія котораго была мнѣ совершенно чужда и въ ту минуту, а въ настоящее время совершенно улетучилась изъ памяти), что на него возлагается командованіе войсками на Мандаринской дорогѣ, (никакихъ другихъ войскъ—кромѣ отряда ген.-м. Шилейко—и въ биноклѣ не видно было по всему горизонту),—такъ какъ самъ ген. Д. долженъ уѣхать въ Тѣлинъ приводить въ порядокъ свои войска. Все это передавалось мнѣ подъ артиллерійскимъ огнемъ японцевъ—въ ту минуту, когда и колонна моего полка захвачена была въ стрѣлку шимозами, и я никоимъ образомъ не могъ заняться розысками какого-то неизвѣстнаго мнѣ генерала. Едва ли и ген. Д. ожидалъ отъ меня исполненія его приказанія. Привожу эту мелочь лишь какъ шаблонъ, такъ какъ неоднократно приходилось наканунѣ видѣть генераловъ, уѣзжавшихъ на сѣверъ устраивать свои войска...

Начало уже темнѣть, когда мы прибыли на рѣчку Фанхе, гдѣ остановились бивакомъ. Мнѣ доложили со словъ какого-то армянина, скотопромышленника,

будто въ деревнѣ на нашемъ бивакѣ скрываются японскіе шпіоны, возвращающіеся изъ Тѣлина. Я приказалъ подполковнику К—ву окружить деревню и произвести тщательный обыскъ. Оказалось, что полусотня казаковъ тоже начала розыски японскихъ шпіоновъ. Дѣйствительно, въ одной уединенной фанзѣ нашли спящими японскаго унтеръ-офицера въ форменномъ обмундированіи и съ нимъ какого-то бѣглаго солдата одного изъ сибирскихъ полковъ... Оба они подъ конвоемъ казаковъ были отправлены въ Тѣлинъ.

27—28 февраля. Задолго передъ разсвѣтомъ, по приказанію ген.-м. Шилейко, мы заняли позицію къ югу отъ рѣчки Фанхэ на окружающихъ высотахъ, гдѣ оставались до вечера, мало тревожимые японцами, которые ограничивались рѣдкимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Впрочемъ, пуще японцевъ въ это время озабочивалъ другой, несравненно болѣе грозный, вопросъ:— нечего было ѣсть, буквально. Собственныхъ запасовъ давно не было никакихъ; ничтожные отбросы, которые подобраны были въ полѣ, попадали въ руки не многимъ, и недостаточно были бы и на одинъ разъ, чтобы насытиться сколько нибудь всѣмъ. Во всѣхъ деревняхъ, черезъ которыя мы проходили, китайское населеніе точно вымерло. Начальникъ конно-охотничьей команды дѣлалъ облавы въ деревняхъ, чтобы найти какую-нибудь живность; но много ли значитъ для довольствія полка десятокъ тощихъ чушекъ, которыя удалось добыть?

Словомъ, люди отощали въ-конецъ, чувствовался голодъ; а между тѣмъ не только не было никакой пищи, но и не предвидѣлось ничего въ будущемъ.

О нашемъ обозѣ, или какомъ-нибудь подвозѣ, не имѣлось никакихъ свѣдѣній. А главное—не знаемъ къ кому обратиться, и куда.

Наше временное начальство, принадлежащее къ составу I арміи, не могло намъ оказать въ этомъ отношеніи какую нибудь помощь, потому что они сами были совершенно въ такомъ же положеніи.

Совершенно случайно, направившись съ ротой и двумя орудіями для занятія позиціи къ востоку отъ дер. Синтунь, противъ замѣченнаго обхода японцевъ—я наткнулся на обозъ сухарей изъ шести китайскихъ арбъ, въ сопровожденіи какого-то заурядъ военнаго чиновника, которыя направлялись для Тарусскаго (кажется) полка. Я объяснилъ чиновнику, что въ такое время надо дѣлиться всѣмъ, что имѣется, поэтому оставляю ему три арбы, а три беру себѣ; онъ долженъ былъ, конечно, согласиться со мною. Но этихъ 50—60 пудовъ сухарей едва было достаточно на одинъ разъ, чтобы закусить всѣмъ. А дальше опять встаетъ все тотъ же призракъ—ѣсть нечего!...

Зато всякаго другого добра — хоть отбавляй. Явился на ночлегъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ совсѣмъ въ неузнаваемомъ видѣ,—въ какомъ-то новехонькомъ клѣтчатомъ плащѣ; укрывается новымъ одѣяломъ...

— „Откуда у тебя это раздолье? Не дашь ли и мнѣ чѣмъ нибудь накрыться?“, спросилъ шт.-кап. К—о. „Кстати мой осликъ съ переметными сумками пропалъ“.

— „Изволь, есть и для тебя одѣяло“.

— „Гдѣ-жъ ты это добылъ все?“

— „Подобралъ по дорогѣ. Пока хозяинъ най-

дется, намъ пригодится. Предвидѣлъ, что придется спать на морозѣ въ холодной разоренной фанзѣ, безъ оконъ и дверей“.

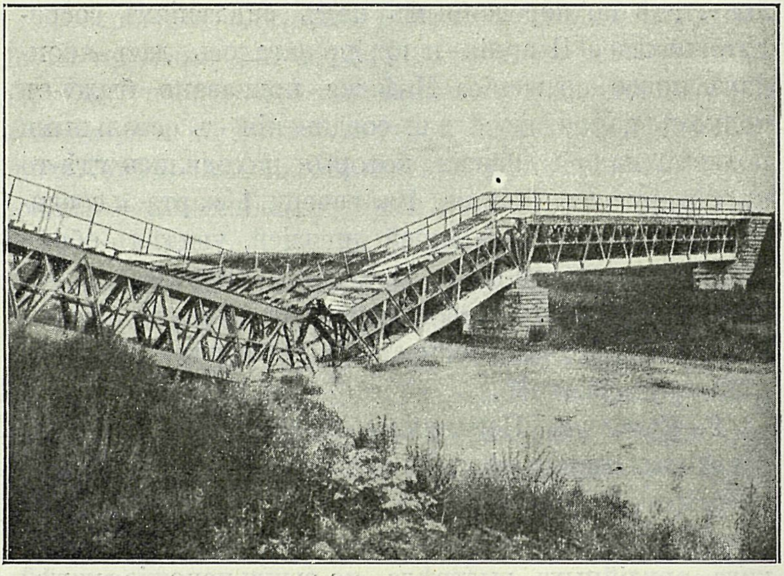
У многихъ нашихъ пѣшихъ офицеровъ появились верховыя лошади съ сѣдлами; поручикъ Б—въ выѣзжаетъ даже въ экипажѣ, на тройкѣ... Но ѣсть нечего.

28 февраля мы продолжали отступленіе къ Тѣлину, гдѣ по переданнымъ намъ свѣдѣніямъ сосредоточивалась II армія и предполагалось дать японцамъ новое сраженіе. Мнѣ же приказано было съ полкомъ направиться для соединенія съ остальными полками нашей дивизіи, которыя находились гдѣ-то къ сѣверу отъ Тѣлина. Къ вечеру 1 марта я соединился, наконецъ, съ нашей дивизіей, увидѣлъ обозъ нашъ, наѣлись до-сыта, въ первый разъ за всѣ эти дни. Мечталъ, что и отдохнемъ хоть сколько нибудь, но приказано было сейчасъ-же готовиться къ дальнѣйшему движенію.

2—7 марта. Потянулись томительные скучные переходы. Японцы насъ не преслѣдуютъ. Выстрѣловъ не слыхать. Только одинъ разъ ночью около нашего бивака послышались одинъ за другимъ два одинокихъ орудійныхъ выстрѣла, по звуку похожіе скорѣй на *взрывы.* Дѣйствительно, утромъ оказалось, что взорвали по сосѣдству желѣзнодорожный мостъ около Кайюаня.

Всѣ эти дни я чувствовалъ себя крайне скверно. Уже третій день была повышена температура, врачи настаивали на необходимость госпитальнаго леченья, но я превозмогалъ себя до ночи 6—7 марта, когда я ослабѣлъ настолько, что послѣ приступа сильнѣйшей рвоты свалился съ лошади. Меня отвезли въ обозъ, гдѣ я предполагалъ передохнуть хотя бы

день—другой. Но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ и обозъ нашъ гоняли съ мѣста на мѣсто. Тогда изъ обоза, на ст. Шуанъ-Мяо-цзы, меня сдали въ санитарный поѣздъ, который доставилъ меня въ Харбинъ. За время переѣзда въ поѣздѣ, благодаря хорошей пищѣ и давно не виданной обстановкѣ, рас-

Мостъ у Кайюаня послѣ взрыва.

полагавшей къ полному отдыху (хотя поѣздъ, въ который я попалъ, былъ изъ худшихъ—состоялъ изъ теплушекъ, приспособленныхъ для перевозки раненыхъ), я скоро пришелъ въ себя и немного оправился,—настолько, что черезъ два дня послѣ пріѣзда въ Харбинъ могъ выѣхать назадъ къ своему полку, о которомъ у меня не было никакихъ свѣдѣній, гдѣ и при какой обстановкѣ онъ находится.

Послѣ долгихъ розысковъ, въ теченіе 2—3 дней, я нашелъ нашу дивизію около дер. Чидяза, въ 30—40 верстахъ къ сѣверу отъ того пункта, гдѣ я оставилъ полкъ.

Намъ объявлено было, что дальше на сѣверъ отступать не будемъ...

Хорошо или плохо дѣйствовалъ незабвенный для меня Псковскій полкъ въ эти памятные дни— судить не мнѣ, его бывшему командиру. Ограничусь поэтому только краткимъ приговоромъ, который находимъ въ отчетѣ бывшаго главнокомандующаго ген.-адъют. Куропаткина:

1) на стр. 458—*„Послѣднимъ отходилъ Псковскій полкъ, все время сохранявшій отличный порядокъ“*.

и 2) На стр. 491: „Несомнѣнно одно, что на Илу 26 февраля фактически находились въ подчиненіи ген.-м. Шилейко и исполняли его приказанія *только части доблестнаго Псковскаго полка, являвшагося единственнымъ представителемъ III-ей арміи на Мандаринской дорогѣ*“.

За время арьергарныхъ боевъ и стычекъ при отступленіи отъ Мукдена полкъ потерялъ 173 нижнихъ чин. убитыхъ и раненыхъ.

ГЛАВА VIII.

Конецъ войны.

Послѣ Мукдена. Во второй линіи. На мирномъ положеніи. Расположеніе въ Импань-Чидязѣ. Господство канцелярской переписки. Вѣсти изъ Россіи—нападки на офицеровъ генеральнаго штаба. Празднованіе Пасхи. Вѣсти объ эскадрѣ адм. Рождественскаго. Хозяйственныя заботы. Переходъ на новую стоянку. Начало мирныхъ переговоровъ. Миръ. Переходъ на зимнія квартиры. Возвращеніе въ Россію.

Арміи наши послѣ мукденскаго отступленія остановились на Сыпингайской позиціи. Вмѣсто ген.-адъют. Куропаткина назначенъ новый главнокомандующій—ген. Линевичъ.

Наша III армія назначена была во вторую линію, выполняя, такимъ образомъ, роль общаго стратегическаго резерва. Этимъ расположеніемъ исправляется, слѣдовательно, та ошибка, которой мы грѣшили постоянно,—вытягивая всѣ три арміи по кордонной системѣ въ одну линію. Увы! Какъ поздно мы исправляемъ эту ошибку, за которую такъ жестоко поплатились подъ Мукденомъ. Однако, какъ сейчасъ увидимъ, эта кордонно-оборонительная система въѣлась, повидимому, слишкомъ глубоко въ плоть и кровь нашей стратегіи,—потому что черезъ два мѣсяца уже послѣ нашей остановки на Сыпингайской по-

зиціи оборонительная линія опять уже удлиняется выдвиженіемъ „боковыхъ авангардовъ“, для предупрежденія обходовъ.

Въ первый разъ, за все время войны, мы находимся во второй линіи, гдѣ, конечно, не требуется та степень боевой готовности, которая обязательна когда стоимъ лицомъ къ лицу съ противникомъ. Испытываемъ совсѣмъ непривычное чувство покоя: можно раздѣться и спать какъ дома, зная, что впереди стоятъ наши войска, а не японцы. Насъ не обстрѣливаютъ ни ружейнымъ, ни даже артиллерійскимъ огнемъ. Мы вовсе не слышимъ никакихъ выстрѣловъ; и когда изрѣдка, разъ въ недѣлю, доносится съ фронта звукъ отдаленнаго артиллерійскаго выстрѣла, то онъ вызываетъ даже толки и догадки, какъ рѣдкая диковина.

Повидимому, и японцамъ пришлось не по вкусу чрезмѣрно тѣсное соприкосновеніе съ нами, какъ это было въ періодъ зимняго сидѣнія обѣихъ армій воюющихъ сторонъ на Шахе, въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. На этотъ разъ японцы остановились въ разстояніи 1—2 переходовъ отъ Сыпингайской позиціи и, слѣдуя нашему примѣру, также начали укрѣпляться на новомъ мѣстѣ.

Ограничиваюсь помѣщеніемъ здѣсь небольшой схемы для оріентированія читателя относительно взаимнаго положенія противниковъ на театрѣ войны послѣ Мукдена, и затѣмъ намѣренно обхожу подробности описаній Сыпингайской позиціи и расположенія армій на новыхъ мѣстахъ. Не прилагаю никакихъ подробныхъ картъ новаго района расположенія армій и не предполагаю вдаваться въ критическую оцѣнку безчисленнаго сонма операціонныхъ

плановъ, которые разрабатывались, составлялись и обсуждались на всевозможные варіанты для наступленія и обороны. Есть ли надобность касаться всего этого, когда всѣ эти планы представляли собою почти завѣдомое толченіе воды,—когда мы, въ концѣ-кон-

цовъ, не наступали и не оборонялись, такъ какъ на сухопутномъ театрѣ *война была кончена.*

Мнѣніе это приходилось слышать отъ начальниковъ разныхъ степеней. При вдумчивомъ отношеніи къ обстановкѣ послѣ Мукденскаго погрома приходилось невольно соглашаться съ этимъ мнѣніемъ. Ниже, на своемъ мѣстѣ—о своевременности заключенія мира—мы коснемся этого вопроса подробнѣе. Пока же ограничусь указаніемъ, что въ болѣе ши-

рокихъ и высшихъ кругахъ арміи, относившихся вдумчиво къ положенію воюющихъ сторонъ на театрѣ войны,—въ продолженіе войны *не вѣрили*. Мы, разумѣется, продолжали, и должны были продолжать, готовиться къ наступленію и оборонѣ; мы опять укрѣплялись, и укрѣплялись безъ конца; но въ продолженіе войны мало вѣрили.

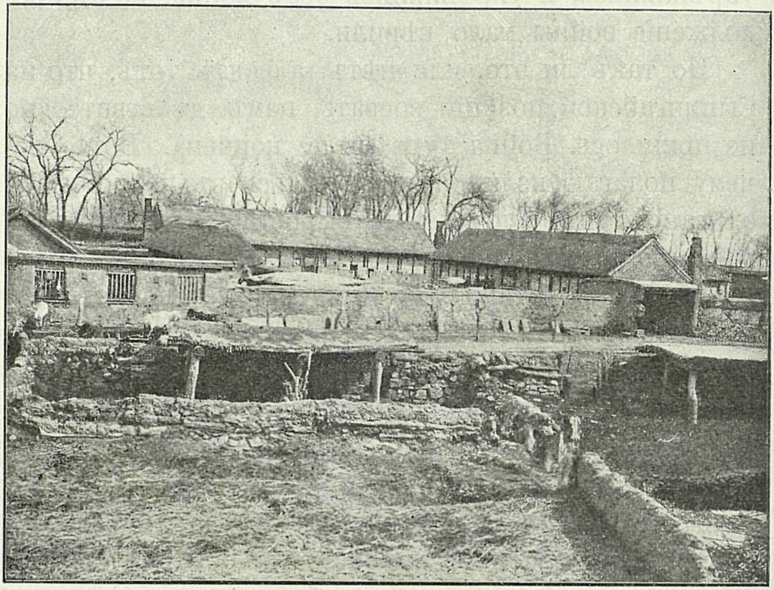
Но такъ ли это, или нѣтъ, а фактъ тотъ, что на Сыпингайской позиціи воевать намъ дѣйствительно не пришлось. Война тутъ была кончена. Вотъ почему полагаю излишнимъ вдаваться въ подробности описанія этихъ позицій и выроставшихъ на нихъ операціонныхъ плановъ. Все это было дѣломъ мертворожденнымъ, которому не суждено было воплотиться въ жизнь.

Къ упомянутой сейчасъ спокойной жизни, которую впервые испытали на театрѣ войны, присоединилось еще прекрасное расквартированіе полка. Штабъ и два батальона (1-й и 2-й) были расположены въ Импань-Чидяза. Это не деревня, а огромное помѣстье, окруженное высокой глинобитной стѣной, внутри которой расположены были многочисленные флигеля, служившіе помѣщеніемъ для ротъ.

3-й батальонъ расположенъ былъ въ дер. Чидяза, вѣрнѣе—въ огромной гостинницѣ, или караванъ-сараѣ, настолько обширномъ, что въ немъ свободно помѣстились батальонъ, охотничья команда и значительная часть обозовъ.

Со всѣхъ сторонъ приходится слышать всевозможные толки о различныхъ подробностяхъ нашего печальнаго отступленія отъ Мукдена. Многія части войскъ, за рѣдкими исключеніями, потеряли во время отступленія часть обозовъ, офицерскія вещи, разную

письменную отчетность; даже штабъ главнокомандующаго потерялъ нѣкоторыя повозки съ весьма важнымъ грузомъ. Я весьма радъ отмѣтить здѣсь, что Псковскій полкъ вышелъ изъ Мукденскаго отступленія—какъ говорили—„съ прибылью“, а не съ

Флигеля ротъ 2-го баталіона.

убылью, и притомъ—*отступивъ послѣднимъ* изъ всѣхъ войскъ III арміи.

Дѣйствительно, при отступленіи полкъ потерялъ лишь одну патронную двуколку, которая была разбита и брошена, безъ патроновъ. А прибыль заключалась въ томъ, что пѣшіе офицеры обратились въ конныхъ. Впослѣдствіи, многія изъ „приблудшихъ“ лошадей были возвращены постепенно отыскавшимся владѣльцамъ.

Погибъ во время отступленія нашъ дивизіонный интендантъ, подполковникъ Шаровъ, бывшій старшій адъют. штаба 3 дивизіи, совмѣстно съ завѣдыв. лазаретомъ и младшимъ врачемъ этого лазарета. При какихъ обстоятельствахъ они всѣ погибли не выяснено по настоящее время.

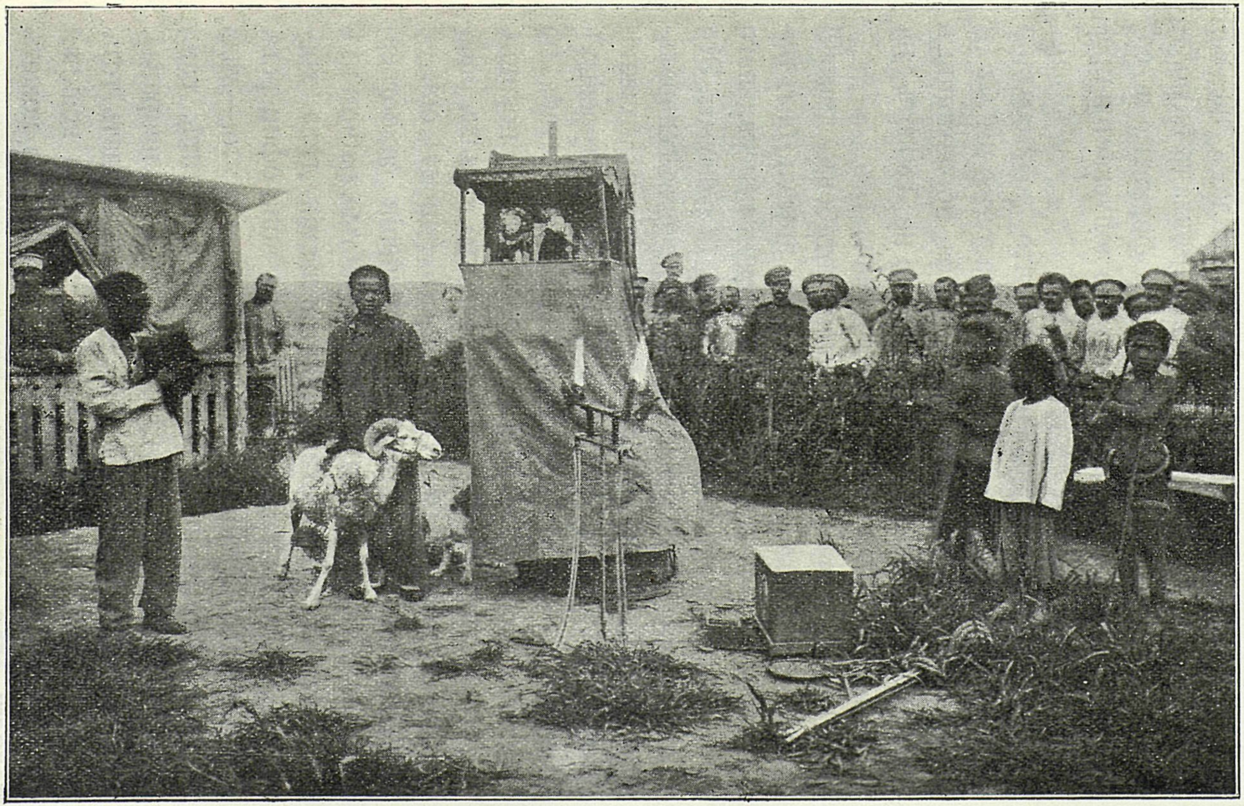
Если позволено будетъ—въ виду благополучнаго для полка отступленія—удариться въ юморъ, я бы указалъ еще на слѣдующія лишенія, касающіяся меня лично: погибли при отступленіи — кроликъ и пѣтухъ, о которыхъ сказано было выше (см. главу IV); первый вырвался изъ рукъ денщика во время какой-то паники, а при какихъ обстоятельствахъ погибъ пѣтухъ лѣтописи обоза умалчиваютъ. Впрочемъ, меня впослѣдствіи хотѣли увѣрить, что „пѣтухъ нашелся“, бѣжалъ изъ плѣна и опять водворился въ обозѣ.

Потекла мирная жизнь, которая является какимъ-то страннымъ диссонансомъ на театрѣ войны, томящая своимъ однообразіемъ и бездѣліемъ. Къ счастью, выручаетъ немного канцелярская переписка. Для штабовъ теперь чистое раздолье: пишутъ и пишутъ безъ конца, и все „спѣшное“, и „весьма спѣшное“...

Среди перловъ канцелярскихъ стоитъ отмѣтить и слѣдующее „спѣшное“ циркулярное распоряженіе, присланное намъ „для свѣдѣнія и руководства“. Переписка эта начинается обращеніемъ гр. Воронцова-Дашкова къ главнокомандующему, чтобы разрѣшили старообрядческимъ священникамъ напутствовать умирающихъ нижнихъ чиновъ старообрядцевъ. Огромная власть и обширныя полномочія, предоставленныя нашимъ законодательствомъ главнокомандую-

щему на войнѣ, оказались недостаточными для рѣшенія этого вопроса; и ген.-адъют. Куропаткинъ (переписка возникла еще при немъ) обратился за указаніями къ К. П. Побѣдоносцеву, а сей послѣдній рѣшилъ, что допустить священниковъ къ раненымъ старообрядческимъ нижнимъ чинамъ, для напутствія, разрѣшается, но лишь въ томъ случаѣ, если нижніе чины эти доподлинно умираютъ; причемъ „проводить покойника на кладбище запрещается". Значитъ, надо обязаться подпиской, что напутствуемый обязательно умретъ, а если выживетъ, то, пожалуй, отвѣчать будешь. Я ужъ не касаюсь назидательнаго содержанія этой переписки, пріобрѣтающаго особое значеніе на войнѣ; но замѣчательно и то, чѣмъ приходится главнокомандующему заниматься, стоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ...

Разъ коснулся уже господства канцелярщины, слѣдуетъ упомянуть и еще одну мелочь. Я отнюдь не задался цѣлью заносить въ свой дневникъ какіе-нибудь пикантные раритеты изъ жизни нашихъ штабовъ; но полагаю умѣстнымъ упомянуть эту мелочь лишь для того, чтобы показать,—на что размѣниваются иногда и способные люди, когда у нихъ нѣтъ подлиннаго дѣла: въ одномъ изъ важныхъ управленій при главнокомандующемъ установлены бланки съ такимъ множествомъ заголовковъ и форматовъ, что потребовалось особое указаніе—памятка для поясненія—когда, что, на какомъ бланкѣ, и какого формата, писать слѣдуетъ. Напримѣръ: только для *докладовъ* существуютъ *три* формата — большой, малый и средній, на которыхъ требуется писать, въ зависимости отъ того, кому и о чемъ подается докладъ; поэтому получаются, напримѣръ, приказанія

При мирной жизни появились и китайскіе бродячіе фокусники, среди которыхъ иногда оказывались и японскіе шпіоны.

такого рода:—„составьте большой докладъ на большомъ форматѣ“; „составьте малый докладъ на маломъ форматѣ“;—„составьте малый докладъ на большомъ форматѣ“, и т. д..—варьируя форматы и содержанія столько разъ, сколько это допускается правилами сочетанія...

И нѣтъ ничего удивительнаго, что люди создали себѣ это дѣло, когда *девять* генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба, образующихъ это управленіе въ дѣйствительности не имѣютъ на рукахъ никакого отвѣтственнаго дѣла.

А въ тоже время *одиннадцать* штабовъ дивизій остаются въ настоящее время (мартъ—апрѣль) безъ начальниковъ. За послѣдніе бои офицеровъ генеральнаго штаба выбыло изъ строя *8 убитыхъ и 14 раненыхъ*. Это чудовищный %,—если взять число офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ только на строевыхъ должностяхъ,—пожалуй не уступитъ %-ту убыли строевыхъ офицеровъ. А вѣдь офицеры генеральнаго штаба, по существу своего дѣла, и *не должны* сидѣть на позиціи.

Что бы ни говорили и кричали про нашихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба — въ одномъ они не заслуживаютъ упрека, это въ отношеніи самоотверженнаго исполненія долга. Къ несчастью, работа ихъ недостаточно продуктивна; организація дѣла хромаетъ на каждомъ шагу. Но это не вина офицеровъ генеральнаго штаба. Намъ говорятъ на это:—вѣдь все это дѣло вашихъ же рукъ; вы, значитъ, сами ничего лучшаго не съумѣли создать. Это неправда. Офицеры генеральнаго штаба не могли создать тотъ гнилой строй, на которомъ выросла наша военная система,—точно такъ же какъ человѣкъ не можетъ поднять себя собственными руками.

А между тѣмъ приходящія изъ Россіи газеты полны всевозможныхъ и невозможныхъ нападокъ на офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ хотятъ сдѣлать козломъ отпущенія за всю эту злосчастную войну.

Казалось бы, теперь всѣмъ до очевидности ясно, что въ нашемъ государственномъ организмѣ этой несчастной войной вскрытъ опасный нарывъ, гнѣздившійся во всѣхъ тайникахъ нашего строя, поражая всю его жизнедѣятельность. Удивительно ли, если и военное вѣдомство, а съ нимъ и генеральный штабъ, оказались пораженными общимъ недугомъ!— Вѣдь мы только кость отъ кости этого организма!

Пусть генеральный штабъ идеально организуетъ связь въ бою,—но если органы связи слѣпы, если наши собственные нижніе чины, по своей темнотѣ и неразвитости, рвутъ въ критическую минуту наши телеграфныя и телефонныя сообщенія, вырѣзывая провода для связыванія своихъ сапоговъ, сноповъ гаоляна и т. п.! Пусть широко организована развѣдка,—но если масса развѣдчиковъ по малограмотности плохо отличаетъ одну часть войскъ отъ другой, даже у себя, не говоря уже о войскахъ японскихъ, и совсѣмъ уже не мечтая о выполненіи развѣдчикомъ весьма сложныхъ требованій, предъявляемыхъ теоріей военнаго дѣла. Пусть у всѣхъ унтеръ-офицеровъ будутъ прекрасныя карты,—но если они остаются для нихъ закрытой книгой! Вѣдь нельзя же всюду имѣть непремѣнно офицера.

Невольно вспоминаю одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ, о которомъ упомянуто было выше: въ кровопролитномъ бою 19 февраля, подъ сел. Ланьшанпу, едва лишь наша цѣпь очистила это селеніе, какъ

черезъ 20—30 минутъ оно уже оказалось не только занятымъ японцами, но и приведеннымъ ими въ оборонительное состояніе; такъ что наша повторная атака, предпринятая сейчасъ же, немедленно, встрѣтила упорное сопротивленіе... Какъ это случилось? Очень просто: передовые застрѣльщики японскіе мигомъ забрались въ селеніе, быстро оріентировались въ обстановкѣ безъ всякихъ офицерскихъ указокъ; сейчасъ же, при помощи тесаковъ, лопатокъ, просверлили въ стѣнахъ, гдѣ нужно было, бойницы, примостились за валиками; къ нимъ подоспѣли товарищи, примчались пулеметы, прибылъ затѣмъ и офицеръ... И селеніе уже занято;—занято прочно... У насъ для такой операціи потребовался бы, вѣроятно, офицеръ генеральнаго штаба—руководитель, саперъ—исполнитель, нарядъ баталіоновъ—рабочихъ, и—пошла писать губернія: безъ писанія не обошлось бы, конечно. Что дѣлать!—это все горькая правда: не только нижніе чины, но и офицеры у насъ не привыкли къ самодѣятельности; безъ приказанія ничего не дѣлается; хотя въ мирное время усердно проповѣдуется спасительность почина и иниціативы, но проповѣдывается это словомъ, а не дѣломъ.

Да и въ отношеніи тактической подготовки, отсталостью которой насъ такъ часто теперь упрекаютъ,—требуется извѣстный картивъ. Вѣдь японцы впервые теперь выступили на боевой аренѣ съ европейскимъ противникомъ. Почемъ знать, что родитъ будущее французамъ, нѣмцамъ, американцамъ, англичанамъ,—если имъ придется когда-нибудь столкнуться съ фанатической яростью самураевъ и артистической отдѣлкой техники войны японцами, какъ они неподражаемо отдѣлываютъ разные curio things.

Развѣ наши потрясающія потери не служатъ наглянымъ доказательствомъ, что армія наша свое дѣло дѣлаетъ на-совѣсть?

Да,—армія наша полна доблестныхъ Рябовыхъ, и что она умѣетъ умирать самоотверженно—доказала не разъ и въ эту несчастную войну.

Японцы. (Снимокъ заимствованъ изъ альбома С. М. Прокудина-Горскаго).

Но въ наше время каждый солдатъ долженъ представлять собою осмысленную, самостоятельную боевую единицу, обладающую достаточной образовательной подготовкой и извѣстнымъ умственнымъ кругозоромъ. А это уже зависитъ отъ предшествующей военной службѣ подготовки сырого матерьяла, поступающаго въ военные кадры для обработки,—въ которой военное вѣдомство не причемъ.

Отнюдь не утверждаю, что въ нашемъ военномъ

вѣдомствѣ, вообще, и въ генеральномъ штабѣ, въ частности, все обстоитъ совершенно благополучно, и не требуется никакихъ врачеваній. Но мы болѣемъ недугомъ общимъ, а не кастовымъ. И если ярче всего обрисовалось на вооруженныхъ силахъ, то лишь потому, что видимо на войнѣ выступаетъ только армія. Но—это испытаніе всѣхъ вѣдомствъ, а не военнаго только съ его генеральнымъ штабомъ.

Если часть генеральнаго штаба у насъ оказалась слабой въ эту войну, то, можетъ быть, потому именно, что офицеры генеральнаго штаба отвлекались отъ своего дѣла для службы чисто боевой? Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что убыль среди нихъ не была бы такъ велика, если бы офицеры генеральнаго штаба занимались только своимъ дѣломъ. Хорошо-ли, что офицеры генеральнаго штаба отвлекаются отъ своей спеціальности для командованія небольшими отрядами, для веденія въ бой батальоновъ и т. п.? Но—если нѣтъ иного выхода!—если военная подготовка 70 проц. команднаго состава, начиная отъ командировъ полковъ, стоитъ не выше средняго!.. Надо видѣть, какъ въ бою иногда командиры частей охотно обращаются за совѣтомъ къ случайно подвернувшемуся офицеру генеральнаго штаба.

Тяжкимъ гнетомъ ложатся на душу всѣ эти газетныя нападки, стремящіяся натравить общественное мнѣніе и самую армію на офицеровъ генеральнаго штаба, желая ихъ однихъ сдѣлать отвѣтственными за великое несчастье, обрушившееся на нашу Родину.

Весна властно вступаетъ въ свои права. Собственно нашей россійской весны нѣтъ: нѣтъ этого дружнаго таянія снѣга, веселаго журчанія оживившихся

ручьевъ и рѣчекъ, воспрянувшихъ послѣ зимней спячки, при горячихъ поцѣлуяхъ весенняго солнца и обильномъ приливѣ талой воды. Всего этого на поляхъ Манчжуріи нѣтъ, но тѣмъ не менѣе весна пробивается изъ земли и насыщаетъ воздухъ своей особенной бодрящей свѣжестью.

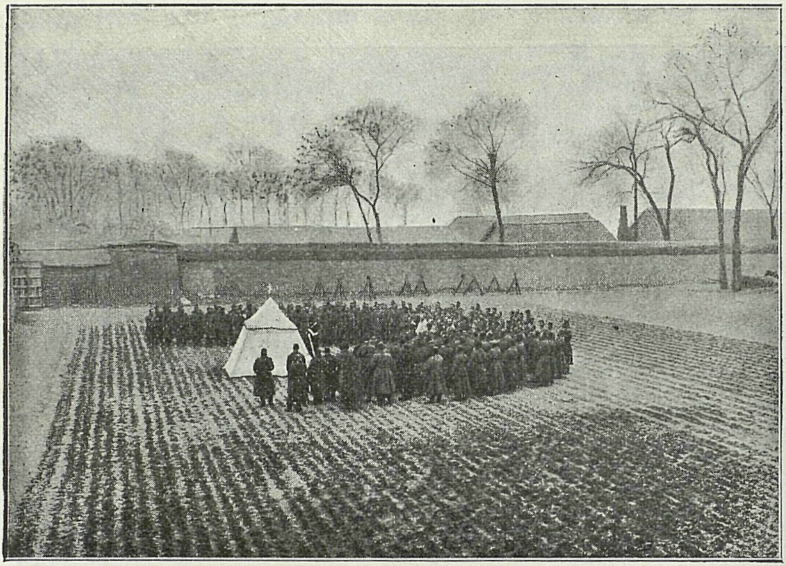
Медицинскій персоналъ полка въ мартѣ—апрѣлѣ 1905 г.

Наступила пора засѣвать поля. Но китайцы крайне робко берутся за полевыя работы, несмотря на всевозможныя разъясненія, поощренія и приманки съ нашей стороны. Лучше всѣхъ нашихъ увѣреній на китайцевъ дѣйствуютъ непрекращающіеся слухи о скоромъ заключеніи мира. Какъ только усиливаются толки о мирѣ—появляются китайцы на по-

ляхъ; возобновляются толки о переходѣ въ наступленіе японцевъ—китайцы куда-то испаряются.

Приближается Пасха, и мы готовимся отпраздновать какъ слѣдуетъ Свѣтлый Праздникъ.

Отпраздновали, наконецъ, и Пасху, и опять про-

Страстная Недѣля.

должали стоять на мирномъ положеніи, тоскуя отъ бездѣлія.

Вотъ уже два слишкомъ мѣсяца тянется этотъ періодъ затишья, наступившаго послѣ боевъ подъ Мукденомъ, считая со времени послѣднихъ аріергардныхъ стычекъ. Такой продолжительной паузы со стороны агрессивныхъ иниціаторовъ-японцевъ, захватившихъ въ свои руки иниціативу съ самаго начала войны, не было еще во все время военныхъ

дѣйствій. Связывать это обстоятельство съ неготовностью нашего противника къ переходу въ наступленіе—нѣтъ основаній, потому что японцы не разъ уже показали себя вполнѣ готовыми встрѣтить во всеоружіи назрѣвающія событія, послѣ выполненія обширныхъ боевыхъ операцій, довольствуясь и болѣе кратковременнымъ подготовительнымъ періодомъ.

Если принять во вниманіе обстановку, сложившуюся для воюющихъ сторонъ послѣ мукденскихъ боевъ, то ясно само-собою, что возможно болѣе быстрый переходъ въ наступленіе обѣщалъ японцамъ весьма существенныя выгоды; и если противникъ нашъ, при всемъ томъ, такъ долго медлитъ переходомъ въ наступленіе, то тутъ, несомнѣнно, скрываются какія-нибудь причины внѣшняго свойства, то-есть не зависящія отъ обстановки на сухопутномъ театрѣ войны. И это понятно: появленіе эскадры адмирала Рожественскаго въ тихоокеанскихъ водахъ должно было заставить японцевъ воздержаться отъ дальнѣйшаго углубленія въ дебри Восточной Азіи, пока въ тылу, на сообщеніяхъ съ коренной базой, не будетъ все вполнѣ ясно и безопасно. Казалось бы со стороны, при какомъ угодно оптимизмѣ съ нашей, русской, точки зрѣнія, что японцамъ нечего опасаться за свои морскія сообщенія, когда идетъ рѣчь о назрѣвающей выгодной сухопутной операціи: вѣдь если даже Того и будетъ разбитъ адм. Рожественскимъ, все-же намъ трудно разсчитывать на такое полное и всевластное господство на морѣ, что даже сообщенія между Кореей и Японіей, требующія на свой кругооборотъ всего какихъ-нибудь 25—26 часовъ (черезъ Корейскій проливъ), защищенныя притомъ промежуточнымъ укрѣпленнымъ этапомъ на

островѣ Цусимѣ,—что все это всецѣло попадетъ въ наши руки.

Тѣмъ не менѣе заминка въ наступленіи японцевъ стоитъ, несомнѣнно, въ связи съ грознымъ фатумомъ Рожественскаго, появившимся вблизи морскихъ сообщеній сухопутныхъ армій японскихъ. Это служитъ

Разговѣнье у командира.

лучшимъ показателемъ методичности и удивительной выдержки нашего противника, котораго, повидимому, никакія соблазнительныя приманки не могутъ совратить съ пути вѣрныхъ, надежныхъ разсчетовъ. Эта характерная черта проходитъ красной нитью во всей стратегіи японцевъ въ эту войну. Дѣйствительно, ближайшими объектами дѣйствій японцевъ являются Харбинъ и Владивостокъ, въ особенности послѣдній, потому что онъ долженъ послужить въ рукахъ противника тѣмъ именно рычагомъ, который долженъ

склонить наше правительство къ заключенію мира; для овладѣнія же Владивостокомъ японцамъ необходимо господство на морѣ—полное и безраздѣльное. Когда эта цѣль будетъ достигнута, японцы могутъ уже смѣло, безъ оглядки назадъ, углубляться далѣе на материкѣ Азіи для дѣйствій противъ Харбина и нашей арміи, рѣшая тѣмъ участь Владивостока, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей кампаніи.

Какъ бы то ни было, а вотъ уже два слишкомъ мѣсяца мы стоимъ на позиціи при условіяхъ почти мирныхъ,—во всякомъ случаѣ значительно спокойнѣе, чѣмъ въ періодъ, предшествовавшій мукденскимъ боямъ, когда на нѣкоторыхъ фронтахъ (напримѣръ, подъ Линшинпу) противниковъ раздѣляло разстояніе всего лишь въ 300—80 шаговъ, тогда какъ въ настоящее время разстояніе даже между передовыми кавалерійскими частями превосходитъ 20—40 верстъ.

Едва ли требуются какіе-нибудь комментаріи къ тому, что этотъ продолжительный періодъ сравнительнаго покоя, послѣ пережитаго нами несчастнаго отступленія отъ Мукдена, сослужилъ намъ великую службу. И если тутъ косвеннымъ образомъ сказалось вліяніе появившейся эскадры адмирала Рожественскаго, то мы этимъ весьма пригодившимся намъ подготовительнымъ періодомъ обязаны нашему флоту.

Удивительно благополучно разрѣшился для насъ наиболѣе грозный и жгучій вопросъ о продовольствіи нашихъ трехъ армій, который мучительно тревожилъ всѣхъ во время отступленія: какъ извѣстно, многочисленные и обильные наши продовольственные склады въ Мукденѣ, Тѣлинѣ и далѣе въ тылу мы вынуждены были сжигать во время отступленія; покидали мы южную Маньчжурію и переходили въ сѣ-

верную, которая населена сравнительно рѣже и считается значительно менѣе богатой продовольственными запасами; подвозъ изъ глубокаго тыла казался очень сомнительнымъ ненадежнымъ и, во всякомъ случаѣ, сопряженнымъ съ огромными затрудненіями, особенно если принять во вниманіе значительное удаленіе большей части войскъ отъ желѣзной дороги и рядомъ съ этимъ невѣроятное состояніе грунтовыхъ проселковъ во время весеннихъ и лѣтнихъ распутицъ. Надѣяться на интендантство? Но развѣ за все время войны мы получали что-нибудь отъ интендантства, кромѣ сухарей, хлѣба, или ржаной муки, которой нѣтъ въ Маньчжуріи! Всѣ же прочіе продовольственные продукты,—мясо, приварокъ, фуражъ,—войска добывали себѣ сами на мѣстѣ безъ всякой помощи интендантства.

Въ результатѣ, однако, оказалось, что наши тревожныя опасенія были напрасны. Всѣ наши три арміи сосредоточены въ небольшомъ, сравнительно районѣ, и при всемъ томъ вотъ уже свыше двухъ мѣсяцевъ питаются исключительно мѣстными запасами,—опять-таки исключая лишь хлѣба, или ржаной муки, которые доставляются интендантствомъ. Необходимо еще принять во вниманіе періодъ года, *начало лѣта*, когда продовольственные запасы въ деревнѣ всегда и всюду приходятъ къ концу. Невольно переношусь мыслено ко времени курскихъ большихъ манервовъ, происходившихъ въ 1902 году *осенью*, непосредственно послѣ уборки урожая съ полей въ Курской губерніи, которая не принадлежитъ у насъ, вѣдь, къ числу наиболѣе бѣдныхъ. И что же: достаточно было, чтобы чрезъ какую-нибудь деревню прошли войска 3—4 раза, особенно если еще при-

томъ полкъ—другой простояли нѣкоторое время въ этой деревнѣ, и тамъ уже ничего нельзя было достать. И какая разница въ устройствѣ и удобствахъ человѣческаго жилья въ деревнѣ, тамъ, у насъ дома, и здѣсь, въ Маньчжуріи: трудно себѣ представить, насколько обездоленной, убогой и грязной представляется крестьянская изба, хотя бы въ той же Курской губерніи, по сравненію съ китайской фанзой, какъ съ внѣшней стороны, такъ и въ отношеніи внутренней обстановки. На грустныя размышленія наводятъ эти сами собой напрашивающіяся сопоставленія.

Какъ ни богаты здѣсь мѣстные продовольственные запасы, но они все больше истощаются, и приходится уже посылать на фуражировки за 30—40 верстъ и далѣе. Покупки производятся у китайцевъ по взаимному соглашенію и, конечно, на наличныя деньги, которыми расплачиваются не нижніе чины, а обязательно офицеръ. Разумѣется, не обходится безъ одиночныхъ злоупотребленій, когда нижніе чины самовольно забираются въ деревню и пускаются на грабежи и насилія, но за то и встрѣчаютъ часто кровавый отпоръ со стороны китайцевъ, которые затѣмъ сваливаютъ все на хунхузовъ.

Шайки хунхузовъ особенно многочисленны теперь на самой границѣ Монголіи, къ западу отъ р. Даляохе. Повидимому, японцы готовятъ здѣсь завѣсу, подъ прикрытіемъ которой двинутся въ обходъ нашего праваго фланга на Цицикаръ по нейтральной Монголіи. Весьма вѣроятно, что этимъ нейтралитетомъ японцы не только не будутъ церемониться, но учинятъ это нарушеніе съ нѣкоторой бравадой, въ видѣ реванша за использованіе нейтралитета Франціи

адм. Рожественскимъ. Намекъ въ этомъ родѣ промелькнулъ, кажется, въ телеграммахъ *Аг. Рейтера.* Правда, о такихъ вещахъ не говорятъ заранѣе, если такой планъ даже и существуетъ; но такой оборотъ вполнѣ возможенъ и напрашивается въ силу поло-

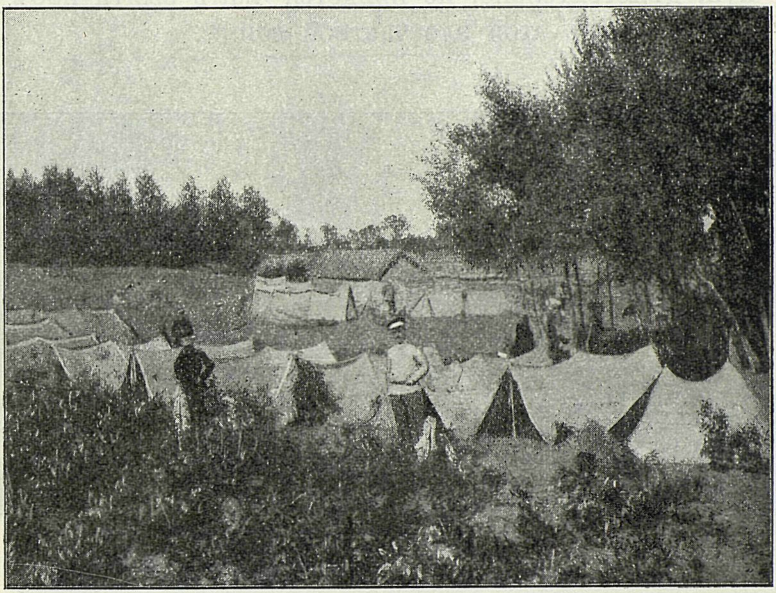
Лагерь 1 и 2 баталіоновъ въ Импань-Чидязѣ.

женія, занятаго на сухопутномъ театрѣ войны воюющими сторонами.

Послѣ продолжительнаго отдыха на нашей стоянкѣ въ Импань-Чидязѣ насъ двинули на крайній правый флангъ, гдѣ изъ полковъ 3 пѣх. дивизіи образованъ былъ боковой отрядъ для предупрежденія возможности обхода нашего праваго фланга черезъ Монголію.

Жаль было покинуть насиженное мѣстечко, на которомъ мы прекрасно устроились; въ особенности

жалко было бросить нашъ живописный лагерь, въ которомъ привольно вдыхали свѣжій воздухъ послѣ зимняго вылеживанія въ окопахъ подъ Линшинпу, или въ подземельяхъ подъ Уенченпу,—тутъ и тамъ, вдобавокъ, еще подъ огнемъ японцевъ.

Лагерь на новомъ мѣстѣ въ Садяопа.

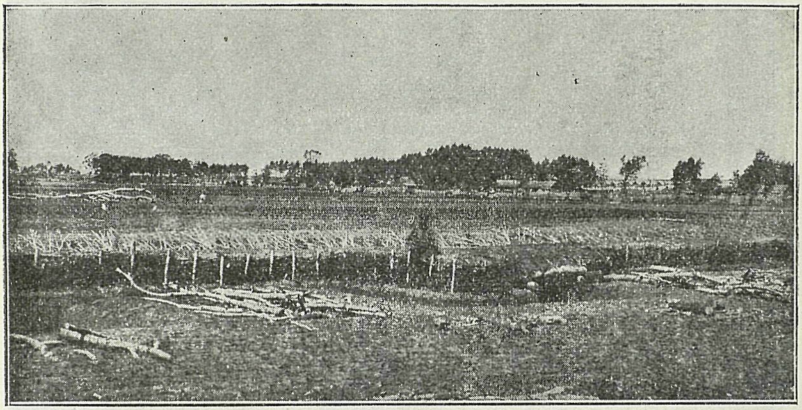
19 мая выступили на новую стоянку въ Садяопу, куда и прибыли къ вечеру того же дня.

На новомъ мѣстѣ потекла та же мирная жизнь, какъ и въ Чидязѣ,—съ той лишь разницей, что мы принялись усиленно за возведеніе укрѣпленій, постройку мостовъ, прокладку дорогъ и т. п.

25 мая мы получили первыя оффиціальныя извѣстія о сраженіи подъ Цусимой. При вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу было бы большимъ легкомысліемъ

съ нашей стороны ожидать побѣды, но такого пораженія никто не могъ ожидать... Что же это такое!...

Газеты и телеграммы говорятъ о началѣ мирныхъ переговоровъ какъ о совершившимся фактѣ. Пожалуй, дѣйствительно, не придется намъ выйти побѣдителями изъ этой злосчастной войны.

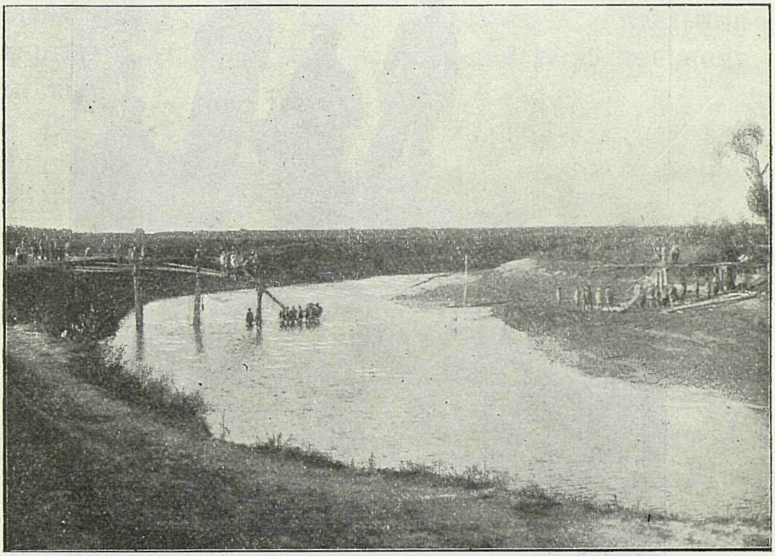

Постройка укрѣпленій.

Мы съ удвоеннымъ рвеніемъ принялись за укрѣпленія, опасаясь опять обхода нашего праваго фланга.

Могутъ ли японцы при нынѣшнемъ положеніи воюющихъ сторонъ на сухопутномъ театрѣ войны повторить свой мукденскій маневръ, т. е. обойти нашъ правый флангъ, двигаясь прямо на Бодунэ или Цицикаръ? Все указываетъ на то, что этотъ обходъ представляетъ теперь еще нѣкоторыя преимущества по сравненію съ обходомъ подъ Мукденомъ. Синминтинскую желѣзную дорогу съ немень-

шимъ успѣхомъ можетъ замѣнить судоходная рѣка Ляохэ, а далѣе возможенъ нѣкоторый подвозъ и по Даляохэ. Въ то же время этотъ фланговый маршъ прикрывается рѣкой Даляохэ,—преимущество, какого японцы не имѣли подъ Мукденомъ. Наконецъ, при движенiи вдоль Даляохэ и далѣе на сѣверъ по Мон-

Постройка моста на притокѣ Даляохэ.

голiи, подвозъ продовольственныхъ запасовъ можетъ быть ограниченъ до крайности въ виду возможности пользоваться мѣстными средствами; лучшимъ показателемъ этой возможности служитъ тотъ фактъ что наши три армiи уже два мѣсяца питаются мѣстными средствами, не испытывая пока недостатка ни въ чемъ. А прилегающая пограничная полоса Монголiи въ отношенiи своей производительности немногимъ

уступаетъ занимаемому нами району, да еще притомъ не тронута войсковыми фуражировками.

Нельзя обойти молчаніемъ частыя вылазки, ко-

Примѣрка окопа.

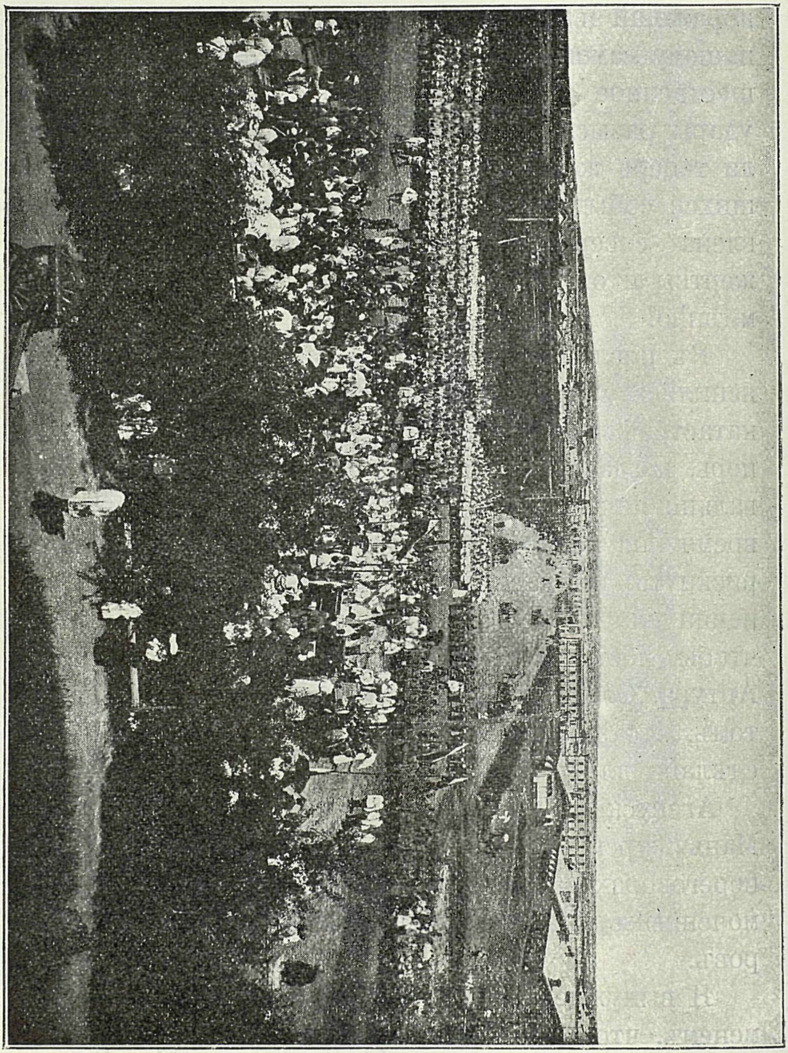
торыя теперь дѣлаются въ нашей печати противъ тѣхъ или иныхъ дѣятелей переживаемой нами злосчастной войны. Явленіе это находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ тѣхъ болѣзненныхъ кон-

вульсіяхъ, которыя вызываются цѣлымъ рядомъ пораженій и ударовъ, нанесенныхъ въ эту войну нашему самолюбію и патріотическому чувству. Общественное мнѣніе невольно реагируетъ на эти удары разыскиваніемъ виновныхъ. Но справедливо ли теперь же, когда причинная связь въ совершающихся событіяхъ никѣмъ не можетъ быть установлена совершенно ясно, выхватывать отдѣльныя жертвы и отдавать ихъ на съѣденіе общественному мнѣнію?

Въ послѣднихъ числахъ мая окончательно выяснились чудовищные размѣры небывалой ужасной катастрофы, постигшей насъ подъ Цусимой. Теперь, когда въ водахъ Тихаго океана у насъ буквально ничего не осталось, положительно настало время подумать о заключеніи мира, если не желаемъ рискнуть и Владивостокомъ. А продолженіе войны неминуемо съ перваго шага приведетъ насъ къ тому, чтобы поставить на карту и Владивостокъ послѣ Артура. Со всѣхъ сторонъ приходится слышать о томъ, что за послѣдніе годы въ крѣпости не много сдѣлано для усиленія ея обороноспособности.

Агентскія телеграммы, печатающіяся въ „Вѣстникѣ Маньчжурскихъ армій“, полны извѣстій о мирныхъ переговорахъ. Говорятъ уже о назначеніи уполномоченныхъ и обсуждается мѣсто веденія переговоровъ.

Я вынужденъ былъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы по настоянію врачей, и съ разрѣшенія начальника дивизіи и командира корпуса, поѣхать въ отпускъ съ цѣлью поправить сколько нибудь крайне разстроенное здоровье. Частое головокруженіе, сопровождавшееся постоянными обмороками, довели

Парадъ въ Харбинѣ.

меня до полнаго истощенія; тѣмъ болѣе, что почти ежедневно пріемъ пищи сопровождался рвотой.

12 іюня я уѣхалъ съ театра войны. По прибытіи

въ Европейскую Россію, заѣхалъ домой лишь на одинъ день, и затѣмъ направился немедленно въ Карлсбадъ, гдѣ, выдержавъ курсъ леченія, возвратился обратно въ полкъ на театръ войны. Полкъ, попрежнему, былъ расположенъ на томъ же мѣстѣ,

Русскіе и японскіе уполномоченные при мирныхъ переговорахъ.

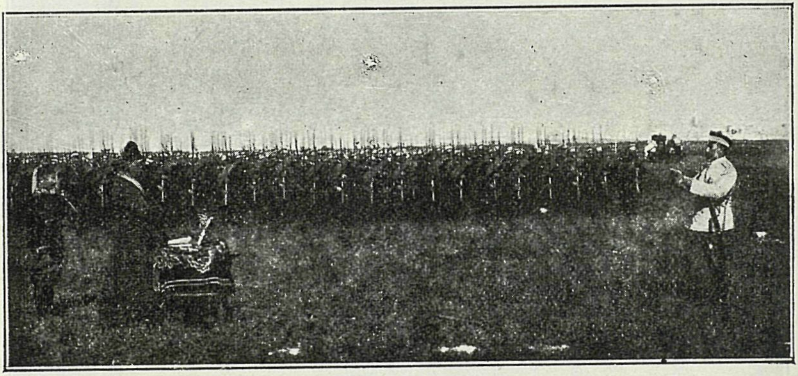
около дер. Сядяопу, занимаясь стрѣльбой, ротными, баталіонными и полковыми ученьями—вполнѣ на мирномъ положеніи. Въ Харбинѣ также происходили частые парады и церемоніи прибывающимъ изъ Европейской Россіи подкрѣпленіямъ.

Словомъ, наступило мирное время со всѣми обычными занятіями и развлеченіями, съ той лишь разницей, что все это происходило на театрѣ войны.

Тѣмъ временемъ на театрѣ войны съѣхались

уполномоченные враждующихъ армій для проведенія демаркаціонной линіи.

Въ первый разъ, за все время войны, противники посмотрѣли въ лицо другъ другу. Кто могъ думать что эти маленькіе „япоши“ и „макаки“—какъ ихъ третировали европейцы на Дальнемъ Востокѣ—одержатъ блестящую побѣду надъ величайшей въ мірѣ военной державой! 10 лѣтъ тому назадъ, во время

Чтеніе Манифеста о мирѣ.

моего пребыванія въ Японіи, японскіе офицеры генеральнаго штаба увѣряли меня, шутя, что они рискнутъ на войну съ Россіей—не раньше чѣмъ когда у нихъ будетъ половина территоріи и количества населенія, сколько имѣется въ Россіи...

3 октября послѣдовало оффиціальное объявленіе о заключеніи мира. Въ полку отслужили благодарственный молебенъ, послѣ котораго я прочелъ Высочайшій манифестъ о заключеніи мира.

По вопросу о своевременности заключенія мира теперь, два—три года спустя, слышны иногда все-

возможные толки. Считаю себя обязаннымъ высказать здѣсь и мое посильное сужденіе по этому вопросу [1]).

Для людей сколько нибудь совѣстливыхъ и притомъ свѣдущихъ въ той обстановкѣ на театрѣ войны, въ которой воюющія стороны находились передъ заключеніемъ Портсмутскаго договора, производятъ непріятное впечатлѣніе всѣ толки о допущенномъ, будто бы, со стороны русскихъ уполномоченныхъ явномъ легкомысліи при заключеніи мира.

Всѣ эти толки опираются на аргументы такого рода: на Сыпингайской позиціи у насъ стояла свыше 700-тысячная армія, жаждущая сразиться съ врагомъ, а во главѣ арміи стоялъ „настойчивый и талантливый" главнокомандующій, неспособный повторить ошибки своего предмѣстника. Подобныя сентенціи понятны, когда онѣ провозглашались нашей печатью во время мирныхъ переговоровъ, когда необходимо было, такъ или иначе, муссировать наше общественное мнѣніе, подготовляя его ко всякимъ случайностямъ, — когда необходимо было хоть чѣмъ-нибудь вліять на требованія побѣдоноснаго противника, чтобы сдѣлать его сговорчивымъ. Понятно также, когда и много времени спустя, послѣ войны, Портсмутскій договоръ дѣлается орудіемъ политической борьбы въ обуявшихъ теперь наше отечество партійныхъ раздорахъ, — когда хотятъ какими бы то ни было средствами клеймить своихъ политическихъ противниковъ. Но,—когда видные военные люди, игравшіе на театрѣ войны, въ нашемъ командномъ квартетѣ, одну изъ первыхъ ролей при исходѣ войны, подбираютъ на партійныхъ задворкахъ скверные отбросы и начинаютъ ихъ смаковать на столбцахъ большой столич-

1) Это самое я высказывалъ и на стр. „Разв.".

ной печати, то не знаешь чему удивляться: непроходимому ли легкомыслію, или слѣпому недомыслію—если не политической недобросовѣстности и завѣдомой фальши.

Мы скорѣе склонны вѣрить, что имѣемъ тутъ дѣло съ наивнымъ легкомысліемъ, которое навлекло уже на нашу родину столько бѣдствій, повидимому не покидаетъ насъ и понынѣ, и еще Богъ знаетъ, что оно сулитъ намъ въ будущемъ. Долгъ честно мыслящихъ людей бороться, не покладая рукъ, съ умственной близорукостью этихъ дутыхъ авторитетовъ, которые неожиданно для всѣхъ во время минувшей войны всплыли на верхи командованія арміями, способные вести не къ побѣдамъ, а къ пораженіямъ,—точно также какъ теперь, послѣ войны, они способны лишь вводить въ заблужденіе сбитое съ толку наше общественное мнѣніе.

Двадцать слишкомъ мѣсяцевъ тянулась безпримѣрная по своей интенсивности кровопролитная война. Послѣ окончательнаго уничтоженія нашего флота въ Цусимскомъ бою рухнула и послѣдняя, чисто азартная, ставка; осталась въ сѣверной Манчжуріи лишь наша сухопутная армія на негодной Сыпингайской позиціи — гораздо худшей чѣмъ та, которую мы занимали передъ Мукденскимъ отступленіемъ, — имѣя передъ собою противника болѣе многочисленнаго и болѣе побѣдоноснаго, чѣмъ подъ Мукденомъ.

Стратегическая обстановка, сложившаяся тогда на театрѣ войны, была для насъ весьма неприглядна. Сыпингайская позиція, на которой наша армія пріостановилась вслѣдствіе прекратившагося преслѣдованія японцевъ, была случайнаго характера, и не представляла никакихъ выгодъ, хотя бы тактическаго свой-

ства; фронтъ и фланги ничѣмъ не прикрыты; только впослѣдствіи, пока тянулись мирные переговоры, мы успѣли укрѣпить эту позицію, которая въ концѣ концовъ все же значительно уступала Шахейской позиціи въ отношеніи инженерной подготовки.

Допустимъ, что ко времени мирныхъ переговоровъ у насъ на Сыпингайской позиціи дѣйствительно имѣлось свыше 700 тыс. войскъ, какъ это неоднократно заявлялось со стороны нашихъ офиціальныхъ военныхъ сферъ; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ теченіе семи мѣсяцевъ стоянки въ мирныхъ условіяхъ, съ марта до августа, и японская армія, конечно, укомплектовалась и возрасла въ своей численности; мы обязаны допустить это предположеніе, зная, что съ самаго начала войны, отъ Ялу и до Мукдена, численность японскихъ войскъ постоянно возрастала, укомплектованія получались быстрѣе чѣмъ у насъ, пополняя войска иногда даже во время самихъ операцій,—какъ это было во время боевъ на Шахе. А такъ какъ подъ Мукденомъ въ четырехъ японскихъ арміяхъ было minimum отъ 3-хъ до 4-хъ сотъ тысячъ, то противъ Сыпингайской позиціи японцы, весьма вѣроятно, располагали арміей, едва ли много уступавшей въ численности нашей — особенно если вспомнить, что у насъ было 700 тыс. *штатныхъ*, а для боя важно то, что подъ ружьемъ.

Но допустимъ даже, что у насъ было *двойное* превосходство въ силахъ. Все же это не могло служить намъ гарантіей успѣха: намъ предстояло атаковать армію, расположенную на сильно укрѣпленной позиціи; а какъ японцы укрѣпляютъ свои позиціи мы уже знали по неоднократному горькому опыту,—несмотря на то, что по диспозиціи назначались для

атаки тройныя и четверныя силы. Первоначальная атака Сандепу произведена была *дивизiей*, и мы не могли овладѣть этимъ пунктомъ, хотя—какъ теперь выяснилось, — онъ оборонялся *тогда* лишь небольшимъ отрядомъ *спѣшенной кавалерiи*. Больно въ этомъ признаться; но при оцѣнкѣ условiй, въ которыхъ велись мирные переговоры, надо было смотрѣть на дѣйствительность открытыми глазами, не обольщая себя иллюзiями, за которыя Россiя уже достаточно поплатилась. Говорятъ, однако, что у насъ руководителемъ военныхъ операцiй былъ тогда уже не Куропаткинъ, а „доблестный и талантливый Линевичъ“. Но кто же въ армiи—и тогда во время войны, и теперь, когда все уже проанализировано и выяснено—относится къ этой фразѣ безъ саркастической улыбки? „Когда не помогаетъ докторъ, обращаются къ помощи знахаря“,—вотъ какъ въ армiи характеризуютъ смѣну Куропаткина Линевичемъ...

Что же намъ обѣщалъ переходъ въ наступленiе? Японцы успѣли уже занять Корею, Квантунъ и южную Манчжурiю; отъ Сыпингая до Кореи намъ предстояло овладѣть безконечнымъ рядомъ сильно укрѣпленныхъ позицiй, а при желанiи добиться полнаго успѣха — вытѣснить еще японцевъ изъ окруженной моремъ горной Кореи, изъ полуостровнаго Квантуна и снова овладѣть Портъ-Артуромъ. Все это послѣ того, какъ нашъ флотъ истребленъ въ конецъ, когда японцы безраздѣльно господствуютъ на окружающихъ моряхъ!..

Допустимъ, однако, что можно было отказаться отъ такихъ широкихъ задачъ и, пользуясь нашимъ превосходствомъ въ силахъ, ограничиться на Сыпингайской позицiи скромной задачей попытать счастья

еще въ одномъ сраженіи, для того, во-первыхъ, чтобы хотя единой побѣдой озарить омраченную въ эту войну нашу былую славу, и, во-вторыхъ, чтобы этой побѣдой воздѣйствовать на ходъ мирныхъ переговоровъ. Но и для этой задачи мы имѣли весьма мало шансовъ на успѣхъ: съ одной стороны фанатически настроенная армія, закаленная рядомъ громкихъ побѣдъ, отлично организованная, отлично предводимая, усиленная крѣпкой позиціей. А съ другой...

Что дѣлать! Въ эту злосчастную войну отвернулось отъ нашей арміи все, что иногда, хотя бы въ малой степени, облегчаетъ побѣду. И другія арміи—нѣмецкія и французскія — гордыя ослѣпительной славой Фридриха Великаго и Наполеона I, то же въ свое время, по волѣ рока, терпѣли повальныя пораженія. Пусть въ нашихъ пораженіяхъ, помимо велѣній рока, повинны еще и другія конкретныя причины, являющіяся дѣломъ рукъ человѣческихъ; но то, что уже содѣяно, не исправить новымъ пробнымъ сраженіемъ, послѣ длиннаго ряда пробъ и при помощи „коэффиціентовъ", и при помощи доморощенныхъ снадобьевъ всякаго рода, на которыя разсчитывали при снаряженіи и второй эскадры. На войнѣ,— по выраженію Наполеона I — „повелѣваютъ обстоятельства", повелѣваютъ безпощадно, отказываясь отъ всякихъ чудесъ. И если эти обстоятельства, вмѣстѣ съ самимъ рокомъ ополчились противъ насъ въ эту войну, то было бы смѣшно, по примѣру Ксеркса, въ безсильной злобѣ взяться бичевать море. Когда въ игрѣ не везетъ по капризу судьбы, то благоразумный игрокъ на время прекращаетъ игру.

Вторая цѣль — воздѣйствовать на ходъ мирныхъ переговоровъ—едва ли могла быть достигнута *во вся-*

комъ случаѣ: потому что, отбросивъ японцевъ даже къ Тѣлину, даже къ Мукдену — что же мы выигрывали?—еще кусокъ Манчжуріи, еще кусокъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, которые, однако, никогда не могли служить объектами большого сраженія ни съ нашей, ни съ японской стороны. Споръ вѣдь шелъ изъ-за контрибуціи и части Сахалина, *цѣликомъ занятаго* уже японцами; и если вопросъ о контрибуціи отпалъ самъ собою, то какъ могли мы отстоять Сахалинъ побѣдой у Сыпингая, Тѣлина или Мукдена?,— не касаясь вовсе вопроса о томъ, насколько, вообще, цѣлесообразно было бы пускаться на рискъ кровопролитнаго сраженія, даже съ надеждой отстоять уступленную часть Сахалина. Зато, въ случаѣ проигрыша этого сраженія, мы могли лишиться всего: японцы легко могли бы захватить Бодунэ или Гиринъ, и тогда опасность угрожала Харбину, а съ нимъ и Владивостоку; требованія японцевъ возрасли бы, конечно, еще больше.

Заключеніе мира, говорятъ, было преждевременно еще и потому, что Владивостокъ свободенъ былъ отъ всякой осады... И — слава Богу, что Россіи не пришлось еще пережить и этого позора,—что наши кровныя земли не видѣли на себѣ враговъ! Неужели надо было пустить въ ходъ и эту послѣднюю ставку въ такое время, когда „явно не везетъ“? Или же, надо было очертя голову все же ринуться въ бой, наперекоръ стихіямъ? Но стратегія, какъ и политика, не знаютъ слѣпыхъ страстей. Они требуютъ тщательно взвѣшенныхъ соображеній и твердообоснованныхъ расчетовъ.

Да этого требуетъ и истинный патріотизмъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Когда война разгорѣ-

лась, и мы начали терпѣть пораженія на сушѣ и на морѣ,—когда Тюренченъ, Вафангоу и Ляоянъ, вкупѣ съ пораженіями на морѣ указали всѣмъ зрячимъ людямъ стихійность причинъ нашихъ пораженій, то тогда уже — еще до паденія Портъ-Артура, неудачный исходъ войны былъ *очевиденъ,* — именно *очевиденъ до ясности.* Поэтому истинная любовь къ родинѣ требовала тогда же сказать *правду* себѣ и другимъ, и возможно скорѣе заключить миръ. Вотъ что покойный генералъ Кондратенко писалъ ген. Стесселю еще въ половинѣ сентября 1904 г., т. е. задолго до паденія Портъ-Артура *).

„Ваше превосходительство, милостивый государь, Анатолій Михайловичъ! Въ настоящее время, пока Портъ-Артуръ держится, наши неудачи на другихъ театрахъ войны нельзя считать особенно унизительными. Но если къ этимъ неудачамъ присоединится потеря Артура и находящагося здѣсь флота, то, въ сущности, кампанія безвозвратно проиграна, и нашъ военный неуспѣхъ принимаетъ унизительные для нашего государственнаго достоинства размѣры.

„Расчитывать на своевременную выручку Портъ-Артура нашей арміей или флотомъ едва ли возможно. Единственнымъ почетнымъ выходомъ изъ такого положенія является поэтому заключеніе теперь, до паденія Портъ-Артура, мирныхъ условій, которыя, несомнѣнно, можно (до паденія Артура) установить неунизительныя для народнаго самолюбія.

„Очень вѣроятно, что Государю доносятъ о

*) „Вѣстникъ Манчжурскихъ армій“ № 405.

событіяхъ, освѣщая ихъ нѣсколько вразрѣзъ съ дѣйствительностью.

„Истинное, правдивое, вѣрноподданническое донесеніе могло бы, можетъ быть, устранить большую бѣду отъ нашей Родины.

„Посему, какъ высшій представитель здѣсь государственной власти и лицо, облеченное Царскимъ довѣріемъ,—не признаете ли, ваше превосходительство, возможнымъ шифрованною телеграммой на Имя Его Величества донести объ истинномъ положеніи дѣлъ здѣсь на Дальнемъ Востокѣ? Настоящее письмо мною написано только въ виду постояннаго сердечнаго отношенія вашего превосходительства ко мнѣ и моей глубокой увѣренности въ необходимости такого шага для блага Родины“.

Кому не ясно теперь, что если бы, вмѣсто фанфарныхъ телеграммъ съ театра войны, Государю и Россіи своевременно сказали бы *правду*, безъ прикрасъ, то мы не дожили бы до Портсмутскаго договора. Но для этого нужно любить Царя и родину больше, чѣмъ себя и свою карьеру...

Отсутствіе правды и истиннаго, беззавѣтнаго, нелицепріятнаго, патріотизма, — вотъ что подготовило войну съ ея пораженіями и Портсмутскимъ миромъ— вотъ что заѣдаетъ насъ и понынѣ.

1—10 октября. Наступили холода. Люди испытываютъ уже порядочный холодъ въ походныхъ палаткахъ, хотя и прикрытыхъ соломенными матами и землей поверхъ полотнищъ.

Скоро намъ объявленъ былъ протоколъ новаго соглашенія между уполномоченными русскихъ и япон-

скихъ армій о порядкѣ эвакуаціи войскъ съ театра войны.

Протоколъ этотъ гласитъ слѣдующее:

Ст. I. На основаніи добавочной статьи къ ст. 3-й мирнаго договора между Россіей и Японіей, подписаннаго 5 сентября новаго стиля—23 августа стараго

Походныя палатки обращенныя въ теплое помѣщеніе.

стиля, сего года въ Портсмутѣ, заключено слѣдующее соглашеніе:

а) Къ 1-му декабря новаго стиля—18-му декабря стараго стиля 1905 года Русскія войска въ Маньчжуріи, занимающія фронтальныя позиціи, должны быть отведены въ раіонъ Итунчжоу-Ихедченъ-Унжоу-Баминченъ-Суанчеза и къ сѣверу.

Къ 31-му декабря новаго стиля—18 декабря стараго стиля 1905 г. Японскія войска въ Маньчжуріи, занимающія фронтальныя позиціи должны быть от-

ведены въ раіонъ Факумынъ-Цзинцзятунь-Чантуфу-Вейтумынь-Фушунъ и къ югу.

б) Къ 1-му іюня новаго стиля — 19 мая стараго стиля 1906 года Русскія войска должны отойти на линіи Суанченза-ст. Рунчжулинъ-Итунчжоу и къ сѣверу отъ этой линіи.

Японскія войска — на линію Факумынь-Тѣлинъ-Фушунъ и къ югу отъ этой линіи.

в) Къ 1-му августа новаго стиля — 19 іюля стараго стиля 1906 года Русскія войска должны быть отведены на линію Санзатунь-гор.-Куанченцзы-Палину и къ сѣверу отъ нея.

Японскія войска — на линію Синьминтинь-гор.-Мукденъ-Фушунъ и къ югу отъ нея.

г) Каждая изъ договаривающихся сторонъ обязуется имѣть въ Маньчжуріи къ 15-му апрѣля новаго стиля — 2-му апрѣля стараго стиля 1906 года не болѣе 250-ти тысячъ строевыхъ, а къ 15-му октября новаго стиля—2-му октября стараго стиля 1906 г.— не болѣе 75-ти тысячъ строевыхъ.

Къ 15-му апрѣля новаго стиля — 2-му апрѣля стараго стиля 1907 года эвакуація обѣихъ сторонъ изъ Маньчжуріи должна быть закончена.

а) Средняя численность стражи, которую обѣ договаривающіяся стороны могутъ содержать для охраны своихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Маньчжуріи, согласно первой добавочной статьи къ Портсмутскому договору, опредѣляется по 15 человѣкъ на километръ.

Ст. II. а) для передачи желѣзнодорожной линіи каждая изъ договаривающихся сторонъ назначаетъ комиссію въ числѣ 3-хъ человѣкъ изъ числа офицеровъ Управленія Военныхъ сообщеній и Инженеровъ.

Комиссіи должны начать работу около средины апрѣля новаго стиля 1905 года.

Точное время и мѣсто встрѣчи комиссіей опредѣляется отдѣльнымъ соглашеніемъ.

б) Сдача и пріемъ желѣзнодорожной линіи къ ст. Гунчжулинъ должна быть исполнена къ 1-му іюня новаго стиля—19-му мая стараго стиля 1906 года, а ст. Гунчжулинъ и участки къ сѣверу отъ нея — къ 1-му августа новаго стиля—19-му іюля стараго стиля 1906 года.

в) Точное опредѣленіе конечнаго сѣвернаго пункта желѣзнодорожной линіи, передаваемой Японіи, будетъ рѣшено дипломатическимъ путемъ.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся надлежащимъ образомъ на то уполномоченные Главнокомандующими Русскими и Японскими арміями въ Маньчжуріи, составили настоящій протоколъ въ 2-хъ экземплярахъ каждый на Русскомъ и Японскомъ языкахъ.

Обѣ договаривающіяся стороны получаютъ по экземпляру Русскаго и Японскаго текстовъ протокола.

Совершенъ на ст. Сыпингай 17-го октября стараго стиля — 30-го октября новаго стиля 1905 года.

Меморандумъ. Уполномоченные Главнокомандующихъ Русскими и Японскими войсками при подписаніи протокола о порядкѣ эвакуаціи изъ Маньчжуріи Русскихъ и Японскихъ войскъ условились:

Въ виду нежелательности, чтобы постороннія лица проникали въ раіоны расположенія армій той и другой стороны, проѣздъ лицъ, исключая мѣстныхъ жителей, изъ раіона одной арміи въ раіонъ другой допускается лишь съ взаимнаго согласія властей обѣихъ армій. Для сношенія по вопросамъ о полученіи

разрѣшеній назначается въ каждой арміи особый Штабъ, который и выдаетъ удостовѣренія на выѣздъ въ раіонъ другой арміи. Для выдачи такого удостовѣренія въ каждомъ случаѣ должно быть получено согласіе Штаба той арміи, въ раіонъ которой лицо направляется.

Въ настоящее время такіе Штабы должны находиться при Штабахъ Главнокомандующихъ; о перемѣнахъ въ ихъ расположеніи стороны взаимно извѣщаются".

Согласно упомянутому протоколу войска наши, начиная съ октября мѣсяца, должны были начать движеніе на зимнія квартиры.

Всѣ толки у насъ вращаются теперь около вопроса: когда пойдемъ на зимнія квартиры. Отлично знаемъ, что на этихъ зимнихъ квартирахъ насъ ожидаетъ та же обстановка, среди которой живемъ сейчасъ у Садяопу: тѣ же китайскія фанзы, то же томительное бездѣйствіе, которое гипнотизируется канцелярской перепиской. Тѣмъ не менѣе, всѣ мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждемъ перехода на зимнія квартиры, — все же нѣкоторое развлеченіе, этотъ походъ, и затѣмъ — новая стоянка.

Квартирнымъ райономъ для войскъ 17 корпуса назначена мѣстность около желѣзнодорожной станціи Яомынь, къ югу отъ р. Сунгари; такъ что намъ предстоитъ сдѣлать около 12 переходовъ. На мѣсто квартирнаго района направлена давно уже рота въ полномъ составѣ для приспособленія фанзъ къ житью нижнихъ чиновъ.

15 октября, послѣ напутственнаго молебна, тронулись въ обратный путь *на встрѣчу Россіи*...

Какое отрадное ощущеніе, помимо собственной

воли, волнуетъ всѣхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ при этомъ обратномъ движеніи, когда каждый шагъ приближаетъ насъ къ Родинѣ.

Ахъ, — еслибъ не это гнетущее чувство обиды и безысходной горечи, что судьба не послала намъ почти ни единой, настоящей, побѣды. По мѣрѣ силъ армія исполнила долгъ свой, себя не жалѣла; объ этомъ говорятъ цифры небывалыхъ потерь. Но что мы даримъ Россіи?.. Какъ насъ встрѣтятъ дома?..

А вѣсти изъ Россіи приходятъ печальныя. Прежде всего газеты полны извѣстій о настоящемъ голодѣ, постигшемъ центральныя губерніи, въ томъ числѣ и родную, для полка, Тульскую губернію. Передъ выступленіемъ въ походъ на зимнія квартиры я, послѣ напутственнаго молебна, обратился къ нижнимъ чинамъ съ нѣсколькими словами; напомнилъ о голодѣ, постигшемъ родную губернію, и необходимость крѣпко беречь ту копейку, которую многіе скопили на театрѣ войны, чтобы облегчить нужду по возвращеніи домой, а пока — помочь роднымъ голодающимъ. Всѣ горячо откликнулись на мой призывъ; въ нѣсколько дней, на походѣ, изъ копеечекъ составилось по ротнымъ спискамъ около 300 рублей. Къ этимъ деньгамъ присоединились пожертвованія офицеровъ, а также одна выручка отъ проданныхъ китайцамъ кожъ съ убитаго для полка скота; такъ что мы могли послать голодающимъ Тульской губерніи около 900 рублей.

25 октября мы прибыли на зимнія квартиры. Выпалъ глубокій снѣгъ и наступили сразу лютые морозы. Приспособленіе фанзъ для размѣщенія нижнихъ чиновъ оказалось далеко не оконченнымъ; а положеніе полка въ первые дни, въ виду наступившихъ жестокихъ морозовъ, было до нѣкоторой сте-

пени критическое. Въ такое время я получаю вдругъ предписаніе ближайшаго начальника, что въ виду существующаго предположенія о награжденіи меня чиномъ генералъ-маіора за боевое отличіе, мнѣ предлагается произвести *полковое ученье* въ присутствіи начальника дивизіи, послѣ чего я буду представленъ къ наградѣ... Я отказался отъ производства такого полкового ученья, которое связано съ моей наградой. Отказъ мой вызвалъ сильное неудовольствіе начальства.

Вслѣдъ за тѣмъ я былъ назначенъ начальникомъ особой экспедиціи, формировавшейся отъ III-й арміи для устройства братскихъ кладбищъ на театрѣ войны, гдѣ нашли себѣ вѣчный покой вѣрные воины, павшіе на полѣ чести. Къ сожалѣнію, японцы отказали въ пропускѣ нашей экспедиціи въ занятыя ими мѣстности Маньчжуріи.

Тѣмъ временемъ служебныя отношенія къ ближайшему начальству становились все хуже. *Мирная* жизнь стала куда тяжелѣе *боевой*, и я вынужденъ былъ уѣхать въ Европейскую Россію, — не дождавшись, только на три недѣли, посадки своего полка на желѣзную дорогу. Это была худшая пытка, какую только мнѣ могла уготовить коварная судьба, послѣ всего испытаннаго и пережитаго неразлучно съ полкомъ за девятнадцать мѣсяцевъ войны...

ГЛАВА IX.

Ближайшіе выводы.

Мы переживаемъ въ настоящее время уже четвертый годъ послѣ окончанія злополучной войны на Дальнемъ Востокѣ. За это короткое время совершился крутой поворотъ во всей исторической жизни страны, всколыхнувшій до дна сокровеннѣйшія глубины тысячелѣтней жизни русскаго государства, вынесшій на поверхность нашего житейскаго моря столько гнилья и мусора, накопившихся за многіе вѣка застоя и спячки, что причины нашихъ пораженій въ войнѣ съ японцами обнаружились достаточно наглядно. Эти причины указаны уже съ высоты Престола, Верховнымъ вождемъ нашей арміи, признавшимъ необходимымъ измѣнить весь политическій строй нашей жизни. Очевидно, въ этомъ строѣ скрывалась основная причина всѣхъ неудачъ, постигшихъ насъ въ послѣдніе годы.

Скрывать ли всѣ наши прорѣхи отъ посторонняго глаза, или слѣдуетъ безпощадно обнажать наши болячки при полномъ свѣтѣ дня? Это приводитъ насъ къ щекотливой дилеммѣ о самокритикѣ, которая при одностороннемъ увлеченіи приводитъ къ двумъ крайностямъ—самобичеванію или самосмакованію. Скажутъ, конечно, что и то, и другое край-

ности,—что есть золотая средина,—что нѣтъ надобности безъ нужды себя больно бичевать, какъ не слѣдуетъ себѣ и сладко льстить. Пусть такъ. Но надо принять во вниманіе, что золотая средина здѣсь съ очень расплывчатыми берегами, что весьма легко шагнуть со средины въ ту или другую сторону, и весь вопросъ въ томъ, чтобы заранѣе уяснить себѣ возможный вредъ для постановленной цѣли отъ вольнаго или невольнаго уклоненія въ сторону той или другой крайности.

Обращаясь къ примѣрамъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, а также и къ фактамъ недавно минувшихъ дней, у насъ самихъ и нашихъ сосѣдей, мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что никогда и нигдѣ печальные итоги въ дѣлѣ войны—знаменующей собою всеоблемлющій экзаменъ всей жизнедѣятельности народной—не являлись результатомъ хотя бы и самой злой, ѣдкой самокритики. Это такъ же невозможно, какъ невозможно *дѣло* испортить *словомъ*, если даже допустить, что, вообще на землѣ, въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ возможно идеальное совершенство; въ дѣйствительности же этого не бываетъ, и для проницательнаго ума часто среди всеобщаго покоя и глубокаго мира обрисовываются недочеты такого рода, которые очевидными для всѣхъ выступаютъ только послѣ назрѣвшей и развившейся катастрофы. Въ силу хотя бы этой одной безспорной истины надо относиться снисходительно даже и къ острой увлекающейся самокритикѣ, способной иногда безжалостно „глаголомъ жечь сердца людей“, низвергать излюбленныхъ идоловъ, склонной иногда въ силу увлеченія неумышленно искажать и самую правду, разыскивая погрѣшности и слабости даже въ силь-

ныхъ сторонахъ нашего бытія. У всѣхъ народовъ лучшіе мыслители были всегда и наиболѣе безпощадными обличителями ложныхъ взглядовъ и разныхъ общественныхъ золъ, прикрытыхъ господствующими нравами и обычаями. Наоборотъ,—при преобладающемъ обратномъ теченіи общественной мысли, при склонности видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, крикливо восторгаться положительными явленіями, замалчивая вовсе всплывающія время отъ времени неприглядныя стороны жизни,—при тяготѣніи въ сторону вотъ этой крайности катастрофа не заставляетъ себя ждать, и жизнь властно напоминаетъ объ опасномъ увлеченіи. Не зарываясь въ дебри историческихъ примѣровъ, ограничимся указаніемъ на печальные итоги Крымской войны и только что пережитую войну съ Японіей: въ 50-хъ годахъ ложное теченіе нашей общественной мысли, затуманенной убаюкиваніями славянофиловъ и обманчивымъ миражемъ внѣшняго и внутренняго благополучія, подъ давленіемъ мертвящихъ тисковъ всесильной власти, привело насъ къ уродливому міровоззрѣнію „шапками закидаемъ", которое оказалось для насъ пагубнымъ и въ военномъ, и политическомъ отношеніяхъ. Наказаны мы теперь вторично печальными итогами минувшей войны съ японцами за то, что мы ласкали взоръ свой только внѣшними признаками благополучія и величія арміи, отворачиваясь отъ обнаруживавшейся время отъ времени обратной стороны медали. Понадобилась для нашей арміи жестокая хирургическая операція, учиненная минувшей войной, чтобы главнокомандующій въ прощальномъ приказѣ призналъ таившіеся въ арміи недуги, которые онъ задолго до войны, среди глубокаго мира, не могъ не видѣть какъ военный министръ.

Теперь мы опять стоимъ передъ той же дилеммой: довольствоваться ли уже раскрытыми, выступившими наружу, болячками, стыдливо укрывая отъ постороннихъ глазъ то, что видно лишь намъ однимъ, или выносить все на свѣтъ Божій, не опасаясь ложнаго ущерба престижу и величію арміи. И по горькому опыту исторіи, и по здравому смыслу, тутъ, кажется, двухъ мнѣній быть не можетъ. Армія хорошо дѣлаетъ свое дѣло и побѣждаетъ на войнѣ лишь въ силу таящейся въ ней самой жизнеспособности, совершенно независимо отъ ореола, которымъ она окружена у себя на родинѣ; напротивъ: искусственно созданный престижъ оранжерейнаго характера скорѣе принесетъ арміи несомнѣнный вредъ, такъ какъ можетъ легко способствовать зарожденію въ ней болѣзнетворныхъ микробовъ, неразлучныхъ всегда съ экзотическимъ воспитаніемъ. Съ другой стороны никакая критика, даже самая злостная и лживая, не можетъ нанести дѣйствительный ущербъ здоровому развитію арміи, имѣющему въ основѣ правильно поставленную цѣль и осуществляемую плодотворными мѣропріятіями.

Не будемъ, поэтому, бояться *никакой* критики, памятуя, что подобное „самобичеваніе" ведетъ къ работѣ мысли, къ бодрствованію поставленныхъ у дѣла, къ совершенствованію и движенію впередъ; тогда какъ самодовольство, граничащее съ самосмакованіемъ, ведетъ къ застою и спячкѣ. Пусть неприглядно, пожалуй и смѣшно, положеніе гоголевской унтеръ-офицерши, которая сама себя высѣкла; но еще хуже, когда при полномъ самодовольствѣ, пребольно высѣкутъ чужіе. Я уже имѣлъ случай высказать это въ предисловіи къ первой части насто-

ящихъ воспоминаній: Арміи нашей нужна одна правда. Намъ ея стыдиться нечего. Пусть ее видитъ весь міръ! Поэтому исканіе правды—лучшій залогъ свѣтлаго будущаго для нашей арміи. Какъ въ жизни семейной, такъ и международной, важно, чтобы мужъ-хозяинъ первый узналъ о томъ, что у него дѣлается дома—прежде чѣмъ стать предметомъ пересудовъ своихъ сосѣдей, которые не замедлятъ учесть то, что извѣстно намъ однимъ.

Обращаясь къ ближайшимъ выводамъ изъ постигшаго насъ печальнаго опыта минувшей войны, я полагаю умѣстнымъ повторить здѣсь то, что мною высказывалось неоднократно на страницахъ военной печати (въ „Развѣдчикѣ“). Причинъ нашихъ пораженій, какъ и должно быть на самомъ дѣлѣ, слишкомъ много; и это понятно, потому что война представляетъ собою явленіе настолько сложное, что, при желаніи, пріурочить удачный или неудачный исходъ къ какимъ нибудь однороднымъ, хотя бы, и главенствующимъ, причинамъ, мы неизбѣжно рискуемъ впасть въ крайность. Въ дѣйствительности же война знаменуетъ собою всеобъемлющій экзаменъ всей жизнедѣятельности народной; и государство пожинаетъ на войнѣ то, что посѣяло задолго передъ тѣмъ, во многихъ предшествовавшихъ поколѣніяхъ...

Но характерно вотъ что: во всѣхъ поискахъ причинъ нашихъ пораженій мы завѣдомо игнорируемъ важнѣйшую причину—безграмотность и некультурность нашего солдата.

И во время минувшей войны, и послѣ ея окончанія, во всѣхъ органахъ печати время отъ времени производятся по всѣмъ направленіямъ усердные поиски причинъ нашихъ повальныхъ пораженій, испы-

танныхъ на Дальнемъ Востокѣ. И, конечно, — не мало прорѣхъ нашлось у насъ во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ областяхъ государственной, общественной и даже частной жизни, потому что дѣйствительно вездѣ и всюду все оказалось развинченнымъ или недовиченнымъ; все идетъ не по предназначеннымъ рельсамъ, а тарахтитъ и хлябаетъ поперекъ шпалъ. Обрушились прежде всего на бюрократію, какъ прародителя всѣхъ золъ; затѣмъ,—на командный составъ, который дѣйствительно оказался ниже своей задачи; ополчились противъ генеральнаго штаба за то, что война велась въ слѣпую; взялись, наконецъ, и за покойниковъ — достается М. И. Драгомирову— не умолкаетъ по сію минуту ядовитая полемика по вопросу о тактической подготовкѣ, оставленной намъ, будто бы, въ наслѣдство Драгомировымъ.

Но во всѣхъ нашихъ поискахъ мы, сознательно или безсознательно, упорно избѣгаемъ одно направленіе—избѣгаемъ, можетъ быть, именно потому, что тамъ придется столкнуться съ врагомъ наиболѣе могучимъ, противъ котораго безсильны всѣ ухищренія самоновѣйшей тактики и всѣ мѣры, вырабатываемыя въ бюрократическихъ лабораторіяхъ всѣхъ вѣдомствъ. Мы должны признать, какъ положительный фактъ, значительную осталость нашей арміи — разумѣя общую массу нижнихъ чиновъ—отъ средняго уровня образовательнаго и умственнаго развитія какъ японской, такъ и большей части западно-европейскихъ армій. Тяжело для нашего національнаго самолюбія сознаться въ этой отсталости; но это сознаніе тяжкимъ кошмаромъ нависло надъ всей нашей злободневной дѣйствительностью и душитъ всѣ порывы, всѣ начинанія, стремящіяся поднять армію на уро-

вень современныхъ военныхъ требованій. Замалчивать этотъ важнѣйшій недугъ — значитъ оставить безъ вниманія гнѣздилище всѣхъ нашихъ недомоганій.

Арміи необходима общеобразовательная народная школа. Этотъ вопросъ народился еще полвѣка тому назадъ, непосредственно послѣ Крымской войны. Вмѣстѣ съ отсталостью нашего воруженія и тогда уже ясно было значеніе народной школы въ дѣлѣ подготовки вооруженныхъ силъ страны. Но тогда не время было мечтать о всенародной школѣ, объ общеобразовательномъ обученіи,—когда все крестьянское населеніе, служившее почти единственнымъ источникомъ питанія вооруженныхъ силъ, томилось еще въ оковахъ крѣпостного ига. Пыталось наше военное вѣдомство рѣшить этотъ вопросъ собственными силами: введены были сначала ротныя школы, а послѣ введенія всеобщей воинской повинности проникло въ армію стремленіе обучать грамотности всѣхъ новобранцевъ, поступающихъ на службу. На грамотность, вообще обращено было усиленное вниманіе. На войсковые кадры стали смотрѣть, между прочимъ, и какъ на школу образовательную, призванную попутно, въ виду недостатка народныхъ школъ, содѣйствовать распространенію въ массѣ населенія грамотности, путемъ обращенія ежегодныхъ контингентовъ безграмотныхъ новобранцевъ въ грамотныхъ солдатъ; эти послѣдніе по выходѣ въ запасъ и возвращеніи въ деревню являлись, въ свою очередь, піонерами и учителями грамотности своихъ односельчанъ. Всѣмъ извѣстно глубокое сознаніе, коренящееся въ каждомъ темномъ нашемъ простолюдинѣ о пользѣ грамотности, и его преклоненіе предъ образованіемъ. Съ первыхъ шаговъ службы, новобранца

пріятно поражало и радовало, что въ суровой военной школѣ, кромѣ чуждой ему муштровки, онъ черпаетъ еще давно взлелѣянную грамотность, и изъ неуча обращается въ человѣка грамотнаго. Широкой живительной струей вливалась этимъ путемъ черезъ войсковые кадры такъ необходимая всѣмъ грамотность въ наше деревенское захолустье. Къ сожалѣнію, не долго держалось у насъ въ арміи просвѣтительное теченіе: попадая въ общее русло нашей жизни, оно шло уже по общему направленію, безсильно уступая всякимъ скрытымъ запрудамъ и подводнымъ препонамъ. Раньше всего занятія грамотностью встрѣтили препятствіе въ сокращенныхъ срокахъ службы. Трудно было урывать время для грамотности, когда едва хватало его для внѣдренія неграмотному новобранцу солдатской науки. Какъ это у насъ часто бываетъ, изъ одной крайности ударились въ другую: въ 60-хъ годахъ на армію, на ея войсковые кадры, смотрѣли какъ на народную школу, а въ 80-хъ годахъ проводился взглядъ, что грамотность и умственное развитіе вообще, вовсе не необходимые факторы для боевой подготовки. А, впрочемъ, такой взглядъ существовалъ не только въ 80-хъ годахъ, но преблагополучно существуетъ понынѣ: не далѣе какъ три года тому назадъ намъ пришлось на театрѣ войны встрѣтиться съ приказомъ покойнаго адмирала Чухнина, осуждавшаго увлеченье грамотностью и „всякое умствованіе“; а живымъ дополненіемъ къ этому приказу послужили прибывшіе вскорѣ затѣмъ партіи мятежныхъ матросовъ Черноморскаго флота, „сосланныхъ“ (?) въ наши полки, по своей темнотѣ и малограмотности не понимавшихъ все значеніе и позоръ ихъ преступленія.

Между тѣмъ, какъ сильно чувствовался во время минувшей войны этотъ вопіющій недостатокъ нашего солдата, его темнота и безграмотность, его слабая способность къ какому-нибудь умствованію. Намъ часто приходится теперь слышать о новыхъ тактическихъ пріемахъ, о перебѣжкахъ „просачиваніемъ“ въ одиночку, и о другихъ весьма полезныхъ и дѣльныхъ указаніяхъ, имѣющихъ въ основѣ самодѣятельность каждаго отдѣльнаго рядового борца. Но,— по плечу ли такіе пріемы нашему солдату, когда онъ привыкъ на каждомъ шагу держаться поводыря и руководителя? При постепенномъ ростѣ и усложненіи нашего военнаго дѣла растутъ и требованія, предъявляемыя къ солдату, котораго, при теперешнемъ короткомъ срокѣ службѣ въ кадрахъ, не мыслимо обратить въ разумнаго вполнѣ подготовленнаго бойца, если онъ раньше не получилъ предварительной общей подготовки въ народной школѣ.

Я уже указывалъ выше, что одной грамотности теперь уже недостаточно; даже въ предѣлахъ солдатскаго обихода, требуется еще хоть элементарная образовательная подготовка; требуется нѣкоторое умственное развитіе, необходимъ извѣстный умственный кругозоръ, для того чтобы солдатъ „зналъ свой маневръ“, т. е. умѣлъ бы отдать себѣ отчетъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, о томъ, что дѣлается у него передъ глазами; и тогда онъ будетъ относиться осмысленно къ обстановкѣ, не будетъ изображать изъ себя Панургово стадо при потерѣ начальника. У японскихъ нижнихъ чиновъ мы находили карманные компасы, одинаковаго образца, повидимому интендантскаго заготовленія, которыхъ имѣлось, кажется, по 2 на каждыхъ 10 рядовыхъ; находили часто

при убитыхъ русско-японскіе словари, записныя книжки съ дневникомъ событій, порядочныя карты и т. п. А рядомъ съ этимъ случалось, что наши нижніе чины по своей темнотѣ и неразвитости, въ критическую минуту боя рвали наши собственныя телефонныя сообщенія, вырѣзывая провода для связыванія своихъ сапогъ, сноповъ гаоляна и т. п.; посланные для связи и развѣдки не могутъ разсказать даже, какія наши войска они видѣли, потому что по малограмотности плохо отличаютъ одну часть войскъ отъ другой даже у себя, не говоря уже о войскахъ японскихъ, и совсѣмъ не мечтая о выполненіи сложныхъ требованій, предъявляемыхъ теперь къ осмысленнымъ развѣдчикамъ. Отнюдь не желая углубиться въ дебри многочисленныхъ примѣровъ изъ минувшей войны, иллюстрирующихъ убійственную темноту массы нашихъ нижнихъ чиновъ, полагаемъ возможнымъ ограничиться однимъ весьма яркимъ фактомъ изъ этой области: во время Шахейскаго наступленія, въ концѣ сентября, намъ пришлось убѣдиться, что начальникъ казачьей заставы, старшій урядникъ, не зналъ названія деревни, въ которой онъ со взводомъ стоялъ уже *двѣ недѣли*, неся охранительную и развѣдывательную службу, получая и отправляя ежедневно письменныя донесенія, въ которыхъ мѣсто отправленія помѣчалось всегда „деревня у колодца съ журавлемъ“.

Какъ все это реализировалось на войнѣ, при столкновеніи съ противникомъ поголовно грамотнымъ, распространяться не стоитъ. Едва ли есть надобность теперь доказывать, что при современномъ развитіи военнаго дѣла усвоеніе солдатской науки невозможно безъ твердой грамотности, безъ надле-

жащей умственной подготовки; усиленное же вдалбливаніе и старательное внѣдреніе этой науки въ отношеніи человѣка непривычнаго къ умственнымъ занятіямъ пріобрѣтаютъ неминуемо характеръ дрессировки, при помощи которой можно получить прекрасныхъ автоматовъ временъ Фридриха Великаго, но никакъ не осмысленныхъ воиновъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ. И никакая разумная система воинскаго образованія, хотя бы она была приноровлена ко всѣмъ фибрамъ человѣческой природы, не можетъ восполнить собой той степени индивидуальности и образовательной подготовки, которыя даются, хотя бы, элементарной сельской школой.

Мы никогда не торопимся жить, памятуя наше убаюкивающее житейское правило—„тише ѣдешь—дальше будешь". Съ этимъ бы еще мириться можно, разъ это неизбѣжный для насъ стихійный тормазъ, обусловливаемый неотъемлемой чертой нашего національнаго характера. Но вотъ въ чемъ таится опасность, могущая лишить насъ всего, что въ минувшую войну куплено было такой тяжкой цѣной,—могущая и въ будущемъ привести насъ къ испытаніямъ горше тѣхъ, которыя пережиты на поляхъ злосчастной Манчжуріи: по мѣрѣ удаленія отъ событій минувшей войны все больше и больше нарождается скептиковъ, не признающихъ особой поучительности за указаніями опыта этой войны, ссылаясь на нѣкоторыя ея особенности исключительнаго характера.

Подобное отрицаніе, скрывающее въ себѣ мертвящую косность, не заслуживаетъ и малѣйшей критики пока живы участники минувшей войны, пока въ памяти ихъ не изгладилась еще вся горечь пережи-

таго позора, пока передъ всей Россіей не разсѣялся еще кровавый туманъ, навѣянный этимъ позоромъ минувшей войны. Но время всемогуще: оно легко стираетъ и сильныя впечатлѣнія; и то, что вчера казалось безспорнымъ и яснымъ, весьма скоро тускнѣетъ подъ вліяніемъ нарождающихся сомнѣній и отрицаній.

Теперь уже многіе склонны причины всѣхъ нашихъ неудачъ въ минувшую войну свалить на тактическую подготовку и на боевую подготовку вообще. Такъ какъ съ самаго начала и до конца этой злосчастной войны насъ преслѣдовала постоянная неудача, и судьба не послала намъ ни одного, сколько нибудь крупнаго, успѣха, то выходитъ, что и боевая подготовка наша сплошь никуда не годится: ни при наступленіи, ни при оборонѣ, ни при охраненіи и развѣдываніи, ни въ организаціи тактическихъ единицъ, въ вооруженіи, снаряженіи и комплектованіи войскъ;—словомъ, во всемъ, какъ будто, мы оказались слабѣе японцевъ; все у насъ должно идти на смарку; все надо создавать на ново. Многіе участники, выступившіе въ военной печати съ указаніями изъ опыта минувшей войны, такъ и говорятъ, что все старое въ нашей боевой подговкѣ годно лишь на-сломъ и призываютъ всѣхъ къ поискамъ за новой тактикой.

Однако, откуда же такой ужасный провалъ въ нашемъ военномъ дѣлѣ? Вѣдь, по всеобщимъ отзывамъ иностранныхъ военныхъ писателей, высказаннымъ *до* минувшей неудачной войны, въ нашей арміи все обстояло благополучно; намъ приходилось слышать даже отголоски затаенной тревоги нашихъ сосѣдей, опасавшихся грозначо развитія вооружен-

ныхъ силъ Россіи именно въ виду ихъ внушительности не только по количеству, но и по качеству; еще такъ не давно, передъ началомъ пережитой войны, представители военныхъ авторитетовъ германской арміи, генералъ Креммеръ, полковникъ фонъ-Теттау и другіе—воспѣвали такіе восторженные диѳирамбы подготовкѣ и могуществу нашихъ вооруженныхъ силъ. Вѣдь это тѣ же творцы и вдохновители японской тактики, съ которой намъ пришлось столкнуться въ эту войну! Да и какія, строго говоря, новые элементы боя выступили на сцену въ минувшую войну, которые могли бы поразить старую тактику своей новизной?—Малодымный порохъ, скорострѣльная артиллерія, магазинная винтовка, примѣненіе къ военному дѣлу всевозможныхъ усовершенствованій изъ области научной техники—всѣ эти данныя извѣстны были задолго до войны, подробно разработаны и учтены теоріей и практикой военнаго дѣла и одинаково примѣнялись обѣими воюющими сторонами въ минувшую войну. Никакихъ сюрпризовъ—въ вооруженіи и тактическихъ пріемовъ—подобныхъ тѣмъ, которые армія наша встрѣтила со стороны своихъ противниковъ въ Крымскую и, отчасти, въ послѣднюю Турецкую войну, — мы въ минувшую войну съ японцами на себѣ не испытали.

Значитъ, — въ чемъ же хромаетъ наша боевая подготовка, наша тактика, если онѣ на что нибудь годились до войны?

Одна ли военная тактика виновата въ исходѣ этой злосчастной войны?; да и, вообще,—въ ней ли кроется причина нашихъ пораженій? Внимательно прислушиваясь ко всевозможнымъ отзывамъ и выводамъ участниковъ и теоретиковъ изъ опыта минув-

шей войны, невольно убѣждаешься, что въ предлагаемыхъ новшествахъ и коррективахъ, долженствующихъ ремонтировать на ново наше военное дѣло, положительно нѣтъ ничего новаго. Конечно, каждая война раскрываетъ всегда много недочетовъ не только у побѣжденныхъ, но и у побѣдителей. Съ этой точки зрѣнія не лишены извѣстной доли пользы и лихорадочные поиски за новой тактикой, и усиленное подчеркиваніе множества мелочныхъ изъяновъ, несомнѣнно, тормозившихъ правильную жизнедѣятельность нашей арміи. Пусть даже въ нашей военной средѣ, подъ жгучимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ неудачъ, у насъ проявятся какой угодно пересолъ и утрированіе въ области самообличенія и самобичеванія. Все же это лучше, чѣмъ опасное самосмакованіе, если позволительно такъ выразиться, которымъ мы упивались до войны подъ вліяніемъ общаго теченія нашей жизни.

Но — вотъ въ чемъ опасность, — если мы, подъ давленіемъ суетливой погони за разными палліативами, проглядимъ органическіе недуги, гнѣздящіеся въ нашей арміи,—если коренные недочеты въ нашей боевой подготовкѣ будемъ залечивать воображаемыми новшествами въ тактическихъ пріемахъ. А это не только возможно, но неизбѣжно, когда вниманіе дробится на мелочи,—котда такъ усиленно и детально дебатируются на всевозможные лады вопросы, во всякомъ случаѣ, второстепеннаго свойства...

Въ самомъ дѣлѣ: если присмотримся ближе къ особенностямъ японской тактики, то увидимъ, что въ ней положительно нѣтъ ничего особеннаго, своего, японскаго, которое отличалось бы отъ нашихъ так-

тическихъ пріемовъ:—и въ общемъ, и въ частностяхъ проведены тѣ же принципы, которые давнымъ давно выработаны въ европейскихъ арміяхъ. Во всякомъ случаѣ, еще въ первые мѣсяцы войны мы замѣтили нѣкоторыя характерныя мелочи въ тактическихъ пріемахъ японцевъ и приспособились къ нимъ со своей стороны. Но было кое-что и неподражаемое, обусловливаемое иниціативой и умственнымъ кругозоромъ каждаго *отдѣльнаго бойца*...

При наступленіи японцы искуснымъ образомъ скрывали свои силы, умѣло маскируя ихъ при сосредоточеніи для нанесенія главнаго удара въ важномъ пунктѣ. Но развѣ нашъ противникъ сказалъ въ этомъ отношеніи новое слово? Развѣ это не проповѣдывалось въ нашей арміи, пожалуй, до нарожденія современной Японіи съ ея вооруженными силами? Да и къ чему повели бы всѣ разумнѣйшіе совѣты по этому вопросу, выведенные изъ опыта минувшей войны, когда вся техника въ этой области принадлежитъ къ творческой дѣятельности военачальниковъ всѣхъ ранговъ, до послѣдняго дозорнаго и старшаго патрульнаго?

Въ искусномъ маскированіи группировки силъ при наступленіи кроется успѣхъ стратегическаго выполненія наступательной операціи. Но японцы въ минувшую войну достигли важныхъ результатовъ на полѣ сраженія, благодаря самодѣятельности простыхъ патрулей, безъ всякихъ указаній со стороны офицеровъ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи достаточно указать на занятіе японцами южной половины сел. Линшинпу въ ночь на 30-е сентября, исполненное нѣсколькими патрулями, умѣвшими притомъ сразу укрѣпиться въ селеніи, безъ

помощи офицеровъ, такъ основательно, что на слѣдующій же день, и въ послѣдующія недѣли, наши кровопролитныя атаки дали намъ въ результатѣ только массу безполезныхъ жертвъ. Между тѣмъ, этотъ безкровный захватъ японскими патрулями сел. Линшинпу, несомнѣнно повліялъ на весь ходъ зимней кампаніи,—пожалуй и на Мукденское сраженіе, включительно. Второй такой разительный примѣръ мнѣ пришлось испытать на себѣ въ кровопролитномъ бою 19-го февраля подъ Ланшаньпу: въ 20—30 минутъ передовые бойцы японскіе успѣли засѣсть въ селеніи и привести его въ оборонительное состояніе—опять-таки вполнѣ самостоятельно, безъ помощи офицеровъ,—такъ что ихъ уже трудно было выбить оттуда.

Не желая углубиться въ дебри многочисленныхъ поучительныхъ примѣровъ изъ пережитой войны не могу все-таки удержаться, чтобы не привести одинъ примѣръ самодѣятельности японскаго солдата *при оборонѣ*: цѣлый отрядъ нашъ, предводительствуемый генераломъ, понесъ чувствительныя потери и вынужденъ былъ отсупить, благодаря искусному примѣненію къ мѣстности и перекрестному огню двухъ японскихъ „маяковъ“, состоявшихъ каждый изъ 3—5 стрѣлковъ, при которыхъ, несомнѣнно, офицеровъ-руководителей не было.

Словомъ, мы возвращаемся къ тому же, что указано выше—къ основной ячейкѣ нашего военнаго дѣла—*къ подготовкѣ отдѣльнаго рядового бойца.* И въ этомъ отношеніи минувшая война не сказала намъ, въ сущности, ничего новаго: еще полвѣка тому назадъ провозвѣстникомъ этой истины въ нашей арміи выступилъ покойный М. И. Драгомировъ; затѣмъ,

франко-прусская война 1870 года рельефно показала значеніе прусскаго школьнаго учителя; въ войнѣ 1877—1878 годовъ мы не испытали на себѣ поучительныхъ уроковъ только потому, что имѣли дѣло съ турками. И если въ минувшую войну судьба послала намъ столько тяжкихъ испытаній, то произошло это, главнымъ образомъ, вслѣдствіе значительной разницы въ уровнѣ общей подготовки и умственнаго развитія рядовыхъ бойцовъ японскаго и нашего. Еще со времени господства гладкоствольнаго оружія, дрессировки военныхъ автоматовъ и массовой тактики, эволюція военнаго дѣла опредѣлилась по неуклонному пути всесторонней подготовки каждаго отдѣльнаго бойца. По сравненію съ этимъ сокровеннымъ, центральнымъ фокусомъ современнаго военнаго дѣла все остальное отходитъ на второй планъ: и геній главнокомандующаго, и всевозможныя усовершенствованія изъ области техники, и даже высокій уровень подготовки командproperного состава—все это неминуемо парализовано, когда солдатъ не можетъ быть предоставленъ самому себѣ, когда онъ на каждомъ шагу нуждается въ поводырѣ и руководителѣ.

Затѣмъ, въ печальномъ исходѣ войны важную роль сыграли также и расплывчатыя причины ея возникновенія,—недоступныя пониманію не только солдата, но и офицера.

Не будемъ останавливаться на подробномъ выясненіи значенія въ современной войнѣ причинъ войны, представляющихъ собою самую душу народнаго предпріятія, дающую ему жизнь и смыслъ. Въ нашей войнѣ съ японцами въ дѣйствующей арміи замѣтно было съ самаго начала отсутствіе воодушевленія какъ

среди нижнихъ чиновъ, такъ и среди офицеровъ. Не даромъ бывшій главнокомандующій, ген.-адъют. Куропаткинъ, неоднократно объяснялъ наши пораженія эфемерностью причинъ и поводовъ, вызвавшихъ эту войну. И дѣйствительно: на сколько каждому японскому солдату безъ лишнихъ поясненій были понятны причины войны, на столько же у насъ — не только солдату, но и офицеру—цѣль войны рисовалась въ непроглядномъ туманѣ. А въ результатѣ было то, что въ то время какъ у насъ наблюдались полная апатія и почти равнодушное отношеніе къ дѣлу войны, въ японской арміи замѣтенъ былъ необычайный подъемъ моральныхъ силъ; намъ пришлось видѣть письмо, найденное при убитомъ японскомъ офицерѣ, незадолго передъ тѣмъ полученное имъ отъ молодой жены: въ противоположность нашимъ письмамъ съ родины, въ письмѣ японки не было никакихъ жалобъ на продолжительность войны; напротивъ,—жена требовала отъ мужа подвига, закончивъ письмо словами: „ты долженъ побѣдить, хотя бы это стоило тебѣ жизни“.

Оставляя въ сторонѣ значеніе такого фактора, какъ цѣль войны, опредѣленіе и вліяніе котораго совершенно независимы отъ военнаго управленія, необходимо признать, что роль другой слагаемой—подготовка личнаго состава — зависитъ уже цѣликомъ отъ руководителей и наставниковъ нашего военнаго дѣла. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи военнымъ министерствомъ приняты теперь обширныя мѣры по омоложенію и комплектованію команднаго состава и упорядоченію прохожденія службы всей массой офицеровъ. Но какъ бы цѣлесообразны ни были эти мѣры—еще важнѣе обстановка и весь строй жизни, при которыхъ предпринятыя реформы получатъ дальнѣй-

шее развитіе. Это вполнѣ подтверждается опытомъ недавняго прошлаго: почти во все время восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ боевая подготовка нашей арміи, за однимъ лишь единственнымъ исключеніемъ (легкое пренебреженіе грамотностью и умственнымъ развитіемъ солдата), зиждилась на вполнѣ здоровыхъ общепризнанныхъ началахъ. Ни въ чемъ наша армія не уступала въ этомъ отношеніи ни одной первоклассной арміи западно-европейскихъ государствъ: мы позаимствовали даже изъ республиканской арміи наиболѣе демократическій законъ о предѣльномъ возрастѣ; на критическихъ разборахъ маневренныхъ операцій старшіе начальники всегда считали своимъ долгомъ расшаркиваться передъ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, передъ принципомъ личнаго почина и инициативы.

Словомъ,—въ теченіе длиннаго періода, предшествующаго минувшей войнѣ съ Японіей, положительно не въ чемъ упрекнуть наше военное вѣдомство въ отсталости дѣйствующихъ законовъ, или даже—господствующихъ взглядовъ въ дѣлѣ боевой подготовки арміи.

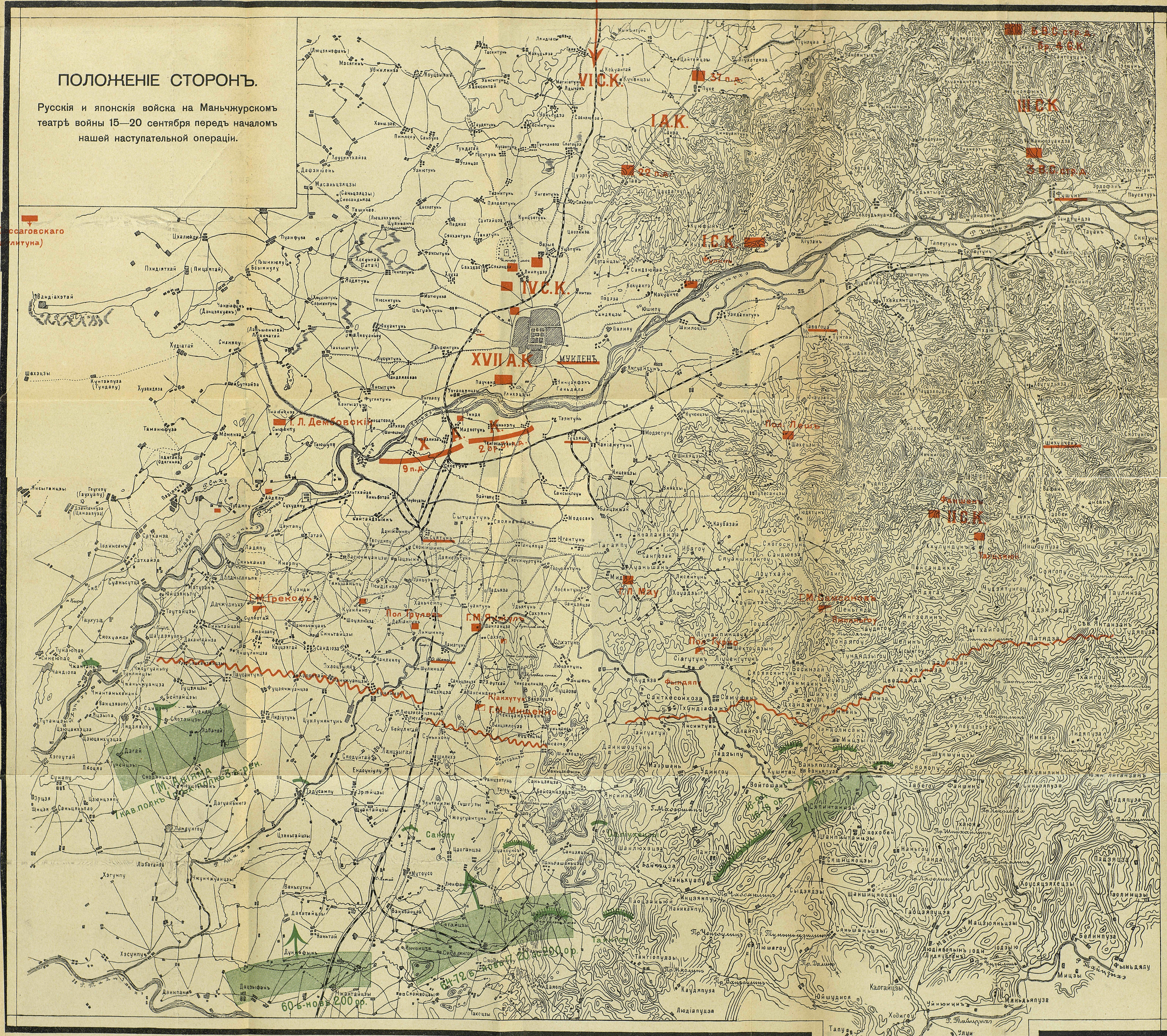
Но—такова была теорія; а на дѣлѣ законодательныя нормы расходились съ дѣйствительной жизнью, которая не для одного только военнаго вѣдомства, но и для развитія всего государственнаго организма протекала въ условіяхъ, противорѣчащихъ прекраснѣйшимъ принципамъ, положеннымъ въ основу дѣйствующихъ законовъ. Поэтому, при фактическомъ господствѣ произвола и личныхъ усмотрѣній, весьма цѣлесообразный законъ о предѣльномъ возрастѣ стали примѣнять лишь тогда, когда это допускалось начальствомъ, а когда оно признавало нужнымъ, оно имѣло возможность *ходатайствовать* о дальнѣйшемъ

оставленіи на службѣ. Изданъ былъ прекрасный законъ о предоставленіи большей самостоятельности командирамъ полковъ въ дѣлѣ внутренняго управленія частью; но начальники дивизій, желающіе проявить свою дѣятельность, понимаютъ ее не иначе, какъ властное вмѣшательство въ права командира полка, и вмѣсто командованія дивизіей стремятся командовать четырьмя полками. Прилаживаясь съ особеннымъ удовольствіемъ къ господствовавшему режиму личнаго усмотрѣнія, высшее начальство нашло себѣ лазейку и въ законодательномъ намекѣ — что „всѣ права, предоставленныя низшему начальнику, подавно принадлежатъ высшему", и на этомъ основаніи являлась всегда полная возможность обезличивать подчиненныхъ, что, разумѣется, душило въ нихъ всякіе порывы къ инціативѣ и личному почину.

Все это, какъ сказано, расцвѣло вопреки существующимъ законамъ, только благодаря всей окружающей душной атмосферѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Наше военное вѣдомство въ этомъ отношеніи плыло только по общему теченію, не желая или не умѣя проложить себѣ собственное русло,—какъ это было во время министерства Д. А. Милютина: какъ извѣстно, послѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ русская жизнь весьма быстро была охвачена реакціей во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, и только одно военное вѣдомство съумѣло отмежеваться тогда отъ общаго настроенія не только въ смыслѣ теченія обычнаго законодательства, но и фактическаго примѣненія его въ жизни; достаточно указать на всеобщую воинскую повинность, гласный военный судъ, реформу военно-учебныхъ заведеній и пр. Все это было проведено тогда, когда вся окружающая атмо-

сфера далеко не благопріятствовала проведенію такихъ реформъ. Преемникъ Д. А. Милютина, покойный П. С. Ванновскій, держался иныхъ взглядовъ и ввелъ военное вѣдомство въ общее русло нашей внутренней жизни. Именно въ эту эпоху и заронены были сѣмена нашихъ пораженій въ войнѣ съ японцами,—если причину этихъ пораженій видѣть тамъ же, гдѣ ихъ усмотрѣлъ А. Н. Куропаткинъ, преемникъ и послѣдователь П. С. Ванновскаго, бывшій главнокомандующимъ нашими арміями въ эту злосчастную войну, познавшій на дѣлѣ кровавыя указанія нашихъ недочетовъ и оповѣстившій это откровенно въ своемъ извѣстномъ прощальномъ приказѣ войскамъ 1-й Манчжурской арміи, а затѣмъ и въ извѣстныхъ „Итогахъ войны".

Итакъ—законы и принципы, принятые у насъ въ дѣлѣ боевой подготовки арміи, были въ большинствѣ случаевъ вполнѣ цѣлесообразны во все время, предшествовавшее минувшей войнѣ. Но всего важнѣе создать въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ здоровую бодрящую атмосферу, способную животворнымъ образомъ вліять на всякое полезное начинаніе, окрылять личный починъ и воспитать начальническій составъ въ духѣ законности и проникновенія тѣми прекрасными принципами, которые положены въ основу давно уже существующихъ и вырабатываемыхъ теперь цѣлесообразныхъ законовъ.

Изданiе Б.А. БЕРЕЗОВСКАГО С.Петербургъ. Колокольная № 14.

Масштабъ 4в. въ дюймѣ.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ

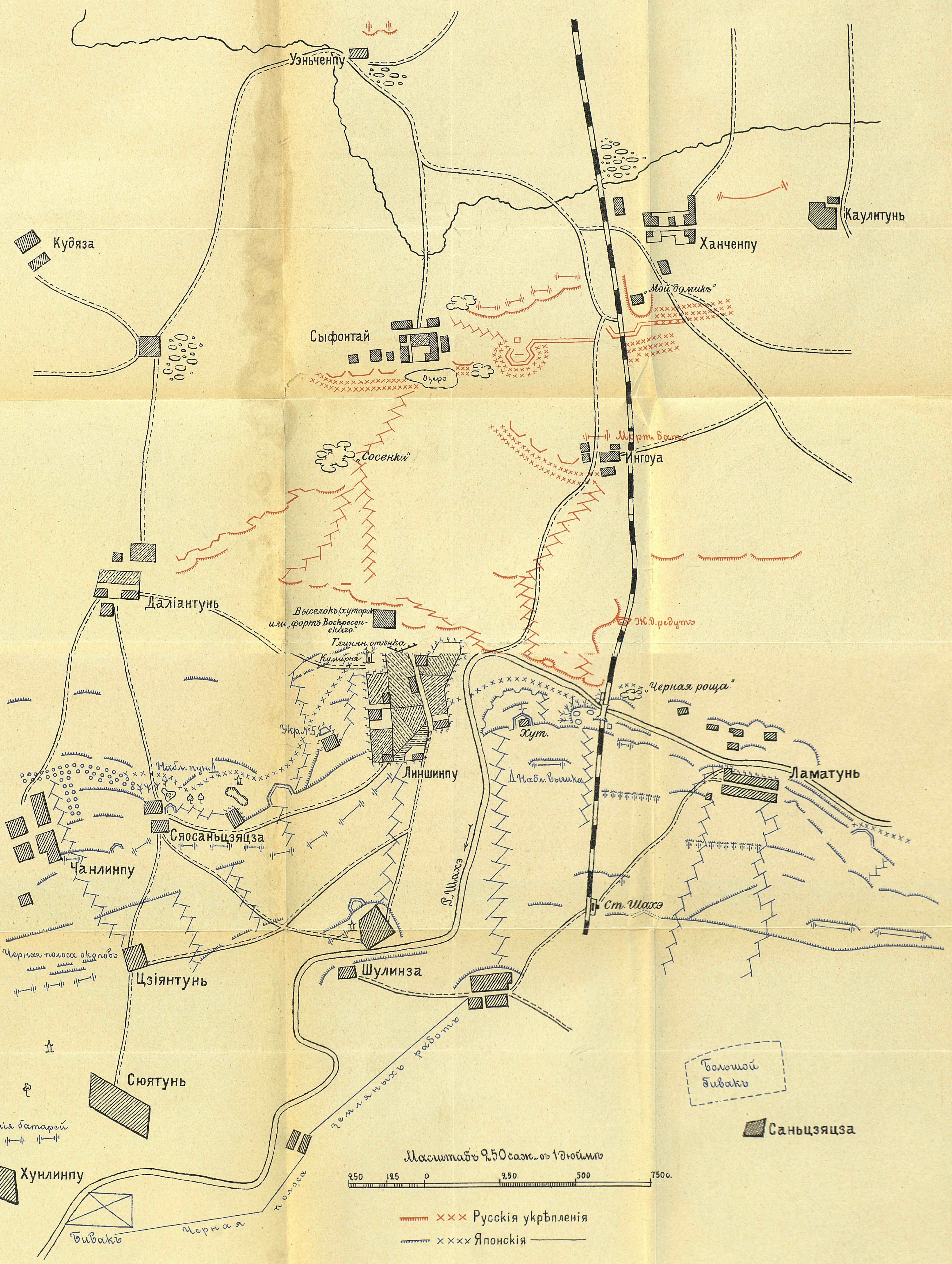
Приложеніе къ книгѣ М. Грулева.—„Въ Штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока". Часть 2-я.

Приложеніе къ книгѣ М. Грулева „Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока" ч. 2

Схема нашихъ и японскихъ укрѣпленій на фронтѣ 17 корпуса и сосѣдн. войскъ

въ періодъ нашего сидѣнія подъ Линшинпу зимою 1904-5 г.

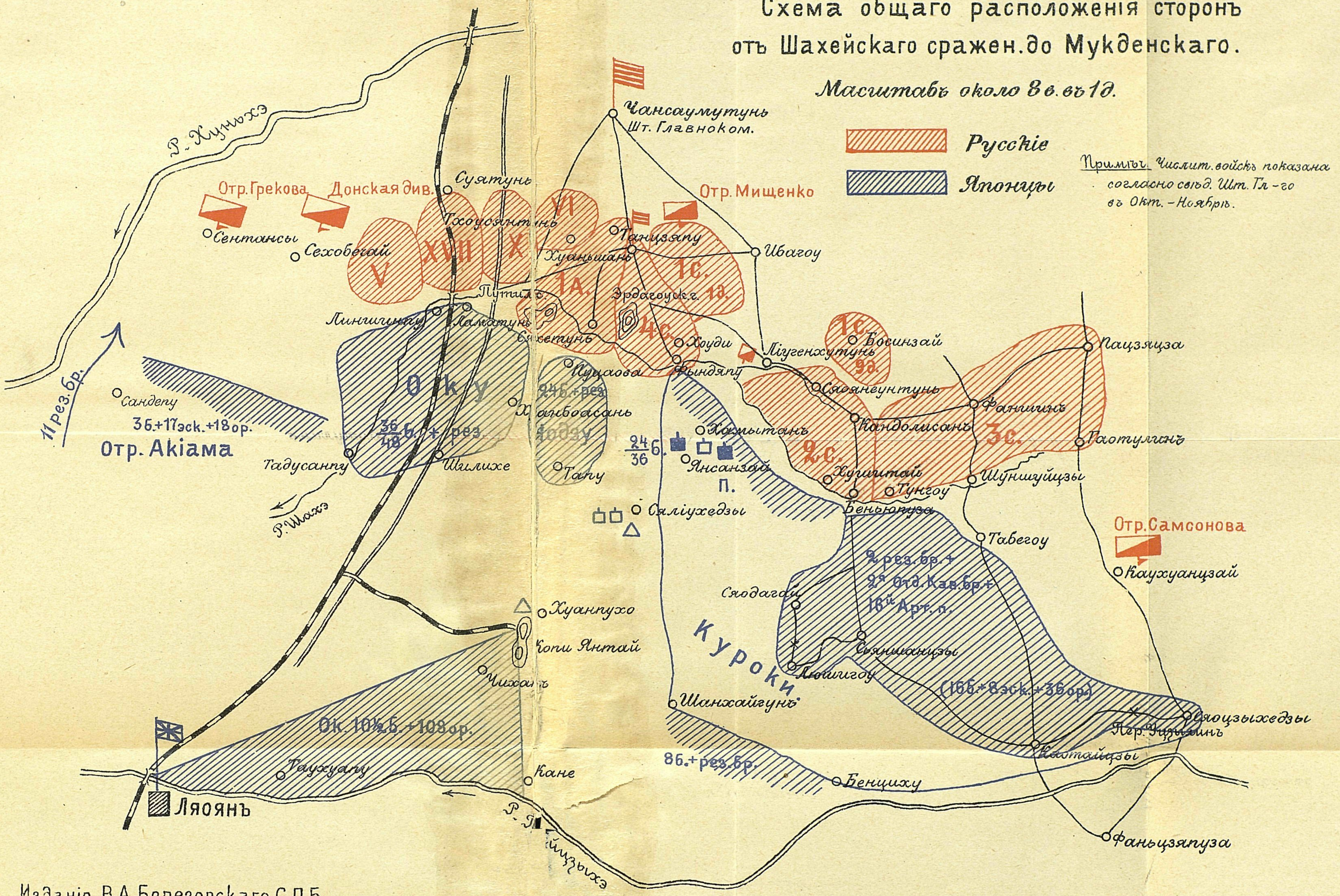

Изданіе В. А. Березовскаго С.П.Б.

Приложенiе къ книгѣ М. Грулева „Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока". ч. 2

Схема общаго расположенiя сторонъ отъ Шахейскаго сражен. до Мукденскаго.

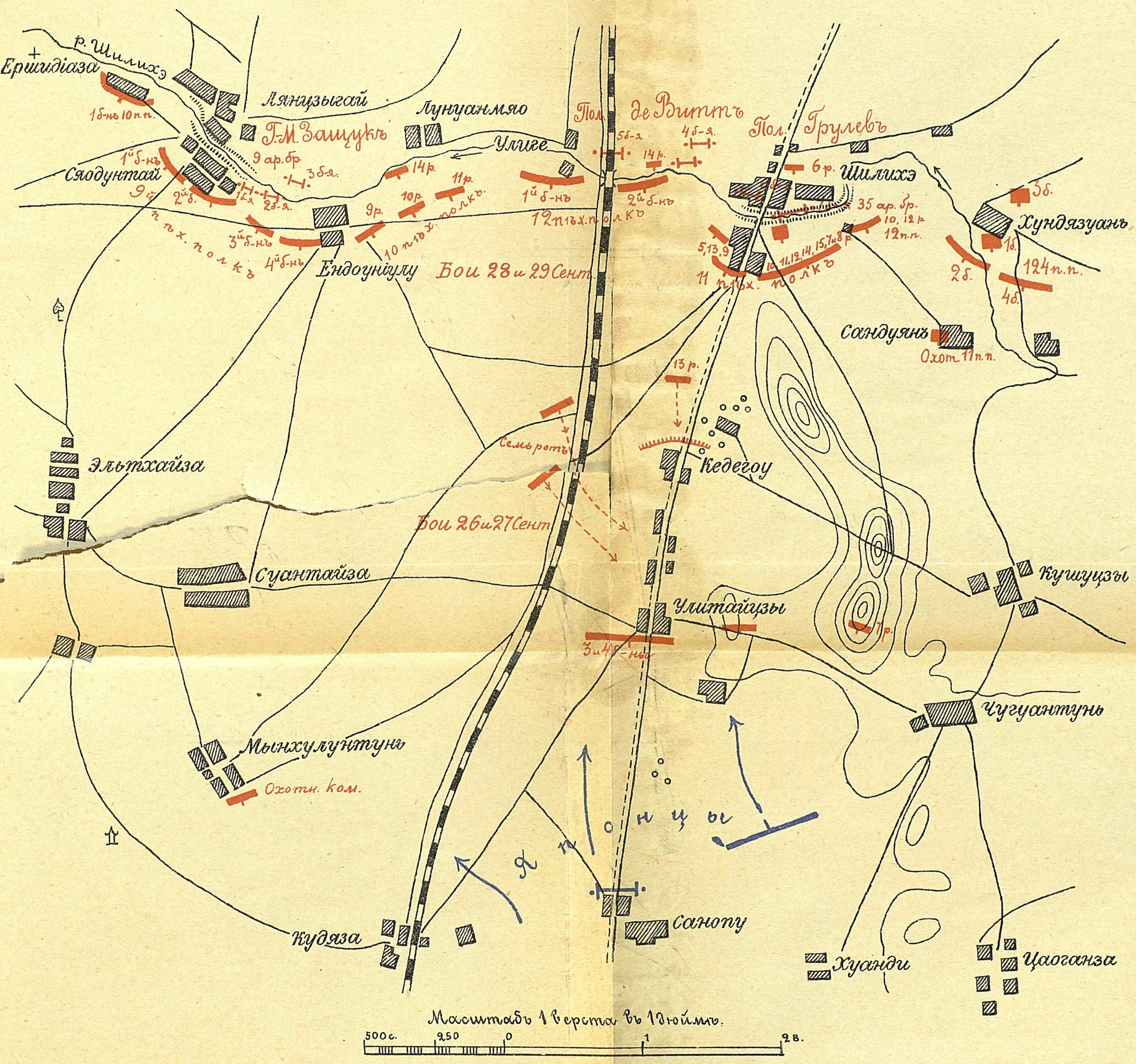
Масштабъ около 8 в. въ 1 д.

Изданiе В. А. Березовскаго. С.П.Б.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ СПБ Звенигородская 11

Схема боевъ Псковскаго полка (и 17го корпуса) 26-29 Сент. на р. Шилихэ.

Изданіе В. А. Березовскаго. С. П. Б.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ. Звенигородская 11

2007096542